

lovefantasyroman.ru

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

Марисса

Мон

Всадники

Александриса - 2

Бессмертный всадник

Лимос сильная, сексуальная и бессмертная. И судьба приготовила ей нелегкие испытания. Она была обещана в невесты самому Сатане, и ее ревнивый жених хочет вернуть ее и удержать. Единственный способ защитить себя и всех вокруг — оставаться одинокой. Но даже Лимос не под силу спастись от тайн, которые она хранит... или сопротивляться обаянию одного оболыстительного и очень храброго человека. Эрику Вагнеру лучше многих известно изречение "Любовь зла". Все же он никогда не думал, что украв поцелуй у Лимос, окажется в Аду. Буквально. Ему понадобится вся его армейская подготовка, чтобы пережить пытки демонов. Но оказавшись на поверхности он узнает, что такое настоящая агония. Смогут ли Лимос и Эрик под угрозой Апокалипсиса, зависшей над человечеством и попытками Сатаны вернуть свою невесту, поддаться медленно разгорающемуся обоюдному желанию? Или, предавшись страсти, они обрушат ад на землю?

Переводчики: natali1875, black_girl, Yogik, navaprecious, silvermoon

Редакторы: natali 1875,navaprecious

Оформление: host

Глава 1

Эрик Вагнер подумал, что должен отдать должное четверем Всадникам Апокалипсиса, те знали как устроить отличную вечеринку.

Ну, трое из них точно знали. Четвертый, чье имя было Ресеф перед тем, как сломалась его Печать, и сейчас более известный как Мор, залег на дно после поражения от рук его братьев Танатоса и Ареса и сестры Лимос месяц назад.

Эта сволочь, без сомнения пополняла ряды своей демонской армии, но пока, все могли вздохнуть с облегчением.

И вот, вечеринка, которая была частично праздником по поводу победы, и частично торжеством в честь обручения Ареса и его невесты Кары. Все пережившие сражение были приглашены в особняк Ареса в Греции.

Арес лично пополнил список приглашенных ребятами из Центральной Больницы Преисподней, которые помогали Каре, когда она умирала. Поэтому, дом был битком набит демонами.

Даже нашлась парочка ангелов, слоняющихся поблизости. Ривер, который, по мнению Эрика был большой шишкой, стоял около шоколадного фонтана, разговаривая со сногшибательной ангельшей по имени Гетель, занимавшей пост Небесного Наблюдателя перед тем, как Риверу поручили эту работу.

У Всадников тоже есть Наблюдатель из Ада — Харвэстэр, но ее не пригласили. Кажется из-за её репутации отъявленной стервы Подземного мира, которая могла сожрать гостей.

Танатос, четвертый всадник, врзался в Эрика, когда бросился за мячом, который кто-то бросил через всю комнату.

— Смотри под ноги, мудака, — проворчал Эрик.

— В чем дело, человечиска? — Танатос бросил ему в плечо мячом, и тот пошатнулся от силы удара. — Больше нравится настольный теннис, это скорость для такого крутого парня, как ты?

Эрик посмотрел на Кинана Моргана, армейского товарища, который сейчас был большой шишкой среди руководства Эгиды — древней организации по истреблению демонов, взглядом, говорившим *"Когда же мы отсюда свалим?"*. Но Кинан был увлечен разговором с Аресом и только поднял палец вверх, прося подождать.

Они планировали задержаться не более чем на десять минут, поскольку Ки рвался домой к жене Джем и их маленькому ребенку. Эрик более чем поддерживал этот план.

Если он пробудет еще, хоть минуту в обществе этих сверхъестественных, напыщенных придурков, он сам себе горло перережет. Ну и, конечно, если Лимос, эта убийственно хорошенькая Всадница увидит, что он раздевает ее взглядом, то сама снесет ему голову.

Она подпадала под описание классической туссовщицы, но под яркими юбками, лаком для ногтей и цветов в волосах, скрывалась женщина, такая же опасная, как и ее братья.

Поскольку никто не обращал на него внимания, то он вышел из дома подышать прохладным ноябрьским воздухом. Ему всегда нравилась Греция, он бывал здесь и раньше, на задании.

Прекрасная еда, отличная погода, и люди, которые не вели себя как засранцы по отношению к Американцам. Конечно, среди греков было много демонов, маскирующихся под людей, но такое случалось в странах с древней историей. Демоны же, были долгожителями или вообще бессмертными, поэтому предпочитали оставаться в местах, что им хорошо знакомы.

Не такие они оказались и смелые. Труссы.

Он развалился на каменной скамье, с видом на море. Эрик чувствовал на себе взгляд маленьких глазенок демонов Рамрилов, охранников Ареса, но проигнорировав их, взглянул на небо. Звезды этой ночью были особенно красивы, мерцая яркими огнями в угольно-черном небе. Эрик поговорил несколько минут с Карой, когда она вышла, чтобы выставить на улицу адского пса-преследователя гостей вечеринки. Его поразило как просто она, человек, влилась в этот сверхъестественный мир. Конечно же, сначала ей трудно было рассказывать о событиях, особенно подпортивших ей нервы — как налажал Арес, забирая ее воспоминания. Эрик убил бы за такое. Но Кара была счастлива, вся из себя королева адских псов, обрученная с легендой.

Говоря о легендах. Эрик почувствовал аромат Лимос, перед тем как увидел ее саму. Сладкое благоухание кокоса, принесенное легким бризом, заставило кровь быстрее бежать по венам.

Раньше его никогда не заводил запах кокоса, но и никогда он не был присущ такой горячей штучке, как эта, с волосами цвета полуночного неба.

— Что ты делаешь?

Ее бархатный женственный голос так не сочетался с твердостью и силой воина, каким она являлась, что Эрик гадал, как же она будет звучать, затащи он ее в постель. Будет ли она мягкой и нежной, или может она любит играть по-жесткому, доминировать, позволяя взять верх своей воинственной сути?

— Вышел подышать.

— Зачем?

Потому, что ты сводишь меня с ума.

— Просто так.

— Хочешь, устроим поединок?

Он удивленно моргнул.

— Что?

Лимос обошла его и стала напротив. Их колени соприкоснулись, ее гавайское цветастое платье, такого же насыщенного фиалкового цвета, как и глаза, закружило вокруг изящных лодыжек, задевая его ботинки.

— Я чувствую, как ты напряжен. Может, выпустишь пар? Небольшая схватка один-на-один, и все как рукой снимет.

Господи Боже мой. Конечно же, она чувствует исходящее от него напряжение, но он никак не хотел проливать кровь. Он хотел секса, и самое странное, он хотел этого с ней.

Она зачаровывала своими противоречиями, провоцировала своим телом, и после того, как он увидел ее ранее вечером, помогающую слугам Ареса прибрать пролитую на пол кухни жидкость, стал ею восхищаться.

Лимос стояла на четвереньках, и мыла пол, при этом чертовски широко улыбаясь.

Эрик, конечно, тоже улыбался. Один ее вид на коленях — и у него мгновенный стояк.

Сейчас же, когда Лимос стояла напротив, он начал твердеть при мысли, что ему стоит лишь протянуть руку и задрать ей платье до бедер, и его глаза окажутся на уровне с самой интимной частью ее тела.

Позволит ли она ему удовлетворить ее языком? Какова она на вкус? Может аромат кокоса, наполняет все части ее тела? Потому что он уже чертовски обожал кокосы.

Каким-то образом он взял себя в руки и отодвинул ее в сторону, освобождая место, чтобы подняться.

— Мне не нужно ничего выпускать, — *кроме своего члена.* — Она наверно убьет его, если узнает, о чем он думает.

Он двинулся к дому, чтобы вытащить Кинана оттуда, силой, если придется. Но, естественно, Лимос было это не по душе. У этих всадников просто зашкаливало чувство собственной важности.

— А ну-ка стой! — Она схватила его за локоть и развернула к себе лицом. — Я позволю тебе ударить первым, — упрасивала она, игриво приподнимая угольно-черные брови.

Эрик наклонился и, посмотрев ей прямо в глаза, произнес:

— Я не бью девчонок.

Это он, конечно, зря сказал. Пол секунды — и его распластали на спине, а, обутая во вьетнамку ножка девушки, давила ему на горло.

— Видишь, — сказала она весело. — Вот поэтому я и предложила бить первым. По крайней мере, в этот раз я не поломала тебе ребра.

— Ух, ты, — прохрипел он. — Ты всех мужиков опускаешь, или я особенный?

Ее чувственные губы расплылись в довольной улыбке.

— О, ты не такой как все, это точно. Но я бы не воспринимала это как комплимент.

— Я могу увидеть, что у тебя под платьем.

Это, конечно же была ложь. Но он понял, что угроза миновала, когда ее глаза расширились, и она начала бессвязно болтать. Эрик обхватил руками лодыжку Лимос, намереваясь приподнять ее ногу, и позволить своим легки свободно дышать, но кожа девушки оказалась такой нежной, что его пальцы замерли в этом положении.

— Что ты делаешь? — С трудом произнесла она.

— Ничего.

Он гладил подушечкой пальца ее ногу, касаясь чувствительной кожи, где лодыжка соединялась с голенью. Ее мышцы были упругими, а кожа гладкой, как шелк. Господи, как же ему хотелось заскользнуть руками вверх по ее бедрам.

Он добился чего хотел — сумел заставить ее врасплох. Далее, шаг номер два...

— Ты, — промурлыкал он, — ВКЯТ

— Кто-кто?

— Всадница, которую я бы трахнул.

Он резко дернул ее за ногу и, в то же время быстро перевернулся, чтобы она при падении приземлилась на него, а не ударилась об песок. Лимос выглядела настолько потрясенной и неверующей, когда он взял верх над ней, что лежала, абсолютно не двигаясь на его груди и молча, смотрела ему в глаза.

Боже, она была просто великолепна. И этот рот... создан, чтобы мужчины умоляли о пощаде. Поэтому он и поцеловал её. Даже не осознавая, что делает, пока его губы не прижались к её.

Он не думал, что Лимос можно чем-то удивить, но ее брови чуть со лба не слезли от изумления. Это бы рассмешило его до слез, если бы он не был занят тем, что пытался принять более удобное положение и углубить поцелуй.

То, что Эрик ничего не делал на половину, было главной чертой его характера. Он мог не понимать, как оказался в этом положении, но попробовав ее мягкие губы на вкус, собирался пойти так далеко, как она ему позволит.

Разделяй и властвуй.

На короткое, сладкое мгновение, она забылась в их поцелуе. Губы Лимос обмякли, а ее язык робко отвечал на его ласки, как будто она не была уверена в том, что делала.

А потом его мир перевернулся.

Лимос отскочила назад, а затем изо всей силы врезала ему по челюсти, причем он был уверен, что она ни капельки не сдерживалась. Боль расплзалась по его лицу, проникая в каждую кость, проходя сквозь каждый зуб.

Вместо ее сладости, теперь он пробовал на вкус свою кровь.

— Какого хрена? — прокричал он... или, постарался закричать. Его слова были нечеткими. И, спасибо разбитым губам, прокушенному языку и сломанной челюсти, прозвучали скорее как "гагого ена".

— Ты меня поцеловал! — с широко раскрытыми глазами она стала отступать так быстро, что растеряла свою обувь. — Что же ты наделал, идиот несчастный? Ты заплатишь за этот поцелуй!

Бля...

Все вокруг начало дрожать, и секундой позже, гигантские руки, покрытые огромными шипами, появились из-под земли. Около дюжины таких лапищ вцепилась в Эрика. Невообразимая боль скрутила его тело, когда ноги и руки, за которые его тянули, были вывихнуты из суставов, разрывая кожу на части.

Сознание помутилось, и он никак не мог пробраться сквозь этот туман. В глазах потемнело, но уши все еще работали, и перед тем как он лишился и этого чувства, он услышал голос Лимос, полный паники и страха. Но то, что она говорила, не имело, ни какого смысла.

— Не произноси мое имя, Эрик! Не важно, что они будут с тобой делать, не произноси

моего имени!

Лимос пребывала в шоковом состоянии. Такой напуганной она не была никогда. И взирая на то, что ей было более пяти тысяч лет, это кое-что да значило.

Ее братья и гости выбежали из дома, с оружием наготове, а потом неожиданно остановились

— Иисус Христос, — крикнул Кинан. — Эрик!

— Лимос, нет! — Танатос прижал ее к себе, удерживая от преследования чудовищ, которые схватили Эрика и тащили его под землю.

— Он поцеловал меня. — Она повторяла эти слова снова и снова, причитая срывающимся, напуганным голосом.

Ничего не говоря, Арес достал небольшой нож и бросил его легким точным движением. Первой мыслью Лимос было остановить его, но клинок уже летел по воздуху, метя Эрику точно в сердце.

Звук летящей стрелы пронзил ночь, и кинжал Ареса разбился на куски. Мор стоял у утеса с луком в руке, его льдисто-голубые глаза блестели в свете луны, а лицо расплывалось в довольной улыбке.

Танатос ринулся вперед, и черная мохнатая тень пробежала мимо их обоих. Не успел Хал, клыкастый защитник Кары, достичь Мора, как тот открыл действующий Хэррогейт и исчез в нем.

Он ушёл, и когда Лимос повернулась к Эрику, то увидела, что тот тоже исчез. Единственным признаком его присутствия, было пятно крови на песке.

— Что, блядь, здесь сейчас произошло? — Кинан со злостью бросился к Аресу. — Ёбаный придурок, ты зачем пытался его убить?

Лимос впала в ступор. Смешно, как несколько мгновений назад она вопила, как ненормальная, а сейчас не могла выдавить из себя ни единого слова. Арес же, не смотря на то, что Кинан обозвал его ёбанным ублюдком, и сжимая его рубашку орал просто в лицо, оставался совсем спокойным.

— Он поцеловал Лимос! — голос Ареса был жестким, как наждачная бумага. Возможно, он не был таким бесстрастным, каким его привыкли считать. — Ей не позволено выказывать предпочтение кому-то из мужчин никаким путем.

Кинан отпустил Ареса и обратил свой убийственный взгляд на Лимос.

— Объясни!

Но слова не хотели вылетать из ее рта. Совсем не хотели. Вечер сменился ночью, и это совсем выбило все мысли из ее головы. Лимос всем сердцем ненавидела эту часть суток, поскольку та очень напоминала Шеул. Как Эрик мог сделать подобное? Как он мог подумать, что имеет право целовать ее, одну из Всадников Апокалипсиса?

— Твою мать, — не сдержался Кинан. — Вы, блядь, ответите мне, или нет?

— Мы говорили тебе, что Лимос обещана Сатане, — ответил Танатос. — Но он не может затащить ее в Шеул, пока ее Печать не сломается, или, она сделает что-то, что заставит его ревновать.

— Ладно, — сказал Кинан. — Парень тот еще ревнивец. Почему тогда она до сих пор здесь, когда Эрик пропал?

— Потому, что все не так просто. Повелитель Преисподней не может заполучить Лимос, пока мужчина, вызвавший ревность, не произнесет ее имя, пребывая в жуткой агонии.

Кинан сглотнул достаточно громко, что даже она услышала.

— Так он еще жив? Где же он?

— В Аду, — прохрипела Лимос. — Эрик в Аду.

Переводчики: navarprecious

Редактор: natali1875

Глава 2

Месяц спустя....

Эрик не знал, как долго пробыл в аду. Время превращалось в бесконечность, чертовски медленно скользило, когда ты был в темноте и непрерывной агонии. И эти ублюдки, демоны, не давали ему умереть. Эрик пытался, но они продолжали его исцелять.

По крайней мере, сейчас его оставили в покое, на несколько украденных мгновений, когда он мог поспать. Сон и мечты стали его единственным удовольствием... даже сны, о женщине, которая отправила его в эту дыру.

Лимос.

Закрыв глаза, Эрик прислонился к холодному камню — блаженство для его израненной, обнаженной кожи. С небольшим усилием, он отстранился от урчания в животе и непрерывной капли воды снаружи клетки, которое вот — вот сведёт его с ума от жажды, поскольку демоны нормировали его воду, а то немного, что он получал обычно, было застойным и отвратительным.

Эрик пытался думать о своей сестре, Руне, и племянниках. Пытался вернуть свои мысли к работе в отделе паранормальных явлений армии США, Полку Смотрителей-Х, также как и вынужденному участию в работе с невоенной организацией по борьбе с демонами, Эгидой.

Пытался обдумать свой план побега... о чём угодно, кроме Лимос, но разум Эрика продолжал возвращаться к черноволосой женщине с фиолетовыми глазами. Она не понравилась ему при первой встрече, главным образом потому, что пнула его задницу, сломала ребра, и угрожала превратить его внутренности в мармелад.

Мармелад... Боже, он так голоден.

Так что, нет, он не был чрезмерно увлечен третьим Всадником Апокалипсиса.

Все еще нет. Из-за нее, его утащили в Шеул — демоническое царство в глубоком подземелье — раздели догола и пытали почти до смерти. Неоднократно. И что странно, все демоны, которые держали его в заключении, хотели, чтобы он произнес ее имя. Ее чертово имя.

Какого. Черта.

Он не сломался, до сих пор. Ну, он ломался, но жуткозлые демоны неизвестных видов, держали неподалеку демона Семинуса, который исцелял Эрика, чтобы тот не умер, и они могли продолжать ломать его кости и срезать кожу.

Они даже пытались лишать его сна, морили голодом, и забирались в голову, заставляя Эрика думать, что он где-то в более приятном месте, чтобы обманом вынудить его произнести ее имя.

Он подвергался всем видам пыток и насилия известным человечеству. И все потому, что какие-то демоны оказались чертовски изобретательными.

Но они не говорили Эрику, почему хотят, чтобы он произнес ее имя. Было так просто назвать его и освободится от мук, но он не мог.

Все важное для злых ублюдков — плохо для человечества. А Лимос была абсолютно непреклонна, когда его утащили сюда и измельчили кожу, словно обработали теркой для сыра. *«Не произноси мое имя, Эрик! Не важно, что они с тобой сделают, не говори моего имени!»*

Верно. Что если ее имя вызовет всемирное землетрясение или сотворит в земле щели, которые освободят всех демонов из Шеула? И дело в том, что Эрик не был уверен, насколько конкретным должен быть, так что он не называл ни одного из имен Лимос.

Ни Ли, ее прозвище, ни Голод, имя которое она получит, когда сломается ее печать.

Логично, что ее имя Голод ибо он был смертельно голоден.

Желудок Эрика заурчал, и он потер свой пресс, думая о Лимос, очень сильно надеясь, что ее печать в безопасности. Он припоминал, что разрушение ее Печати связано с находкой какой-то древней, крошечной чаши с гравировкой в виде весов.

Когда ее найдут, Всадница вынуждена выпить из нее. Пить... он отдал бы свое правое яичко за глоток воды...

Эрик погладил свой сильно впалый живот, понимая, что жажда и голод должны беспокоить его меньше всего, потому что чувак, если ее Печать сломается, люди по настоящему поймут смысл слова ад на земле.

Всадники не были злыми — фактически, они являлись на половину ангелами, наполовину демонами, и постоянно ходили по краю лезвия. Но если их печати сломаются до исполнения библейского пророчества, они обратятся во зло и приведут к Апокалипсису.

Эрик уже почувствовал вкус того, на что это похоже: прежде чем получил пинок под задницу в битве со своими братьями и сестрой, первый Всадник Апокалипсиса, Мор, вызывал смерть и разрушения всюду, где появлялся.

Теперь похитители Эрика утверждали, что Мор перегруппировался, собрал силы и снова пытается разрушить печати своих братьев, так что конец бытия мог вскоре начаться.

Что за мудак.

Камень впился в спину Эрика, и он отодвинулся, только чтобы уколоться во что-то еще... кость неудачливого предыдущего обитателя этой клетки, наверное. Все равно, он не собирался ложиться.

У колючих адских крыс была очаровательная привычка поедать твое лицо, пока ты спишь. По крайней мере, сидя, Эрику удавалось отбиваться от тварей.

Премного благодарен тебе за это, Лимос.

Как к черту, простой поцелуй втянул его в этот беспорядок? Не то чтобы он, насильно навязывал ей себя. Да, он поцеловал ее, и на один чувственный, мучительный удар сердца, она ответила на поцелуй. А потом перевернула все к чертовой матери.

Хотя он не понимал, почему она испугалась, но знал, что Лимос ответственна за каждую пролитую каплю его крови.

Она сказала, что Эрик заплатит за поцелуй, и его похитители подтвердили это, с наслаждением рассказывая как "его возлюбленная" потеряла самоконтроль и привела к его падению, что виной был ее эгоизм и именно из-за нее его пытали.

Они даже предложили ему выход: записать мольбу о помощи для Лимос на диктофон, и

когда она придет спасать его задницу, её схватят, а его отпустят.

— Твоя никчемная человеческая жизнь в обмен на нее. Она займет твое место в цепях. Ты будешь наслаждаться, зная, что она получит по заслугам. Ты же хочешь отомстить?

Чувак, эти демоны читали его словно руководство пользователя к чертовому пистолету. Эрик хотел отмщения, но не так. Он не мог позволить женщине, пусть даже подобной Лимос, страдать от рук этих ублюдков.

Поэтому он отказался от предложения, которое, без сомнений, было ложью. Что привело кувалду к его лодыжкам. Когда Эрик снова отказался, кувалда переместилась на его колени. Очередной отказ принес ему перелом таза, но к счастью, Эрик потерял сознание, и ему больше не пришлось отказываться.

— Ты глупец, — мучитель, с обманчиво классным английским акцентом, сказал ему позже. — Ты умрешь здесь, и виной всему Лимос.

Эрик полностью осознавал этот факт. Но знание не мешало ему мечтать о них двоих... обнаженных. Иногда они были на пляже, блестящие от масла для загара, и он двигался внутри нее. Иногда, он только целовал ей руку и смотрел в ее экзотические глаза.

В другой раз, он прижимал её к стене или брал сзади, пока она держалась за пальму.

Его любимым эротическим сном был тот, где Лимос лежала на спине в морском прибое, а он, опустившись на колени между ее ног, вылизывал ее влажный жар и смаковал тропический коктейль из соленой воды и ее сущности.

Она всегда пахла кокосами и ананасами.

Чувак, да ты голоден.

И о чем это говорило? Верно. Мечь это блюдо, которое надо подавать холодным...

Лимос не была в хорошем настроении. В сущности, она неделями находилась в плохом настроении. Но она притворялась, что по настоящему счастлива, и сейчас зарабатывала номинацию на Оскар.

Гавайское солнце припекало, когда Лимос покачивая бедрами в такт последнего хита Maroon 5, перевела взгляд на высокого, темноволосого мужчину, уместившегося за портативным баром, который она установила для своих пляжных вечеринок.

Мужчина впился в нее голодным взглядом, потягивая коктейль маргариту, и когда невзначай поправил свой член в черных шортах, Лимос поняла, что заполучила его.

Медленно и вызывающе, она направилась к нему, привнося дополнительное покачивание в каждый шаг. Босые ступни вязли в горячем песке, добавляя работы ее ногам, и Лимос знала, что мужчина оценивал каждое движение ее сильных мышц.

Ярко-розовая струящаяся мини-юбка привлекла его внимание, и взгляд мужчины потемнел, когда ветер задрал её, показывая, очень ясно, что Лимос не одела трусики.

Следующим объектом его пристального изучения стал плоский живот Лимос, украшенный пирсингом в виде золотого колечка, и она наблюдала, как глаза демона медленно переместились к верху бикини, которое прикрывало примерно столько же плоти, как и две полоски пластыря.

На ее лопатке, чаша весов, тату сделанное, когда ей было всего несколько часов от роду, начала колебаться то вправо, сторону зла, то влево сторону, измеряющую добрую ее половину.

В нескольких шагах от мужчины, Лимос улыбнулась, бросила вызывающий взгляд, и медленно поднялась по ступенькам в свой пляжный дом. Из двух ее домов, этот был публичным, и она использовала его для вечеринок, которые посещали люди — как местные, так и знаменитости, что специально прилетали на ее знатные приемы.

Но эта тусовка была небольшой, на ней присутствовали только несколько десятков Тертацео. Лимос намеренно пригласила демонов, которые легко могли сойти за людей, чтобы заманить этого конкретного мужчину.

Он был осторожен, слишком параноидален, и если бы она пригласила его напрямую, он бы не пришел.

Вместо этого, она подбирала своих гостей с хирургической точностью — его друзья, демоны со специфическим вкусом, которые практически гарантировали, что его привлечет сюда обещание красочного и гротескного веселья после наступления ночи.

Он в точности знал, кем она являлась, но никоим образом не мог узнать чего от него хотела. И никак не мог знать, что информатор Танатоса сдал его как одного из мучителей Эрика.

Лимос скользнула в дом, поднялась по лестнице в спальню и улыбнулась, когда услышала тихий щелчок двери за спиной. На самом верху лестницы, она развязала свой топ и бросила через плечо, оставив для мужчины соблазнительный след, за которым надо последовать.

В спальне она повернула плетеное кресло, так чтобы можно было наблюдать за катающимися серферами и ждать прихода "Риса". Его демоническое имя, Ксеникотилестиранзакис, было... м-да. Поэтому она предпочитала его человеческое имя.

Он заполнил дверной проем, и сексуальная угроза ринулась на нее словно смертоносная волна-убийца. В человеческом мире Рис был каким-то скупщиком компаний. Но в мире демонов, слыл мастером изошрѐнных пыток, это хобби, он применял и в отношениях с женщинами, и Лимос задавалась вопросом, сколько пропавших проституток с ним связаны.

— Что за игру ты затеяла, Всадница? — его глубокий голос с английским акцентом был вишенкой на его сексуальном пломбире, и Лимос вспомнила, как столетия назад была страстно в него влюблена.

Но демон знал, что она обручена с Темным Лордом, и не был настолько глуп, чтобы последовать за ней. Она уж точно не была глупа, и никогда не была настолько глупа.

Прежде чем встретила Эрика.

Проклятый человечиска. Как он осмелился ее соблазнить? Как он посмел поцеловать ее и заставить его желать?

Поцелуй обрек их обоих.

Теперь Лимос вступила в гонку со временем, пытаясь спасти его, прежде чем он предрешит судьбу, от которой она бежала тысячи лет... брака.

Существовала ещё надоедливая печать — ломающая судьбы, с ней она разберѐтся позже, а пока сосредоточится на наиболее неотложной проблеме — поиске Эрика.

— О, я не играю, — промурлыкала она, пробежавшись ногтями, покрытыми фиолетовым лаком, по спинке кресла. — Я уверена, ты слышал, что я поддалась похоти и отдала свою любовь человеку.

Выражение лица Риса не изменилось.

— Слышал.

— Ну, значит, пока он не произнесет мое имя в муках агонии, я могу наслаждаться всем

чего захочу.

Боже, она надеялась, что Эрик сможет выдержать все пытки, приготовленные для него демонами, которые его удерживали. Поток восхищения согрел ее изнутри, потому что Лимос не знала, смогла ли бы она пережить месяц пыток, а Эрик был всего лишь хрупким человеком.

Лимос всегда ощущала в нем силу — одна из вещей, которая влекла ее к нему, помимо его чувства юмора — но она никогда не догадывалась о глубине этой силы.

— И под наслаждаться, ты имеешь в виду... — Рис затих, подкравшись к ней, его обнажённая грудь, щедро смазанная маслом и блестящая, привлекла взгляд Лимос.

Большинство женщин задрало бы юбки прямо сейчас. У Лимос были другие планы, и Кости — адский жеребец, который в настоящее время украшал ее правое предплечье похожим на татуировку глифом, съезжился в ожидании.

— Я имею в виду, что однажды Эрик сломается, и я застряну в спальне с одним и тем же демоном до скончания времен. Так что либо играть сейчас, либо никогда.

— Почему-то, — небрежно сказал Рис, — я не могу представить, что Темный Лорд будет рад, если ты придешь к нему менее чем нетронутой.

Лимос невинно моргнула.

— Нетронутой? Конечно, я собираюсь придти к нему девственной. — Душистый океанский ветерок пронесся сквозь комнату, лаская кожу Лимос, и наслаждаясь этим, она погладила пальцами свой сосок. — Но я могу сделать все остальное. Не думаешь ли ты, что он хорошо тебя вознаградит, если я приду к нему со знанием как использовать свой рот?

Лимос почти подавилась от этой мысли, и не только потому, что идея отсосать дьявольский член ужасала ее. Она никогда не желала сделать это ни для одного мужчины. Женщины, которые утверждали, что им это нравится — лгали.

Рис шагнул ближе.

— Ну, я не уверен.

— О-о, ну давай, — умасливала она. — Это не больше, чем невинные прикосновения. — И прежде чем он смог воспротивиться, Лимос схватила его за плечи, повернула и усадила в кресло. Потом, она оседлала его бедра, располагаясь лицом к нему, и распластала пальцы на его обнажённой груди. — Прикоснись ко мне.

На долгое, мучительное мгновение, она решила, что Рис сбросит ее на её же задницу. Демон опустил руки на ее бедра и сжал так сильно, что человеческая женщина завизжала бы от боли. Но Лимос не была человеком, и промолчала.

— Если мы это сделаем, — сказал он смертельно холодным тоном, — ты будешь делать то, что я скажу. Мои правила. Ясно?

Она изобразила широкие и испуганные глаза.

— Д-да. — Для лучшего вида она даже заставила свою нижнюю губу задрожать. Мэрил Стрип, ты не настолько хороша как я.

Улыбка Риса была чистым злорадством, кое-что, что она научилась ценить за те двадцать восемь лет, что провела в Шеуле, воспитываемая под каблуком, злой демоницы-матери. Если бы Лимос все еще была тем человеком, она бы уже тяжело дышала прямо сейчас.

— Хорошо. — Он взял ее правую руку в свои ладони и проследил пальцем черные линии, что образовали татуировку лошади на ее предплечье. Лимос чувствовала его прикосновение и в соответствующих частях своего тела, и возненавидела его. Кости также

это не понравилось, и никогда не нравилось, когда к нему прикасался кто-то кроме нее, и он ожил на ее коже, злобно щелкнув острыми зубами. Рис отдернул руку в сторону, но не достаточно быстро. На кончике его пальца образовалась крошечная капля крови. — Ублюдок.

— Он немного темпераментный. — Это было преуменьшением. Из всех лошадей ее братьев, Кости был наиболее... уникальным.

Первый жеребец Лимос, нормальный боевой конь, как и у ее братьев, был убит, и ее жених прислал Кости в качестве подарка, который она не могла отклонить.

Теперь она была связана с плотоядным адским жеребцом, и хотя он вырос на ней, Лимос не вызывала его без крайней необходимости.

Им слишком сложно было управлять, и он ненавидел всех, включая, время от времени, саму Лимос. Ну, ему нравилась жена Ареса, Кара, но только потому, что она спасла ему жизнь.

Рука Риса скользнула под юбку Лимос, и по ней прокатилась смесь отвращения и предвкушения. Она мечтала, о руках Эрика делающих то же самое. Ее фантазии, когда она удовлетворяла себя ночью в постели, все были с участием Эрика.

Также, они были связаны с ее поясом верности — который был причиной тому, что ее мысли оставались только фантазией.

Только один человек мог снять изысканную, жемчужную цепь, что обвивала ее бедра, скользила между ног, и соединялась спереди и сзади на изгибе бедра. По правде говоря, это было красивое, бесценное украшение, которое могло заставить Лимос чувствовать себя очень сексуальной, если бы не его противный маленький секрет.

Руки Риса переместились выше, Лимос издала притворный стон, изогнулась так, что ее грудь соприкоснулась с его телом, и она смогла незаметно скользнуть рукой вокруг спинки кресла, где был приклеен кинжал.

— Ты ненасытная маленькая шлюшка, не так ли? — пробормотал он.

— Мне нужно многому научиться, прежде чем я займу свое место возле мужа. — Лимос прикусила мочку его уха, желая, чтобы на месте демона был Эрик. — Может у тебя есть друзья, которые могут к нам присоединиться?

— Когда я закончу с тобой, пожалуй.

Отвратительная адская свинья.

— Поторопись.

Демон сильно хлопнул ее по заднице.

— Что я говорил? Мои правила.

Иисусе, он ударил сильно. Попа саднила как сукин сын, но это не имело бы значения, если бы каким-то образом он умудрился не прикоснуться к ее жемчужинам целомудрия.

— Извини.

— Еще нет, но скоро.

Что за кретин. Лимос задержала дыхание, борясь с дрожью от его прикосновений. Она предпочла бы змею, ползущую под юбкой.

Рис сминал ее попку, впиваясь пальцами в чувствительную плоть. Лимос схватила рукоять кинжала.

Звук учащенного дыхания наполнил комнату, когда мужчина скользнул ладонями вокруг, а его пальцы углубились между бедер девушки.

Последовала пауза, словно он пытался решить в самом ли деле он хочет продолжать.

Пожалуйста, пожалуйста, немного дальше. Лимос качнула бедрами, надеясь, что Рис воспримет это как признак отчаяния и сексуального возбуждения, а не нетерпения.

— Шлюха, — прошептал он.

Мудак, подумала она.

Рис подвинул руку, чтобы обхватить самую интимную часть ее тела, и наконец-то, защита ее целомудрия взбрыкнула. Каждая жемчужина превратилась в бритвенно — острые шипы, которые впились в кожу Лимос в самую нежную плоть.

Мучительная агония взорвалась в ней, но каким-то чудом, Лимос не издала, ни звука. Не было нужды. В любом случае, крики Риса поглотили бы её.

Хлынула кровь — ее, но по большей части его, когда три отрубленных пальца демона упали, на пол. Потрясающе. Вид демонов, к которому принадлежал Рис, был одним из тех, кого дьявольски сложно ранить, и слабли они только когда теряли части своих тел.

В болезненной спешке, Лимос швырнула его на пол и прижала кончик кинжала к его глазу.

— Ладно, придурок. Скажи мне то, что я хочу знать, или же потеряешь не только свои пальцы.

— Сука. — Ярость очернила голос демона. — Ты блять, членососка!

Лимос вонзила лезвие в глаз Риса. Ей не хватало терпения, особенно когда половые органы болели настолько сильно. Шпоры на губах и бедрах снова превратились в жемчужины, но, несмотря на её быстрое исцеление, раны еще не зажили.

Демон снова закричал, кровь и глазная жидкость брызнули из разрушенной глазной впадины. Лимос переместила кинжал ко второму глазу.

— Мои правила, — сказала она, посмеиваясь над ним. — И мои правила начнутся с того, что ты больше не будешь называть меня блядью, членосоской или еще как-то отвратительно и неуважительно. — Лимос сжала бедра, ломая ребра демона. Однажды она сделала так с Эриком. Бедный парень. — Чувствуешь меня?

— Да, — вздохнул он.

— Хорошо. Потому что, привет, я легенда. И заслуживаю немного благоговения. А теперь, скажи мне, где они держат Эрика.

— Не знаю.

— Ц-ц-ц. — Лимос сильнее сжала бедра, наслаждаясь хрустом и дроблением костей пока демон орал от боли. — Я знаю, ты один из его мучителей. Так что давай попытаемся снова, если только, ты не решил обзавестись собакой-поводырем. Где он?

— Сколько бы я ни боялся твоего гнева, твоего супруга я боюсь больше. Если я прошепчу хоть слово, то не успею сделать и шагу за ворота ада, как меня разорвут на части.

— Посмотри на пальцы на моем полу. Я уже рву тебя на части. — Лимос проколола кожу под целым глазом демона, пока не выступила кровь. — Где. Эрик?

Демон засмеялся и по спине Лимос пополз холодок.

— Если бы человечиска только знал, насколько отчаянно ты хочешь его найти, он мог бы принять мое предложение.

— Что за предложение?

Рис презрительно усмехнулся.

— Человеческий червь отказался от обмена. Тебя на него. Даже после того, как я раздробил нижнюю часть его тела кувалдой, он не согласился.

Лимос едва ли могла дышать от ярости. И шока. Эрику предложили выход, но он не

принял его, так? Он защищал Лимос, хотя не был с ней никак связан? Кто бы так поступил? И зачем?

— Ты не смог бы меня взять, не говоря уже о том, чтобы удержать.

— Мы бы устроили ловушку, и сам Темный Лорд поймал бы тебя, ибо да, ты права. Мы не можем удержать тебя и пытаться. Но человек этого не знал, И все, же не пошел на сделку. И поэтому человеческая раса проиграет в Апокалипсисе. Они сентиментальны. Слабые. Жалкие.

— Слабый? — взорвалась Лимос. — Он не поиграл с тобой в мяч, после того как ты раздробил ему ноги, и ты называешь его слабым? — Она полоснула лезвием по щеке демона, разрезав ее до зубов. — Где он?

Рис зашипел, разбрызгивая кровь.

— Это не имеет значения, Всадница. Действительно.

— И почему же? — вымучено спросила она.

— Потому что, если он до сих пор не сломался, то уже не сломается. Приказ пришел сверху. Завтра его казнят. Через двадцать четыре часа он умрет. — Демон усмехнулся. — Этой чести удостоили меня.

— Неверный ответ, придурок. — Лимос вонзила кинжал в целый глаз Риса, провернула и направила лезвия прямо в его мозг. Демон взбрыкнул, его тело бесконтрольно подёргивалось. — Это за Эрика.

Лимос вскочила на ноги, яростно осмысливая произошедшее

Врата ада. У Лимос перехватило дыхание, когда туман ее ярости пронзило вскользь упомянутое Рисом название. Хотя об этом знало всего несколько человек, на земле было шесть адских врат, проходов через которые люди могли войти в Шеул — обычно их туда тащили демоны. Мог ли Эрик быть возле одного из них?

Боже, она надеялась на это, потому что сейчас, ей больше ничего не оставалось. И ей надо поспешить, если Рис прав, Эрику осталось жить всего несколько часов.

Точнее три.

Переводчики: silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 3

Кинану Моргану чертовски нравилось бессмертие. Да, из-за этого он нес огромный вес на своих плечах, в виде кристаллического кулона на шее.

Но бессмертие имело прямое отношение к этому маленькому кусочку Небес — в прямом смысле, Небес. Учитывая выбор, он принял бы то же самое решение, и стал бы зачарованным ангелами защитником кулона.

И сегодня, разглядывая с полдюжины раненных демонов, распластавшихся на полу подземного паба в Лас-Вегасе, куда он и его новый соратник Старейшина Эгиды, Декер, их заманили, Ки был более чем благодарен за талисман.

Серо-зеленые ублюдочные рептилии не могли и пальцем к нему прикоснуться, что было просто прекрасно, учитывая, что их пальцы были покрыты липкой кислотной субстанцией, которая приклеивала их к тебе словно суперклей, пока эти твари растворяли твою плоть.

Сейчас Декер снимал свои армейские черные штаны, к которым прилипла рука одного

из этих созданий. Только рука... поскольку Декер ампутировал ее у демона своим кабаром.

— Вот блядь! — Штаны Декера замотались за ботинок, и он, неуклюже дергаясь, постарался их стащить. — Твою... мать, какие же демоны отвратительные твари.

Он отбросил штаны в сторону, и его передернуло от омерзения.

Бармен-вампир, один из нескольких оставшихся в клубе, после того, как завязалась драка, засмеялся, но быстро заткнулся, когда Декер продемонстрировал ему деревянный кол.

— Я просто рад, что ты не из тех парней, которые не надевают нижнее белье. — Кинан содрогнулся, когда увидел боксеры Декерсы от Дейла Энхардта младшего. — Хотя то, что ты носишь не намного лучше.

Декер вытащил меч Эгиды с прикрепленного к спине чехла и отрубил голову одному из демонов.

— Ну не всем из нас досталось столько силы, что хоть жопой ешь!

Учитывая техасский гнусавый говор, его слова прозвучали просто смешно, но Ки решил не утруждаться комментариями, и просто наблюдал за Декером, отсекающим демонские головы и заносящим меч над последним выжившим.

Когда тварь потянулась к его ноге, Кинан использовал новый арбалет Эгиды, модифицированный для использования одной рукой, чтобы пригвоздить ладони демона к пропитанному кровью деревянному полу.

— Спасибо, приятель, — сказал Декер.

Декер никогда не называл Кинана приятелем до того, как пропал Эрик. И напоминание того, с какой целью они находились здесь, вывело его из терпения. Рыча, он опустился на колени около демона и прижал к его горлу двусторонний S-образный кинжал.

— Где держат человека? — спросил он.

Демон закатил свои ящериные глаза, чтобы встретить взгляд Ки.

— Откуда... мне... знать?

— Потому что ты и твои чешуйчатые друзья делали ставки на то, как долго он продержится.

— Негодяи, — прошипел демон. — Мы... как ты их называешь... букмекеры? Мы кое-что слышим.

— Вы больше чем просто слышите. — Кинан использовал кончик своего кинжала и наколот демонического клеща, размером с проклятый квартал, что забрался под чешую человеко-ящерицы. — Вы, также принимаете человеческую форму и проникаете в игорный бизнес людей.

Разрушение Печати Мора нарушило хрупкий баланс между добром и злом, который долгое время держал худших из демонов в узде.

Теперь подонки, подобные этим демонам, когда-то уже низвергнутые в глубины ада, убегали и пробивали себе путь в мир людей, где начинали мстить, напрямую — убивая и калеча, или пассивно — излучая зло как "грязные" бомбы.[1]

Люди, чьи души были истинно чисты, испытывали только легкое влияние адских бомб, но злые люди и те, что сохраняли нейтралитет, становились опьянённые насилием и одержимы злыми мыслями... хаос начинал царствовать на улицах.

В частности, эти демоны распространяли азартные игры, словно один из мерзких вирусов Мора. Не только организованная преступность возросла в разы, но и ставки увеличились.

Ничего не осталось в закромах, даже в солидных заведениях. Деньги, наркотики, дети,

человеческие органы... все использовалось как валюта.

Человеко-ящер не раскаивался.

— Люди тупые слепцы. Мы не можем нести ответственность за их слабости.

Ки зарычал.

— Где. Эрик?

Нос демона, две черные полости на лице, задергался.

— Мы не знаем, где его держат.

Кинан отбросил кинжал и впился голыми руками в горло демона.

— Послушай меня, ты чертов ползучий урод. Либо ты заговоришь, либо я превращу тебя в пару ботинок и пояс. А потом выслежу каждого члена твоей семьи и сделаю то же самое. Усек?

Декер зажег спичку и прикоснулся ею к кончику крошечной капсулы, малоприятному оружию Полка Смотрителей-Х, которое помещалось на демона, где оно медленно выжигало свой путь внутрь плоти.

Вещичка вызывала мучительную агонию пока проходила сквозь тело жертвы, а ее раскаленная добела оболочка прижигала рану, предотвращая общее обескровливание.

Страх замерцал в желтых глазах демона.

— Я не знаю, — быстро проговорил он. — Это правда, убийца.

— Тогда слухи. Наверняка, ты их слышал.

— Иблис[2]... земли пыток недалеко от Чистилища Шеула, — ответил Слистак, используя одно из многих имен большого плохого демона, которого мусульмане называют Сатаной. — Но говорят, человека отдали в руки экспертам.

На пытки Эрика заключили контракт? Засранцы.

— И где эти эксперты держат человека?

— У них много камер. Все они расположены возле адских врат.

— Которых их них?

Демон ничего не ответил. Ки сжал его горло, а Декер присел на корточки, держа капсулу над промежностью человеко-ящерицы.

— Которые.

— Эрта Але[3], — прохрипел демон. — По слухам... Эрта Але.

— Разве это не вулкан в Эфиопии? — Декер бросил капсулу на пол и раздавил ботинком.

Ки кивнул.

— Я поищу его. Мне нужно вернуться обратно в штаб квартиру Полка Смотрителей-Х в Вашингтон. Ты должен убедить Полк Смотрителей-Х поторопится с тем оружием, которое они нам обещали.

Полк Смотрителей-Х и Эгида работали над оружием, которое могло выпустить дозу слюны адских гончих в Всадника — в частности, в Мора. Но Ки не постесняется использовать его на любом Всаднике, который станет плохим.

— Полк Смотрителей-Х делает все возможное. — В голосе Декера явно слышалась оборонительная позиция, когда он отрубил голову человеко-ящера с немного большей силой, чем требовалось.

— Полк Смотрителей-Х делает все возможное, и при этом чрезмерно осторожен. — Кинан знал, потому что сам когда-то состоял в секретном армейском подразделении, Полка Смотрителей-Х, еще, когда был военным медиком, и подвергся нападению демона. Демон

почти вырвал ему горло, оставив шрамы и с голосом, звучащим так, словно Ки жевал гравий.

Декер сжал рот в суровую линию.

— Полк Смотрителей-Х работает с необходимой осторожностью, и ты это знаешь. Кто-то должен уравнивать тенденцию Эгиды сперва действовать, а потом уже думать.

Декер прав, но Кинан уже был на взводе, как и отношения между Эгидой и Полком Смотрителей-Х. В течение многих лет, они были союзниками, помогали друг другу в работе и обменивались информацией, но когда Печать Мора сломалась, отношения дали сбой.

Военные призывали к осторожности и до сих пор пытались скрыть растущую угрозу, в то время как Эгида окунулась в оружейную горячку и верила, что наступило время людям узнать о существовании демонов и грядущем Апокалипсисе.

Разница в отношении к делу вызвала раскол между двумя организациями, и, будучи в команде обоих, Декер разрывался между ними.

Кинан часто задавался вопросом, не сожалел ли Декер о том, что согласился стать Старейшиной три недели назад. Неслыханный шаг, ввести постороннее лицо в самую верхушку Эгиды, но они хотели иметь на борту военных, столько, сколько смогут.

— Знаю. — Кинан поднялся на ноги. — Но они должны делать больше, чтобы помочь нам найти Эрика.

— Я так же сильно, как и ты, хочу найти Эрика. — Декер начисто вытер лезвие об одежду мертвого демона, порывистыми, раздражительными движениями. — Но военные не могут задействовать все свои ресурсы. Они... мы... заняты, попытками предотвратить долбаную чуму Мора и пресечь мятежи демонов. Так что не надо мне заливать, что мы сидим и ничего не делаем.

Ки посмотрел на Декера, так словно хотел вывести это маленькое разногласие на следующий уровень, но фиг с ним. Их команды могли соперничать, но они играли на одном поле. И им нужно побережь свою кровь для сражений с демонами.

— Пошли, — сказал Ки, хлопнув Дека по плечу. — Давай вернемся в Вашингтон.

После всего, он не исключал, что найдёт Всадников у вулкана, чувствуя, что самое пекло ещё впереди. Адское пекло.

— Хочешь воды?

Черт да, Эрик хотел воды. Что за идиотизм задавать подобный вопрос? Его горло слишком иссохло и опухло для разговоров, так что он просто кивнул Тавину, светловолосому демону Семинусу, нанятого катами для его исцеления.

Тавин нахмурился и сжал плечо Эрика правой рукой, отмеченной до самого горла родовым знаком, как и все демоны Семинусы. Очевидно, это история их отцов, а самый верхний символ был индивидуальным для каждого демона.

У Тавина им оказался какой-то червь. Представляю, как долго над ним издевались другие Семинусы, у которых были картинки покруче, типа оружия, солнечных часов или молний.

Отстойно оказаться на месте Тавина.

Хотя на месте Эрика еще отстойнее.

Демон направил свой целительный дар в тело Эрика уже второй раз за последние десять минут. В первый раз — чтобы исцелить Эрику сломанные лодыжки, растерзанную селезенку

и свежевание, от чего кишечник торчал из его пупка.

Эрик, в самом деле, чертовски ненавидел демонов.

Он был абсолютно согласен с этим выражением еще до того, как его замучили до грани безумия, но слово "ненависть" больше не отражало его сути. Английскому языку нужно новое слово, чтобы описать то, что Эрик чувствовал к демонам сейчас.

И все же, он считал Тавина нормальным парнем как для демона. Семинус не был слишком дружелюбен, но он давал Эрику больше воды, чем когда-либо его похитители, и всегда приносил пару потертых черных штанов, когда Эрик просил — чтобы заменить те, которые уничтожали демоны во время пыток.

Тавин даже представил похитителям аргумент; одежда защитит кожу Эрика от инфекции, которая может его убить.

И, если Эрик правильно разыграет свои карты, штаны помогут ему выбраться из этой адской дыры.

Жаркая волна прокатилась по его телу — побочный эффект исцеляющей силы Семинуса, которая позволяла демонам снова и снова возобновлять пытки, воздействовать на функциональность его тела, либо же играть с его сознанием и сводить с ума.

Через несколько минут энергия, исходящая от Тавина, заживила поврежденные ткани и привела горло Эрика в рабочее состояние. Оно все еще ныло — у него, черт подери, все тело ныло, — но теперь, по крайней мере, боль была вполне сносной.

— Спасибо. — Эрик потер шею, проводя пальцами по новым шрамам. Демон довольно-таки хорошо делал свою работу, и даже смог исправить его психическое состояние — ужасные воспоминания пыток начинали стираться из памяти. Как бывало всегда, после того, как Тавин заканчивал свое лечение, Эрик почувствовал себя опять целым, не только физически, но и морально.

— Ты подправил мой разум, не так ли?

Выражение лица Тавина осталось абсолютно пустым.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Чушь собачья. Я уже давно должен был превратиться в овощ. Блядь, после их пыток я нахожусь в таком состоянии, что даже имя свое вспомнить не могу. Но после того, что ты делаешь... я не знаю. Но ты точно что-то исправляешь. — Эрик прищурил глаза, — и не ври мне. Я ненавижу чертовых врунов, и ты очень даже ничего, для демона. Не разочаровывай меня.

На минуту Тавин заколебался... две... три... и жалкий стон какого-то создания поблизости, казалось, разрушил цепи, сдерживающие его молчание.

— Демоны-Семинусы обладают только одной силой из трех возможных. — Его оживленный тон дал понять, что разговор окончен, и он протянул Эрику глиняную чашу, в которой на дне было несколько чайных ложек жидкости, похожей на воду из лужи.

На вкус напоминало заплесневелую мочу, хотя, скорее всего это она и была. Но жидкость была мокрой, а он научился брать все, что ему давали.

Ну, не все. Иногда демоны соблазняли его пышными кусками пирога или толстыми, сочными, запеченными на углях стейками, или холодными бокалами пива.

Но он научился никогда, в никоём случае, не брать того, что они предлагали, и неважно насколько его рот наполнялся слюной, а желудок болел от голода.

Такие предложения гарантировали использование раскаленных прутьев в местах, не предназначенных для того, чтобы иметь дело с расплавленным железом.

В зеленых глазах Тавина блеснуло сострадание. *Насколько же дерьмовые твои дела, если демон жалеет твою несчастную задницу?*

— Ты знаешь, почему они хотят выбить из меня имя Всадницы, Тав?

— Нет. — Горечь изменила его всегда такой ровный голос, — меня наняли только помогать с лечением.

— Почему ты взялся за работу?

Тавин забрал чашу из рук Эрика и спрятал в сумку с медицинскими принадлежностями.

— У меня не было выбора.

— Всегда есть выбор.

— Только не тогда, когда ты наемник, связанный контрактом.

— Наемник, да? — Заржавевшие шестеренки в мозгах Эрика начали медленно вращаться. — Возможно, ты знаком с парой Семинусов-полукровок Син и Лором? Они, как бы, мои дальние родственники.

— Не так давно они так же были наемниками.

Лор сейчас занимал должность главного патологоанатома Центральной Больницы Преисподней, а Син работала в ее инфекционном отделении, поскольку ее Семинуский дар мутировал и дал ей уникальную возможность вызывать болезни. В общем, существовала возможность, что она сможет узнать, как уничтожать таковые.

Тавин потянулся к своей медицинской сумке и достал тюбик мази.

— Я обычно работал с ними.

Вспыхнул слабый маленький огонек надежды.

— Можешь передать им сообщение?

— Нет, пока не стану ненужным демонам, которые меня наняли.

К тому времени, Эрик вероятно уже будет мертв.

— Ну, давай... Полк Смотрителей-Х и Эгида хорошо заплатят, если ты это сделаешь. — Эрик не мог поверить, что пытается договориться с демоном. Хотя, это ведь не впервые. По крайней мере, в этом случае на кону не его душа.

Всего лишь его жизнь.

— Я не могу рисковать.

— Раз уж ты убийца, то должен быть скользким и дерьмовым.

— Я такой. Но ответ все равно нет. — Демон размазал лекарство тонким слоем по ссадинам на груди Эрика. Целительная способность Тавина всегда увядала, прежде чем он мог залечить все мелкие повреждения. — Если я предам этот контракт, то меня ждёт чрезвычайно долгая, мучительная смерть, а возможно и вечные муки.

— Что-то на подобии моей теперешней ситуации? — пробормотал Эрик.

— По большей части.

Эрик сверкнул взглядом.

— Ладно, если ты убийца, зачем тогда исцеляешь меня?

— Твои похитители заплатили чертову кучу денег за мои услуги, будь то убийство или исцеление.

— Значит, ты убьешь меня, если они тебя об этом попросят?

— Ага.

Мило.

— Послушай, если ты передашь сообщение... — Эрик замолчал, когда услышал шум шагов.

Тавин отошел в сторону, когда у двери камеры остановились два уродливых ублюдка. Когти, длиною в шесть дюймов, обернулись вокруг стальных брусьев. Пульс Эрика пустился вскачь. Он никогда не знал, пришли демоны пытаться, кормить или просто над ним поиздеваться.

— Человеческая мерзость, — сказал тот, что повыше, с клыков, торчащих из его нижней челюсти, капала слюна. — Мы пришли обсудить твою последнюю трапезу.

Ну, это не кончится хорошо. Эрик беспечно пожал плечами, хотя его сердце яростно застучало.

— Последний ужин? Как на счет жаркого из креветок, слабо прожаренного стейка, феттуччине[4] с соусом Альфредо и тех восхитительных хлебцев с чесноком и сыром из ресторана "Красный Лобстер"? Я могу так же получить бокал пива? Холодный, а не той комнатной температуры как они любят в Ирландии.

Две пары угрюмых черных глаз уставились на Эрика.

— Твой выбор гноящееся мясо с личинками либо рыба чешуя.

— Отлично. — Эрик постучал пальцем по подбородку, словно рассматривая варианты. — Хмм... гадость или отвратительная гадость. Тяжелое решение. Я выберу гадость.

Ублюдок пониже щелкнул от возбуждения когтями.

— Что это?

— Рыба чешуя. Ням. — Но эй, если она не гнилая, то вполне может стать лучшим, что он тут ел, так что все было не так плохо. А звучало все так, словно они, в самом деле, собирались убить Эрика. Он сомневался, что смерть будет быстрой, но она не могла быть хуже того, что они уже с ним сделали.

Ублюдки заговорили на языке, которого Эрик не понимал примерно до десятого слова, когда его способность переводить подействовала. Они обсуждали, сколько стоит рассказать ему о том, как он умрёт. Они также рассуждали, что произойдет с его телом после. Позволят ли им съесть его, или труп сохранят и переместят куда-нибудь? Возможно, тело Эрика выбросят наружу за ворота ада, чтобы коллеги его нашли.

Ну, ладно, Эрику не понравился ни один из этих вариантов.

Он наблюдал, как два демона поковыляли прочь и задался вопросом, смогут ли молитвы отсюда достичь Небес.

— Как думаешь, Тав? Моя смерть будет быстрой или медленной?

— Определенно, медленной.

— Ага, я тоже так понял. — Может в этот раз, Эрик не возражал против небольшой безобидной лжи. Он провел рукой вверх и вниз по своей груди, морщась от боли в грудной клетке. Эрик так сильно похудел здесь, поэтому пытался сохранить хоть какие-то мышцы, отжимаясь и приседая, когда мог, но сохранять силы было нелегко. — По крайней мере, думаю, это произойдет скоро.

— Не радуйся так сильно, человек. — Тавин уставился на него мрачным взглядом. — Смерть не хорошая штука.

— Проведи день в моих ботинках... ну ты знаешь, если бы они у меня были... и ты изменишь свое мнение.

Семинос забросил сумку на плечо.

— Я не это имел в виду. Для тебя, это не выход.

Ох уж эти демоны, с их склонностью ходить вокруг да около.

— Говори прямо, Тав. О чем ты?

— Я говорю, что когда человек умирает в Шеуле, его душа попадает в ловушку. Ты не сможешь выбраться отсюда, и самые мерзкие, из существующих, демоны смогут пытать тебя всю вечность. И поверь мне, то, что они делали с тобой до сих пор, ничто в сравнении с тем, что они сделают с твоей душой. Думаешь, тебе больно сейчас? Просто подожди, пока не умрешь. Душа намного более чувствительна, чем физическое тело.

Более чувствительная? Эрик посмотрел на угол, план его побега принимал новый отчаянный оборот срочности. Каждый раз, когда возникала возможность, он аккуратно вынимал тонкие, эластические черные нити из пояса своих штанов и хранил их, отдельно, в расщелинах, которые находил в темной камере. Их не было так много, как он надеялся, но этого должно хватить.

Эрик дождался ухода Тавина, а потом уселся на пол с дюжиной маленьких сокровищ и начал сплетать их вместе. Это должно сработать.

Или его ждет судьба хуже смерти.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 4

Лимос потребовался час, чтобы убрать беспорядок, нагло оставленный Рисом на полу. Затем она приняла душ и переделалась в розовые пляжные шорты и кружевную желтую блузку.

Каждая минута этого часа была занята мыслями о том, что сделал для нее Эрик, и Лимос не могла решить, как ей к этому относиться.

Ее эмоции зашкаливали, переходя от всепоглощающего ужаса из-за того, что он будет подобным образом защищать ее, к замешательству из-за непонимания, почему он будет подобным образом защищать ее и бешенству из-за того, что он считал, что ее необходимо защищать.

В конце концов, на первый план выплыл гнев. Не в ее стиле заикливаться на чужих действиях, но все же она... на них заиклилась.

Бормоча себе под нос, она подняла тело мучителя Эрика и открыла Хэррогейт в обитель Танатоса в Гренландии.

Разница температур между Гавайями и этим Богом забытым местом была очень ощутимой, и Лимос затряслась от холода, как только вышла из портала и ступила на толстый слой льда у входа в дом Танатоса.

И, для заметки, Рис весил целую тонну.

Поскольку руки у нее были заняты, она пнула ногой дверь из металла и дерева, и вскоре ей открыл один из помощников Танатоса, вампир по имени Артур. Поскольку на дворе стоял день, дежурный вамп был один из древней линии, из самых первых кровососов, не страдающий аллергией на солнце. Они настолько редко встречались, что их существование стало мифом.

Как Тану удалось найти для служения не одного, а целых десять, оставалось загадкой. Иногда он бывал очень скрытным.

Это так раздражало.

Можно подумать, у тебя самой нет секретов.

О да, тайны у нее были, и что делало ситуацию еще хуже, так это понимание, что какая-то маленькая, испорченная часть ее получала кайф от вранья

Чем больше ложь, чем сильнее она могла навредить, или даже уничтожить, тем сильнее была эйфория. Разряды истинного наслаждения, почти эротического возбуждения, расслабляли ее тело, как наркотик.

Но она избавилась от этой пагубной привычки много, много лет назад, заменив потребность во лжи обыкновенным безрассудством, что приводило к такому же эффекту, но не вызывало зависимости.

— Мисс Лимос? — Артур уставился на нее своим жутким взглядом. И хоть она не была уверена, но ей казалось, что до того как стать вампиром, он был каннибалом.

Что-то было в нем... такое... неправильное.

Она сбросила тело мертвого демона в руки вампиру и прошла в гостиную, шлепая открытыми летними сандалиями по каменному полу. В камине ярко горел огонь, и Тан сидел рядом в одном из мягких кресел, полностью погруженный в книгу.

Поскольку он был их добровольным историком и имел огромную библиотеку, то всегда читал, если не тренировался в спортзале, или не пребывал в местах с большим количеством жертв.

Исследования подсказок, которые бы указали на местонахождение ее агимортуса, поиск способа, чтобы исправить печать Мора и поиск их отца стали его новыми навязчивыми идеями. Ну, ладно, они не были новыми, но теперь стали единственным, чем он интересовался.

— Чего читаешь?

Танатос поднял голову, заплетенные у висков косички мягко коснулись его щек:

— Соль. Всемирная история.

— Ого. Да ты литературный гигант.

Он поднял свою бровь с вдетой серьгой:

— Ты знаешь, сколько войн начиналось из-за соли?

Она наградила Тана взглядом, говорившим о неуместности его вопроса:

— Мы были там, помнишь?

Они неплохо поживились на таких войнах, сколотив свои состояния на торговле солью.

— Да. Старые, добрые времена. — Его слова сочли сарказмом.

— Тогда зачем ты читаешь об этом?

— Потому, что полчаса назад я встречался с Кинаном, чтобы обсудить успехи Эгиды в поиске твоего агимортуса, и он упомянул найденные недавно тексты, которые были спрятаны в старинную бочку с солью. И я вспомнил, что демоны Исфет, до покорения демонами Низул, были вовлечены в торговлю солью.

Исфет и были, собственно, теми, которые создали и спрятали чашу — ее агимортус. К сожалению, из-за многочисленной смены поколений, а также неумелому ведению записей, они сами не знали, где она находилась.

— И ты думаешь, что найдешь зацепку в этой книге?

Тан передернул плечами:

— Это не повредит. Возможно, автор наткнулся на какую-то информацию во время исследования. — Он отложил книгу, когда вошел Артур.

— Что делать с телом, господин?

— Кто это? — Тан посмотрел на Лимос, — один из мучителей Эрика?

— Да. — Она обсудила план, как охмурить Риса, с Таном и Аресом несколько дней назад, и хотя они рвались помочь, она достаточно хорошо знала этого хитрого ублюдка, чтобы быть уверенной, что тот унюхает ловушку. — Мне нужно, чтобы ты избавился от тела.

Сузив желтые глаза, Тан придвинулся в кресле, его черные джинсы закрипели по кожаному сиденью:

— Хочешь отправить послание похитителям Эрика?

— Чтение книги исключительно о соли ничуть не влияет на уровень твоего интеллекта. — Тан ответил ей пустым, недовольным взглядом. — Да. Я хочу отправить послание.

Танатос, конечно же, будет ворчать, но он любил такие проделки. Создавать проблемы он умел лучше всех. Вообще-то, Ресеф превосходил его в этом, но его выходки всегда имели добродушный характер. Тану же просто нравилось заебывать демонов.

— Было бы умнее спрятать тело, чтобы никто не узнало случившемся, и не связал его смерть с тобой. — Высказался Танатос, изображая здравомыслие и рассудительность. Наверное, он проводит много времени с Аресом, мыслительные процессы которого работали согласно тактическим планам, расстановке и военным навыкам. — Нет смысла привлекать к себе лишнее внимание, Ли.

— Здрааааасте! Я Всадница Апокалипсиса, я обещана в жены самому могущественному демону во вселенной, имеющего наиболее дурную славу во всем Подземном Мире. Да я бы не привлекла к себе больше внимания, даже если бы надела платье из сырого мяса как Леди Гага и появилась в нем на съезде организации, ведущей борьбу за права животных.

— Да, но тебе не нужно ворошить осиное гнездо. — Танатос повернулся к Артуру. — Забери тело в ледяную комнату.

Как только вампир ушел, он опять обратился к Лимос:

— Что разболтал демон перед тем, как ты его убила?

Она начала разглядывать свои разноцветные ногти, чтобы не выдать беспокойство:

— Сказал, что Эрика казнят. — И что он отказался от сделки, которая могла освободить его, но обрекла бы ее на ужасную судьбу.

— Когда?

Черт, она повредила оранжевый лак на мизинце.

— Скоро.

— Не сомневаюсь, что они убьют его в Шеуле, вместо того, чтобы сделать это на поверхности земли. Черт. — Тан хотел чтобы Эрик умер, и тогда Ли не пришлось бы волноваться, что он выдаст ее имя, но его смерть в Шеуле — это не то, чего он хотел.

Фактически, это было даже хуже, поскольку теперь мучить будут его душу, а не тело. Души не теряют сознания от боли. Он сломается за считанные дни, а она проведёт медовый месяц в Аду.

Хотя Лимос была уверена, что он может установить рекорд по несгибаемости.

Новая волна восхищения прошла по ней, в этот раз вместе с сильнейшим желанием, которое не было полностью сексуальным. На протяжении всего последнего месяца она фантазировала о нем, каково будет переспать с ним, и также каково это... просто быть с ним рядом.

Иметь такую силу характера всю для себя, чувствовать себя защищенной. Да, она была бессмертной Всадницей, такой могущественной, что не нуждалась в физической поддержки

мужчин.

Но, как она видела на примере Ареса и Кары, сила не всегда исходит от мышц.

Ли переключила свое внимание с ногтей на волосы, наматывая все еще мокрую прядь на палец:

— Мне удалось кое-что вытянуть из Риса. Возможно, Эрика держат около Адских Врат.

— Эрта Але, — сказал Тан, — Кинан упомянул ее во время нашего разговора, он хочет прочесать территорию у подножья вулкана, но он не сможет найти точное расположение входа.

— Потому, что он недостаточно испорчен. — В этом заключалась загвоздка адских врат — только плохие люди могут входить туда без демонической помощи. — Похоже, остаюсь только я.

И до того низкий голос Танатоса достиг самых глубин:

— Скажи мне, что ты не думаешь разнюхивать там обстановку.

— Я не думаю, я уже разнюхиваю...

Танатос вскочил с кресла, вены вздулись на его шее, отчетливо вырисовываясь даже под черной водолазкой:

— Твою мать, Ли, если тебя поймают, ты станешь зачмыренной, несчастной женщиной, беременной отпрыском Сатаны, так быстро, что даже пискнуть не успеешь. Ты не можешь...

— Ты думаешь, я не осознаю риск? — Перебила она его — Я не для того сбежала, чтобы меня опять поймали.

Вообще-то, она совсем не сбежала, но это было не тем, в чем она могла признаться. Только одной вещи она боялась больше, чем брака с дьяволом — потерять братьев. Они научили ее любить, когда на протяжении многих лет она приравнивала это чувство к наслаждению чужими муками.

— Тогда я иду с тобой.

— Хорошо.

Тан удивленно моргнул:

— Хорошо?

— А что, ты думал, я буду спорить? Я же не полная идиотка.

— Нет, — сказал он, — ты не попадаешь под это определение. Обычно.

Его взгляд переместился в район ее плеча, и она обернулась. Арес шел к ним через комнату с мрачным выражением лица, источая напряжение каждой клеточкой своего почти семифутового тела[5]. Он был одет для битвы в свои кожаные доспехи, с мечом у левого бедра. За ним семенил адский пес, размером с быка. Лимос ненавидела этих тварей, чьи укусы могли обездвижить ее и ее братьев, оставляя парализованными и уязвимыми.

Любое оружие, покрытое их слюной, приводило к таким же результатам. Лимос проверила это на себе. Но жена Ареса, имея уникальный дар покорять животных и исцелять их, приворожила эти чертовы создания, и была соединена со всеми, без исключения, существовавшими адскими псами.

Спасибо их связи, она теперь была бессмертна, и у всех этих тварей было непреодолимое желание защищать ее и Ареса.

— Привет, братишка, — поздоровалась она, — что случилось? Где Кара и Рес?

Черные глаза Ареса налились теплотой при упоминании имени его жены, совсем вытесняя из них льдистый блеск:

— Она дома, выхаживает новорожденного адского щенка. Мор убил его мать. Рес —

спит.

Рес был их усыновленным ребенком. Реально... ребенком. Это детеныш демона-Рамрила, похожий на сатира-гибрид человека и козла. Его отца тоже убил Мор.

— Что происходит? — Танатос оглядел Ареса раздумывая, стоит ли ему облачаться в броню.

— Наш брат очухался от удара, который мы нанесли. — Голос Ареса, холодный и твердый, звенел от злости. — Стая локустов напала на Новую Зеландию — это худшее истребление, которое они когда-либо видели.

Лимос нахмурилась:

— Чума может указывать на Мора, но все же набеги кузнечиков — это природное явление.

— Не тогда, когда саранча пожирает и животных и людей тоже.

Фуууу.

— Я надеялась, что ему понадобится больше времени, чтобы восстановить силы.

Существовал ряд причин для этого, но самая главная — это то, что когда Мор не создавал хаос, Арес и Танатос не ссорились. Арес хотел убить Мора, Танатос — починить его печать.

К сожалению, Мор обладал единственным оружием, способным его убить, и пока никто не нашел способа восстановить его печать. Черт, они даже не знали, возможно, ли это. Идеи Танатоса строились лишь на теориях и надежде.

— Я тоже. — Сказал Арес. — Но ситуация становится более напряженной на Балканах также возрастает количество воинов в Средней Азии. Я только что с места последней.

Ареса, который превратится в Войну, когда сломается его печать, постоянно тянуло в места стычек. Он мог пропадать из дома на целые дни, недели, даже месяцы во время самых жутких битв.

На счастье, спасибо связи Кары с адскими псами, его Печать находилась в безопасности — пока не сломается Печать Лимос или Танатоса.

— Вот черт! — воскликнул Танатос. — Я чувствовал повышение смертности, но не мог в точности определить место.

— Это потому, что бои рассредоточены, более напоминают мелкие стычки, и уровень смертности достаточно низкий. Мор, скорее всего, подходит к выполнению своего плана постепенно. Скрывшись с поля нашего зрения на такой длительный срок, он точно что-то замышляет. — Арес потянулся и почесал адского пса под подбородком, и Лимос подумала, что никогда не привыкнет к этому. — Есть какой-то успех в поисках Эрика?

Лимос кивнула:

— Мы как раз собирались к Эрта Але на поиски. Хочешь присоединиться? Возможно, нам придется драться.

— Да, черт возьми, я с вами.

Лимос дотронулась пальцами до серповидного шрама на левой стороне своей шеи, и ее доспехи самурайского стиля возникли в мгновении ока. Танатос последовал ее примеру, его броня в виде костяных пластин громко загремела, облачая его тело.

Время прокатиться.

Ничего.

Они, блядь, ничего не нашли, кроме обжигающей лавы, ядовитых испарений и удушающего пепла у входа в Эрта Але. Внутри они обнаружили с полдюжины изглоданных скелетов и туннели, которые переходили в еще одни туннели.

Целый день, прочесывая пещеры, Арес и Танатос вынуждены были присоединиться к еще одной войне, устроенной Мором, и Лимос пришлось изменить свои планы.

Она открыла портал к своему дому, намереваясь собрать команду из своих помощников, чтобы продолжать поиски. Но как только ее ноги коснулись теплого Гавайского песка, второй портал открылся и из него выскочил сукин сын по имени Мор на своем белом жеребце.

— Привет, сестренка. — Звеня своими металлическими доспехами, он спрыгнул с Триумфа и призвал коня к себе. Триумф превратился в облако дыма и просочился под латы, чтобы занять свое место у него на руке. — У меня есть для тебя работа.

Она сжала пальцами набедренные ножны, больше, чем когда бы то ни было, желая пронзить его мечем:

— Если ты думаешь, что я стану для тебя что-то делать, то можешь идти на хер.

Боль отразилась в его льдисто-голубых глазах, полностью ее ошарашив:

— Я знаю, что вел себя как последний ублюдок, Ли. Я не могу с этим ничего поделать. — Его плечи поникли, взгляд опустился на землю, а волосы цвета платины накрыли лицо. — Мои сны... черт, мои сны играют с моим сознанием. Я помню, кем я был. Я... скучаю за этим.

Она непроизвольно сделала шаг ближе:

— Ресеф?

— Мне нужна помощь. Резким, неконтролируемым движением он схватился за голову, как будто она разрывалась от боли, его голос стал хриплым. — Излечи меня... пожалуйста. — Он сделал вымученный вдох. — Кинжал Искупления... под... моими доспехами. Убей... меня. Умоляю.

— Мы тебе поможем, я клянусь. — Сказала она, пытаясь до него дотянуться.

Его рука взлетела и сжала ее запястье так сильно, что она почувствовала дробление костей:

— Какая же ты сентиментальная идиотка. — Мор поднял свою голову, и она увидела кровавый огонь, полыхающий в его глазах. — Ресеф мертв.

Лимос зашипела, злость и боль разрывали ее надвое. Она достала меч и замахнулась прежде, чем Мор успел ее отпустить. Кровь брызнула из раны, когда лезвие вошло в шею. Он попятился назад, спотыкаясь, зажимая ладонью зияющую рану.

— За это, — сказал он и его голос прозвучал пугающе спокойно, — ты заплатишь. — Он дернул головой, как будто разминая затекшие мышцы, и порез мгновенно затянулся, это случилось намного быстрее, чем зажила бы такая же рана в то время, когда он еще не был злым. Он стал намного могущественней, когда его Печать сломалась, возможность использовать энергию Шеула помогла его силе возрасти. Но, чертов ад, она не думала, что он сможет настолько быстро восстанавливаться. — Как я уже упоминал, у меня есть для тебя работа.

— Черта с два я стану для тебя что-то делать.

Он продолжил, как будто она ничего не говорила:

— Я обнаружил старинный склеп, который однажды принадлежал Эгиде, и я хочу,

чтобы ты им о нем рассказала.

Внутренняя система безопасности сработала, звонко звеня у нее в голове:

— Что в этом хранилище?

— Безвредные исторические ценности.

— Неа. Извини. Я не поведу Хранителей к кучке поддельных артефактов.

Мор моргнул, изображая оскорбленную невинность. Это могло сработать, когда он был Ресефом. Сейчас... дохлый номер.

— Поддельные? — Он пожал плечами. — Не. Они настоящие. Большинство из них. И склеп действительно принадлежит Эгиде, это их тайник.

Он открыл портал:

— Пошли со мной.

— Какой же тупой ты меня считаешь? Мы можем оказаться в спальне Сатаны, насколько я могу судить, — от одной мысли об этом ее передернуло.

Он закатил глаза, как будто ее недоверие было беспочвенным:

— Открой собственный портал и соедини его с моим.

— Мне есть чем заняться.

Внезапно, поведение Мора изменилось, и он зарычал:

— Если не хочешь пожалеть о том, что призналась мне о своей участи в потере клинка Эгиды давным-давно, ты это сделаешь.

— Шантажируешь, брат? Дааа, да ты низко пал.

— Сказала девушка, что соврала своей семье об очень важном дерьме.

Черт бы его побрал. Проклиная брата, на чем свет стоит, она открыла портал вместе с ним. Теперь, войдя с ним вместе, она сможет вернуться, если почувствует себя не в безопасности.

Мор прошел первым, и когда она ступила на пыльный пол пещеры, освещенной висящими шарами мистического огня, оказалось, что он не лгал. По крайней мере, не о всем.

Они были в каком-то туннеле, высеченном руками людей, и ее врожденная система навигации подсказывала, что они где-то в Египте.

Лимос задрожала. Она никогда не любила Египет, и узкость проходов сдавливала ее грудь, как обвившийся питон.

— Где мы?

— Затерянный склеп. Некогда важный чувак захоронен в комнате позади нас. — Мор встал на колени у каменного ящика размером с морозильную камеру, и сдвинул крышку, которая весила, наверное, 500 фунтов[6], как будто она была бумажной.

— Взгляни.

Опускаясь рядом, она заглянула внутрь, где лежало около дюжины древних ювелирных украшений, монеты и сверху всего находились терракотовые статуэтки, покрытые слоем пыли. Очень осторожно она подняла одну из фигурок.

Сделанная из глины миниатюра была сломанной, ветхий кусочек ткани, обмотанный вокруг ног.

— Хорошая копия, — пробормотала она, — в тебе погиб великий мастер подделки. Какова цель всего этого?

— Не твое дело.

— Какой ты придурок.

Светлая бровь взлетела вверх:

— После всего, что ты сделала, тебе хватает нахальства называть меня придурком?

— Ближе к делу, — процедила она, — чего ты хочешь?

— Приведи сюда Хранителей Эгиды. Скажи, что ты обнаружила склеп, ища свой агимортус. — Мор бросил что-то к ее ногам. Армейские бирки. Она поняла это, когда наклонилась, чтобы поднять их. Армейские бирки Эрика, покрытые кровью.

— Ты сделаешь это, или в следующий раз я принесу тебе его глаза.

Она сильно до боли сжала в кулаке металлическую цепь и бирки. По какой-то причине, эта маленькая частица Эрика делала все очень реальным, почти осязаемым. Как будто она могла почувствовать его боль сквозь кровавые пятна.

Боже, если бы она была сильнее, если бы смогла сопротивляться влечению к Эрику, то не оказалась бы в таком дерьме, а он бы не испытывал таких мучений.

Стыд захлестнул ее, но она не могла позволить себе поддаться этому чувству. Чтобы не задумал Мор, это было важнее страданий Эрика и, кроме того, она не могла показать, что он важен для нее.

— Делай с Эриком все, что хочешь, — сказала она, ее голос звучал уверенно и громко, хотя она совсем не верила в то, что говорила, а внутри у нее все сжималось от боли.

— Тогда я надеюсь ты готова встретиться с Аресом и Танатосом после того, как я расскажу им о всей неправде, которую ты сочинила. — Он оскалил свои огромные клыки. — И да, я знаю всё. Наша мать рассказала.

Сердце Лимос ушло в пятки, но ей удалось сохранить внешнее спокойствие:

— Рассказав им, ты ничем себе не поможешь. — Она гладила слова, вытесненные на бирках Эрика, успокаиваясь от ощущения его имени под ее пальцами. — Скорее, ты ухудшишь свое положение. Какие бы чувства у них к тебе не остались, все они превратятся в ненависть.

Она на это надеялась. То, что они возненавидят ее, было и так ясно.

— Я готов рискнуть. Что же ты выберешь, сестричка? Расскажешь Хранителям с тайнике, или мне идти к нашим братцам и поведать, что это ты, и ты одна, в ответе за проклятие, сделавшее нас Всадниками?

Иди, дочь. Иди в мир людей и найди братьев. И пусть прольются реки крови. Вот эти слова сказала Лимос ее мать, Лилит, когда она покидала Шеул... по собственной воле.

И не было никакого сражения за ее освобождение, про которое наврала Лимос своим братьям.

Она не сбежала — она ушла, с пышностью и церемониями, имея намерение вернуться и занять свое место около мужа после того, как выполнит задание.

Если Танатос и Арес узнают, то собственноручно всадят клинок Искупления ей в сердце, после того, как сделают это с Мором. А может и перед.

— Будь ты проклят, — прорычала она, — я это сделаю. Но в обмен, ты вытащишь Эрика из Шеула.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться, — улыбнулся Мор, — и если Хранители заподозрят, что это ловушка, я убью Эрика и поведаю нашим братьям твой маленький грязный секрет.

Она желала задушить его. Но он был прав: у нее не было перевеса.

— Ты ведь знаешь, какую власть имеет надо мной ложь.

Мор облизал губы, будто пробуя на вкус высококачественный бренди:

— Это самая интересная часть, сестренка. С каждой новой неправдой, твоя зависимость

будет расти, а зло внутри тебя крепнуть, пока ты сама не захочешь вернуться к мужу.

— Он мне не муж.

— Пока еще нет, Лимос, — сказал он, — пока.

Переводчики: navaprecious, black_girl

Редактор: natali1875

Глава 5

Плохое настроение Мора достигло апогея. Он находился в худшей степени своего "на-хер-поотрывать-всем-головы-к-ёбаной-матери" состояния, когда прибыл в подвал особняка в Новой Зеландии. Он реквизировал его после того, как демоны-локтусы сожрали хозяев этого дома.

Встреча с Лимос не прошла достаточно хорошо. Да, он заставил ее сделать то, что хотел. Но, также он пал жертвой слабости. Мужчина, которым он был до того, как Печать сломалась, Ресеф, как-то умудрился поднять свою идиотскую голову и начал просить о помощи.

Мору удалось удачно выкрутиться, будто бы он намеренно обвел Лимос вокруг пальца, разжалобив сопливыми словами. Но на самом деле... он, черт возьми, умолял ее вылечить или его убить.

Рыча от злости, он сбросил свои доспехи, взял кинжал из нагрудных ножен и всадил себе в живот. Физические страдания приводили его в чувства, ожесточали. Испытывая мучительную, острую боль, он рухнул на колени.

Прибежали миньоны, но Мор отослал их прочь. Это было напоминанием.

Напоминанием о том, что ударь он на двенадцать дюймов выше и вонзи Избавление в свое сердце, был бы уже мертв. Мертв.

Мор владел единственным оружием, которое могло его прикончить, и ему пришлось держать его подальше от своей родни.

Ресеф не сможет ослабить его.

— Какого черта ты делаешь?

Мор заскрежетал зубами, когда услышал женский голос. Хайвестер. Одна из двух Стражей Всадников — один злой, другой хороший, и оба ангелы. Хайвестер стала вариацией злого падшего ангела.

— Играю с собою, — отгрызнулся он. — А ты о чем подумала?

Она моргнула, изображая невинную овечку.

— Если тебе нужно напоминание о том, как клинок Избавление может тебе навредить, то я рада протянуть руку помощи.

Нет сомнений, что она на это способна. Ангел также сильно ненавидела его, как и он ее.

— Почему ты здесь?

Хайвестер с удовольствием смотрела, как Мор выдергивает нож. Рана мгновенно закрылась, и жгучая боль утихла, превращаясь в легкое покалывание.

— Мне дали интересное задание, и мне стало любопытно, не причастен ли ты к этому?

— Не знаю.

Он подошел к котелку с водой, кипящей над огнем, и опустил туда кинжал. *Чистое*

оружие — чистое убийство, всегда говорил Арес. Мор мог считать его напыщенным самовлюбленным ублюдком, но только идиот будет игнорировать его советы, касающиеся тактики войны.

— Какое задание?

— Сверхсекретное.

— Я — сверж, — сказал он, приближаясь к ней.

— Это то, что главнее, даже тебя.

Поскольку Мор находился во главе пищевой цепочки демонов, значит, приказ Хайвестер мог исходить только от двух других демонов, или Захариэля — ангела Апокалипсиса, который обрушил на головы Всадников их проклятье.

— И эти приказы только для Наблюдателей?

— Нет, — она пристально наблюдала за ним, когда он засовывал клинок в ножны. — Это задание в интересах Шеула.

Ах, тогда ее приказ только от кого-то из близкого окружения Сатаны, которое включало в себя Лилит, демона-сукуба — мать Мора. *Как интересно.*

Обольстительно улыбаясь, он провел пальцем по обнаженной коже ее плеча:

— Даже не намекнешь?

Она ответила едкой ухмылкой:

— Приказ касемо поддельных свитков, но это все, что я могу рассказать.

Она закусила нижнюю губу, и хоть он и ненавидел ее, но должен был признать, что вид ее показавшегося клыка был жутко сексуален.

Ему нравилось, что когда ангелы падали с небес, они теряли свои идиотские имена и обретали пару клыков вместе с пристрастием к вкусу крови.

Он окинул женственное тело Хайвестер похотливым взглядом, потому что, с другой стороны, поймать кого-то, кого ты ненавидишь, может быть лучше, чем трахнуть того, кто тебе нравится.

Хайвестер спрятала свои зубки. Очень жаль.

— Но я думаю, не повредит сказать, что мое задание поможет... беспрепятственно воплотить твой план в жизнь.

Спасибо Повелителю Преисподней, хотя бы что-то шло правильно. Теперь, если бойцы Эгиды попадутся на его уловку, он может приступить к выполнению второй части своего плана.

Совсем нелегко будет похитить одного из вампиров Танатоса и подменить его доппельгангером — сверхъестественным двойником, но он как-нибудь справится. Он всегда справляется.

Когда он был Ресефом, обаяние помогало ему достичь желаемого. Для Мора же лучше работали угрозы.

— Ты имеешь ввиду твой план. — Его пронзила мысль о том, что именно Хайвестер подала ему идею "Западня Эгиде", и оставалось лишь надеяться, чтобы это сработало.

— Давай сохраним этот секрет между нами, — сказала она, — я не хочу быть обвиненной в "помощи".

— Конечно, не хочешь. — Последний Наблюдатель, который нарушил правила, провел десятилетия в муках, перед тем, как его уничтожили.

Хайвестер фыркнула:

— Лимос что-то заподозрила?

— Сомневаюсь, она слишком сосредоточена на артефакте.

Теперь ему остается, наедятся, что Хранитель, которую она позвала, будет достаточно сообразительной, и сможет найти спрятанную шкатулку. Мор положил туда настоящее сокровище, для обнаружения Эгидой — свитки, упомянутые Хайвестер.

Эти древние послания были подделками, спрятанными так, чтобы Лимос не смогла связать их с Мором

Хайвестер осмотрела подвал, который был переделан в демонский парк развлечений, задержав взгляд на закованном в цепи Хранителе Эгиды.

— Где ты его взял?

— Подобрал на одной из улиц в Венгрии. Он преследовал Краучера (демона-рептилию). — Стоны Хранителя были услугой для его ушей. Чувственной музыкой. — Ты ведь знаешь, что я награждаю каждого, кто приведет мне бойца Эгиды живым или мертвым?

— Конечно. Да весь Подземный Мир знает, что ты даешь вознаграждение за Хранителей. Что за информацию ты хочешь узнать у живых?

— Местонахождение отдельных баз и главной штаб-квартиры Эгиды. Вот этот выдал адрес квартиры около Будапешта, и уже сейчас там орудуют мои люди. — Мор вздохнул, практически слыша звуки битвы. — Но он не знает, где местные штабы и остальные центры деятельности.

— Центр, контролирующий операции, находится в Берлине, — сказала Хайвестер.

— Правда? — Мор стиснул зубы — Но я не знаю, где именно. И никто из этих говнюков не колется.

— Вероятнее всего, точный адрес держат в секрете от большинства из них.

Не вероятно, а точно. Главные боссы не захотят, что бы какой-то второсортный солдат выдал все что имел — в этом случае буквально — врагу, который использует информацию, чтобы организовать нападение на их мозговой центр.

Это не только нанесет огромный урон их организации. Ходит слух, что их оружие, секреты, ценные артефакты хранятся в главной штаб-квартире. Вот что просто бесценно для любого демона.

Мор жестом показал на замученного парня:

— Не хочешь попробовать выудить из него что-то полезное?

Хайвестер стряхнула невидимую пылинку с черных леггинсов:

— Мне есть чем заняться и без этого.

— Нет у тебя никаких дел. — Он впился пальцами ей в плече, наверное, это было больно, но она и глазом не моргнула.

— Я бы очень хотел увидеть, как ты владеешь ножом.

— Что конкретно из предложения "мне есть чем заняться " ты не понял?

Мор произнёс, сузив глаза:

— Ты знаешь, я никогда не видел, чтобы ты занималась чем-то, кроме того, что околачивалась рядом и наблюдала, как другие пачкают руки.

Она фыркнула:

— Да я, делала такое, чего ты даже представить себе не можешь.

В этом он сомневался. Его фантазия была полна устрашающих идей.

— Так покажи мне.

Она уставилась на него долгим тяжелым взглядом. Наконец, встряхнулась, взяла зазубренный нож из секции пыточных инструментов, висящей на стене, и проверила остроту

лезвия, проведя по нему пальцем. Кровь выступила из пореза, и она слизнула ее, заживляя рану. И... ее вид, запах, обеспечили Морю мгновенный стояк.

— Будь, по-твоему, — согласилась она безразличным тоном и направилась к Хранителю, где занялась своей ужасной работой.

Наблюдая, Мор наслаждался каждым новым человеческим криком. Очень скоро его планы сойдутся вместе. Вскоре, Эгида сама запустит действие Апокалипсиса, Лимос превратится в злую суку, какой была с самого рождения, а Эрик... он умрет.

Но не раньше, чем Мор заберет его душу.

Грёбаные демоны.

Любимые два слова Эрика, и он повторял их снова и снова. Ну, они не всегда были любимыми, но Эрик подозревал, что время, проведенное в этой дерьмовой яме стерло начисто его словарный запас, оставив только "грёбанный" и "демоны".

Эрик сидел неподвижно пока Тав заканчивал его исцелять — снова. Второй раз за двенадцать часов, что не было необычным, но Эрик надеялся на отсрочку пыток, поскольку они все же решили его казнить.

Не так уж и много.

Он бросил взгляд на дверь, где закрепил свой супер тонкий плетеный шнурок вокруг грязной решетки между стеной и замком. Пока все шло нормально. Никто не заметил. Хотя демоны были не самыми наблюдательными существами на планете.

— Ну, Тав, что планируешь делать дальше?

Тавин снял свои хирургические перчатки.

— Заняться сексом.

Верно. Демоны Семинусы. Должны либо трахаться, либо умереть.

— Отлично.

— А ты?

Побег. Эрик пожал плечами.

— Я, наверное, съем ведро рыбьей чешуи и потрохов, которое принесут мне твои друзья. Потом, меня ждет встреча с палачом. А что? Хочешь назначить мне свидание?

Тав сунул перчатки в свою медицинскую сумку.

— Ты не в моем вкусе. Семинусы могут быть только с женщинами.

— Ох. Я не Семинус, но тоже предпочитаю женщин.

Тавин засмеялся, чего Эрик за ним никогда раньше не наблюдал.

— Ты мне нравишься, человек. — Демон успокоился, а его улыбка стала грустной. — Сомневаюсь, что увижу тебя снова.

Эрик похлопал демона по спине.

— Знаешь, юмор висельника я ценю гораздо больше чем сопливые прощания.

Закинув сумку на плечо, Тав подал знак страже.

— Надеюсь, ты обретёшь покой, человек. — Демон немного понизил свой голос и продолжил. — И помни, если всегда будешь идти правильным путём, то тебе не придётся сворачивать налево

— Ну что ж... ладно. Хотя у меня нет для тебя никакой таинственной мудрости, знаешь, я взял за правило никогда не ставить на белую лошадку. Следуя этому совету, я никогда не

терял своих денег.

— Я запомню.

Когда дверь открылась, Эрик положил руку на самодельную веревку, которую обернул вокруг вертикального засова, что запирали дверь.

— Увидимся, демон.

Тавин вышел. Дверь захлопнулась, и Эрик, благодарный за эластичность своего творения, потянул пряди нитей вниз, так что они образовали барьер между механизмом замка на двери и затвором на решетке.

Теперь ему оставалось только молиться, чтобы тонкая косточка, которую он подобрал в грязи, оказалась достаточно прочной, и открыла замок снаружи, пока веревка будет прижимать ползунок изнутри.

Глупые демонические ублюдки не подозревали, что Эрик выучил их язык, подслушивал их разговоры и выяснил, что только кость может открыть замок.

Очко в пользу человека, придурки.

Тав уважительно кивнул, и как только он и охранники исчезли, Эрик вернулся к работе. Прихрамывая от боли в лодыжках и правом колене, что осталась после недавних пыток, он вытащил тонкую, словно иголка, косточку и двинулся к двери.

Зажав руки между решетками, Эрик вставил осколок кости в замок и молился, чтобы все сработало.

Он осторожно натянул веревку, и почувствовал движение в замке, от волнения его сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Поковырявшись косточкой в отверстии, он прислушивался к щелчкам в системе механизма.

Эрик сильнее натянул веревку, и постепенно, металл начал поддаваться, пока механизм не открылся.

Он осторожно толкнул дверь плечом и та, закрипев, открылась. Оглушительный... для Эрика, во всяком случае... шум, заставил его пульс немислимо участиться. Если услышит кто-нибудь из ублюдочных демонов...

Эрик вышел из камеры. Чувство свободы наполнило его сердце, но в то же время, ему пришлось побороть тревожное желание вернуться в камеру.

Эрика накрыло волной адреналина, от чего он вспотел, а кожа вся натянулась. Он, в самом деле, с неопределенностью уставился внутрь клетки.

Да, его замешательство оказалось хреновым. Но логическая часть его мозга, которая все еще помнила военную подготовку, напомнила Эрику, что такая реакция вполне характерна для людей и животных, которых держали в плену.

Все ужасы тюрьмы могли быть куда менее страшными, чем кошмары снаружи. Страх перед неизвестностью.

Но Эрик решил, что он сильнее этого.

К черту все, он сильнее. Эрик сделал свой первый шаг в темном туннеле. Повсюду слышалось непрерывное капание, которое неделями сводило его с ума, но все же не было ни шагов, ни голосов.

В тишине, и босиком Эрик брел по извилистой пещере, но, когда подошел к развилке, то остановился.

Один путь уводил во тьму, которая в отдалении становилась туманной, и хотя второй тоже был чернильно-черным, он все же имел незначительный наклон.

Поскольку Эрику нужно было пробраться в мир людей, выбор был не прост.

Он продолжил свой путь, время от времени останавливаясь и прислушиваясь к демонам. В отдалении, было слышно копошение адских крыс, словно они сновали вдоль туннелей, но больше ни звука других демонов. Пока все шло нормально.

До следующей развилки.

Оба туннеля были темными, пронизанными сталактитами и сталагмитами. Seriously, какого черта? Как мог относительно гладкий путь превратиться в чертову полосу препятствий?

Он трижды повторил детскую считалку эни-бени-рики-таки, выбирая правильный путь, и разочарованно вздохнул. Какую дорогу выбрать?

Помни, если всегда будешь идти правильным путём, то тебе не придётся сворачивать налево.

Эрик моргнул. Тавин дал ему подсказку? Подлый мелкий Семиус. Не имея лучших вариантов, Эрик выбрал правую дорожку и начал осторожно пробираться между каменистыми выступами.

Когда он подошел к следующей череде туннелей — в этот раз их было три — то повернул вправо. Основной изгиб туннелей вел влево, но снова и снова, когда приходилось выбирать, Эрик шел направо. И, как ни странно, он не встретил ни одного демона.

Казалось, он шел так целыми часами, пока ноги не начали кровоточить, а желудок сводить судорогами от жажды. Туннели становились все жарче и жарче. Некоторые были переполнены паром и дымом, а другие — столь бедны на кислород, что несколько раз Эрик чуть не потерял сознание.

Он оставлял за собой кровавый след на дороге, по которой шел. Вот отстой. Полный. Несколько раз он споткнулся, порезав при этом руки, колени, и его штаны теперь больше напоминали жалкие лохмотья.

Эрик мечтал о еде и холодном пиве — и, что чертовски раздражало, о Лимос — пока двигался вперед. Его глаза прояснились, а чувства, которые так долго были погребены, вернулись в состояние боевой готовности.

А потом, совершенно неожиданно, его надежды и мечты рухнули, словно в него попала ракета Томагавк.

— Привет, Эрик.

Глубокий, зловещий голос заставил Эрика застыть до самого костного мозга. Его настиг Мор.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natli1875

Глава 6

Лимос вошла в приемную Центральной Больницы Преисподней, которая была битком набита пациентами. Светловолосая медсестра, Владлена, судя по надписи на бейджике, притормозила каталку, на которой истекала кровью больная.

— Призрак в операционной. — Она указала по направлению к регистратуре: — Тень там.

— Я здесь не для...

Владлена ушла, даже не выслушав ответ, но Тень уже увидел Лимос. Отлично.

В последнее время Тень был огромной занозой в заднице. Он был парой сестры Эрика. И хотя особой любви между ним и Эриком не наблюдалось, демон был совсем не рад видеть свою супругу переживающей за брата.

Ну и, поскольку во всем этом была виновата Лимос, косвенно конечно, ведь это Эрик поцеловал ее, а не наоборот, Тень пытался превратить ее жизнь в ад.

Он отбросил медицинскую карту, которую держал, на стол и подошел к ней.

— Есть новости?

— Ничего нового, — ответила она, — я здесь, чтобы встретиться с Кинаном.

— Я только что закончил разговаривать с ним по телефону. Он уже на подходе.

— Спасибо.

— Можешь поблагодарить меня, найдя Эрика. — Он вышел до того, как она смогла ответить. Придурок.

Лимос сунула руку в карман и начала перебирать пальцами армейские бирки Эрика, наблюдая за нескончаемым потоком больных в приемной. Что с ним происходило в этот момент? Кричал в агонии? Или сидел, испуганно сжавшись в комок, в темноте и холоде? Вспоминал ли, или проклинал ее имя? Сожаление, которое она чувствовала, выступило на ее коже липкой испариной. Горькой, мерзкой, испепеляющей виной.

Отчаянно нуждаясь в отвлечении, она опять обратилась к Владлене:

— Здесь всегда столько народу?

— В последнее время, да, — вздохнула она, — это все беспорядки Подземного мира. Те, кто хотят начала Апокалипсиса, сражаются с теми, кто этого не хочет, опять начались противостояния оборотней, новый вид чумы поражает перевертышей семейства кошачьих, так что у нас масса таких больных.

Лимос не сомневалась, что чума перевертышей — дело рук Мора, такой себе извращенный способ послать сообщение. А именно: когда начнется Апокалипсис, перевертышам лучше встать на его сторону, или он их всех изведет, особо при этом не напрягаясь.

Владлена пошла по своим делам, и в этот момент Кинан вышел из портала. Его синие глаза мгновенно сосредоточились на Лимос:

— Зачем звала? — спросил он вместо приветствия.

— Я тоже рада тебя видеть, — невнятно пробормотала она. — Пойдем, хочу что-то тебе показать. Возможно, это как-то поможет.

Ложь приятной волной задела все центры удовольствия, вызвав легкое головокружение.

Кинан чертыхнулся, но вошел с ней в Хэррогейт. Поскольку он был под защитой ангелов, очень немногое могло ему навредить. Но ее совсем не удивило, что он не решался войти в гробницу.

— Если это ловушка...

— Нет. — Но все же она могла понять его беспокойство. Она привела его в запечатанную гробницу, и если она откроет портал и исчезнет, оставив его там, он будет заперт в склепе, пока друзья не найдут его... что может случиться очень, очень не скоро.

— Взгляни на этот каменный ящик. Это хранилище Эгиды. Я нашла его, когда искала свой агимортус.

Адреналин молнией пронесся по ее венам и, в какой-то момент, ей пришлось успокаивать дыхание, приглушая этот всплеск эмоций. Прошло уже очень много времени, когда она кому-то врал в таких размерах, так давно она ощущала запретную дрожь

возбуждения, что уже почти забыла как это здорово.

Нарисованные весы на ее лопатке существенно качнулись в сторону зла, напоминая о серьезности того, что она только что сделала. Чем больше весы будут наклоняться в сторону, противоположную добру, и оставаться в этом положении, чем более низкие поступки она будет совершать, тем меньше ее будет заботить все, кроме нее самой.

Дальше станет только хуже — чужие страдания будут приносить радость и удовлетворение. Она начнёт голод только развлечения ради, и все что для этого потребуется — одно прикосновение.

Ей достаточно пальцем коснуться любого человека, и неважно, сколько он будет есть, начнет медленно иссыхать от голода, а все кто будут рядом с ним — разделят его участь.

И наблюдая за всем этим, она будет смеяться. На ее фоне Мор покажется жалким бойскаутом.

Будь ты проклят, брат.

Кинан тихо, как кошка, подкрался к ящику и опустился около него на колени. Мор оставил его открытым, сдвинув тяжелую крышку в сторону. Оценивающий взгляд Кинана пробежался по символам Эгиды, выбитых на верхней плите, и он очень осторожно поднял одну из монет, находящихся внутри, аккуратно стерев с нее пыль пальцем.

— Что это за вещи?

— Я не знаю. Некоторые из них могут быть заговорены, или использовались в каких-то ритуалах... Я не уверен. Мы должны их изучить. — Он перевел свой взгляд на нее. — Ты древняя... ты встречала что-то подобное?

Древняя?

— Я отдаю предпочтение термину "искушенная жизнью", и нет. Я никогда такого не видела. — Ложь послала разряд удовольствия по всему ее телу. Смешно, как неправда может подарить ей физическое удовлетворение, в тоже время, терзая разум. Какая-то маленькая ее часть надеялась, что Кинан не попадет на удочку, в то время как эйфорическое покалывание загло каждое нервное окончание.

— Вы часто находите такие затерянные сокровищницы Эгиды?

Какой бы у Мора не был план, он мог зависеть от правдоподобности ее истории, того, насколько они поверят в случайность находки спрятанного сокровища.

— Время от времени, — сказал Кинан, — записи теряются, а местонахождение таких склепов стираются из памяти. В других случаях, кому-то отдаются приказы впопыхах, например, быстро спрятать какую-то ценность, и исполнители внезапно умирают, не успев раскрыть место тайника. Поэтому, да, есть большое количество таких мест, про которые мы знаем, но никак не можем найти. Или, наоборот, натываемся на хранилища, о существовании которых даже не подозревали. С приближающимся апокалипсисом, такие находки возникают в рекордном количестве.

— Потому, что вещи, однажды спрятанные, будут найдены, когда приблизится день Страшного Суда, — пробормотала Лимос, цитируя древнее предсказание Эгиды, встретившееся ей еще до расцвета христианства.

— Точно. — Кинан провел пальцем по одному из украшений, декорировавших низ сокровищницы. — Когда настанет Судный день — тайное станет явным.

Тайное станет явным. Лимос совсем не понравилось, как это прозвучало. Она закрыла глаза, стараясь заблокировать свое прошлое, хотя это плохо ей удавалось.

С того момента, как она покинула Шеул, она обманула очень многих. И как бы она не

хотела предупредить Кинана про находки, к которым его привела, она не могла. Слишком многое поставлено на кону.

Артефакты теперь находились в руках Эгиды, а что они с ними сделают, ее уже не касалось.

Скребущий звук заставил ее открыть глаза, и она увидела, как Кинан стряхивает песок с каменного ящика.

— Что ты делаешь?

Он облизал губы, выражение его лица выдавало озабоченность и напряженную сосредоточенность:

— Иногда такие тайники имели секретные отделения.

— Могу я как-то помочь? — Тихо спросила она.

— Я бы не стал. Обычно они защищены заклинаниями, и если кто-то кроме Хранителя попробует его открыть, то, либо содержимое будет уничтожено, либо нежеланный воришка получит какой-то гадкий сюрприз.

Он нажал указательным пальцем на какой-то выбитый символ. Сначала послышалось скрежетание, а потом дуло песком, заставив их обоих кашлять.

Кинан разогнал рукой коричневое облако, и когда все части разошлись, показался скрытый отсек. Внутри было три ветхих свитка.

— Круто, — выдохнула она.

Ей стало интересно, знал ли Мор о секретном ящичке. Возможно, эта находка покроет все зло, которое он планирует причинить этими артефактами.

Кинан взял один из свитков:

— Печати не тронуты. — Улыбка, которую он ей послал, была из тех, что могут вскружить женщине голову. — Спасибо, Лимос. Учитывая и древности и письмена, это, наверное, лучшее, что мы обнаружили в последнее время.

Вина оставляла неприятный привкус во рту:

— Да без проблем. Готовы идти?

Кинан поднялся на ноги, и его рост, в этом положении, составлял более шести футов.

— Да. Подожди минутку.

Он осторожно заполнил карманы сокровищами.

— Если ты подбросишь меня в Берлин, буду очень тебе благодарен.

— Куда-то конкретно?

— Нет. — Его улыбка сказала ей, что он просто не хочет выдавать ей местонахождение штаб-квартиры Эгиды, что она вполне могла понять.

Она открыла портал:

— Пошли.

— Подожди. — Он поймал ее за руку, и она еле сдержалась, чтобы не бросить его через всю комнату за то, что посмел коснуться ее. Хотя она и не сможет этого сделать. Попытаться причинить Кинану вред было бессмысленно. — Есть какое-то продвижение в поисках Эрика?

— Нет, — сказала она тихо, — ничего нового. Но я собираюсь отправиться к Вратам Ада.

У нее зазвонил телефон, и она проверила, кто это, ожидая сообщения от Тана. Но, увиденное, заставило кровь в ее жилах заледенеть.

— О, Боже... мой.

— Что случилось?

Новости, отобразившиеся на дополнительном приложении, касающегося подземного мира, высветились на экране мобильного и сделали комнату склепа жуткой и мрачной.

— Букмекерская сеть оживилась. — Боль пронзила ее грудь, и на минуту ей показалось, что сердце сейчас разорвется. — Ставки на завтрашнюю казнь Эрика падают.

— Это хорошие новости.

— Нет, — прошептала она. — Как раз, наоборот. Ходит слух, что ему удалось сбежать. Сейчас ставят на то, что уже через час он будет мертв.

— Привет, Мор. — Из-за пересохшего, исцарапанного горла, Эрику никак не получалось заговорить легкомысленным тоном.

— Ты, в самом деле, думал, что сможешь убежать?

Эрик повернулся, надеясь, что дрожь от болезненного укола в бедре будет воспринята за непринужденную улыбку.

— Неа. Я решил немного позаниматься. Как ты нашел меня?

Мор, чье тело было заковано в потускневшие доспехи, которые сочлились какой-то маслянистой дрянью на стыках, потер подбородок, изображая глубокую задумчивость. Словно у придурка было больше одной мозговой извилины.

— Ключие адские крысы — мои шпионы. Но чего это стоило, такая благородная попытка. Впечатляюще, на самом деле.

— Я живу, чтобы восхищать тебя.

— Уверен, так и есть.

Желудок Эрика заурчал, и звук, усиленный акустикой туннелей, оказался немного смущающим.

— Что тебе от меня надо? Я должен предупредить тебя, что ты можешь сделать со мной немного, чего со мной еще не сделали.

Всадник улыбнулся, выставляя на показ впечатлительного размера клыки.

— Мы станем очень близки, ты и я. Очень, очень близки.

Эрик сглотнул. По крайней мере, попытался. Горло слишком пересохло. Но ему определенно не понравилось то, о чем только что сказал Мор.

— Послушай, я уверен, что ты можешь заставить всех леди-демониц поснимать свои трусики, но я не для тебя.

— Запал на Всадницу, не так ли? Ты оказался здесь, потому, что не смог держать руки при себе и не лапать мою сестру. — Мор передернул плечами. — Я не осуждаю. Ведь этот образ недостижимой плохой девочки так привлекателен. Должен тебе сказать, нужно иметь яйца из стали, чтобы осмелится ее поцеловать, ведь ты всего лишь на всего жалкий человечиска.

Слишком утомленный, чтобы продолжать подшучивать, Эрик прислонился к стене.

— Просто сделай то, за чем пришел. Забери меня обратно в клетку. Убей. Не важно. Я устал от игр.

В мгновение ока, Мор оказался возле лица Эрика и сомкнул пальцы вокруг его горла.

У Эрика не было не единого шанса на сопротивление. Мор поднял его в воздух и с такой силой швырнул об камень, что щелкнули зубы.

— Я бы с радостью убил тебя прямо сейчас, но у меня другие планы. — Мор снова ударил Эрика об стену и треск сломанных костей подобно выстрелам разнесся по каменному коридору.

Боль опалила каждое нервное окончание. Эрик болтался там и в ужасе наблюдал, как ублюдок впился своими огромными клычищами ему в горло.

Эрик бился, царапался, вырывался с силой, на которую еще был способен. Но что бы он ни делал, казалось совсем не трогало Мора.

Постепенно, ослабев от потери крови, он перестал бороться, его попытки теперь больше напоминали судорожные конвульсии. Появилось головокружение, ощущение пьяной эйфории, и, наконец, вся боль исчезла, оставляя только блаженное онемение.

Мор поднял голову, и, хотя, в глазах у Эрика потемнело, он почувствовал шероховатость его языка, заживляющего раны. В его мозгу пронеслась сумасшедшая мысль, что как-то все это очень по-вампиРСки.

Мор освободил его, и Эрик упал на землю, приземлившись бесформенной неподвижной кучей.

Он слышал скрежет доспехов, и потом что-то оказалось у его рта, что-то теплое коснулось его языка.

Сначала, он обрадовался жидкости, которая смочила его пересохший рот и горло, и начал жадно глотать.

Пока не понял, что влага была кровью.

Черт возьми, он пил кровь Всадника...

Тело Эрика сложилось пополам от боли, и, внезапно, он начал кидаться из стороны в сторону, как умирающее животное. Его руки и ноги бесконтрольно металась, его голова ударялась о каменный пол.

Мор прижал его к земле своим большим, закованным в доспехи телом, заставляя Эрика пить, хотя ему хотелось вырвать.

Белые пятна замелькали перед его глазами, и темнота накрыла его, даря блаженное забвение.

И потом он оказался один, лежащий на земле. Узкий тоннель казался незнакомым, а потолок был таким низким, что человек даже среднего роста должен был пригнуться, чтобы пройти сквозь него.

К сухому, жаркому воздуху примешивался холодный ветерок. Ну, не совсем холодный, но в меньшей степени обжигающий.

Стоп ... что случилось? Как он попал сюда? Почему он не в камере?

Это не важно. Он должен найти источник прохлады.

Он старался подняться на ноги, но они его не слушались. Все, что было ниже талии, не работало. Наверное, он должен был паниковать, но его разум онемел так же, как и ноги.

Легкий бриз манил его, и, собрав остатки сил в своем изломанном теле, цепляясь пальцами за почерневшую землю, он начал ползти к источнику свежего воздуха.

В него ударил поток горячего воздуха, пар и дым резали глаза, ногти оторвались. Но крохотные лучики света появились вдалеке, разожгли пламя надежды и дали силы двигаться дальше.

Он продолжал ползти вперед. Каждый дюйм приносил ему новые муки, и вот, наконец, спасибо тебе, Господи, он оказался у пропасти — гранью между землей и адом.

И тут, смотря в огромную, открытую пасть извергающегося вулкана, Эрик осознал, что

ничего не изменилось. Он выкарабкался из Подземного Мира, но там, где оказался, было ничуть не лучше. Это был Ад на земле.

Врата ада у подножья вулкана нисколько не изменились с тех пор, как Лимос их обследовала. Они выглядели почерневшими, с огромными столбами пара, поднимающимися из земли, которые искажались потоками воздуха, исходящими из Шеула.

Кинан пошел с ней, перенесясь прямо из склепа в Египте. Все о чем она могла думать — игорные ставки, которые она видела.

Демоны монополизировали Подземный Мир, а теперь еще и мир людей. Игорный бизнес был до жути точным, и то, что ставки на смерть Эрика на протяжении часа зашкаливали, было хуже некуда.

— Где вход? — Спросил Кинан, пробираясь по дороге из острых камней.

Она кивнула головой по направлению к мерцающему шару напротив огромной дыры в скале:

— Прямо перед тобой. Пошли.

Она начала свое движение, но измученный стон остановил ее на полпути. Развернувшись, она внимательно посмотрела на трещину в земле рядом с входом в туннель.

Это что... рука? Да. Лимос рванула к месту, где между острых, как осколки стекла, камней, она увидела руку, тело, а затем и голову. Ее сердце начало стучать, как сумасшедшее.

Эрик.

Господи... Милосердный. Во рту у нее так пересохло, что она не могла сказать ни слова, и молча упала на колени рядом с ним.

Она повидала многое, но вид этого мужчины, раньше такого сильного и здорового... а теперь валяющегося у ее ног, тощего, с кожей, висящей ошметками, вздувшейся от ожогов и почерневшей от пепла... этот ужас заставил ее сердце сжаться.

Почувствовав запах крови Эрика, Кости бесновался на ее руке.

— Эрик, — прошептала она. — Это я, Лимос.

Кинан подошел к ней сзади, и его приглушенное "Иисусе " эхом пронеслось сквозь кратер. Он присел рядом и приложил два пальца к его шее, наклоняясь щекой к его рту:

— Он дышит. Пульс неровный. Мы должны отправить его в...

Кинан вскочил на ноги, готовясь встретить наплыв демонов, которые появились из входа в Адские Врата. Он вытащил свой кинжал и повернулся к ней:

— Забирай Эрика и уходи!

Лимос не стала возражать.

Она открыла портал, подняла Эрика на руки, удивившись его весу. Он исхудал, но его мышцы остались при нем, и он весил больше, чем она ожидала.

Стрела просвистела мимо ее головы, когда она вышла из портала. Она вонзилась в стемпель пальмы у ее виллы на Гавайях, чуть не пронзив садовника.

Прижимая Эрика к себе, она ступила на песок. Ее шеф-повар, домоправитель и один из трех охранников, все волки-перевертыши из соседней стаи, прибежали, как только ее увидели.

— Мне нужна помощь, чтобы перенести его в мою комнату. — Она кивнула повару. —

Отправляйся в Центральную Больницу Преисподней и приведи доктора по имени Призрак Быстро.

Остальные помогли поместить Эрика на большом розовом покрывале.

Они принесли теплую воду, мочалки, и пока она ждала Призрака, обтирала тело Эрика нежными легкими движениями. То, что не было разрезанным или стертým до мяса, воспалилось, на пучках пальцев проступали кости, а шея была изодранной парой большущих клыков.

На нем не было ни дюйма без увечий и следов пыток.

— О, Эрик, — пробормотала она, — если бы ты только не поцеловал меня. Если бы ты не заставил меня, тебя желать.

Уголок его опухшего рта приподнялся в намеке на улыбку, и она резко выпрямилась от удивления:

— Ты меня слышишь?

Потрескавшиеся губы сложились в улыбку пошире, до того, как опять сжались в тонкую линию от боли.

Поддавшись порыву, она наклонилась и очень легко коснулась его губ своими, надеясь на ответ.

Ничего. Но, чего же она ждала? Что он внезапно проснется обновленный и полон сил?

Что ее поцелуй вырвет его из царства кошмара? Она всегда любила сказки, со счастливым концом, где принцесса обязательно встречала своего принца, но это не была детская выдумка, где ему внезапно станет лучше от одного ее прикосновения.

Это был кошмар, и в том, что он пострадал, в первую очередь, была виновата она.

Вздыхая, Лимос вытерла кровь из раны на подбородке. Его недавно побрили, но она не стала долго об этом размышлять, поскольку пленных часто брили, оставляя их кожу открытой и чувствительной для пыток.

Господи, через что же он прошел.

— Мне... — Она оборвала себя на полуслове, не в силах сказать такую простую вещь. Мне жаль. Когда она росла, ей запрещали когда-либо говорить эти слова.

И даже проявлять сочувствие, чтобы не происходило. Участие — это слабость. Однажды, когда она извинилась перед посланником, принесшего весть от ее жениха, мать преподала Лимос урок, вырвав у парня глаза перед тем, как отдала его своим рабам для возвращения.

Нет... такими словами не разбрасывались, и она произнесла их лишь однажды. В прошлом месяце, когда убили прислужника Ареса, Торрэнта, горе брата пересилило ее воспитание. И боль Эрика делала с ней то же самое сейчас.

Призрак, одетый в униформу клиники, прервал ее темные мысли. С ним был Тень. Он сногсшибательно выглядел в черном костюме парамедика, и кого-кого, а его она никак не ожидала здесь увидеть.

Братья были так похожи, что если бы не короткая стрижка Призрака и длинные волосы Тени, их бы принимали за близнецов. Кинан шел за ними, весь покрытый демонской кровью.

— Тебе следовало принести Эрика в ЦБП, — сказал Призрак подходя к кровати.

У нее возникло желание придумать какую-то нелепую эффектную причину, потому что сейчас, откровенно говоря, она нуждалась в дозе эйфории, но сцепив зубы и пересилив себя, Лимос сказала чистую правду:

— Я не хотела, чтобы кто-то знал, что его нашли.

Призрак достал ножницы из красной медицинской сумки, положенной Тенью в ногах у Эрика:

— А кто-то, это кто?

— Демоны, от которых он сбежал. — Она посмотрела на Кинана:

— Я надеюсь, ты убил всех, напавших на нас?

— Ну да. Как только вы ушли, они старались влезть обратно в Адские Врата, но обезглавленные демоны далеко не убегают.

Тень помог Призраку срезать порванные штаны Эрика, и Лимос задрожала от злости при виде отёков, синяков и сломанных костей, торчащих сквозь кожу. Она уничтожит ублюдков, сделавших с ним такое.

— Ты не думаешь, что кто-то может догадаться, что Эрик с тобой? — Спросил Тень.

— Никто не знает, где я живу. Ваша больница... достаточно известна. И я не доверяю персоналу, что у вас работает.

Призрак послал ей мрачный взгляд, притрагиваясь ладонью ко лбу Эрика. Его родовой знак засиял, когда он начал вливать свою силу в человека.

— Он в плохом состоянии. Очень плохом. — Призрак нахмурился. — Но у него много уже исцеленных повреждений. Твою мать, его барабанные перепонки прокололи, каждую кость ломали по несколько раз, череп — сплошное месиво. Органы покрыты зажившими шрамами.

— Значит, кто-то его уже исцелял? — Лимос намеревалась подвергнуть похитителей Эрика всему, что пережил он сам. Без исцеляющей части. — Что, или кто, мог это сделать?

Тень вытянул принадлежности для капельницы:

— Они могли использовать заклинания. Есть другие виды демонов, имеющие схожие с нашими способности, но не такие сильные.

Хмурый вид Призрака стал мрачным, а за тем он зарычал:

— Я не могу исправить ничего из старых повреждений, а это значит, что лечил его Семинус. И с последствиями Эрику придется справляться до конца жизни. Я могу исправить многое, но только не работу другого Сема.

— Что ты имеешь в виду? — Кинан придвинулся поближе.

Призрак ощупывал брюшную полость Эрика:

— Это как когда кто-то вправляет сломанную ногу, не зная, что он делает. Кость срастется, но неправильно, оставляя конечность или согнутой, или скрученной. Врач Эрика применял такое лечение практически ко всему. Тот, кто это делал, был хорош в поддержании жизни Эрика, но у него не было практики.

— И ты ничего не можешь сделать? — спросила она, когда Тень прикрепил пакет с какой-то прозрачной жидкостью к стойке кровати и воткнул иглу в руку Эрика.

Призрак покачал головой:

— То, что однажды исцелено демоном Семинусом... нельзя переделать.

Лимос чертыхнулась:

— А что с теперешними повреждениями? То дерьмо, с которым он имеет дело сейчас?

— Это я могу вылечить. — Призрак кивнул Тени. — Нужна твоя помощь, братишка. У него переломы позвоночника, разрыв спинного мозга, ожоги третьей степени, двусторонние переломы большой и малой берцовых костей, усложненные смещением, и множественные рваные раны. Если справишься с его болью, я начну процесс исцеления.

— Подожди, — в какой-то момент, она достала армейские бирки Эрика из кармана и сейчас сжимала их так сильно, как будто его жизнь зависела от этого, — его позвоночник сломан? То есть, он парализован?

— Сейчас — да. Но мы это исправим.

Слова врача звучали очень убедительно, и она всей душой надеялась, что он сделает то, что обещает. Тень сжал запястье Эрика, и его татуировки начали светиться так же, как у брата. Она ходила взад-вперед, беспокойно теребя бирки в руке, протирая дыры в деревянном полу. Она старалась не смотреть, но каждый раз, когда Эрик стонал, она вздрагивала, переводила взгляд на него, и ей становилось плохо от вида его бледной, пожелтевшей как воск кожи и перекошенного от боли лица.

Дважды она останавливала себя на полпути к нему, как будто она могла помочь, даже если единственное, что она могла сделать, это держать его за руку. Успокоит ли его ее прикосновение, или же только больше навредит?

И какая ей вообще разница? Конечно, весы на ее лопатке были опять сбалансированы, но все равно, это был первый раз, когда она переживала, как к ней отнесется кто-то, кроме ее братьев.

Сбитая с толку направлением своих мыслей, она сосредоточила внимание на вещах, не имеющих особого смысла, как, например, обдумывание цветовой гаммы для покраски ногтей.

Наконец, Призрак отошел от больного и вытер бровь, покрытую испариной, обратной стороной ладони.

— Ему нужен отдых, и когда он очнется, проследи, чтоб он в достаточном количестве получал еду и питье. — Призрак накрыл Эрика простыней до самой груди. — Позвони мне, если что-то пойдет не так.

Тень вытащил иглу из вены Эрика и засунул пустой пакет от капельницы и другие инструменты обратно в сумку:

— Я скажу Руне, что он здесь. Она захочет его навестить.

— Конечно. Я дам знать, когда он очнется.

— Лимос, — Кинан вложил монету ей в ладонь, — я забрал это у одного из демонов, которых убил. Кто такой Сартаэль?

Сартаэль? Ну что же, сюрприз, сюрприз. Она поднесла тонкий кусочек металла к свету и внимательно осмотрела изображенный крылатый череп — метку Сартаэля:

— Он Падший Ангел, который отвечает за потерянные и спрятанные вещи. Также, бытует мнение, что он наш отец.

Кинан приподнял в удивлении бровь:

— Я думал, что ваш отец — это ангел по имени Энриет.

— Да, но он перестал им быть, как только Лилит забеременела. Когда ангелы падут, то они получают новое имя, и многие утверждают, что падение Энриета — это наказание за зачатие с демоном. Согласно некоторым слухам, он стал Сартаэлем... которого не видели со времен, когда Лилит родила.

— Так почему же демон имел монету с его меткой?

— Скорее всего, — задумалась она, — он вернулся. Он мог связать ее заклинанием поиска, чтобы она привела хозяина к Эрику.

— Для Эрика все еще существует опасность быть найденным?

— Теперь, когда он выбрался из Шеула, он в недостижимости Сартаэля. За пределами

Шеула, его силы ограничены до поиска демонов и демонских артефактов. — Она перевернула монетку в ладони. — Эрик будет в безопасности со мной.

Кинан внимательно посмотрел на нее:

— Арес пытался убить Эрика до того, как его утащили в Шеул. Как я могу быть уверен, что с ним здесь все будет в порядке?

Лимос старалась не обидеться, но все равно не сдержалась:

— Разве звала бы я Призрака, если бы хотела видеть его мертвым?

— А как насчет твоих братьев?

— Им не нужна его смерть. — Эта ложь легко слетела с языка, возможно потому, что она желала, что бы это было правдой. — Я клянусь, Кинан.

Он ответил коротким кивком и вышел вслед за Призраком и Тенью. Как только дверь закрылась, Эрик громко простонал. Этот звук был как удар меча в живот. Она никогда не умела особо утешать. С выражением собственных мыслей у нее не было проблем, но желание заботиться о других, никогда не было ее частью.

Она направилась к кровати неуверенными шагами, как будто подходила к раненому медведю, а не к мужчине в бессознательном состоянии.

— Эрик? — Ее голос напоминал жабье кваканье.

Он простонал опять, громче, стиснув челюсти, как от невыносимой боли. Может опять позвать Призрака...

Его тело напряглось и затряслось, голова начала метаться на подушке, вены вздулись у основания шеи, когда губы раскрылись в немом крике.

Мысли о помощи демонского доктора вылетели из ее головы, вытесненные внезапным желанием положить конец мукам Эрика. Она быстро вскарабкалась на постель, используя свое тело, чтобы уменьшить его неконтролируемые конвульсии. Настолько нежно, насколько была способна, девушка положила голову ему на плечо, а руку — на грудь. Она чувствовала биение его сердца ладонью и слышала его громкий стук. Лимос никогда не была настолько близка с мужчиной, и должен ли ее пульс быть таким же учащенным, как и у него?

Эти новые чувства заставили тело звенеть, и пришло странное ощущение... правильности, хотя она никогда раньше не подозревала, что что-то не так.

Еще один мучительный стон вырвался из его груди, звук невообразимых страданий. Физически его исцелили, но морально... она даже думать не хотела о том, какой вред ему нанесли. Эрик дернулся, его мышцы сократились с такой силой, что руки взлетели вверх.

— Шшшш... — Она дотрагивалась до него долгими, нежными движениями, касалась успокаивающими поглаживаниями его волос, челюсти и шеи. Он утихомирился, дыхание выровнялось, опускание и поднимание грудной клетка стало размеренным. — Вот так. Спи.

Рука Эрика взлетела, повергнув Лимос в изумление, когда его пальцы обвили её запястье.

Она наблюдала, не дыша, как он поднес ее ладонь к своим губам, и, она могла поклясться, поцеловал.

Сбитая столку его нежностью и переполненная чувствами, бурлившими в ней, Лимос полностью замерла. Никто никогда не был с ней таким... она даже не знала, каким словом это назвать, настолько чуждым для нее был поступок Эрика.

Она была уверена в одном, что ее имя, имя Всадницы, Голод, подходило ей как нельзя лучше. Лимос всегда чего-то желала, но не могла понять чего именно, потому, что не

чувствовала ничего подобного. Зато теперь знала.

Прикосновения мужчины. Мужского расположения.

Теперь она испытывала потребность, ранее ей не ведомую. И это было очень, очень плохо.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 7

Тепло. Мягко. Удобно.

Эрик застонал от такой роскоши. Открыв глаза, он ожидал увидеть черные стены своей камеры, но вместо этого над ним, на жемчужно-белом потолке, совершая ленивые обороты, кружился вентилятор, сделанный из пальмовых листьев. А легкий океанский бриз и теплые солнечные лучи проникали сквозь открытые окна.

Точно сон. Он опять видел сон. Черт, ему это нравилось. На короткое время он мог обрести покой и чуточку облегчения от постоянной боли и голода.

Закрыв глаза, он перевернулся... и стукнулся о чье-то теплое тело. Теплое, женское тело. Ему не нужно было смотреть, чтобы понять, кто это. Ее тропический аромат, с запахом рома и средства для загара, заполнил его ноздри.

Эрику следовало скинуть Лимос с кровати, да так, чтобы она приземлилась на задницу. Но это был сон, а она была такой горячей, и впервые он чувствовал себя так прекрасно с момента, когда попал в клетку.

Мгновение, и она зажата под ним, его рот на ее губах, а его бедра уютно устроились между ее ног. Лимос пискнула от удивления и возмущения, но он заставил ее замолчать используя свой язык.

Ооо, и как удобно... он уже был раздет. Обычно, в таких снах, ему нужно еще было раздеться.

Или позволить Лимос раздеть его.

Ее руки легли Эрику на плечи как-то неуверенно, что показалось ему странным, поскольку в прежних снах она была агрессивной, требовательной тигрицей, которая либо брала то, что хочет, либо заставляла потрудиться, чтобы получить то, чего хочет он.

Сейчас же она была робким котенком, наверное, очередная игра.

Ее ладони нежно спустились по его спине, и да, точно игра. Лимос не была нежной. Скорее она действовала напролом, кусаясь, царапаясь, пинаясь при этом ругаясь матом и сыпля колкостями своим острым язычком.

Языком... который переплетался с его, опять же таки, неуверенно, и, блядь, но она была хороша изображая все это приторно-сладкое, невинное дерьмо.

Странно, его это завело, и он выгнулся, прижимаясь своим твердым членом к ее пылающей плоти, нежно опуская руку ей на талию.

Их стоны смешались, ее прикосновения стали смелее, а движения языка более увереннее.

Он играл в эту игру, позволяя ей изучить его рот не торопясь, хотя его тело требовало, чтобы он взял ее немедленно, как он всегда это делал в своих снах.

Лимос лизнула его губы, коснулась зубов кончиком своего языка, а ее пальцы впились в

мышцы у основания его спины.

Ему хотелось сказать, чтобы она сжала сильнее, отметила его кожу своими ногтями, но это настолько отличалось от секса в его снах, было таким реальным, и таким невероятно нежным, что он просто позволил этому продолжаться.

— О, да. — Прошептал он ей в губы, начиная вращать бедрами, не взирая на желание не торопить события.

Он переместился, чтобы снять ее рубашку, в то же время осыпая ее кожу поцелуями.

Он вкушал Рай и Ад, свет и тьму, Она была сладкой, но в то же время и с перчинкой. Он целовал и покусывал ее шею, проводя рукой от живота к груди.

И снова, сон оказался не похожим на прежние. Ее грудь теперь была меньше, твердой вершиной, полностью заполнявшей его ладонь, словно создана для него.

Эрик слегка ударил пальцем ее дерзкий сосок и нежно погладил шелковую кожу вокруг дрожащими пальцами. Он себя чувствовал так, как будто это был их первый раз вместе, что было чертовски странно.

Ноги Лимос обхватили его талию, и она выгнулась, чтобы встретить его движения. Напряжение между ними нарастало быстрее, чем он ожидал.

Его плоть стала твердой как камень, а яйца наполнились до такой степени, что он готов был взорваться. И когда руки Лимос опустились на его задницу и крепко прижали к себе, он знал, что достаточно одного чувственного прикосновения или грязного словечка, и его выдержке придет конец.

Рык рвался из его горла, и Лимос ответила чувственным мурлыканьем, проводя губами вниз по его подбородку, спускаясь к шее и завершая все слегка саднящим укусом.

Так хорошо... ему было так хорошо. Впервые с того момента, как он прикоснулся к ней, он открыл глаза, чтобы посмотреть на ее роскошное тело. Ее вид сразил его.

Безупречная загорелая кожа покрывала перекачивающиеся на руках и животе мышцы, когда она под ним извивалась. Ее грудь являла собой две совершенные возвышенности, молящие попробовать их на вкус.

Не в силах устоять, Эрик сомкнул губы на одной из них, наслаждаясь гортанным удовлетворенным вздохом Лимос. Он сосал с жадностью, вбирая в рот теплую плоть, и облизывал ее языком. Эрик мог поклясться, что испробовал вкус солнца и ветра на ее коже, аромат свободы, ленивых дней и жарких летних ночей, полных секса на пляже.

На коже выступил пот, от усилий продержаться еще немного, но то как она извивалась под ним, так сексуально, так совершенно, отправило его за край.

Яростным рывком он подался вверх и снова завладел ее ртом, раскачивая бедра и вбиваясь в нее с той безумной нуждой, что казалась давно забытой и критически необходимой.

— Эрик, — прошептала она. — Нам не стоит... нельзя... ох, да... прямо... там.

Ему не нужно было подтверждение, что он все делает правильно. Ее реакция, то как она откинула голову, открыла рот, из которого вырывались мягкие хриплые стоны... да, Эрик знал, что сводит ее с ума.

Готовый прорваться сквозь член, оргазм вскипел в его яйцах. Он ударил словно локомотив, врезаясь в него, когда Лимос закричала от собственной разрядки. Она была такой горячей, такой влажной вокруг него...

Стоп... он не был внутри нее. Мысль прорвалась сквозь туман пока Эрик содрогался в оргазме, ощущая, как горячие струи попадают на ее живот и грудь.

Он приподнялся на дрожащих руках и нахмурился. Фиолетовые глаза Лимос подернулись сексуальной дымкой, щеки покраснелись, губы опухли. Она была всем, о чем мог мечтать мужчина. Но, с ужасающей ясностью, он понял, что это не сон.

Святой ад, да это ночной кошмар.

Сердце Лимос бешено колотилось, её тело пульсировало от первого в жизни оргазма, испытанного с мужчиной. Чёрт, что она пропустила.

Ей оставалось только догадываться каково это, когда мужчина внутри тебя. Особенно, если этот мужчина — неподражаемый человек с телом, созданным ублажать женщин.

Господи, каким красивым Эрик выглядел во время оргазма. Его жесткие черты смягчились от лучей позднего утреннего солнца, пробивающегося сквозь окна и от пережитого наслаждения. Мышцы сократились и покрылись пульсирующими, вздувшимися венами под блестящей кожей.

Теплые струи семени выплескались на ее живот, и хотя она была не против почувствовать их внутри себя, это было просто восхитительно.

Она заставила мужчину кончить, и хоть Лимос была одной из самых могущественных существ на планете, то, что она сделала для Эрика, принесло ей небывалое, ни с чем не сравнимое удовлетворение.

Она была опьянена тем, что они сделали. Губы все еще саднили от его поцелуев, и она считала это лучшей частью их любовных игр.

Привязанность, которой она так желала, и которую он проявил ранее, целуя ее ладонь, прошла по ней электрическим разрядом, возрождая ее к жизни, даря ей ощущения порхающих бабочек внутри.

Очень неуверенно она провела пальцами по его щеке. Ей хотелось передать, как она сожалеет о том, что с ним случилось. Хотела сказать, насколько сильным считала его за все, что он пережил.

Она смогла только прохрипеть:

— Эрик.

Словно его имя было спусковым крючком, Эрик взорвался в действии, рванулся прочь от нее и от кровати.

— Заткнись. — Он отступал назад пока не врезался в комод.

— Все в порядке Эрик. — Лимос села на постели, свесив ноги с кровати. — Ты в безопасности.

— В безопасности? — недоверчиво спросил он. — Безопасности? Да я в аду, глупый ты демон.

Ладно, Лимос ожидала, что он будет зол из-за того, что с ним случилось, но "глупый демон"? Она неловко схватилась за свою рубашку.

— Послушай меня...

— Кто ты?

Лимос моргнула. Он не узнал ее? Он только что обрызгал ее своим семенем и даже не знал кто был под ним?

Унижение окрасило ее щеки, когда она вытирала уже холодное семя со своего живота простыней. Потом резко накинула рубашку:

— Это я, Лимос.

— Ложь. Убирайся из моей головы. — Его глаза стали дикими, он начал часто дышать, и сквозь опьяняющий запах секса она чувствовала его злость и замешательство. — Пошла вон, немедленно!

Она изменила тембр голоса, стараясь его успокоить:

— Эй, просто объясни, что происходит.

Он посмотрел на нее так, будто это она была сумасшедшей:

— Ты меня не обманешь. — Взмахнув рукой, он снес вазу со свежими цветами с ее тумбочки у кровати. Стекло разбилось о стену, а вода и изломанные стебли упали на пол из темного дерева. — Все это дерьмо — ложь. Я знаю, я в своей камере, а ты — какой-нибудь уродливый демон, притворяющийся ...ею.

— Притворяющийся мною? Лимос?

— Ты не заставишь меня сказать ее имя, так что прекращай этот цирк. — Он осмотрел себя сверху вниз. — Господи, ну и глюк я словил, у меня даже нет одежды.

Черт. Он и вправду думал, что демоны пробрались ему в голову и заставляли видеть вещи, которых на самом деле не было.

— Эрик, постарайся вспомнить. — Лимос присела, стараясь не спугнуть его. Он напоминал дикое животное, раненное и загнанное в угол, но опасное своими непредсказуемыми поступками. — Ты был в плену более месяца. Я не знаю, как тебе удалось выбраться из заточения, но я нашла тебя у Врат Ада около Эрта Але. Ты был без сознания. Я принесла тебя сюда, на Гавайи, а Призрак и Тень исцелили тебя.

— Заткнись. — Он сжал голову обеими руками, будто стараясь не дать ей слететь с шеи. — Ради Бога, заткнись!

Лимос медленно выдохнула, не уверенная в том, как ей со всем этим справиться. Но было ясно, что ее присутствие раздражало его.

— Я принесу тебе что-нибудь из одежды и еды, хорошо? Почему бы тебе не привести себя в порядок? Устроиться поудобнее. В ванной есть новые зубные щетки и паста, и мыло. — Она показала на дверь, ведущую на улицу. — Можешь выйти на веранду, но снизу будут охранники. Ты не заключенный, но пока не поправишься, я не могу разрешить тебе уйти.

Он сердито на нее уставился:

— И почему же невозможность покинуть здание, не делает меня пленным?

— Потому что я так сказала.

О, это было очень по-взрослому. Черт побери, Эрик умел выводить ее из себя и сбивать с толку. Ей нужно собраться с мыслями. Причем быстро.

С сердцем, бьющимся, как будто она пробежала марафон, она буквально вышвырнула себя из спальни и пулей полетела вниз через холл и в кухню, где быстренько набросала Танатосу сообщение, чтобы он принес кое-какую одежду.

Лимос начала заниматься единственной вещью, по ее мнению способной помочь Эрику — накормить его.

Она сделала многослойный сэндвич с индейкой, отрезала кусок бананового пирога и взяла бутылку воды из холодильника.

Звуки чьих-то шагов заставили ее замереть на месте, не успела она сделать и трех шагов от стола.

Ресеф.

Она узнала бы его походку в любом месте в любое время. Только, он больше не был Рэсэфом, и хотя на девяносто девять и девять процентов она была уверена в этом факте, иногда червь сомнения точил ее изнутри. В голове всплывали воспоминания о вещах, очень знакомых и близких, как, например, когда он ураганом носился по ее дому, устраивая вечеринку, или надоедал просьбами сходить в кино.

— Приветик, сестренка, — сказал он, растягивая слова. Мор устроился в проеме двери, внимательно всё осматривая, его большое, закованное в броню тело преградило путь в комнату Эрика:

— Не хочешь поблагодарить меня за спасение твоего жалкого человеческого питомца?

— Он сбежал, ты, лжец.

— Он выбрался из камеры, — возмутился Мор, — я же доставил его к Адским Вратам до того, как демоны схватили его. Правда, я оставил его в худшем состоянии, чем нашел, но ведь за все нужно платить, не так ли?

— Так это ты, — зарычала она, — ты — тот, кто его избил.

Он безразлично передернул плечами, один из шипов на его наплечнике прорезал глубокую впадину на белой краске косяка ее двери:

— Я не сделал ничего, чего не сделали его похитители. Или сделали бы, если бы ты не добралась до него раньше, чем парни Сартаэля.

— Я тебя презираю.

Мор в притворной обиде схватился за грудь:

— Ты меня ранила.

О, она хотела бы его ранить, но мечем:

— Чего ты хочешь? Я сделала все, о чем ты просил, так что можешь убираться из моего дома к чертовой матери.

Ее брат провел пальцем по выгравированному, на латном нарукавнике, символу лука и стрелы. Правильное прикосновение призовет реальное оружие в его руки, и Лимос надеялась, что он не собирался всадить стрелу ей между глаз.

— Я пришел сказать, что у тебя хороший вкус, — произнёс он, останавливая движения пальцев.

Она уставилась на него:

— Да не уже ли?

— Да. — Удовлетворение засияло в его глазах постепенно превращаясь в хищный блеск, а губы приоткрыли клыки, длинной в ее мизинец. — Я кормился от твоего паренька, он очень мягкий на вкус. Впрочем, ты сама убедишься, когда твоя Печать сломается.

Бешенство от осознания того, что он запустил свои клыки в Эрика, бушующим пламенем разлилось по ее венам. Ее брат жестоко обошелся с Эриком, причинил ему боль и использовал, но кроме этого, к злости примешивалось чувство ревности.

Мор испытал с ним нечто личное... и, хотя, это было болезненное и вывернутое наизнанку понимание личного, но несомненно, кормлению присуща некая навязанная близость, интимность проникновения под кожу. И она ни чуточку не сомневалась, что ее брат получил огромное удовольствие от того, что сделал.

Лимос очень хотела запустить ножом для мяса в голову Мора, но она не подарит брату такого удовольствия.

— Моя Печать не сломается, — тихо ответила она.

— Сломается. — Мор оттолкнулся от дверной рамы. — Это единственная причина, по

которой я еще не убил человека. Я хочу, чтобы ты это сделала. Хочу наблюдать, как ты иссушишь его до смерти.

— Почему тебе так важна его смерть?

— Потому что, — сказал он голосом столь же темным как черное вещество, сочившееся из стыков его лат, — он также питался от меня. А значит, когда он умрет, его душа станет моей. У меня свои планы на нее.

Ужас сдавил горло Лимос, сжав настолько сильно, что она едва ли могла дышать, но все же она поборолла желание накинуться на брата.

Когда Лимос снова смогла заговорить, голос стал очень хриплым.

— Зачем? Почему ты это сделал?

Но прежде чем успела полностью озвучить вопрос, она уже знала. Каждая душа, которую забирает Мор, делает его сильнее. Но тут было что-то большее.

— Да, — протянул Мор. — Ты знаешь зачем. Мозгов у тебя всегда было больше чем сисек. — Он блеснул клыками, — в обмен на душу Эрика, твой муженек даст мне все, что я захочу.

Спокойствие Лимос испарилось. Она схватила нож для мяса и изо всех сил метнула его.

Мор изящно увернулся, лезвие, не причинив вреда, впилося в стену и завибрировало. Бросив через плечо улыбку, он отошел в угол и исчез из вида.

Мудак. Проклятый сукин сын.

Закрыв глаза, Лимос уперлась кулаками об стол и стояла так пока не успокоилось кровяное давление.

Но как только шквал эмоций утих, она снова слышала звук шагов.

В этот раз в кухню вошел Танатос, одетый в свои обычные черные брюки и длинное черное пальто, застегнутое от воротника до талии. Лимос могла поспорить, что под ним был черный свитер. Вместо любимых готических сапог на толстой подошве, он одел военные ботинки.

— Выглядишь ужасно. — Тан бросил на стол пару тренировочных штанов и футболку. — И почему в стене нож?

— Здесь только что был Мор, и целью был его затылок.

Танатос напрягся, его желтые глаза потемнели до золотисто янтарных. Вокруг него завихрились тени.

— Чего он хотел?

— В основном, подразнить меня.

Боже, Лимос ненавидела все это. Ненавидела, что ее брат превратился в зло. Ненавидела его власть над собой. Ненавидела, что теперь он владел душой Эрика так, как никогда не сможет она.

Не то, чтобы она хотела душу Эрика, но определенно Лимос не хотела, чтобы та была у Мора. Эрик был... что? Ее? Невозможно, даже если бы он ее не ненавидел.

Танатос затих, словно размышлял чем их брат мог дразнить Лимос. Она ждала вопросов и удивилась, когда он спросил:

— Как там человек?

— Не уверена. Он не помнит, как сбежал.

— Ты поработала над его воспоминаниями?

Они с братьями могли стирать воспоминания — в зависимости от ситуации и личности, обычно они изменяли события, случившиеся не позднее пары часов назад, но чаще всего,

большого и не требовалось.

— Я ничего ни делала с его мозгами. Он думает, что все еще находится в Шеуле. — Лимос разочарованно вздохнула. — Я немного обеспокоена. — Немного? Да она напугана до чертиков.

— Да, но, помнишь какой нервной была ты после того, как сбежала от Эгиды?

Как такое можно забыть? Те ублюдки парализовали ее слюной адской гончей и держали в темнице, пока тыкали и пихали, устраивая небольшие пытки просто ради удовольствия. Ресеф спас ее и Лимос понадобилось целых два дня, чтобы пережить то испытание.

— Ему просто нужно немного времени.

Танатос переступил с ноги на ногу.

— Говоря о котором...

— Не произноси этого, — зарычала Лимос. — Убить Эрика, чтобы его не поймали демоны, больше не вариант. Наш придурочный брат провернул с ним какой-то вид обмена кровью. И теперь, если Эрик умрет, его душа будет принадлежать Морю.

— Блядь, — выдохнул Тан. — Это плохо.

— Думаешь? — Она нагрузила поднос едой и водой. — Я только не понимаю, чего он ждет? Почему уже не убил Эрика?

— Без понятия. Может привязывание души сродни обращению в вампира? Ее нужно "взять"?

— В этом я ничего не смыслю, но у меня есть и хорошие новости. — Лимос достала монету Сартаэля из кармана своих шорт. — Посмотри, кто объявился. — Она щелчком бросила монету Тану, который легко поймал ее на лету.

— Так, так, — пробормотал он, изучая чеканку. — Скрывающийся ангел пришел поиграть в Апокалипсис. — Он взглянул на Лимос. — Где ты это взяла?

— Я убила демона, который пытался с ее помощью отследить Эрика, — сказала она, наслаждаясь вспышкой жара, скользнувшего по коже. Она могла сказать Тану правду, что Кинан убил демона, но брат начнет беспокоиться о том, что она там делала с Кинаном. — Я думала Сартаэль мертв.

— Долгое время ходили слухи, что он не мертв, а находится в плену у Сатаны. Некоторые даже говорили, что его превратили в адскую крысу и держат, как питомца.

— Тогда зачем освобождать его именно сейчас?

— Может твой жених настолько отчаянно хотел найти Эрика после того, как тот сбежал.

— Возможно, но это крайняя мера — освобождать Сартаэля после такого длинного заключения чтобы найти одного человека. — Она посмотрела на торчащий из стены нож. — Мор, — ей захотелось плюнуть при упоминании его имени. — Мор упоминал Сартаэля, когда был здесь. Могу поклясться твоим левым яичком, что все это Мор устроил, чтобы тот помог найти мой агимортус.

Танатос подкинул монетку на ладони несколько раз:

— Я бы попросил тебя не разбрасываться моими яйцами так легко, но, все же, это имеет смысл.

— Мы можем использовать монету, чтобы найти Сартаэля?

— Нужно посмотреть в моей библиотеке. Также Ривер может что-то знать. Я призову его.

Просто класс. Как раз время создать хоть какой-то план. Она схватила поднос и одежду

и позволила Танатосу проводить ее к спальни.

Заботлив как всегда, он пошел впереди, открыл дверь и осмотрел комнату перед тем, как впустить ее туда. Эрик сидел в комнате, все еще голый, опустив голову на колени.

Он поднял голову и посмотрел на них, и на этот раз, взор его прекрасных карих глаз был осмысленным.

— Привет, — произнесла Лимос мягко, — я принесла одежду. — Она бросила все на кровать. — И еду.

Она начала медленно подходить к нему, но остановилась, когда его зубы обнажились в молчаливом оскале. Тан стоял за ней с угрожающим видом, что никак не помогало ситуации.

— Уходи, — сказала она одними губами, и когда ее брат не двинулся с места, слегка подтолкнула его локтем. Вложив в свой взгляд все свое неудовольствие, Тан вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Не делая резких движений, Лимос поставила поднос на пол и отползла подальше. Учитывая голодный взгляд, который появился на лице Эрика, она ожидала, что он вскочит на ноги и накинется на пищу.

— Ты меня за дурака принимаешь? — Его голос превратился в грозное рычание. — Ты думаешь, я попробую съесть это? А где моя ежедневная порция глаз и потрохов?

Глаза и потроха? От осознания этого ее замутило. Они кормили его этим гребаным дерьмом, и, скорее всего, дразнили настоящей едой, наказывая, когда он пытался съесть нормальную пищу.

Никогда раньше она не хотела совершить массовое убийство... до этого времени.

— Никаких глаз и всего прочего на сегодня. Специальное блюдо.

— Пошла на хер. Хочу свою обычную еду. И не говори, что у вас закончилось тухлое мясо, кишашее личинками, потому, что как раз этого добра у вас навалом.

— Давай так, — сказала она непринужденно, — ты получишь обычную гадость после того, как съешь это.

Она отошла к двери, надеясь, что он поест после ее ухода, но подозревала, что не станет.

Оказалось, Лимос была права.

Она спряталась за стеклянной задвижной дверью, что вела из задней части дома в спальню, и наблюдала, как он усаживался на еду, пожирая ее взглядом. Когда стало очевидным, что Эрик не прикоснется к пище, она отыскала Хекили, складывающего продукты в кладовой.

— Мне нужно что-то... отвратительное на вид, — попросила она. — Что-то съедобное, но не похожее на нормальную еду.

Лимос задумалась, гадая, как бы поточнее передать атмосферу, царившую в его камере:

— И положи все на бумажную тарелку, или дешевую фольгу из-под пирога.

— Я знаю, что можно приготовить. — Улыбаясь, Хекили вытер руки о полотенце, висящее на плече его поварского кителя. — Хаггис[7].

Да, как раз то, что надо.

— Отлично.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 8

Хайвестер терпеть не могла, когда ей кто-то приказывал, но инструкции, которые она недавно получила, проигнорировать она не могла.

Она их не понимала, но знала, что если облажается, то окажется в большой беде. А если с успехом выполнит, окажется еще в большей беде.

То, что Хайвестер собиралась сделать, могло поставить под угрозу ее жизнь с того момента, как она покинула Шеул и вошла в человеческий мир, где силы Небес могли выкурить ее, как сигарету, а потом и затоптать ботинком размером со вселенную.

Она оглядела свое место пребывания, которое, несмотря на то, что было богато декорировано картинами, представляющими разные регионы Шеула, все же было холодным и непривлекательным, как почерневший лес, окружающий дом.

Ее раб-оборотень Вайн был единственным, кто давал ей подобие семейной жизни, хотя сегодня он был уставшим. Прошлой ночью она взяла у него чуть больше крови, и хотя он никогда не станет жаловаться на усталость, Хайвестер видела ее в том, как он двигался — медленнее и без своей обычной грациозности.

Но Хайвестер не могла позволить себе чувствовать себя плохо, и, естественно, не могла позволить себе проявить к Вайну сочувствия. В этом месте доброта убивала.

— Прекращай слоняться без дела, — рявкнула она. — Мне нужно немедленно подготовить комнату для гостей. — Хайвестер не стала дожидаться, когда Вайн кивнет. Она переместилась прямо к одному человеку, который мог помочь ей выполнить миссию — самому могущественному Орфмейдж в преисподней.

К Нитулу Гормеш, который занимал кристальную башню на скалистом берегу реки Ахерон.

Вокруг башни, прозрачной как стекло, патрулировали охранники. Башня могла менять цвет и степень прозрачности по прихоти Гормеша.

Он был в своей лаборатории, расхаживал между рядами испытуемых. Безвольными испытуемыми, если то, как они были привязаны к столам и заперты в клетках, было каким-то признаком.

Охранники не стали с ней связываться, поэтому Хайвестер без проблем прошла через парадные двери.

В тот момент, когда двери закрылись, стены дворца превратились в дым, и в то же мгновение в верхней части парадной лестницы появился колдун.

— Хайвестер, — его голос был таким же дымчатым, как стены. — Сколько лет, сколько зим.

На самом деле, они не виделись недолгое время. Она не стала ходить вокруг да около.

— Мне нужно что-нибудь, что может парализовать ангела.

Гормеш присвистнул, долго и низко.

— Ангелов не легко обездвигить. Ты это знаешь.

— Естественно, я это знаю, — произнесла она сквозь зубы. Может она и покинула Небеса несколько тысяч лет назад, но каждое воспоминание о времени, проведенном в качестве чистокровного ангела было настолько же острым, как скальпели Орфмейджа.

— Почему бы просто не заманить ангела в ловушку защитным заклинанием и обрезать ему крылья?

— Потому что именно этого ангела не так-то легко заманить в ловушку, и у меня нет времени на создание чего-нибудь посложнее. — Хайвестер начала подниматься по лестнице, удерживая взгляд колдуна. — Мои приказы исходят с самого верха, поэтому любая помощь, которую ты можешь мне оказать, хорошо... оценится.

— Говоришь, с самого верха? — его похожие на эльфийские уши дернулись. — Пойдем со мной. Это тебе дорого обойдется, но мы что-нибудь придумаем.

Отлично. Ублюдок не продешевит и в самых простейших вещах. А это дело? Оно будет стоить ей больше, чем она могла себе позволить.

Но выигрыш будет впечатляющим. Ривер не узнает, что его сразило.

Ривер улыбнулся, глядя на кучу мертвых демонов, лежащих в грязи у его ног. Из всех его обязанностей, убийство демонов была любимой. Будучи ангелом-воином Могущественного ордена ангелов, его и создали для подобных дел, в которых он был хорош.

Естественно, когда его лишили крыльев и выгнали с Небес, он работал доктором в Центральной Больнице Преисподней, где исцелял демонов.

Но он выбирал, кого спасать, потому что правда была в том, что не все демоны — зло, как и не все люди — добро.

Во всем существовало равновесие, с начала времен существовали инь и янь, и по большей части этот баланс работал.

Пока не сломали печать Чумы, и теперь баланс между добром и злом стремительно менялся... и не в пользу добра.

Зло выползло из Шеула и повсюду заражало людей, включая и это место — отдаленную польскую деревеньку, где люди пошли друг на друга, не понимая, что действия их были продиктованы демонами, которых только что убил Ривер.

Гетель — ангел, которая была хорошим Смотрителем Всадников до того, как Ривер чуть меньше года назад принял назначение вместо неё, появившись в одном из домов, где убили всю семью.

— Все души переправлены, — сказала она, плавно двигаясь к нему. — Но слишком многие переправлены на неправильную сторону.

Это была проблема с тем видом зла, с которым они сейчас имели дело. Слишком многие люди, которые не обычно опустили во тьму, позволили злу пробраться в их тела и разум. В битве за души Небеса всегда имели преимущество, но даже это начало меняться.

Гетель посмотрела на мертвых демонов и скривила в отвращении губы.

— Ривер, твоя сила впечатляет. Понимаю, почему именно тебя выбрали в качестве моей замены. — Она улыбнулась и расправила крылья — белые с золотым — взмахнула ими и начала тщательно складывать за спиной. — Передай Лимос мои наилучшие пожелания. Я по ней скучаю. И по Ресефу. — Ее улыбка стала печальной. — Я думала, что в нем останется немного человечности, несмотря на то, что его Печать взломана.

— Я тоже так думал. — Ривер поднял руку в отстойном формальном жесте, который часто использовали его приятели ангелы. — Прощай, Гетель

Она исчезла так быстро, что если бы Ривер моргнул, то бы не заметил, как это случилось.

Вокруг него тела убитых демонов превращались в прах, как это всегда бывало в мире

людей, если только они не были оборотнями, перевертышами, или принадлежали к виду Семинусов, или к любому другому, имевшему человеческий облик.

То есть, если они были из тех, кто не мог выдавать себя за людей, то разлагались за считанные секунды.

Волосы у него на затылке встали дыбом за мгновение до того, как появилась Харвэстэр.

— Привет, сексуальный жеребец. — Сказала она, и сарказм, прозвучавший в ее словах, заставил его сжать зубы от злости. Она стояла прямо перед ним, с душой такой же черной, как и ее крылья и волосы, цвета безлунной ночи.

— Что тебе надо? У меня дела. — Говоря о которых. Он должен был ответить на призыв, который в последние несколько минут не давал ему покоя и превратился внутри него в назойливое покалывание.

Он был нужен Танатосу, и Ривер гадал, что же могло случиться.

Всадники никогда не злоупотребляли призывами, хотя Ривер иногда хотел, чтобы они просили его прийти почаще. Неужели от них убудет, если они позовут его ну, скажем, на пикник?

Или на одну из пляжных вечеринок Лимос? Ангелы тоже ведь едят.

— Я всего лишь жаждала насладиться твоей ангельской красотой. — Харвэстэр захлопала ресницами, от чего Ривер только фыркнул.

— Я думаю, ты бы скорее появилась, чтобы опять прихлопнуть меня скалой. — Он обвел рукой местный пейзаж. — Здесь целый горный хребет в твоём расположении.

— Ай-яй-яй. Ты мне совсем не доверяешь?

— Наверное, я не верил тебе и тогда, когда мы вместе были на Небесах. — Скорее всего, потому, что он сам этого не помнил.

Его память, так же, как и любое свидетельство его существования, по какой-то причине была стерта, и он не мог припомнить никаких событий, предшествующих его падению четверть столетия тому назад.

Даже получив крылья назад, он не смог вернуть свою память, и ни один из известных ему ангелов, ни падший, ни какой-либо другой, также его не узнавал.

Харвэстэр передернуло. Медленное движение красивого оголенного плеча привлекло его внимание. Господи, она была одета как стриптизёрша — в черный кожаный корсет, мини-юбку, сетчатые чулки и туфли на шестидюймовых каблуках[8].

Ривер мог строить из себя святошу и хорошего парня, но одной из опасностей пребывания на земле (особенно сейчас, когда зло проникло во все сферы жизни) было то, что ангелы чувствовали то же, что и люди. Особенно похоть. А Риверу всегда нравились откровенно одетые плохие девочки.

Он сузил взгляд. Знала ли Хайвестер об этом маленьком грязном секрете?

— Я не всегда ненадежна, — немного уязвлено ответила она, несмотря на показное безразличие. — Мне не нравится служить. — Хайвестер улыбнулась, сверкнув клыками. — Мне больше по вкусу командовать.

— Ты пришла просто поболтать, или из-за чего-то важного?

— Это определенно важно.

— На счет Всадников? — Это единственная причина, по которой она стала бы его искать. Это единственное, что их объединяло.

— В некотором смысле. Ты знаешь человек, Эрик, сбежал из Шеула.

Нет, этого он не знал. Должно быть поэтому Танатос призывал его.

— Я слышал.

Она наклонилась подобрать что-то, похожее на колечко, выставляя на показ тонкую полоску черного нижнего белья, которое прикрывало только часть из того, что должно было скрывать, и Риверу пришлось закусить внутреннюю часть щеки и отвести взгляд.

— Как мило, — выпрямившись, пробормотала Хайвестер.

— Уверен, это бесценное сокровище. Теперь, что там на счет Эрика?

— Он с Лимос. — Она передала Риверу серебряное колечко, и он был слишком отвлечен, созерцая грудь падшей, которая практически вывалилась из корсета, когда та нагнулась, чтобы задаться мыслью, зачем ей что-то давать ему в руки. — Мор пометил его душу.

Ривер быстро и резко вздохнул.

— Он что?

— Ага. Мор удостоверился, что после смерти Эрика, душа последнего отправиться напрямик к нему. Он развивает таланты быстрее, чем мог представить любой из нас.

Проклятие, но злые Всадники быстро становились могущественнее. До того, как Печать Ресефа сломалась, только Танатос мог контролировать души.

Теперь Мор мог не только высасывать сущность из еще живых людей, превращая их в покорных слуг и при этом увеличивая свою силу, но и мог заклеить душу, что было доступно только нескольким наиболее могущественным демонам.

— Это не хорошо, — пробормотал Ривер.

— Не хорошо для тебя, — поправила его Харвэстэр, — но это огромный бонус для моей команды. Улыбнувшись, она подошла поближе и положила руку ему на грудь. Ее голос стал низким и чувственным.

— Знаешь, что еще хорошо для моей команды? Ты. У меня в плену.

Что-то у него в голове кричало об опасности, чувство грозящей катастрофы накрыло с головой, но до того, как он смог определить источник беспокойства, его тело застыло, стало оцепеневшим, будто высеченным изо льда.

Хайвестер пленила его. Каким-то образом, она сумела его обездвигить.

Сердце замерло, и даже не взирая на панику, не могло совершить ни одного удара, но все же Ривер почувствовал, как Харвэстэр ткнула его пальцем в грудь и опрокинула на спину. Так что ему оставалось только смотреть в серое послеобеденное небо.

Минутой позже его взор затуманился, но он различал лица над ним. Слышал голоса вокруг. Чувствовал, как чужие руки бесцеремонно вцепились в его тело, а затем вспышка... и, внезапно появившийся острая боль в груди, подсказала, где он находится.

Шеул.

Хайвестер утащила его в ад. Это было огромным нарушением договора Наблюдателей. Но определенно, Хайвестер было все равно.

— Забери его в комнату для гостей.

Ривер хотел сопротивляться, кричать, хоть как-то бороться, но не мог и пальцем пошевелить. Мог лишь ощущать. Как же отстойно, что остальные чувства притупились, а осязание работало прекрасно.

Пока его несли, успели несколько раз двинуть, затем бросили ничком на какую-то поверхность, скорее всего — стол и заковали в цепи по рукам и ногам.

Он лежал на столе, не имея возможности двигаться, и даже думать толком не мог.

— Давай, Вайн. — Глаза Хайвестер сверкнули предвкушением, когда ее слуга

оборотень вышел вперед с медицинским ножом для распиливания костей, с острым зазубренным лезвием, который явно уже не раз побывал в работе. Ривер работал с такими в Больнице Преисподней и чертовски хорошо знал, как они выглядят.

Когда еще один слуга приблизился к нему, разорвал рубашку и изо всех сил растянул крылья, Ривер понял, что очень скоро еще и узнает, как оно ощущается.

Мор не мог определить в хорошем он настроении или в плохом. Такое часто случалось с ним в последнее время. Обычно, он просто трахал и убивал кого-нибудь, что всегда действовало как усиленный Прозак[9].

Но сегодня все было как в парке аттракционов, приятные события сменялись менее хорошими, и в заключение он увидел заигрывания Харвэстэр до того, как она утащила Ривера из этого вымирающего селения.

Он видел, как она флиртовала с Ривером, выставляя на показ свою задницу и грудь, и... его пожирала ревность.

Почему, Мор понятия не имел. Он ненавидел Хайвестер.

Он хотел заставить ее страдать как можно больше, именно поэтому он связал душу Эрика со своей — он собирался убить человека и преподнести его душу Повелителю Теней и использовать ее в качестве разменной монеты. Козыря в рукаве, благодаря которому он сможет заполучить Харвэстэр и сделать ее своей.

Да, он ненавидел ее. Но она была одной из наиболее могущественных женщин, на ряду с его матерью, во всем Шеуле. Заручившись ее поддержкой после Апокалипсиса, когда он и его родственнички будут сражаться за превосходство, возможность контролировать землю и человеческие души, у него будет огромное преимущество.

И это будет весело, поскольку он с радостью будет заставлять ее каждую ночь делить с ним брачную постель. Он будет получать огромное удовольствие от ее криков, слез, мольбы о пощаде.

Дрожь предвкушения прошла по его телу, немедленно перерастая во вспышку ослепляющей ярости. Его план наткнулся на непредвиденное препятствие. Большое и нежелательное, о котором он узнал, едва переступив порог дома Лимос, намереваясь убить его у нее на глазах. Как только он вошел внутрь, проблема стала очевидной.

Он не чувствовал душу Эрика, а значит душой человека уже владел кто-то другой.

Какой-то ублюдок уже заявил права на душу смертного, и теперь Мор должен найти этого кого-то до того, как убить Эрика.

Он понял, что так же, как всё было собрано воедино, так и одна нить начала распутываться.

Но все в порядке. Он над этим поработает. Как всегда. И теперь, когда Люцифер выпустил Сартаэля из тюрьмы, до находки агимортуса Лимос остаются считанные дни.

Мор выбрался из каменной ямы, заполненной кровью адских гончих, в которой купался, чтобы накормить свои доспехи. За спиной он оставил трупы семейства Эмишей, которыми наслаждался, пока все они не умерли.

Пора браться за работу. Он наконец-то усовершенствовал чуму, над которой работал неделями, и человеческую расу ждет неприятный сюрприз.

Глава 9

Более часа Эрик стоял спиной к стене, пожирая глазами сэндвич и пирог. Его рот наполнился слюной, а мысли находились в смятении. Если он съест еду, то будет страдать, как ни один человек не страдал до сих пор. Ну, ни один, не считая Эрика, поскольку он уже через это прошел. Несколько раз.

"Ты блядь, тормоз, парень". Голос его отца стучал у него в голове, но какого хрена?

Он не вспоминал жестокого ублюдка с того самого дня, когда тот умер в больнице. Перестал чувствовать к нему что-либо. От него осталась лишь пустая оболочка, как морально, так и физически.

Эрику все происходящее казалось нереальным. Он смотрел на руки, которые постоянно избивали его, Руну и их мать до потери сознания, и видел, какими немощными они стали с кожей, почти прозрачной и тонкой как бумага, посиневшей от следов капельниц и забора крови.

Никогда он не оплакивал преждевременную кончину своего отца. Но сейчас, персонально пережив все ужасы Шеула, он почти сожалел, что проклинал его гореть в аду.

Почти. Потому, что некоторые люди заслуживают попасть именно туда. Сюда. Он ведь все еще находился в аду, и ему не стоит об этом забывать.

Он вдохнул, втягивая в себя сладкий аромат пирога, ведь демоны не станут его бить за то, что он дышит.

Он это знал наверняка, проверял их снова и снова, подходя так близко к запретной пище, как только мог, и делал глубокий вдох, наполняя свои легкие воздухом, как если бы мог впитать калории таким способом.

Такой. Блядь. Голодный.

Он выругался, длинным трехэтажным матом, а потом обратил внимание на одежду.

Черные спортивные штаны были слишком длинные и широкие в талии — кто, черт, носит эти вещи — но завязки сделали свое дело и брюки сели достаточно плотно, так что не приходилось волноваться, что они с него спадут. Футболка, черная, с надписью "Гиннесс" подошла лучше, но все равно была немного великовата в плечах.

Дверь открылась и Эрик напрягся, ожидая, что сон рассеется, и он опять увидит свою камеру.

Вместо этого, демоница, выглядевшая как Лимос, зашла в комнату и поставила тарелку и пластиковую бутылку на пол. Хотя он и был голоден как волк, все же он никак не мог оторвать от нее взгляд и посмотреть на еду.

Они идеально скопировали ее облик, вплоть до глаз, цвета драгоценных камней, шелковистых черных волос и загорелой женственной фигуры, что любого парня заставила бы ползать у ее ног.

Он кончил на это роскошное тело.

Демоны, наверное, здорово над ним посмеялись, Эрику же просто блевать хотелось от всего этого. Ублюдки.

Он подождал пока женщина заберет предыдущую еду и уйдет из комнаты, тогда подполз поближе. Он осмотрел бумажную тарелку, покрытую пятнами, и не смог понять,

что за кучка была на ней наложена.

Выглядело это месиво так, будто было выскреблено из внутренностей животного. Наверное, так оно и было.

Согнувшись, он понюхал то, что лежало на тарелке. Не воняло гнилью. Скорее, наоборот, пахло чем-то знакомым. Он опять понюхал, и моргнул в удивлении. Собачья еда? Теперь они будут кормить его собачьими консервами?

О, к черту, это было невероятное улучшение по сравнению с неподдающимися опознанию разложившимися органами и трупами животных недельной свежести. Он посмотрел на пластиковую вилку в недоумении. Ему никогда не давали приборов, которые можно использовать как оружие.

В какую игру они с ним играли?

Все равно. Он умирал от голода. Эрик попробовал и застонал от блаженства. Это было восхитительно. Лучшее, что он ел на протяжении недели, и оно реально напоминало еду.

Какую-то колбасу, возможно. Да, люди в наши дни отлично кормят собак.

Он втянул в себя запах пищи, облизал тарелку и выпил воду. Он уже наглотался воды из крана в ванной, так что пить не хотел, но чистая, ледяная жидкость в бутылке была на вкус, как маленький кусочек Рая.

В дверь тихонько постучали, и Эрик забеспокоился, что же последует дальше.

Обычно, после еды у него было немного времени для отдыха перед началом пыток. Но, иногда, демоны решали, что будет весело проверить сколько боли он сможет выдержать прежде чем его вырвет.

Демон, что притворился Лимос, вошел в комнату.

— Я принесла тебе одежду. — Она бросила на кровать армейскую сумку с его именем.

— Где ты это взяла?

— Кинан...

Не думая, Эрик бросился на девушку, впечатал ее в дверь и схватил за горло.

— Откуда ты знаешь про Кинана?

Она вцепилась в его пальцы, у нее было достаточно сил, чтобы не дать себе задохнуться:

— Эрик, послушай, — она жадно втянула воздух, — Это все реально. Я знаю Кинана, потому что он помогал нам. Когда целостность Печати Ареса была под угрозой. Ты тоже помогал.

Как долго будет продолжаться это промывание мозгов? Он отпустил ее и отступил назад, зная, что заработал себе жестокое и долгое избиение за то, что посмел напасть на одного из своих зрителей. Господи, он сойдет с ума ожидая, когда же это случится.

Пытки было гораздо легче перенести, чем неизвестность. Ублюдки придумали новый способ, чтобы свести его в могилу, и он работал.

Итак... хорошо. Он поиграет в их игру.

Было очевидно, что им приходилось хорошо постараться, что весь этот вздор был реальностью, поэтому он даст им возможность посмотреть, каким он был до заключения в мерзкой темнице.

Он возьмет ситуацию в свои руки и быстро докажет, что четко контролирует происходящее в его голове.

— Значит, — он пинком откинул бумажную тарелку в сторону, — я действительно на Гавайях, а ты та, за кого себя выдаешь. Всадница, из-за которой я угодил в ад.

Темная бровь немного приподнялась:

— Так ты веришь мне?

— Я готов попытаться.

— Теперь ты можешь называть меня по имени.

Черта с два.

— Это вряд ли. Я не собираюсь рисковать. А теперь расскажи, почему именно мои похитители хотели его из меня выбить?

Она провела рукой по волосам, и хоть все было ненастоящим, его пальцы зачесались сделать то же самое:

— Они сказали, почему утащили тебя в Шеул?

Только несколько миллионов раз.

— Они говорили — это из-за тебя. Потому, что ты потеряла контроль и поступила как эгоистка.

Удивление промелькнуло в ее взгляде и из открытых губ донесся звук возмущения:

— Едва ли. Ты попал туда потому, что поцеловал меня, а это было запрещено. — Ее подбородок взлетел вверх, как будто она неожиданно вспомнила, что должна выглядеть нахальной и иметь огромное самомнение.

— Поцелуй? Блядский поцелуй отправил меня на пытки, которые чуть не лишили меня рассудка? Может нужно было рассказать о правилах обхождения с тобой, до того, как я начал заигрывать?

Лимос фыркнула:

— Мог и сам догадаться.

Эта демоница идеально скопировала манеры и поведение Лимос:

— Тогда почему они хотят — хотели, чтобы я произнес твое имя?

— Потому, что я обручена, — сказала она, безразлично разглядывая свои ногти. — Но мой жених не может заполучить меня, пока я не попаду в Шеул, или моя Печать не сломается, или мужчина, к которому я буду благосклонна, не прокричит мое имя, испытывая страшные мучения.

— О, теперь ты говоришь мне, что обручена? — Сказал он сквозь стиснутые зубы.

Она издала измученный вздох, как будто его вопрос тяжким бременем давил ей на плечи:

— Я не думала, что это важно. Поскольку не собиралась делать ничего более откровенного, чем надрать тебе задницу.

Эрик вскипел от злости.

— Ты маленькая лгунья. Ты целовала меня в ответ. Ты этого хотела.

— Нет, не хотела. — Словно накачавшись кокаином и героином вместе, ее зрачки расширились, полностью проглатывая фиалковый цвет ее радужки, потом сузились до крохотной точки, и только тогда вернулись в нормальное состояние.

— Только, блядь, не нужно врать. Я перецеловал достаточное количество девушек за свою жизнь, поэтому знаю разницу, так что прекрати нести чушь.

Низкое рычание вырвалось из ее груди:

— Скольких конкретно женщин ты целовал?

— А что?

— Сколько?

Да это было просто абсурдным — она ревновала. У нее не было никакого грёбаного права ревновать. Не тогда, когда она сама была обручена с другим.

Жар забурлил в его венах. И хотя рациональная часть его продолжала напоминать, что это все не реально, его тело и эмоции имели свое собственное мнение.

— Хочешь правду? Потому, что лжи от меня ты не дождешься. Будь очень осторожна в том, чего просишь.

Лимос лишь скрестила руки на груди и молча на него уставилась. Когда стало ясно, что она не хочет получить ответ на свой вопрос, он вернулся к изначальной теме разговора.

— Давай проясним ситуацию. Я называю твое имя, и ты идешь под венец со своим драгоценным женишком. И это все? Меня подвешивали на крюках и жарили на углях только для того, чтобы тебе не пришлось идти к алтарю?

О, он точно назовет ее имя. Да он прокричит его с крыши самого высокого здания. Через рупор.

— Не все так просто. — Успокоившись, она стала наматывать на палец свои волосы. Эрик желал, чтобы она прекратила проявлять симптомы СДВГ[10]. — Я имею ввиду, да, ты спас меня от разделения брачного ложа с большим боссом, но все намного сложнее....

— Подожди, — он поднял руку, останавливая ее речь, — кто конкретно твой жених?

— Ну... ммм... это Сатана.

Центр тяжести Эрика изменился, и он потерял равновесие. Ему пришлось опереться рукой о шкаф, чтобы не упасть.

— Сатана. Тот, который абсолютное зло, выгнанный с Небес Падший Ангел? Люцифер?

Она закатила глаза:

— Вообще-то, Сатана и Люцифер — разные личности. Простая ошибка при переводе привела к такому недоразумению. Ты бы удивился, если бы узнал, как часто неправильный перевод или предвзятая интерпретация играют с историей и религией. Спроси меня про Войну Красной и Белой Роз или про Семь Смертных Грехов, и я тебе расскажу, как-нибудь. В общем, Люцифер — Падший Ангел, и он так же правая рука Сатаны.

— Спасибо за урок истории, — пробормотал он. Иисусе. Как, к черту, он вляпался в это дерьмо? Ты думал не той головой, вот как. Ага, точно, Декер всегда говорил, что в один прекрасный день член заведет его в большие неприятности.

Это выходило за границы простых проблем и перерастало в гребаный идиотизм за гранью понимания нормального человека. Особенно, когда Эрика посетила ужасающая мысль.

— Раньше, — прохрипел он. — В кровати... насколько все хуже обернется для меня?

Лимос полностью покрылась румянцем.

— Ах... да... это. Нет. Ущерб уже нанесен. Теперь не важно, что я... мы делаем.

— Нет никаких мы. — Зачем вообще задал тот вопрос, если это всего лишь один большой голографический сценарий Звёздного пути?

Эрик повернулся вокруг и уперся руками о стекло. Вид снаружи был просто великолепен, но золотая клетка все равно остается клеткой. Хотя, странно, когда в последний раз демоны пытались его так разыграть, мир вокруг был неясным и призрачным.

Детали отсутствовали. А здесь все было четко и ясно, вплоть до тропического аромата Лимос.

Ясно, что этот глюк создал гораздо более грамотный маг.

— Эрик. — Лимос опустила руку на его спину, и хотя первым побуждением стало убежать от нее, Эрик не смог.

— Эрик? — повторила она.

— Что?

— Хотела бы я, чтобы всего этого не было. — В голосе девушки послышалась дрожь и Эрик почти поверил ей. Почти.

— Вау. Если это извинение, то оно подкачало. Тебе в самом деле жаль?

— Да.

По какой-то причине, ответ Лимос чертовски разозлил его. "Жаль" когда забыл вынести мусор, а очередь была твоя. "Жаль" когда купил не то вино к ужину. Нельзя сказать "мне жаль", выбивая дерьмо из своей жены и детей. Простого "мне жаль" не хватит, когда ты спустил всю зарплату на выпивку, а не на еду для своей семьи. И "жаль", черт побери, не работает, когда ты отправил кого-то в ад, чтобы с него содрали кожу.

Эрик повернулся, схватил Лимос за запястье и прижал к стеклу.

— Ты не сожалеешь. Если все это не реально, ты блять просто играешь со мной. А если реально, то твоего извинения не достаточно.

— Что мне сделать, чтобы доказать тебе это?

— Для начала, можешь признать, что я не заставлял тебя целоваться. Можешь признать, что сама хотела этого. Ты хотела меня.

Фиалковые глаза налились влагой. Ну, теперь он точно знал, что все это фарс. Настоящая Лимос надрала бы ему задницу и послала на хер. Но эта девушка выглядела так, будто он загнал ей кол в сердце.

— Не могу, — прошептала она. — Если соглашусь, значит все это моя вина.

— Экстренные новости, мой маленький пони, так и есть. — Отпустив ее, Эрик отошел назад, а потом понял, что ему не куда идти. Он остановился по середине комнаты, но к девушке не повернулся. — Почему ты меня просто не убьешь? Неужели я в самом деле так много значу для тебя?

— Да. — Ее голос превратился в мучительный вздох. — Да, много.

Следующим, что он услышал, был звук закрывающейся двери.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 10

Лимос стояла у входа в спальню, ее сердце бешено колотилось, а тело сотрясала мелкая дрожь.

Она думала, что Эрику стало лучше, но теперь было очевидно, что он до сих пор не верил, что находится не в камере. И она не имела не малейшего понятия, как ему помочь.

Она даже пыталась призвать Ривера, чтобы попросить о помощи. Когда это не сработало, она позвала Харвэстэр. Ни один ангел не появился.

Закрыв глаза, она откинула голову и прижалась к стене. К ней приходили непрощенные мысли о том, в каком состоянии она находилась, когда Ресэф спас ее из лап Хранителей Эгиды.

Он привел ее на остров Ареса, и, когда она не могла стоять, говорить и даже понять не могла, где находится, он вошел в воду и сел, полностью одетый, прямо посреди волн.

От шока, она пришла в себя, и все время он просто был рядом, обнимая и утешая. Ресэф стал ее якорем, всегда понимающим братом, который любил ее больше всего на свете.

Может, якорем Эрика была его сестра.

Она сделала быстрый звонок, и через несколько минут в дверь постучали.

— Спасибо, что пришла. — Лимос впустила Тень и Руну внутрь, про себя сравнивая Эрика с сестрой, но единственной схожестью, которую она увидела, было их мускулистое телосложение, что совсем ее не удивило.

Кинан говорил ей, что эта женщина, с волосами цвета карамели — оборотень, а Лимос никогда не встречала ни одного из их вида, который бы не выглядел, как бодибилдер.

Рука Тени в защитном жесте обвилась вокруг плеч Руны. И хоть Лимос не нуждалась в том, чтобы ее оберегали, она испытала странный укол зависти от того, что у волчицы есть муж, который будет ее надежным щитом и опорой.

— Как он? — Руна начала нервно сжимать руки, пока Тень нежно не забрал их в свои ладони.

— Физически, он в хорошем состоянии, — разуверила их Лимос. — Но мне трудно заставить его поесть.

Тень нахмурился:

— Почему?

— Я думаю, демоны мучили его едой. — Она запнулась, неуверенная продолжать ли, ведь никого не обрадуют ужасные вещи, произошедшие с твоими близкими. — Мне кажется, они приносили ему пищу, а потом наказывали, когда он пытался ее съесть.

Ужас отразился в ее безумно красивых золотистых, как шампанское, глазах:

— Я могу его увидеть?

Утвердительно кивнув, Лимос повела их в спальню, но перед тем, как впустить, высказала то, что не давало ей покоя:

— Я уже говорила, что его физическое состояние в порядке. Но морально... он в растерянности. Он считает, что до сих пор находится в Шеуле. Он думает демоны проникли в его голову и контролируют то, что он видит и то, с кем разговаривает. Я надеюсь, ты сможешь переубедить его, что он на свободе.

Они зашли в комнату и Эрик, стоявший у дверей, ведущих на веранду, и смотрящий на океан, резко обернулся. Он переоделся в черные армейские брюки и такую же черную футболку, которые немного висели на нем, но все же подчеркивали широту его плеч и мускулистые руки.

Маска непроницаемости появилась на его лице, но глаза зажглись злостью, когда он увидел свою сестру.

— Эрик. — Руна направилась к нему, но Тень схватил ее за руку и оттащил назад.

— Не надо. — Напряжение волнами исходило от него, обжигая кожу Лимос. — Я ему не доверяю.

— Ты никогда ему не доверял. — Руна вырвалась и направилась к брату, который только сильнее напрягся от ее приближения. — Эрик. Все хорошо.

— Да? Тогда почему бы тебе не сказать кто ты, хорошо?

Ее шаги замедлились, но она не перестала подходить к нему:

— Это я, — сказала она мягко, — Руна.

— Не смей произносить ее имя. — Наигранное спокойствие слетело, разбившись на миллионы осколков и на минуту, на его лице появилось выражение неконтролируемой ярости, а из горла вырвался страшный звериный рык: — Ты не моя сестра.

Он напал на нее, впечатывая в щеку Руны свой кулак и нанося ногой удар с разворота ей

в живот. Она пролетела через всю комнату и приземлилась бесформенной кучей на пол.

И тогда ситуация стала дерьмовой некуда.

Лимос подбежала к Руне, а Тень перевоплотился в огромного черного оборотня и бросился на Эрика. Их яростное рычание смешалось, когда они сцепились, используя кулаки, когти и зубы.

— Нет. — Лимос вмешалась в драку, желая разъединить их до того, как Тень прикончит Эрика. Она заметила вторую черную тень и увидела, что волчица с шерстью медового окраса, в которую превратилась Руна, повалила Тень на землю, сжав зубами его горло. Какого хрена? Оборотни были связаны луной, не имея возможности изменяться по своему желанию. Взрослые демоны-Семинусы могли перевоплощаться в кого угодно, но во имя Господа, кем же была Руна?

Этот вопрос она оставит на потом. Прямо сейчас, ей нужно было усмирить Эрика, поскольку тот старался атаковать Тень и Руну. Его намерения были так же ясны, как неоновый знак, который гласил УБИТЬ.

Лимос обхватила его за талию и повалила на кровать.

Она получила кулаком в голову, а его колено настолько жестко врезалось ей в живот, что она не сдержала стона, но все же смогла его обездвигить.

Эрик был силен, намного сильнее, чем она ожидала. И когда он начал брыкаться, ей пришлось приложить немало сил, чтобы остаться сверху и не быть скинутой вниз. Возможно, обмен кровью с Мором превратил его в Супермена.

Большая рука, покрытая татуировками легла на плечо Эрика, и родовые глифы Тени засияли ярким светом. Почти мгновенно, Эрик успокоился, его глаза закрылись, а выражение лица стало расслабленным и умиротворенным. В считанные секунды он отрубился, как будто у него нажали выключатель.

— Какого черта тут произошло? — зарычал Тень, отступая назад. Руна вытирала кровь из рта тыльной стороной ладони, а второй рукой держалась за ребра.

— Я же говорила, — ответила Лимос. — Он думает, что все еще в аду.

Тень повернулся к своей супруге и заключил ее в надежные объятия.

— Мне так жаль, детка, — пробормотал он. — Он поранил тебя...

— Я знаю. — Взгляд Руны переместился на Лимос, когда та отодвинулась от Эрика. — Может выйдем?

Они вышли за дверь, и как только та закрылась, Лимос прислонилась к ней.

— Дерьмо, — вздохнула она, более потрясена, чем хотела бы признать. — Я надеялась, что увидев тебя, он вернется в реальность.

— Это его убьет. — Голос Руны задрожал, а спокойное выражение лица дало трещину. — Когда до него дойдет, что он натворил... — Руна слизнула кровь со своих губ. Тень потянулся было к ней, но она оттолкнула его руку. — Он клялся, что никогда не причинит мне вреда. Или любой другой женщине. Только, не после того, что творил наш отец. — Тень поцеловал ее в макушку и погладил по волосам, но вместо того, чтобы успокоить Руну, действие произвело обратный эффект, и она вздрогнула. — Мне нужно... немного подышать. — Она удалилась так, словно весь дом был в огне, и оставила Лимос с Тенью.

— Что происходит, демон? — Лимос сложила руки на груди. — Что все это значит об их отце?

— Он был жестоким чудовищем. — Выражение лица Тени стало мрачным.

Лимос сжала челюсть

— Эрик и Руна?

— Ага. Я не многое знаю о том, что случилось с Эриком, но Руна говорила, что он пытался защитить ее и их мать. Так что, либо он стал подобием их старика, и в таком случае я убью его, за то, что ударил Руну... — Тень ударил кулаком в дверь, словно предупреждая Эрика... — либо он был не в себе, когда мы пришли, и я позволю ему жить.

— Ты его не тронешь. Мой брат привязал его душу. Эрику не должен умереть. — В любом случае, Лимос не позволила бы этому случиться, и проще простого убила бы Тень за такую попытку.

— Твой брат придурок.

Лимос напряглась. Да, Мор придурок, но он её брат, и этот демон не знает каким человеком он был когда-то.

— Следи за своим языком, Семинус.

Тень посмотрел в направлении, где несколько минут назад исчезла Руна и снова повернулся к Лимос.

— Послушай, у меня был такой брат. Он жил для того, чтобы мучить нас, и нам пришлось его уничтожить. — Он продолжал многозначительно смотреть на нее. — Вы с братьями близки? Вы должны сплотиться сильнее, чем когда-либо, чтобы остановить Мора. Не сомневайтесь, и не позволяйте чувствам стать на пути того, что должно быть сделано. Мы допустили такую ошибку, и из-за этого погибло очень много людей.

— Это не легко. Ресеф всегда был самым достойным из нас. Он не всегда был злым. — Лимос не знала, зачем защищает Мора, разве только, не важно насколько сильно она сейчас ненавидела его, Ресефа она любила тысячи лет, и не могла так просто забыть об этом.

— Тогда, в чем твоя вина?

Лимос озадаченно моргнула.

— Что?

Тень подошел ближе.

— Я чувствую тьму... вину... в женщинах. Ты, Всадница, погрязла в ней.

Лимос ощутила беспокойную дрожь, которая закралась ей в душу.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Я знаю, что никогда не встречался ни с чем столь интенсивным, как-то, что исходит от тебя. Знаю, что мне пришлось бы пройти через ад, чтобы избавить тебя от этого. — Голос Тени был тревожным темным рокотом, и что он подразумевал под избавить ее от этого? — Но, слава богам, это не моя проблема. — Он пошел за Руной. — Держи нас в курсе.

Приказной тон Тени должен был заставить Лимос ошетиниться, но то, что он сказал о ней и Эрике, потрясло ее до глубины души. Что он может знать о ее чувстве вины? Может, он читает мысли? Она может начать паниковать позже, сейчас не время. Ей надо сосредоточить внимание на Эрике, потому что, да, вина лежала на ее плечах тяжким бременем, но все же состояние человека было ее приоритетом.

А если он осознает то, что сделал с Руной, повлияет ли это на его выздоровление? Ни один из ее братьев ни разу в порыве гнева не поднял на нее руку — хоть она и заслуживала этого, даже если они об этом не догадывались.

Она могла лишь представить, как они будут терзать себя, если сделают ей больно.

Одна мысль, что будучи ребенком, Эрик подвергся насилию... Господи, ее никогда не волновали такие ужасы, точнее, если говорить открыто, она не позволяла себе чувствовать

сожаление к кому бы то ни было. Но, представляя Эрика, окровавленного и избитого своим собственным отцом, что-то переворачивалось глубоко внутри нее.

Ее воспитывали принцессой, учили как быть жестокой и мелочной, в тоже время, она понятия не имела, каково это, когда тебя избивают и предают.

Лимос всегда считала, что к ней относятся как особе королевских кровей потому, что мать любит ее, а другие демоны бояться... но что, если такое поведение должно было сделать ее черствой, не способной сопереживать, поскольку сама она понятия не имела о боли?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От самой мысли об этом ей становилось плохо, но опять же, совсем не из-за собственной участи. Она никогда не испытывала страданий, особенно, от рук отца. Черт, она даже никогда его не видела.

На мгновение, она задумалась, жив ли отец Эрика, но потом поняла, Что Тень прервал бы его жалкое существование. И опять Лимос испытала противный укол зависти, которая напомнила о том, что есть у Руны, но никогда не будет у нее.

Встряхнувшись от бесполезной жалости к себе, она снова вошла в комнату Эрика. Он все еще был в отключке, развалившись на кровати, он выглядел как-будто отсыпался после бурной попойки. Сейчас ей совсем не казалось, что Эрик когда-нибудь сможет вырваться из ада, в который превратилось его сознание.

Лимос опустилась на кровать рядом с ним, стараясь утешить единственным известным ей способом — касаясь нежными движениями его рубашки и перебирая волосы, упавшие ему на лоб. Она делала то же самое для своих братьев, когда они лежали раненные после битвы, надеясь, что в ее прикосновениях они найдут спокойствие и умиротворение.

Ясное дело, они быстро поправлялись, но если повреждения были достаточно тяжелыми, они страдали часами, а иногда даже днями, пока ждали, когда затянутся их раны.

Это был полный отстой. Лимос чувствовала себя такой беспомощной. Не важно, что она делала, ситуация становилась только хуже. Хотя... минуточку... возможно, она все же могла помочь. Если он никогда не вспомнит, что причинил боль Руне....

Да. Улыбаясь, поскольку, наконец могла что-то сделать для Эрика, она приподняла пальцами его веки и уставилась в его стеклянные глаза. Очень осторожно, она проникла в его разум и стерла досадное воспоминание о том, как он ударил свою сестру.

В отличие от Ареса, Лимос не могла восстанавливать удаленные участки памяти, но ее это и не понадобится.

Визит Руны стал тем, о чем ему лучше забыть.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 11

Кинан сидел в зале заседаний штаб квартиры Эгиды в Берлине, пребывая в шоковом состоянии. Он все еще пытался переварить информацию, прочитанную в одном из трех свитков, которые он принес своим сотрудникам-Старейшинам вместе с другими сокровищами, добытыми из затерянного склепа, найденного Лимос.

Оказалось, что маленькие артефакты не имеют особой ценности, но один из историков занимался исследованием их происхождения, и все еще мог узнать что-то важное.

Таким образом, два свитка рассказывали о битвах с демонами... интересная, но в конечном счете, не такая уж и большая археологическая находка.

Но третий свиток... Иисусе. Если то, о чем там говорилось, правда, он мог навсегда изменить ход истории человечества.

— Итак. — Валерий — старейшина, пришедшийся Кинану дальним родственником, типа шурина, поднял очки и потер свои налитые кровью глаза. Они безостановочно изучали свиток, искали схожие тексты в библиотеках и пытались разгадать некоторые из самых загадочных фраз. — Мы думаем, что это может стать ключом к остановке Апокалипсиса. Но хотим ли мы рисковать жизнью Эгидовцев из-за своих догадок?

Малик, который, прежде чем присоединился к Сиджилу, воевал с демонами на протяжении тридцати лет по всему Ближнему Востоку, тряхнул головой.

— Мне это не нравится. Мы просим Хранителей исполнять задания, которые, как все мы знаем, могут привести к их гибели, и они понимают опасность, что является частью работы. Но это...

Лэнс, канадец, который затерял свое чувство моды где-то в восьмидесятых, покрутил ложечку для кофе по столу.

— Хранитель будет добровольцем. Она узнает, что нет никакой гарантии на успех.

Ага, если предположить, что они найдут добровольца для своего секретного плана.

То, что они собирались открыть Хранительнице, которая ждала снаружи, могло выбить почву у нее из-под ног.

Бля. Кинану все это не нравилось. Жизнь была намного проще, когда он был рядовым солдатом на передовой линии Эгиды. Он управлял крупной ячейкой Хранителей, но в основном, сражался с демонами. Убей или будь убит. Простое дерьмо.

Теперь он манипулировал жизнями и судьбами, и ни что из этого в нем не уживалось.

Валерий откинулся на спинку своего кресла и уставился на картину, изображающую битву между ангелами и демонами.

— Мы должны верить, что это работает.

— Верить? — Обычно спокойный, Декер сидел в своем кресле прямой как доска, пробегая рукой взад и вперед по блондинистой шевелюре. — Вера для людей, которые хотят верить в то, чего не могут доказать. Я могу верить в то, что я невидим, но это не станет правдой. — Он тряхнул головой. — Вы, люди, раздражаете меня. Вы имеете дело с магией, пророчествами и дерьмом, которое никто из нас не понимает.

— А ты думаешь военные могут сделать лучше? — спросил Малик.

— Я этого не говорил. — Чем больше Декер волновался, тем заметнее становился его Южный акцент. — Но у вас нет никаких гарантий. Пока вы... мы... не узнаем, вы не должны запускать свой план в действие.

Слова Декера имели смысл. Подразделение армии по работе со сверхъестественным имело дело с теми же вещами, что и Эгида, но из-за того, что это был спецотряд вооруженных сил, Полк Смотрителей-Х должен был придерживаться четкой процедуры действий: следовать цепочке приказов, которые не позволяли ни малейшего отклонения от распоряжений, проявлять полнейшее недоверие ко всему магическому и, важнее всего, соблюдать осторожность и еще раз осторожность.

Эгида же, полагалась на то, чего военные опасались... магию... и имела тенденцию

действовать более спонтанно.

Что могло быть хорошо... или очень, очень плохо.

В данный момент, ребята из Полка Смотрителей-Х настаивали, чтобы все последующие операции проводились с большой осмотрительностью, утверждая, что сейчас не лучшее время для опрометчивых поступков. Руководство Эгиды выбрало противоположную тактику, считая, что с маячившим на горизонте Концом Света, нет времени осторожничать и действовать медленно.

— Все, что я хочу сказать, — заговорил Декер, — это то, что, возможно, нам следует сосредоточиться на поиске того, что составляет суть Печати Танатоса, а не на этом идиотском плане.

— Он нам не скажет. — Покачал головой Лэнс. — Так что, если только ты не сможешь перевести это странное пророчество, у нас нет выбора.

Ки пробежался пальцами по странице Демоники — демонической библии, поведавшей о четырех пророчествах для Всадников... четыре пророчества, которые обернут их во зло.

Эгида разобралась в трех из существующих четырех. Предсказание о Танатосе оставалось темной лошадкой, а единственной информацией, которой делились Всадники, было утверждение, что его Печать в безопасности и не может сломаться.

Узрите! Невинность есть проклятье Смерти и желания его — его ноша, а клинок его Избавление. Если к крику не успеть — Комета Судьбы один лишь выход.

Какого. Черта.

— У нас нет выхода, — произнес Вал, — сейчас, или никогда. Люди гибнут сотнями тысяч. Полк Смотрителей-Х провел подсчеты. Если Мор продолжит свои действия, в течений года половина населения планеты исчезнет. Наш план — это дохлый номер, но это все, что у нас есть.

— Для справки, — ответил Декер, — Я это не поддерживаю.

Для справки, Кинан тоже не поддерживал. Но, поскольку Ривер исчез без вести и не мог им помочь, Эгида решила двигаться по избранному курсу, с или без одобрения Кинана.

Единственное, что мог сделать Ки — находится там и проследить, чтобы никто не пострадал.

Лэнс фыркнул:

— Смешно слышать такое брюзжание от военного.

Голубые глаза Декера превратились в ледяные глыбы, и до того, как ситуация стала критической, Вал прочистил горло, перебирая инициативу на себя:

— Приведите Реган.

Кинан опять наполнил чашку с кофе, пока ждали единственную женщину, входящую в совет Старейшин.

Она вошла, темные волосы, уложенные в косу были переброшены через плечо, их концы растрепались, и он знал, что пока она ждала за дверью, то нервно их теребила.

Реган села. Внешний вид супер модели никак не умилял ее воинственной сущности. Она была бойцом до мозга костей, буквально рождена в сообществе Эгиды.

— Ладно, — сказала она своим томным голосом, — зачем это сборище?

Малик посмотрел на нее взглядом, не предвещающим ничего хорошего:

— Во-первых, ты должна сохранить все сказанное в секрете, даже от других Старейшин.

Реган нахмурилась.

— Я не понимаю.

— Все, что мы тебе скажем, не должно покинуть пределы этой комнаты. — Сказал Вал. — Конечно, мы доверяем всем Старейшинам, но, чем меньше людей узнает о наших планах, тем меньше вероятность того, что нас раскроют. Как только мы приступим к выполнению первой части нашей задумки, мы введем всех остальных в курс событий.

Лэнс показал на свиток своей чайной ложечкой:

— Этот документ был найден в древнем затерянном хранилище Эгиды. Мы считаем, что в нем находится ключ к тому, как остановить Мора.

— И что мне со всем этим делать? — спросила Реган.

Они обменялись неуверенными взглядами. Когда Кинан подумал, что уже никто не ответит, заговорил Малик, его голос был еще более угрюмым, чем взгляд, которым он буравил Реган:

— Кинан и Эрик были нашими посредниками, когда дела касались Всадников. Но, очевидно, что он больше не может справляться с этой работой.

— Так вы хотите, чтобы я сыграла наездника для Всадников.

Вал поперхнулся своим кофе, а Кинан проделал почти, то же самое со своим языком.

— Это, — прохрипел Вал, — невероятно точно.

Реган вздохнула.

— Колитесь, люди. О чем вы говорите?

— Нам нужно, чтобы ты стала больше чем посредником. Мы подстроим так, чтобы ты осталась наедине с одним из них.

— С кем?

— С Танатосом, — ответил Кинан.

Но до того как Ки успел смягчить предстоящий удар, вмешался Лэнс.

— Мы хотим, чтобы ты соблазнила его.

Реган тяжело вздохнула, а ее обычно бронзовая кожа побледнела.

— Вы... что?

— Ты должна затащить его в кровать.

Она вскочила на ноги.

— Да что такое в том чертовом свитке? Какой-то Эгидовский роман? Эротика из Преисподней? Да пошли вы все.

— Я же говорил, она не пойдет на это, — встрял Лэнс. — Она ненавидит мужчин.

— То, что я отшила тебя, еще не значит, что я ненавижу мужчин, придурок.

Лэнс покраснел.

— Ты отвергаешь всех. — Он оглядел собравшихся за столом. — Вы когда-нибудь видели ее с парнем?

Нет, Ки не видел, но ему было насрать на ее личную жизнь, или же отсутствию таковой.

— Успокойтесь, вы оба.

— Просто я не понимаю, почему так важно, чтобы я залезла в постель к... к... Всаднику. — Она задрожала при последнем слове.

— Потому что, — тихо сказал Вал, — только так ты сможешь забеременеть от него.

Забеременеть? Коллеги хотят, чтобы она зачала ребенка Смерти.

Сперва, Реган захотелось закричать. Или, может, выбежать из комнаты. Но двадцать

пять лет работы в Эгиде научили ее сдержанности. И она подавила приступы злости, бурлящие внутри, как ее учили в организации по истреблению демонов с первого дня ее прихода туда новорожденным младенцем, все еще покрытым кровью матери от родов.

— Мой ответ — нет, но скажите на милость, почему вы считаете, что Танатос нуждается в том, чтобы с кем-то перепихнуться, и почему думаете, что я буду в этом участвовать? Господи. Переспать с гребаным Всадником?

Вал откинулся в своем кожаном кресле, и все поняли, что сейчас будет лекция.

— Если верить свитку, когда Римской Империей прокатилась чума, которая забрала жизни более пяти миллионов человек и ответственным за которую посчитали Мора, тогда первый из прорицателей Эгиды Маркус Лонгинус осознал, что если Мор настолько опасен сейчас, то все станет в миллионы раз хуже, когда его Печать сломается.

Малик утвердительно кивнул головой:

— Мы знаем, что Хранители Эгиды давно заинтересовались Мором, но до сих пор понятия не имели, что уже давно ими приняты кое-какие меры предосторожности на случай, если начнут ломаться Печати Всадников.

— И почему сосредотачивать внимание именно на нем? — Спросила Реган, засовывая пальцы в карманы джинсов чтобы успокоить свое стремление выразиться жестами, и не выставить себя легковозбудимой идиоткой.

— Потому, что Демоника рассказывает, что его Печать сломается первой. — Сказал Кинан. — Кинжал искупления был выкован специально, чтобы уничтожить Всадников. Но он у Мора, а это значит, никто другой не сможет его использовать, чтобы его убить. Вот тут самое время вспомнить старину Маркуса Лонгинуса.

— Он уединился в пещере для медитаций и записал свои ведения. — Продолжил Вал.

Лэнс фыркнул:

— Конечно сейчас мы знаем, что такие гроты были наполнены природными газами, способными вызывать галлюцинации, так что все, что видел Маркус может оказаться дерьмом собачьим.

Реган ненавидела, когда приходилось в чем-либо соглашаться с Лэнсом, но он озвучил и ее опасения. В древние времена все, что происходило, считалось деянием Бога, или богов, в зависимости от времени и религии. Поэтому вся та чушь, которая померещилась какому-то чуваку, надышавшегося галлюциногенных испарений, могла быть истолкована, как ниспосланное создателем послание.

— Хорошо, какое же "дерьмо" привиделось Маркусу?

Вал подтолкнул свои очки на переносицу.

— У него было видение, что единственной надеждой для мира, если сбудется пророчество Демоники и все Всадники превратятся во зло, станет тайный ребенок, зачатый воином Эгиды и Всадником. Этот ребенок станет спасителем человечества.

— А... не подойдет ли тогда любой из Всадников? И любой из Хранителей? Почему этот бредовый глюк не может быть о Эрике и Лимос? — Она улыбнулась Лэнсу. — Или ты можешь наконец отрастить яйца и совершить мужской поступок. Или ты ненавидишь женщин?

— Я так же сильно люблю женщин, как, наверное, и ты. — Огрызнулся он в ответ, и Реган закатила глаза от его тупого замечания.

Она не была лесбиянкой. Она просто... ну, она не хотела рисковать, когда дело касалось секса. Для нее оргазм становился мгновением, когда она на несколько минут утрачивала с

большим трудом созданный контроль... а когда имеешь способности, как у нее, совсем не хочешь терять самообладание.

— Мы думаем, что Всадник, о котором идет речь — это Танатос. — Сказал Малик. — У нас есть несколько подсказок. Слова "Из Смерти возникнет жизнь " выгравированы на рукоятке кинжала Избавления и записаны в свитке.

— И вы воспринимаете эти слова буквально: От Смерти-Танатоса — возникнет жизнь... в виде ребенка. — Реган сейчас бы выпила чего-то крепкого. До того, как она грохнется в обморок, и выпивка ей уже не понадобится. Господи Боже. — А свиток дает подробную информацию о том, как женщина-Хранитель должна подобраться к Всаднику, чтобы иметь возможность его соблазнить?

— Нет, — сказал Вал, — Но Мор объявил вознаграждение за каждого пойманного бойца Эгиды. Остальные всадники более чем согласны нам помогать, поскольку мы сражаемся на передовой вместе с ними. Определенно, они знают больше, чем мы, понимают то, что мы упускаем из виду, особенно это касается истории их происхождения, поскольку Эгида разорвала с ними все отношения сотни лет назад. Мы скажем, что нам нужно заполнить черные пятна в наших знаниях, и что мы хотим прислать историка — тебя — для совместной работы.

— Какие гарантии того, что они не захотят, чтобы Хранитель работал с Лимос или Аресом?

— Вопрос не в том, кто чего хочет, — сказал Кинан, — тут дело в практичности. Арес и Кара только поженились и заняты тренировкой адских псов, заселивших их остров, Лимос вся в хлопотах с Эриком. Танатос, с другой стороны, живет один, и у него самая лучшая библиотека. Он единственный доступный вариант.

— Хм. Ну, удачи в поиске лохушки, которая захочет с ним переспать, потому, что я никак на это не соглашусь.

— Реган, — Вал опустил глаза на свои сложенные на коленях руки, — мы не можем тебя ни к чему принуждать. Но прошу тебя хорошенько все обдумать. Ты наше главное достояние, и мы не просим тебя согласиться на это сгоряча. Мы выбрали тебя потому, что обладая уникальными возможностями, ты единственная, кто может это сделать.

Напоминание о том, чем она являлась, быстро ее отрезвило, только Старейшины знали о ее парапсихических способностях, и иногда ей казалось, что Вал знает о ее возможностях намного больше ее самой.

Он был единственным, кто отстаивал ее жизнь, когда ее мать, работавшая в Эгиде, бросила Реган из-за того, кем являлся ее отец. И он был тем, кто поклялся, что прервет ее жизнь, если ее способности выйдут из-под контроля.

И именно он убил ее отца.

Она сделала непроницаемое лицо, чтобы никто не догадался, насколько беспокойно у нее на душе. Потому, что да, ее волновало, что все, кроме Кинана, смотрели на нее как на бомбу, готовую взорваться в любой момент.

Так же как и она, они отложили воспоминания о ее силе в отдельный отсек своей памяти, а теперь начинали осознавать кто она, и на что способна. И что ей было запрещено делать под страхом смерти.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Вал.

— Часть защиты Танатоса — его броня, которая служит вместилищем душ. — Продолжил Кинан. — Когда он выходит из себя, или, когда он выпускает их — они убивают.

— Твои силы могут защитить тебя от них. — Сказал Вал. — Ты единственная, кому мы можем позволить ступить на этот путь.

Она сжала кулаки:

— Двадцать пять лет ты учил меня не использовать мой дар. Эгида уничтожает таких, как я. А теперь ты просишь меня принять эти возможности с распростертыми объятьями? — Она скрестила руки на груди. — Свиток. Где ты его нашел?

Кинан потянулся за ним:

— В хранилище Эгиды, к которому меня привела Лимос.

— Тебе не приходило в голову, что это какая-то уловка? Подделка? Первый в мире паранормальный роман?

Уголок рта Кинана приподнялся, когда он ответил.

— Вот почему нам нужно, чтобы ты проверила его подлинность.

Дерьмо. Ее вторая способность, та, которую ей разрешено было использовать, но Реган это не нравилось, особенно перед свидетелями.

— Ты же знаешь, я не могу сказать насколько она древняя или еще что-то такое. Могу только сказать, что чувствовал автор.

— Мы знаем.

Выдохнув проклятие, Реган развернула эту идиотскую штуковину, которая якобы говорила, что ей нужно соблазнить Танатоса, и провела кончиками пальцев по чернилам. Незамедлительно, тело ее наполнилось эмоциями и картинками.

Изображение ада вспыхнуло в ее уме, ужасающие сцены пыток и боли и... она отдернула свою руку прочь.

— Да, — прохрипела она, — кто бы не написал про Тайное дитя Хранителя и Библейского Всадника был искренен. Он верил, что дитя сыграет важную роль. А также этого кого-то изрядно помучили.

Она прочистила горло:

— Каким именно образом этот ребенок спасет человечество?

Когда все начали прятать свои глаза, внутреннее чувство беспокойности начало подавать тревожные сигналы. Наконец Вал посмотрел на нее:

— В этом вся загвоздка. Мы понятия не имеем. Судя по всему, существует еще один такой же свиток, в котором мы сможем найти ответы. Нам остается верить, что к моменту, когда ребенок появится на свет, он будет у нас в руках.

— О, да это просто прекрасно, — пробубнила она. — Может мне соскочить с обрыва и просто надеяться, что, до того, как я приземлюсь, у меня вырастут крылья?

— Значит? — Как ни в чем не бывало продолжил Лэнс. — Ты готова оседлать дикого пони?

Господи, как же она его ненавидела. Проиигнорировав придурка, она обратилась к Кинану:

— Какой из себя этот Танатос?

В мозгу возник образ дряхлого костлявого старика, как две капли воды похожего на главного героя из сериала "Байки Хранителя Склепов"

Кинан пожал плечами.

— Если ты не возражаешь против татуировок и пирсинга, то он привлекателен, я думаю.

— Ты думаешь?

— Ну извини, мне нравятся девушки, так что Танатос совсем не мой тип. Но, думаю, справедливо заметить, что если бы я был геем, то запал бы на него.

— Это так обнадеживает, — сухо ответила Реган. — Так что же ты собираешься делать с этим ребенком? В смысле, что случится после его рождения? Из меня никакая мать.

— Мы с Джем вырастим его, — тихо ответил Кинан.

— И твоя жена согласна на это?

— Как-будто у нас нет ребенка-полудемона. Да и у меня полно родственников, среди которых демоны, ангелы, вампиры и оборотни, которые помогут сохранить ребенка в безопасности. Мы будем любить его, как своего собственного, это я тебе обещаю.

Дерьмо. Она не могла поверить, что в самом деле рассматривает такую возможность. Но, Эгида была ее семьей. Они вырастили ее, когда никто больше не хотел... или не мог.

Она должна им, и если это единственная возможность внести свой вклад в спасение мира, то она не может отказать. Кроме того, она не могла позволить другой женщине Хранительнице пойти на такой риск.

Прямо сейчас, никто из Эгиды, помимо Совета Старейшин, не понимал серьезности происходящего в мире, и только несколько человек знали о существовании Всадников.

Введение постороннего в курс событий займет много времени. Черт, поиски подходящей женщины будут очень длительными.

— Устрой все. — Не в ее привычке было убегать, но сейчас ей требовался свежий воздух и минутка, чтобы побыть наедине с собой. Она рванула входную дверь на себя. — И позаботься о церемонии погребения. Потому, что если ваш план не сработает, я хочу лучшую из возможных.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 12

Эрик проснулся разбитым, с головокружением, но впервые он не чувствовал, будто его внутренности выворачиваются наизнанку, а живот прилип к позвоночнику от голода.

Он открыл глаза и к нему пришло осознание того, что он все еще находится в придуманном и внушенном ему демонами мире. Может, все не так уж и плохо, в конце концов. По крайней мере, здесь он смог принять душ, получил еду и спал на мягкой кровати.

Даже зубную щетку ему дали. Кто бы мог подумать, что такой обыкновенный предмет может осчастливить человека? Когда он чистил зубы, то практически стонал от удовольствия и приятных ощущений, приносимых вкусом мяты и мягкими движениями щетинок. Одно слово — оральный секс.

Ну, не совсем конечно. Образ Лимос возник в его голове и фантазии о ней, распростертой на кровати и извивающейся под его губами, начисто вытеснили из его головы ощущения от щеточного секса.

Обзывая себя последним идиотом, он сплюнул пасту, прополоскал рот и вошел в спальню как раз в тот момент, когда Лимос, прикрыв свое роскошное загорелое тело лишь скудным желтым купальником и прозрачной юбкой на запах, низко повязанной на ее бедрах, постучала снаружи по стеклянной двери веранды.

Он не сделал и шагу, чтобы пустить ее, но поскольку дверь была не заперта, она

раздвинула стеклянные створки и вошла внутрь.

— Привет, соня.

— Соня?

— На самом деле, больше похоже на коматозника. Ты проспал двадцать четыре часа. —

Она поманила его пальцем. — Пойдем наружу. У нас по плану день сенсорной терапии. Я собираюсь загрузить тебя нормальными, знакомыми ощущениями, чтобы доказать, что все это не фокусы и вернуть тебя к реальности.

Реальность? Он больше не знал, что это такое.

Он смотрел на Лимос настороженно, но откровенно наслаждался ее видом. Эрик скользнул взглядом по золотой цепочке, обвивающей ее шею и вниз, к висящей в ложбинке между грудей Печати, размером с четвертак.

Ее плоский, подтянутый живот гармонировал с узкими бедрами и длинными ногами, которые от округлых сильных ягодич мышц плавно переходили к хорошо сформированным, крепким икрам и изящным ступням. Ногти были покрашены розовым лаком, и на обеих средних пальцах красовались золотые кольца. Он бы хотел стянуть их своим языком.

Вот дебил. Наверное, у него мозги отсохли. Все это нереально, и даже если предположить, что это правда... тогда что? Черт, тогда он станет таким счастливым, что ему будет наплевать на ее поступок, или на его, из-за чего его забросило прямиком в Шеул, так что да... он бы облизал ее пальчики.

Теплый бриз обвевал его, соблазняя выйти, но когда он остался стоять на месте, Лимос повернулась к нему спиной.

Она стояла, опершись на перила, и смотрела на океан с развевающимися на ветру волосами.

— Пойдем, Эрик. — Голос Лимос был мягким, искушающим, и, блин, разве прогулка сможет ему навредить?

Но почему-то он почувствовал холодок внутри. Хватит трусить. Он шагнул наружу и мгновенно его поглотили тропические ароматы и теплый солнечный свет.

Немного ниже, примерно за двадцать футов[11] от него, простиралась полоса песчаного пляжа с буйной растительностью и тянулась так далеко, как только ему позволяло увидеть его зрение.

Над головой летали чайки, взмывая вверх в лазурное небо и затем погружаясь в покрытые рябью волны океана.

— Видишь? — Сказала она и подарила ему одну из своих ослепительных улыбок. — Здесь великолепно.

Она была великолепна.

— Наверно.

Она повернулась к нему и прижала свою руку к его щеке, и хоть первым инстинктом было оторваться от ее прикосновения, он этого не сделал. Наоборот, он теснее прижался к ней, впитывая тепло ее ладони.

— Почувствуй. Почувствуй, насколько все это реально. Солнце, ветер, мое прикосновение.

— Чувства никогда не были под вопросом.

Лимос опустила руку.

— Хорошо, давай сыграем в игру. Давай притворимся, что все это время ты работал на Эгиду и Полк Смотрителей, взял отпуск и приехал сюда проведать меня.

— В смысле, притворится, что я поцеловал тебя возле имения Ареса и не попал в Шеул? Что-то промелькнуло в глазах Лимос, и если бы Эрик не знал лучше, то решил бы, что это сожаление.

— Да. Где бы мы были прямо сейчас?

Он не знал, что сказать. Час за часом он размышлял о том, как отомстит ей, но если честно, он спрашивал себя, а что случилось бы, если бы она не испугалась, а его не утащили сниматься в собственной версии реалити-шоу "Остаться в живых: Шеул."

— Не знаю, — ответил он. — Если бы ты не была помолвлена... ну знаешь, если бы была свободной, ты бы позволила поцеловать себя?

Ее подбородок поднялся вверх и Эрик знал, что сейчас последует очередная чушь типа "Я бы никогда не позволила этому случиться".

Нет, это они уже проходили, и он не даст ей запустить тот же бумеранг. Эрик подошел поближе, так близко, что она попятилась и уперлась о перила. Было смешно наблюдать, как она из задиристой воительницы превращалась в простую женщину, сопротивляющуюся своим желаниями, стоило ей лицом к лицу встретиться с мужчиной, который ею увлечен.

— Нет, — сказал он, — не отрицай этого опять. Здесь не может быть серого. Только белое и черное. Ты либо хотела поцелуя, либо — нет, и тебе никогда не удастся убедить меня в обратном. И по поводу того поцелуя. Если бы меня не утащили в ад, я бы не остановился. Ты бы в считанные минуты оказалась раздетой и подо мной, и я бы целовал тебя в местах, что тебя шокировали бы. Это все, о чем я мог думать, находясь в той адской дыре. И я уже давно просчитал в голове сколько времени я смогу ублажать тебя своим языком до того, как ты прокричишь мое имя. Я могу не знать, что из всего этого, — он обвел рукой вокруг себя, — реально, но то, о чем я сказал сейчас, точно бы произошло. Вот моя правда.

Ее щеки стали пунцовыми, а в глазах опять появился этот чертов взгляд превосходства, как будто она старалась показать, что контролирует его, ситуацию, и свои собственные чувства:

— Я, конечно, могу не обращать внимание на некоторые твои слова, но ты не можешь со мной так разговаривать. Я...

— Полегче, Вспышка. — Эрик схватил ее за руки, прижал к себе и накрыл ее рот своими губами. Его целью было заставить ее замолчать, но он также хотел доказать Лимос, что она ошибается, показать, что не взирая на все ее протесты, она жаждала того поцелуя на берегу моря у особняка Ареса.

Она могла быть Библейской Легендой, а он простым человеком, но когда их тела соприкасались, они превращались в обычных мужчину и женщину, и здесь никто не имел тактического превосходства.

Лимос напряглась всем телом, но затем ее язык встретился с его, и игра закончилась. Он выиграл. Он добился своего.

— Вот, — сказал Эрик, задыхаясь. — Ты хочешь чувствовать меня. Но я все еще не уверен, что это реально. — Он мог быть не уверен, но его член поверил, и Эрик небрежно поправил стояк.

Лимос отодвинулась от него, и хоть ее глаза были затуманены желанием, а губы влажными от поцелуев, она всполошилась, а жеребец на ее руке начал брыкаться.

— Это реально. — Ее голос, к удовольствию Эрика, звучал так же неровно, как и его собственный. — Пошли. Мне надоело тебе это доказывать.

Восхитительный запах жаренного на огне мяса заполнил столовую, в которую Эрика привела Лимос. Он не сопротивлялся, но двигался с осторожностью, медленно, как кот, попавший на территорию собак.

Хекили поставил две тарелки за круглый стол, а также две бутылки охлажденного слабоалкогольного пива с ее любимой пивоварни на Гаити. Обычно она предпочитала "девчачьи" напитки, как бы выразился Арес, но время от времени она любила выпить пива с гамбургерами.

— Садись. — Лимос указала на место, с которого открывался чудесный вид на пляж и Эрик не стал возражать. Его тело было неестественно напряжено, и девушка удивилась, что его суставы все еще работают.

Лимос стояла напротив стола и наблюдала за Эриком, сидящим в кресле и буравящим гамбургер глазами. Тот был смазан специальным острым соусом Хекили и украшен большим ломтиком ананаса.

— Эрик, пожалуйста, съешь его.

Он же продолжал смотреть.

Боже, пожалуйста, пусть это сработает. Это была идея Ареса, у него был богатый опыт с тем, что мы сейчас называем посттравматическим синдромом.

Он заскочил вместе с Таном, чтобы обсудить монету Сартаэля и то, что Ривер до сих пор не отвечал на призывы Танатоса. Аресу хватило одного беглого взгляда на бессознательное тело Эрика и для него все стало понятно.

— Ты должна возбудить его.

— Эээ... не поняла?

Арес закатил глаза:

— Да не в этом смысле. Заставь его почувствовать, оглуши новыми впечатлениями. Пусть он испытает шок, и тогда ты вырвешь его из двумерного пространства внутри его головы.

Арес пообещал, поговорить с Карой, чтобы она прислала несколько адских псов для охраны дома. А потом они исчезли, призываемые к очередной катастрофе, устроенной Мором.

У Лимос внутри все дрожало из-за постоянной сдержанности, чтобы не отправиться к внезапно появившейся и быстро распространяющейся эпидемии голода в Китае. Но она будет откладывать это так долго, как только сможет. И вот, она находилась дома и старалась склонить Эрика съесть чертов гамбургер.

— Эрик, послушай меня внимательно. — Она опустилась на кресло напротив и сделала глоток пива. — Я знаю, тебе сейчас трудно. Но я клянусь, никто тебя не накажет, если ты съешь это. Вся еда, которую мы тебе давали — настоящая. Ну, некоторые люди вряд ли посчитают Хаггис за еду, но это не были собачьи консервы.

Он поднял глаза, которые опять потемнели:

— Чушь собачья.

— Я говорю тебе правду. — Правда. Ее поражало, что несмотря на то, что Мор возродил ее желание лгать, оно больше не влияло на нее так как раньше. Лимос поняла, что ему легче противостоять.

Пока она жила в Шеуле, и хорошую тысячу лет, после прихода в человеческую реальность, ложь была единственным, что произносил ее рот. Возможно, этот рецидив не так страшен.

В конце концов, ничего страшного не будет, пока никто не узнает о том, о чем она лгала.

Взгляд Эрика снова опустился на тарелку, а голос зазвучал испуганно.

— Ты обманула меня.

Да, обманула, и совсем не сожалела об этом.

— Ты должен поест. И я не собираюсь давать тебе... как ты это назвал... глаза и потроха?

Долгое время, он сидел без движения. Потом, очень медленно, потянулся к бургеру.

Руки Эрика задрожали и выругавшись он снова положил их на колени. Прошло еще пять минут, и он попытался снова.

Как только его палец прикоснулся к хлебу, защебетала птица, а Эрик подался назад, приподняв руки в защитном жесте, словно ожидал удара.

Сердце Лимос разбилось. Так странно, что ее братья, которые начинали как нежные, ласковые дети, с возрастом, становились все жестче. С ней все было наоборот.

Лимос вырастили демоны, которые ожидали, что она станет жить и дышать злобой.

Прибыв в человеческую реальность, она была тверже алмаза, неспособна на нежность и любовь.

Постепенно, она научилась чувствовать и пока братья воздвигали стены, ее барьеры рушились.

Эрик мог снести последние из них, и мысль об этом как пугала, так и приводила Лимос в восторг. Она не могла позволить себе стать уязвимой из-за чувств, и все же, отношения были всем, чего она когда-либо хотела.

Конечно, отношения, которые она хотела так давно, были далекими от того, чего она желала сейчас.

Когда никто так и не появился, чтобы избить Эрика, тот взял бургер. Он тяжело сглотнул еще до того, как поднес его ко рту. Эрик откусил кусок, но его глаза оставались дикими.

И снова, когда никто не выскочил из воздуха, чтобы мучить его, Эрик расслабился и прожевал. Потом снова откусил. И снова. Эрик проглотил бургер как изголодавшийся пес, а когда закончил с ним, выпил пиво.

Очень осторожно, он поставил бутылку.

— Все это реально, не так ли, — прошептал Эрик.

— Да, — шепотом ответила она.

Эрик наклонил голову, а все его тело задрожало так, что кресло загремело по полу.

— Как? Как я оттуда выбрался?

— Ты сбежал. — Лимос хотела подойти к нему, крепко обнять, но сейчас Эрик находился в очень хрупком месте, и она не хотела сделать ничего такого, что могло вернуть его в психический кошмар. — Мы с Кинаном нашли тебя у адских врат Эрта Але.

Он поднял взгляд, и Лимос с облегчением увидела, что в выражении его лица нет подозрения.

— Как вы узнали, что искать надо там?

Она усмехнулась.

— Кинан допросил каких-то букмекеров, а я пыталась одного из твоих мучителей.

— Мило. — Один уголок его рта немного приподнялся, и вау, увидеть его улыбку было здорово.

Лимос лукаво подмигнула ему в ответ, чувствуя волнуемое покаяние, ощущение внутри нее соперничало с тем, что она переживала, когда лгала. Именно это влюбленные люди называют бабочками?

Не то, чтобы она была влюблена. Насколько сильно она мечтала иметь нормальные, счастливые отношения, настолько это было не ее фишкой.

— Я хорошо провела время. — Она махнула на его пустую тарелку. — Хочешь еще?

Эрик покачал головой.

— Я не привык столько есть. Я сыт. — Он уставился в окно, но Лимос не могла последовать туда, куда он ушел. — Кто еще знает, что я здесь? — Эрик повернул голову к ней. — Моя сестра, наверное, сходит с ума...

— Нет. — Лимос сильнее сжала влажную бутылку пива. — Призрак и Тень были здесь и исцелили тебя, так что твоя сестра знает, что ты в порядке. Кинан тоже.

— Так Кинан в самом деле передал ту одежду для меня?

— Да.

Эрик ущипнул переносицу большим и указательным пальцами.

— Блядь. Все так смешалось.

Лимос потянулась к нему.

— Эрик...

Он вскочил с кресла.

— Мне нужна минутка, ладно? Дай мне пару минут в одиночестве. — Словно пьяный, он бросился к спальне.

Внезапно она услышала грохот и поняла, что случилось что-то ужасное.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 13

Мор перешел на новый уровень. Его шахматной доской стали человеческие тела, а фигурки были вырезанные из костей.

Танатос и Арес застряли в Новой Зеландии — новом месте для игр их братца — не имея сил сопротивляться насилию и большому количеству жертв.

Нашествие плотоядной саранчи превратило страну в пустырь, и когда Новозеландские правоохранительные органы попробовали проникнуть на остров и выловить насекомых, которые были размером с ворон, то подверглись нападению демонов — демонов, до сих пор заключенных в Шеуле.

Пока Арес и Танатос пробирались сквозь кровавое месиво, раз за разом побеждая в очередной битве, они сделали тревожное открытие.

Мор утопил южную часть Новой Зеландии в крови, наполнил таким количеством зла и столько всего разрушил, что смог заклеить ее за Шеулом. Теперь она стала территорией демонов и грандиознейшей победой на его шахматной доске.

Его следующим шагом, о котором догадался Танатос, стала устроенная Мором

эпидемия невероятных масштабов, которая должна была превратить людей в, Господи Прости, настоящих зомби. Танатос любил "Ходячих мертвецов" больше, чем кто бы то ни было, но в реальной жизни ожившие трупы не шли ни в какое сравнение с фантастикой.

Эта чума отражала чувство юмора Ресефа, сильно искаженное Мором — существом, которым он теперь стал, и, несомненно, сукин сын хорошенько посмеялся над своей проделкой.

Танатос чертыхнулся и ударил по боксерской груше в спортзале, где он отчаянно старался выпустить остатки приятных ощущений, заставлявшие его чувствовать возбуждение, когда он находился в месте с высоким уровнем смертности.

Ему нужно было остыть, взять под контроль способность мыслить разумно, поскольку после того, как он покинул Австралию, он нарыл информацию, способную стать переломной точкой в разгадке пророчества о восстановлении Печати Ресефа.

Но если он не избавится от желания убивать, он не сможет следовать за появившейся нитью.

Атриус, один из его вампиров дневальников, прервал Тана, тихо постучав по дверной коробке.

— Мастер, к вам посетитель.

Тан нанес последний удар.

— Ты можешь быть более точным?

— Это Хранитель.

Значит Кинан.

— Впусти его.

— Ох... это не он. Это она.

Тан резко повернулся.

— Ты убедился, что она из Хранителей? — Мор регулярно присылал суккубов, чтобы искушать его... на самом деле, и сейчас, одна из упомянутых суккубов была прикована обнаженной в большом зале и ожидала своего допроса.

Хотя он бы не удивился, если бы брат попытался обмануть Танатоса, подослав суккуба, выдающего себя за Хранителя.

— Конечно. У нее на кольце символ Эгиды, и она отдала мне вот это, чтобы я показал вам. — Атриус протянул ему мобильник.

Танатос взял его, зашел в адресную книгу и быстро убедился, что имя Дина Винчестера[12] числилось среди сотен других имен в списке.

После исчезновения Эрика, Эгида и Всадники придумали способ, своего рода шифр, дабы убедиться, что никогда больше ни один псевдо Хранитель не сможет пробраться в крепости Всадников или обмануть их, как было, когда один из них пришел в дом Ареса и вручил ему отравленное оружие.

Фокус с Дином Винчестером был идеей Лимос. Она обожала свой сверхъестественный телесериал.

Тан схватил полотенце на планке беговой дорожки.

— Пригласи ее.

Он вытер пот с лица и выпил бутылку воды. Как только он выбросил пустой сосуд в мусорное ведро, в комнату вошла женщина. И... черт возьми.

Хранительница была поразительна, и еще более прекрасной ее делало то, что другие могли счесть недостатком.

Длинные, густые ресницы обрамляли неопишемые карие глаза, что находились немного дальше друг от друга, чем положено, а слегка искривленный нос был сломан по крайней мере один раз.

Шрам морщил бронзовую кожу на ее виске и еще один на подбородке. Но травмы делали ее еще более привлекательной для Тана, который мог по достоинству оценить женщину, что пережила битву.

Она надела красную водолазку, которая тесно облегла полную грудь и подчеркивала тонкую талию.

Над левой грудью была вышита конфета, что напомнило Тану о том, что большинство людей сейчас празднуют Рождество.

Джинсы с низкой посадкой подчёркивали округлую попку и стройные бёдра, а на ногах были одеты кожаные ботинки, что доходили до середины икр и несомненно скрывали целую кучу оружия.

— Закончил проверять меня? — спросила она хриплым, манящим голосом, и Тан медленно поднял взгляд.

— Я не проверяю тебя, — протянул он. — А измеряю.

— Для чего?

— Дыры в земле. — Тан двинулся к ней, но девушка не отступила. Мило. — Глупо было приходить ко мне без приглашения, убийца.

— Я пыталась твитнуть тебе, но похоже, вы, Всадники, боитесь соцсетей.

Смешно. Ему нанес визит комик-Хранитель.

— Чего ты хочешь?

— Что? В твоё время не учили манерам? Мне не предложат чай или ещё что-то такое? Может ты хочешь приковать меня как ту обнажённую цыпочку в соседней комнате? — Она облизнула губы, которые были, как Тан только что заметил, полны, может даже слишком полны, и его эротические фантазии разошлись в полную меру.

А поскольку воображение было единственным, что у него оставалось, когда дело доходило до эротики, Тана могло заносить в некоторые удивительные фантазии.

— Отвечай мне, — рявкнул он, но женщина даже не подпрыгнула. Впечатляет.

— Мы можем поговорить где-нибудь в другом месте? Может после того, как ты оденешься?

Тан усмехнулся.

— Моя обнажённая грудь тебя смущает?

— Вряд ли. Но твои татуировки отвлекают.

Ему часто об этом говорили. Возможно потому, что большинство из них изображали смерть и разрушения, сцены, которые демон-татуировщик изъела прямо из его головы.

Ее талант позволял наносить татуировки слоями, так что старые чернила не стирались новыми, создавая 3-D эффект, который многих вводил в замешательство.

Танатос позвал Атриуса, который явился незамедлительно.

— Отведи ее в большой зал. Суккуба уведи в мою спальню, а Хранительнице принеси чаю. Я сейчас буду.

Атриус увел женщину, и хотя Танатосу не стоило смотреть... он все же не устоял.

Он глядел на покачивание ее идеальной задницы, пока она уходила, а потом ему пришлось ждать пока появившаяся эрекция немного спадет, а клыки перестанут пульсировать от желания присоединиться к ней.

Ему было действительно наплевать, увидит ли она его стояк, или нет, а вот клыки он прятал с первого дня, как они появились и стали причиной кровавой жажды.

Он подумал о том, чтобы принять душ, но к черту это. Она прервала его тренировку, так что могла потерпеть его потную и вонючую личность. Хотя, он все же набросил на себя толстовку.

Она ждала его у огня, сложив руки за спиной и изучая портрет над камином.

— Любишь смотреть на себя, а?

Этот голос. Проклятие. Он мог слушать его весь день.

— Это подарок, — ответил он, но не стал уточнять.

Служащие у него вампиры преподнесли ему эту картину несколько сотен лет тому назад, и он не хотел обидеть их нежеланием выставлять ее на показ.

Конечно, с самого начала он повесил ее в менее примечательном месте, но кто-то постоянно переносил ее сюда. Это уже стало своего рода игрой, каждые пару лет он менял положение полотна и ждал, когда же слуги заметят пропажу, найдут ее и вернут туда, где она должна быть.

Она обернулась как раз в тот момент, когда Атриус принес поднос с чайником, наполненным ароматным чаем, и одной кружкой. Он поставил его на небольшой дубовый столик рядом с диваном.

— Я пошутила насчет чая. — Сказала она, но все равно наполнила свою чашку.

— Не хочу, чтобы ты подумала, что я негостеприимный хозяин. А теперь скажи мне, почему ты здесь.

Не обращая на него внимания, она подула на дымящийся чай:

— Ммм. Пахнет хорошо.

Конечно. Он покупал только лучшее.

— Где Кинан?

— Понятия не имею. — Ответила она, наблюдая за ним поверх чашки. — Не мой день нянчить его.

Раздражающая женщина.

— Почему он не здесь? До сих пор мы имели дело с Кинаном.

— Вы имели дело с ним потому, что только он из всех нас может перемещаться сквозь порталы. Вообще-то это он помог мне сюда попасть. И, прими к сведению, я ненавижу, когда меня вырубают на время путешествия. После этого голова просто раскалывается.

— Я не собираюсь спрашивать еще раз. Почему ты здесь?

Медленная, таинственная улыбка выгнула ее чувственные губы, и она показала на чемодан, стоящий у двери:

— Потому, — сказала она вкрадчиво, — что я к тебе переезжаю.

Реган никогда в жизни не была так напугана, как сейчас.

Сомнение, читавшееся на лице Танатоса мгновенно превратилось в ярость и вокруг его ног закружились тени.

Те самые тени, про которые они говорили в штаб квартире Эгиды... души демонов, животных и людей, погибшие от руки Танатоса.

Призраки, которые он мог освобождать по своей воле, чтобы они могли убивать.

Глубоко внутри нее начала пробуждаться ее собственная запретная сила.

— Ты... что? — Его голос леденил так же, как и снежная буря, сквозь которую ей пришлось пробираться, чтобы попасть сюда. Кинан провел ее сквозь портал, но остальную часть пути ей пришлось проехать на одном из снегоходов, которые Танатос держал возле прохода и около особняка. На такой машине она собиралась удрать, если ее план сработает.

И что еще важнее, если не сработает.

Она вздохнула, пытаясь сохранить внутренне спокойствие, которое крепким панцирем защищало ее с того момента, как только девушка переступила порог этого дома. Реган сделала еще один глоток чая, который был поистине великолепен. Хотя, вообще-то, она не очень любила этот напиток.

— Я переезжаю к тебе. Старейшины обсудили это, и мы решили, что один из нас должен постоянно находиться рядом с тобой. Я выгащала короткую соломинку.

Он буквально зашипел, его лицо покраснело от гнева:

— Вы говорили об этом? Руководство Эгиды рассматривало такую возможность не обсудив этот вопрос сперва с нами? — Спросил он, сопровождая свой вопрос красочной руганью. — Вы, люди, всегда слишком много на себя берете. Никто нам даже и слова не сказал. Так что, выметайся.

— Послушай, — спокойно сказала она, хотя внутри у нее все переворачивалось, — дело не в том, что мы много о себе возомнили. Мы хотим наладить отношения между Всадниками и Хранителями. Так что просто покажи мне мою комнату, и я постараюсь какое-то время не попадаться тебе на глаза. Дам тебе немного времени привыкнуть к моему присутствию.

Она подумала, что его глаза на лоб вылезут. Но какие же красивые у него были глаза.

При первой встрече они показались ей светло желтыми, но сейчас, в порыве ярости, они потемнели до цвета отполированного золота.

Она не была готова ни к их великолепию, ни к его внушительным размерам, или к тому, как он выглядел. О да, она конечно знала о его броне, хранящей души, и о татуировках, и о пирсинге.

Но никак не ожидала, что души будут такими жуткими, татуировки такими выдающимися, а сам всадник окажется настолько красив.

Черт, не смотря на все то, что ей рассказывал Кинан, она думала, что Танатос будет похож на дряхлого, сморщенного старика, закутанного в балахон и держащего косу.

Но его облик был настолько отдален от картины, нарисованной в ее воображении, насколько вообще возможно. И хоть он пугал ее до чертиков, она все же не могла им не восхищаться.

Она была такой идиоткой.

Тени вокруг Танатоса закружились быстрее, и на гребнях темных волн можно было разглядеть человеческие лица. В ответ, ее собственная сила, которая могла вырвать душу из тела, начала двигаться и рваться на волю, как живое существо. Она требовала действий, жаждала быть использованной. Хотела "освободить" души из брони Танатоса так же, как избавляла демонов и людей от их сущности.

— Почему это так важно для Эгиды? — спросил Тан.

— Я уже говорила. — Реган сильнее сжала свою чашку. — Если мы хотим бороться с наступающим Апокалипсисом, то должны делать больше, нежели просто работать вместе. Мы должны узнать о вас все, что сможем и заполнить пробелы.

— Почему именно ты? — Он осмотрел ее с ног до головы и тьма, окружавшая его

начала сгущаться.

Она была очень рада, что не последовала совету Вала одеться вызывающе и вместо этого выбрала повседневный наряд, который скрывал большую часть ее тела. Но теперь она не знала, сработает ли ее образ неприступной женщины, что по сути было ее обычным поведением, и будет ли более эффективным с Танатосом, чем притворись она кокетливой сексуальной соблазнительницей.

— Говорила же. Я вытащила короткую соломинку.

— Короткую? Я польщен. — Его сочившиеся сарказмом слова отдавались эхом от каменных стен и высокого потолка, и одна из татуировок, отличавшаяся от других, с изображением жеребца на его правом предплечье задвигалась, будто живая.

Она моргнула, глазам своим не веря, когда увидела, как нарисованный конь запрокинул голову. Разве Кинан не упоминал, что их жеребцы существовали на телах Всадников?

Зачарованная зрелищем, она подошла поближе к этому воинственному мужчине.

Сердце Реган стало бешено колотиться, в животе будто порхали бабочки, но она не перестала приближаться к нему, не могла оторвать глаз от ожившего изображения.

Танатос сказал что-то на незнакомом ей языке и окружавшие его тени начали исчезать, завертевшись у ног, будто впитывались в его тело.

— Впечатляюще. — Пробормотала она и потянулась рукой к его коже, но Танатос зашипел на нее и отскочил назад, испугав Реган и заставив ее отступить на несколько шагов.

— Возвращайся к своим сотрудникам и скажи, пусть пришлют кого-то другого. — Его голос был больше похож на жуткий скрежет, чем на человеческую речь. — Мужчину.

Она надулась как индюшка, как бы выразилась ее последняя приемная мать:

— Послушай сюда, Всадник. Я знаю, ты родился во времена, когда женщина ценилась меньше племенной кобылы или раба, но на дворе двадцать первый век, и мы можем делать то же, что и мужчины. Я не хуже любого другого Хранителя мужского пола, так что перестань вести себя как шовинистическая свинья.

— У меня есть сестра, способная надрать задницу любому мужчине, и я никак не могу представить ее в роли раба или племенной кобылы, так что у меня нет претензий к твоим профессиональным способностям. — Он начал наступать на нее и инстинкт подсказал отступить. Но она проигнорировала этот порыв и не сдвинулась с места, даже когда он подошел вплотную, и они оказались в миллиметре друг от друга и она могла уловить его дымчатый запах. — Проблема в том, что я предпочитаю, чтобы в моем окружении находились одни мужчины.

— Ну, — сказала она жестко, — тебе не повезло, потому, что у нас сейчас нет свободных Хранителей-мужчин. Так что будь большим мальчиком — смирись и перестань жаловаться.

Глаза Танатоса зажглись яростным огнем, который, скорее всего, видели люди в момент, когда он отрывал им головы.

— Либо ты сама, целая и невредимая, покинешь мой дом, либо я тебя вышвырну — по кусочкам, и не могу ручаться за твое состояние. Тебе решать.

Быстрее думай... думай быстрее... Реган посмотрела через его плечо на вход в помещение, напоминавшее огромную библиотеку. То что надо. Она не хотела к этому прибегать, но упоминание про части тела звучало устрашающе.

— Вы ищите агимортус Лимос, верно? — быстро спросила она. — И способ восстановить Печать вашего брата. Я могу помочь. У меня есть особенная способность, что

может оказаться полезной.

Глаза Тана сузились.

— Какая особенная способность?

— Я могу трактовать тату на коже. Включая пергамент.

— Я тоже могу толковать чернила на пергаменте, — сухо вставил Тан. — Это называется чтением.

Она прошла мимо него, проигнорировав вспышку беспокойства, что пронеслась по ее телу, когда они соприкоснулись, и направилась в его библиотеку. Там Реган оглянулась на стопки пергаментов, свитков, и миллионы книг, некоторые современные, но большинство очень древние. Быстро, потому что Танатос, у которого практически пар валил из ушей, надвигался на нее как локомотив, она схватила книгу, обложка которой была сделана из... ох, фу... человеческой кожи.

Не важно. Она положила ее на стол, открыла и прикоснулась пальцами к чернилам... крови?... на одной из страниц. Язык она не знала, но эмоции, что опалили кончики ее пальцев были знакомы.

Ревность, густая словно желатин, окатила ее.

— Автор, — пробормотала она, — расстроена. Ревнует. — Вспышки насилия мерцали в ее мозгу словно зернистое кино. — Это женщина, я думаю. Она хочет убить... ужасно убить другую женщину. Другая женщина прекрасна, с черными волосами и фиолетовыми глазами. Кто бы это ни написал, он думал об обнаженном мужчине. С крыльями. — Она резко вдохнула. — Ангел?

Пальцы Танатоса сжали ее запястье и утащили прочь от книги.

— Можешь сделать то же самое с документами, что относятся к агимортусу моей сестры?

Реган кивнула, видения в ее голове все еще не утратили своей яркости.

— Кто все эти люди?

— Автором была суккуб по имени Еста. Женщина с фиолетовыми глазами — Лилит, моя мать. Мужчина либо Азагот, либо Сартаэль, до своего падения, и по слухам, один из них — наш отец.

— Азагот? Жнец может оказаться вашим отцом?

Танатос больше ничего не сказал, просто стоял и пристально наблюдал за ней.

— Тебя можно использовать, но я сам приду к тебе. Здесь не останется ни одна женщина.

Прямо сейчас она одержала верх, и собиралась использовать это в полной мере.

— Так дело не пойдет. Мне нужен доступ к твоей библиотеке. Тебе нужна моя помощь, а Эгиде — твоя. Женщина или нет, я не уйду. — Улыбаясь, она неторопливо вышла из библиотеки и забросила на плечо свой чемодан. — А теперь, пожалуйста покажи мне мою комнату.

Зарычав, он ушел, и хотя, минутой спустя явился вампир, чтобы провести ее в глубины замороженного имения, Реган вовсе не чувствовала себя победительницей. Напротив, она была зла как черт.

Всадник, которого она должна соблазнить... оказался геем.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 14

Эрик потерялся. Новость о том, что он больше не в Шеуле была чертовски хороша, но теперь он превратился в большого недоумка. Ключки его памяти исчезли, а то что там осталось было зыбким, похожим на сон, и он не мог сказать где воспоминания, а где сон.

Господи, он ненавидел все это, всегда гордился собой, потому что имел чертовски хорошую память, особенно после интенсивной военной подготовки, помогающей ему вспоминать мельчайшие подробности последующих встреч с демонами.

А теперь, он беспокоился о том, как много из его жизни утеряно, и вернется ли оно когда-нибудь.

В состоянии абсолютного бешенства, он ушел в свою комнату... комнату Лимос, догадался он — но клаустрофобия обернулась вокруг него плотнее, чем пуленепробиваемый жилет, и Эрик подошел к раздвижной стеклянной двери — только чтобы обнаружить, что она заперта. Снаружи.

Паника завладела им, и он разбил стекло креслом, перемахнул через перила и вырубил охранника одним ударом. Эрик побежал, забыв про обувь, в густые заросли за домом.

Он не знал насколько далеко убежал, когда услышал, что его зовет Лимос, но Эрик не остановился пока легкие не запылали от нехватки кислорода, кожа покрылась потом, а путь преградил водопад, что делил джунгли пополам.

Тяжело дыша, он наклонился и оперся руками о колени. В этот момент Лимос подошла сзади.

— Впечатляюще. — Ее голос прозвучал мягко, а рука легла ему на плечо и теперь, когда он знал, что она реальна, ее прикосновение было намного приятнее.

— Я боролся с демонами с раннего детства, сначала в своем собственном доме, потом в армии. Я настоящий слабак. — Господи, он поверить не мог, что вспомнил детство, и если Лимос хоть немного была похожа на остальных женщин, она вцепиться в него как клещ.

— Я не считаю тебя слабаком. — Ее рука упала, когда он выпрямился и повернулся к ней лицом. — И если мне не изменяет память, тебе удалось однажды сбить меня с ног.

В ее глазах заплясали веселые искорки, а Эрик фыркнул, вспомнив как он схватил ее за лодыжку и потянул за ногу, так что она приземлилась сверху на него.

— В моей памяти серьезные пробелы, я сомневаюсь в некоторых вещах — реально ли то, что произошло, но все же я помню. — Он судорожно вдохнул. — То, что ты мне рассказала про... своего жениха... это правда? — Лимос нервно посмотрела в сторону: — Всадница?

Она перевела сузившийся взгляд на него.

— Скажи мое имя.

— Отвечай на мой вопрос.

— Скажи. Мое. Имя.

Еще больше расстроившись, он наклонился поближе и оказался с ней лицом к лицу:

— Отвечай на мой гребаный вопрос.

Стало понятно, что их разговор зашел в тупик, и он не отступится. Если две дюжины уродливых демонов с крюками, молотами и ножами для сдирания кожи не смогли заставить его произнести имя Лимос, у нее не было ни шанса.

Наверно, она поняла это. Но все еще не желая признавать поражение, Лимос

перебросила волосы через плечо и направилась к краю прозрачного природного бассейна у подножья водопада, где начала внимательно рассматривать свои пальцы.

— Черт, ноготь сломался.

— Господи. — Он нервно вскинул руки. — Ты можешь сосредоточиться на чем-то конкретно, или хотя бы относиться к чему-то серьезно?

— Я отношусь к своим ногтям очень серьезно. — Фыркнула она. — Когда живешь столько, сколько я, начинаешь ценить всякие мелочи. Кстати говоря, у меня есть кое-что, принадлежащее тебе. Не знаю, насколько они для тебя важны, но я сохранила их у себя.

Она протянула ему сжатую в кулак руку, с которой на серебряной цепочке свисали его армейские бирки. Он забрал их — еще одно подтверждение реальности, и когда одел на шею, то почувствовал себя почти целым.

Теперь осталось заполучить свое оружие и армейское кольцо, и он сможет отсюда убраться. К сожалению, кольцо забрали его похитители, и вернуть обратно он его уже не сможет.

— Спасибо. — Его голос прозвучал слишком хрипло.

Лимос хранила его бирки, которые он мог заменить всего за несколько баксов, как ценное сокровище. Он осознал, что к нему она относилась так же.

Она могла оставить его в Центральной Больнице Преисподней, или отдать ребятам из Полка Смотрителей-Х, но вместо этого, она сама выходила его.

Она сделала все от нее зависящее, чтобы он питался. Возбудила к жизни все его чувства, чтобы вернуть в реальный мир.

Эрик не сомневался, оставь она его с военными или Хранителями Эгиды, он бы сейчас лежал прикованный к кровати, весь в капельницах, и доктора ставили бы на нем эксперименты, пытаясь проникнуть к нему в голову.

Черт, они бы только ухудшили его состояние.

— Ты до сих пор не веришь, что все это реально? — Она посмотрела вниз, где вода кружилась вокруг ее ног, бурлила и пенилась, натываясь на гладкую гальку.

Он потянулся к ней и приподнял ее лицо за подбородок, надеясь, что прикосновение к ее теплой коже поможет ей удостовериться в том, что он полностью, на все сто процентов, откровенен с ней:

— Я верю. Ничто в той адской дыре не было настолько теплым как ты.

Она сглотнула.

— Тогда почему ты не назовешь моего имени?

— Не хочу рисковать, вдруг кто-то услышит. Хотя ты и говорила, что я должен произнести его, испытывая страдания, все же я не хочу искушать судьбу.

— Почему? После всего, что ты пережил из-за меня, почему ты не хочешь просто назвать меня по имени и насладиться тем, что я наконец получу то, что заслужила? — Едкие слова и жесткие нотки в голосе заставили его задуматься, через что же ей пришлось пройти в жизни, раз она могла подумать, что он на такое способен.

— Не скажу, что не думал об этом. — Признался он. — Когда я был в Шеуле, мечь была единственным, о чем я мечтал. Но я знал, что ты не хотела, чтобы все так обернулось, поэтому, нет, я не могу так с тобой поступить.

Лимос потянулась и поиграла со своим кулоном-Печатью.

— И почему, мечтая о мести, ты отказал демонам, когда они предложили тебе сделку... мою пытку на твою?

Вот, черт, хотел бы он, чтобы она не знала. Он не желал, чтобы кто-либо знал о том, что он там пережил. пытки, как оказалось, были глубоко личным, хотя и ужасным опытом, которым он предпочитал не делиться.

— Я не пошел на сделку, потому что не смог бы жить с самим собой. — Внезапное, ужасающее изображение Лимос, оскверненной руками, когтями, и приспособлениями тех демонов, мелькнуло в голове Эрика, и ему пришлось подавить рычание. — Я знаю на что способны те ублюдки, и никогда не пожелаю этого тебе.

Она тяжело сглотнула.

— И что же ты пожелаешь мне?

— Себя, — ответил он с жесткой честностью. — Такой дурак как я, желаю себя для тебя. Когда в спальне я сказал, что в мгновения ока ты окажешься подо мной, именно это я и имел в виду.

Лимос моргнула. Открыла рот.

— Но... — Он не дал ей возможности что-либо ответить. Эрик схватил ее за плечи и притянул к себе.

Она легко вздохнула, но не стала возражать, когда Эрик взял ее рот так, как мечтал каждый раз, закрывая глаза.

Вода плескалась вокруг них, маленькие капельки тумана окутали их лица, когда встретились их языки. Губы Лимос были нежными, тело напряженным, а ногти острыми, когда она впиалась ними в его бицепсы.

Но, как и раньше, когда она скользнула руками к его плечам, прикосновение оказалось неуверенным, нерешительным.

Он не был так сдержан.

Он опустил руки к ее бедрам, схватил плоть под накидкой, но Лимос поймала его за руки и остановила.

— Почему, — пробормотал он возле ее губ. — Почему ты так застенчива?

— Потому что я никогда этого не делала.

Эрик откинул голову назад.

— Дерьмо собачье.

— Это правда.

— Хочешь сказать, что ты девственница? Тебе пять тысяч лет, и ты никогда не занималась сексом?

— Как я могла? — Мимо пролетела птица, и Эрик не удивился, когда все внимание Лимос переключилось на нее. Он с нетерпением ждал, когда она снова вернется к нему. — Я была помолвлена будучи совсем ребенком. Ты на себе испытал, что происходит, когда я поцеловала тебя.

Господи, он даже не думал о таком. Конечно же, она не могла ни с кем быть, когда ее жених выказывал ревность галактических масштабов.

— Почему я? — спросил Эрик, умирая от желания узнать почему, после стольких лет, она все же снизошла до поцелуя.

— Почему ты отдала его мне в ту ночь?

Лимос задрожала всем телом, а он сжал ее крепче. Потом, словно переключатель выключился, она перестала дрожать.

— Потому что, я была пьяна.

Абсолютный бред собачий. Эрик всю ночь наблюдал за ней, и да, видел, как она выпила

какой-то мерзкий синий напиток и потом, водянисто розовый, но нет, пьяной Лимос не была.

— Ты лжешь. — Он обхватил ладонью ее затылок и немного помассировал, призывая ее к откровенности.

— Нет, не лгу.

— Это тоже ложь. Для меня нет ничего более ненавистного, чем ложь, Всадница. — Склонившись, он поцеловал ее в шею, чтобы смягчить свои слова, хотя ничто и никогда не сможет смягчить его отношение к лжи. Он слишком часто покупался на отцовскую ложь, видел, как его маму и сестру глубоко ранила та самая ложь. — Скажи мне, почему в конце концов ты смягчилась.

Тихий стон сорвался с ее губ, словно рассказывая ему правду она испытывала боль, и на ужасающее мгновение, Эрик испугался, что она скажет, что сделала это по своей прихоти. Чтобы удовлетворить свое любопытство. Что на его месте мог быть кто угодно, но в дураках оказался он, поскольку именно ему выпали дерьмовые кости.

— Потому что, за все эти столетия, ты первый мужчина, которого я так отчаянно захотела.

Эрика переполнила мужская гордость в ответ на ее слова.

— Это очень приятно слышать, но почему я?

Ее губы, опухшие от поцелуя и влажные от водопадного тумана, растянулись в ослепительную улыбку.

— Ты помнишь, когда мы впервые встретились, в крепости Тана? И ты был в восторге от нас?

— Восторг слишком сильное слово, — пробормотал он, когда она засмеялась. Лимос была прекрасна, когда так улыбалась.

— Ты меня позабавил. Не многие люди способны на это. И ты очень, очень хорошо держался с поломанными ребрами.

— Так тебя привлекла ко мне высокая терпимость к боли?

— Ну, это очень сексуально, но ты так же заставил меня смеяться и от одного твоего вида у меня внутри все трепещет. — Сказала она весело перед тем как ее тон опять изменился. — И ты... ты на меня смотрел, будто я... даже не знаю, как сказать....

— Горячая штучка? — Предложил он, и опять улыбнулся.

— Да, но не только. Будто я загадка, которую нужно разгадать. Мне это понравилось. Мужчины всегда смотрят на меня так, будто я гожусь только для одного. Что в общем-то смешно, поскольку, это как раз единственная вещь, в которой я полный ноль. — Она вздохнула. — И тогда, на вечеринке Ареса, я видела, как ты наблюдал за мной. И также видела, как ты вытащил Раса из-за бетонного горшка для растений, за которым он спрятался от огромного количества незнакомцев в доме. Это было очень мило.

Он передернул плечами:

— Он просто ребенок, и испугался до полусмерти. Бедная Кара, она чуть с ума не сошла, пока его искала.

— Теперь понимаешь? Именно это... я не знаю. Твои поступки вызывают желание находится рядом с тобой.

— И поэтому ты спросила, не хочу ли я размяться?

— Единственное, что я могла предложить. Лишь только так я могу сблизиться с мужчиной. Но потом ты слишком много о себе возомнил и назвал меня ВКЯТ[13], и не

взвизывая на то, что это невероятно меня возмутило, все же я была польщена и завелась, а потом ты сбил меня с ног, и я оказалась на тебе, и ты меня поцеловал ...и я несу всякую чушь. — Она сердито на него посмотрела. — Обычно, я не столь болтлива.

Он, наверное, нанес бы смертельное оскорбление, назвав великую Всадницу умильной, но именно такой Эрик ее и считал.

Она могла отделать кого угодно так, что тот бы увидел звезды, но в ней так же было больше женственности, чем в любой человеческой девушке.

Все в ней затрагивало его мужские инстинкты... он хотел ее защитить, скрыть в своих объятиях и удостовериться, что ничто не сможет ей навредить. Она также пробуждала в нем все плотские желания, настолько, что он хотел взять ее прямо здесь, прижать к мокрому валуну за ее спиной и заставить в экстазе выкрикивать его имя. Даже если они не станут делать большего, чем в ее спальне, он все же сорвет с ее губ сладкие удовлетворенные звуки.

— Мне нравится, когда ты лепечешь. — Сказал Эрик. — Это мило.

— Мило?

Да, как он и ожидал, смертельная обида. Ему нравилось, когда она превращалась в дикую шипящую кошку.

Он не стал ее дразнить, поскольку, откровенно говоря, его кровь начинала закипать лишь от одной мысли о сценарии с тем камнем.

Интересно, как она отреагирует, если он схватит ее и... да пошло оно все к черту. Он сам узнает.

Он подошел к ней, обнял за талию и прижал к гладкой поверхности валуна, а сам уютно устроился у нее между ног.

— Эрик. — Выдохнула она, и он мгновенно отвердел от сексуального звучания его имени, слетевшего с ее прекрасных губ.

— Шшш. — Он покрывал поцелуями ее шею, ощущая на ее коже вкус свежей воды и солнца.

— Но мне нужно...

Он сомкнул ладонь на ее груди, от чего она вздохнула.

— Я знаю, что тебе нужно, — ответил Эрик у ее горла, и когда Лимос открыла рот, чтобы снова заговорить, он укусил ее, какое-то странное, нарастающее желание обладать и доминировать разлилось по всему его телу.

Лимос плавилась возле него, и с ее капитуляцией, его внутренне животное победно взвыло.

Она схватила его за задницу, впившись в нее пальцами, и выгнулась ему на встречу, открыв, таким образом, неограниченный доступ к своей груди. Лимос прижалась своими бедрами к плоти Эрика, ощутив его твердость даже сквозь ткань одежды.

Они были в этой позиции и раньше, в ее кровати... но Эрик был вне себя. Теперь все было намного лучше. Намного более реально.

— Нравится? — Он прижимался к ней своей твердой плотью, и стоны наслаждения слетали с его губ, когда прохладный морской бриз придавал жарким движениям их тел особую остроту.

— Н-нет, — выдохнула она, качнув бедрами, чтобы усилить ощущения.

Эрик лизнул ее шею.

— Лгунишка. Помнишь, что я говорил об этом?

Его пальцы нашли завязки купальника у нее на шее, и он развязал узелок несколькими

ловкими движениями. Ее топ упал вниз, приземлившись на земле позади них.

Эрик наклонился, чтобы попробовать на вкус ее бледно-розовые соски, когда Лимос запустила свои руки ему в штаны и крепко обняла за ягодицы. Ее ногти впились в кожу, и он хотел, чтобы она сжала его сильнее. Или изменила направление, и ее мягкие ладони переместились вперед.

Словно прочитав его мысли, Лимос сильнее впилась в него ногтями, а потом провела ими вокруг его бедер.

Низкое рычание вырвалось из его горла, когда ее пальцы ласкали чувствительную кожу внизу живота с обеих сторон его плоти. Он задержал дыхание, ожидая ее прикосновения там, где он желал его больше всего.

Когда ее руки остановились, Эрик решил, что может умереть от предвкушения. Какой-то длинный, мучительный момент она не двигалась.

Ладно, Лимос была напугана. Возможно он двигался слишком быстро. Эрик мог делать все медленнее, и не важно, что там говорило ему его тело.

— Я пугаю тебя, — прошептал он.

— Я... Всадница, — прошептала она в ответ.

Он запечатлел долгий поцелуй на пахнувшей кокосом коже между ее грудей:

— Ты женщина. Шикарная женщина, которая много чего испытала в жизни, но только не это, и ты не уверена, как себя вести. Ты не привыкла к таким ощущениям.

— Ненавижу это, — ее голос прозвучал низким, удовлетворенным стоном. — Ненавижу, то, как ты говоришь про меня, будто знаешь меня лучше, чем я сама.

Он улыбнулся:

— Тебе это нравится, и ты это знаешь. Заставляет перебивать в постоянном напряжении. — Эрик медленно провел языком под грудью, а потом сделал то же с другой. Лимос буквально урчала, но ее руки все так же оставались застывшими в нерешительности.

Он повторил свои действия, в этот раз задержавшись, чтобы глубоко втянуть в рот один ее сосок, а за тем другой. Очередной стон, но никакого движения.

У него не было опыта с девственницами, но он знал, как заставить женщину расслабиться, поэтому продолжал свои ласки языком, облизывая и нежно посасывая ее чувствительную кожу. Ее сладкие стоны смешивались с пением лесных птиц и успокаивающим плеском воды вокруг них.

Лимос, кажется, не заметила, что Эрик расстегнул ее юбку и развернул ткань, оставив ее лишь в желтых трусиках от купальника.

Господи, она была совершенством. Два в одном — смертельно опасная и невероятно сексуальная. Эта убийственная красота пробуждала его инстинкты от желания сорвать с нее оставшийся лоскуток ткани и немедленно овладеть ею.

Но огромное уважение к женщинам и отличная военная выдержка не позволили его примитивным порывам взять верх, и он крепче прижал ее к себе, прижав свои губы к ее уху.

— Я мечтал об этом, — прорычал он, — мечтал о вещах, которые смогу с тобой сделать. Но ни в одной из моих фантазий, ты не была невинной.

Он прикусил верх ее ушка, и она сладко застонала:

— Я бы убил того, кто бы заставил мою сестру пожалеть о своем первом разе, так что... ты здесь правишь балом.

Внезапно, она вырвалась из его объятий и попятилась, шагнув на травянистый берег. Лимос тяжело дышала и смотрела так, будто у него внезапно выросли рога:

— Я не могу.

Не понимая, что происходит, он начал приближаться мелкими шагами, поскольку чем ближе он подходил, тем сбивчивее становилось ее дыхание, а сама она выглядела готовой удрать в любой момент.

— Я не буду заставлять тебя делать ничего, чего бы ты сама не хотела.

Она обняла себя руками, прикрыв грудь:

— Не в этом дело. Я хочу. Ты даже представить себе не можешь, насколько сильно я тебя хочу.

— Тогда в чем дело? — Он выругался, когда ответ внезапно стал очевиден. — В твоём женихе.

Он был не из тех, кто копается в подробностях личной жизни, но в этот раз все было по-другому. Это не считалось вторжением, если упомянутый мужчина был самым жутким ублюдком, когда-либо существовавшим во всем мире. Хотя, с другой стороны, лучшей причины, чтобы вообще не вмешиваться, было не найти.

— Типа того. — Она громко сглотнула, мышцы у ее горла напряглись, когда руки потянулись к остаткам купальника. Почти машинально она спустила вниз желтую ткань и перешагнула через нее.

Твою же мать! От взгляда на Лимос у него перехватило дыхание. Ее загорелая кожа была идеальна, без изъяна. Слегка раздвинутые изящные бедра открывали вид на полностью оголенное местечко между ее стройных ног.

И на бедрах висело прекраснейшее ювелирное изделие, которое он когда-либо видел — золотая цепочка с жемчужинами, которая как стринги, тонкими нитями прилегалась к телу. Как бы он хотел провести языком вокруг каждой жемчужины, спускаясь вниз к самой главой драгоценности.

После того, как он доведет ее до оргазма, используя свой язык, он отодвинет цепочку в сторону и проникнет в ее тело... Господи, он почти ощущал, как эти маленькие бесценные камушки будут ласкать его плоть, когда он будет в нее входить.

— Ты великолепна. — Еле смог выговорить он и сам не заметил, как подошел к ней поближе.

— Не трогай. — Быстро предупредила Лимос и отступила на шаг, при этом она уперлась спиной в ствол дерева. — Это... — она подцепила пальцами цепочку над обеими бедрами, — пояс верности. И только мой муж может его снять.

Эрик нахмурился:

— Как эта вещица может быть поясом верности?

— Когда любой мужчина дотрагивается до него обнаженной кожей, эта жемчужная нить превращается в колючую проволоку. Она отсекает пальцы, конечности... и мужские причиндалы.

Ну, от этого его член не только съезжился, но и его яйца вжались в тело.

— Что на счет тебя?

— Больно. — Лимос пожала плечами словно это не имело никакого значения, но учитывая где именно были расположены эти штуки... мда, не удивительно, что она не подпускала к себе мужчин.

Эрик потянулся к ней, пытаясь держать нижнюю часть своего тела подальше от обманчиво прекрасных кусочков драгоценностей, но Лимос увернулась, оттолкнув его в сторону.

— Не смей! Разве ты не понимаешь? Ты не можешь меня коснуться.

— Черт возьми, Всадница, меня утащили в Шеул не просто так. Мы найдем способ обойти все это.

От удивления глаза Лимос чуть не вылезли ей на лоб.

— Ты говоришь, что я в долгу перед тобой? Хочешь, чтобы я отработала все твои пытки?

— Что? Нет. Господи, ты так цинична. Говорю же я упрямый сукин сын, и не позволю чтобы те кожесдирающие, бритвенно острые, пугающие до усрачки блядские ублюдки выиграли. Я хотел тебя тогда, и хочу сейчас. Ты спасла мне жизнь, выхаживала пока я не выздоровел. Я не могу больше злиться.

— Не смей, — прошептала она. — Не считай меня лучше, чем я есть.

Что к черту это значит? Он уже собрался было спросить, когда пространство вокруг них осветили две вспышки света. Эрик инстинктивно заслонил собой Лимос, когда двое высоких, облаченных в доспехи мужчин появились из призванного Хэррогейта.

Арес и Танатос взглянули на него, посмотрели на Лимос, и осознали ситуацию за время меньшее, чем нужно пуле М-16, чтобы попасть в цель на расстоянии в тридцать ярдов.

Все то время, что Эрик находился в камере пыток, он ожидал смерти.

В этот раз, он точно знал, что умрет.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 15

Арес и Танатос начали двигаться прежде, чем Лимос смогла моргнуть. Одним скоординированным, стремительным движением Танатос схватил Эрика, пока Арес блокировал ее.

За широкими плечами Ареса ничего не было видно, но она слышала рычание, ворчание, а потом плеск воды.

— Твою мать! — Коснувшись пальцами шеи Лимос активировала доспехи, прикрыв таким образом свою наготу и отодвинула Ареса в сторону. Он схватил ее, но она достаточно сильно двинула ему по яйцам, чтобы его хватка ослабла.

Она использовала это секундное преимущество и бросилась на Танатоса, который держал под водой отбивающегося, захлебывающегося Эрика.

— Прекрати! — крикнула она. — Ты его убиваешь.

В глазах Тана полыхала золотая смерть.

— Да.

Дерьмо. Когда в Танатосе просыпался режим убийцы, его уже практически ничто не могло остановить. Чтобы достучатся до него времени не осталось, поэтому она набросилась на него, схватила за талию и сбила с ног.

Эрику этого было достаточно, чтобы вытянуть голову из воды и сделать глубокий, спазматический вдох. Но Танатос опять вернулся к своей цели, отбросив Лимос, как назойливую муху.

К нему присоединился Арес, и это стало последней каплей — ей надоело быть паинькой. В мгновение ока она извлекла меч и замахнулась плавным движением, описав

вокруг себя широкую дугу.

Она попала точно туда, куда метила, и вибрация от столкновения металла с кожей и костью в шее Танатоса дрожью вернулась к ее рукам.

Кровь хлестала фонтаном, попадая на меч, окрашивая воду вокруг в багряный цвет. Танатос закричал, и отпустил Эрика, чтобы закрыть руками зияющую рану.

Она не обратила внимания на его ругань и крики Ареса "Какого хрена, Лимос?", и бросилась к Эрику, чтобы поскорее вытащить его из воды. Его голова показалась над поверхностью, он начал жадно глотать воздух, облегчение, отразившееся на его лице сменилось яростью.

— Вы идиоты! — Закричала Лимос, пытаясь сдержать Эрика, чтобы он не бросился на Танатоса, пока ее брат был занят попытками остановить кровотечение. Ее удар не убьет его, даже если он полностью истечет кровью, но восстановление займет около дня. — Эрику нельзя умирать. Ты же знаешь!

Арес зарычал, занес руку над своим мечом и устремил на Эрика яростный взгляд.

— Что он с тобой делал?

— Ничего такого, чего бы я сама не хотела. — Арес опустил руку на рукоятку, и Лимос, которая никогда не паниковала... запаниковала.

— Тан тебе не сказал? — Она повернулась к Тану, который все еще смотрел убийственным взглядом. — Ты же знаешь, мы не можем его убить, дурак.

— Почему? — спросил Арес.

— Ага, — прохрипел Эрик. — Почему? Не то чтобы я жаловался.

Танатос успокоился, когда здравый рассудок окончательно переборол дикое желание убивать:

— Мор заразил его.

Ну и шутка. У Танатоса никогда не было чувства дипломатии или такта.

— Что? — Эрик выбрался на берег, сел на землю и обнял руками, приподнятые колени. — Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что Мор заразил меня?

Лимос внутренне приготовилась к его реакции.

— Он выпил твоей крови, — ответила она. — И заставил тебя выпить его крови.

— Я ничего из этого не помню. Откуда ты знаешь?

— Он рассказал мне. После того, как я нашла тебя.

— Да, это мерзко и мне хочется плевать, хотя, возможно я подожду, пока не оторву его грёбаную голову, но какое это имеет отношение к тому, чтобы не убивать меня?

Танатос убрал руку с раны на шее, которая уже практически затянулась, и кровь из нее уже не била фонтаном, а сочилась тонкой струйкой:

— Мор связал твою душу со своей.

Эрик вскочил на ноги.

— Он что?

— После того, как ты умрешь, — попыталась объяснить Лимос, — твоя душа будет принадлежать ему. — К счастью, это случится нескоро. Она только хотела узнать, почему Мор не спешит получить желаемое. Ресеф никогда не отличался терпением, и то, что он превратился в истинное зло еще больше усилило его стремление к мгновенным наслаждениям.

— Сукин ты с... — Он прервался и недовольно уставился на Лимос. — Почему ты раньше мне не рассказала?

— А когда я должна была это сделать? — Взорвалась она, ее сдержанность внезапно испарилась и едкость ее слов, она уверена, была вызвана сексуальной неудовлетворенностью, идиотической гипер опекой ее братьев и недоверчивым тоном Эрика. — Может когда ты уже ненавидел меня за то, что попал в Шеул? Или, когда ты не принимал за правду ни единого моего слова, поскольку не верил в реальность происходящего? Или, когда ты впервые ел нормальную еду? — Она щелкнула пальцами. — О, я знаю, разговор о том, что мой злобный братец владеет твоей душой, стал бы идеальной прелюдией, пока ты старался залезть мне под юбку.

Еще одно грозное, гортанное рычание вырвалось из груди Танатоса, но она не обратила на него никакого внимания.

Она подняла свой купальник и юбку:

— Это все было для твоего блага.

Лимос могла почти физически ощутить обжигающую силу ярости Эрика на своей коже. Но та быстро сникла, и он почтительно кивнул, тем самым извиняясь или, возможно, признавая, что ее слова имеют смысл.

При всем ее жизненном опыте, она видела только несколько мужчин, которые так быстро признавали свои ошибки, но он точно не подходил под тот тип парней, которыми движут нерациональность или защитная агрессия.

Она благодарно ему улыбнулась, а затем повернулась к Танатосу:

— Почему ты здесь?

— Потому, что Ривер до сих пор не объявился. Я пытался призвать и его и Харвэстэр несколько раз. А теперь Эгида что-то задумала и играет с нами. — Руки Танатоса сжались в кулаки. — Я хочу знать, известно ли об этом нашим Наблюдателям.

— Что за игра?

— Они заселили ко мне Старейшину.

Говоря о нежелательных гостях.

— Ты шутишь.

Тан плеснул воды себе на горло и стряхнул капли с волос, словно дикая кошка.

— Тебе кажется, что я шучу? Потому что ты знаешь, какой из меня на самом деле шутник.

Они все на мгновение замолчали, поскольку именно Ресеф был большим любителем розыгрышей, и их жизни стали бесспорно намного менее веселыми, с тех пор, как он окончательно спятил.

Лимос прочистила горло, чтобы ослабить напряжение.

— Кого они отправили?

Арес провел пальцами по серповидному шраму на шее, и его доспехи тут же исчезли.

— Мне всегда казалось очень глупым носить броню на тропическом острове, — пробормотал он. — Они послали женщину по имени Реган.

— Реган? — Эрик фыркнул. — Удачи с ней. Почему бы тебе просто не сказать "нет"?

— Потому, что это хороша идея. — Ответил Арес. — Мы долгое время не контактировали с Эгидой. Это наш шанс узнать всю новую информацию, которую они собрали за столетия. И она может помочь в поиске агимортуса Лимос, используя свой дар.

— Это хорошие новости. — Сказал Эрик, смахивая капли воды с брови. — Мы знаем, что то, что вы ищите — маленькая чашка, но не знаем ее истории. Может прольете немного света на этот счет?

— Эгида и ПС-Х знают то, что им нужно знать, — вставил Тан.

Эрик закатил глаза.

— Высокомерные ослы. Ваши устарелые обиды на Эгиду ослепляют вас.

— Человечишка, — гаркнул Тан, — не смей разговаривать с нами подобным тоном.

Глаза Эрика затуманились, его тело расслабилось, Лимос же, наоборот, вся напряглась. Ресеф иногда делал так же, и в такие моменты он был наиболее опасным.

— Отвали, Всадник.

Лимос встала между Эриком и Танатосом, предотвращая неизбежное:

— Завязывайте, парни. Эрик прав. — Она посмотрела на Ареса, ища у него поддержки, и он ее не разочаровал. Когда дело касалось стратегии, он, как правило, не позволял эмоциям затуманивать рассудок.

— Согласен. — Ответил он. — Сначала я был против, но настало время снова довериться Эгиде. Наши мелкие атаки в этой битве были всего лишь слабыми попытками противостоять Мору, и мы сами себя обманываем, если думаем, что сможем победить его без поддержки людей.

Души, плененные Танатосом, закружились у его ног, как бывало всегда, когда он начинал злиться. Но до того, как они вышли из-под контроля, Лимос взяла его за руку:

— Брат, остановись. Ты же знаешь, мы должны это сделать.

Странно, как Танатос, который всегда был самым тихим из них, на самом деле был обладателем самого взрывного характера.

Ресефа всегда можно было прочесть, как открытую книгу, Арес держал свои эмоции под четким контролем, Лимос же находилась где-то посередине.

Но Тан... он был как бурлящий подземный поток, притаившийся под поверхностью, который только идиот осмелится выпустить наружу.

— Мы уже работали с ними, — сказал Тан.

— Да, — согласился Арес, — но мы избегали ненужного риска. Но теперь, нам нечего терять, и мы можем поделиться той информацией, которую имеем.

В напряженной тишине, Танатос по очереди посмотрел им всем в глаза.

— Делайте то, что считаете нужным, — наконец-то ответил он, но бросил на Ареса и Лимос взгляд, который четко говорил "Но моя личная жизнь — только моя".

Не то чтобы секреты Танатоса интересовали Эгиду в долгосрочной перспективе. Его агимортус не нужно было искать либо охранять. Танатос мог защитить его сам.

Теперь, когда сотрудничество было урегулировано, Лимос снова повернулась к Эрику.

— Итак, вернемся к моему агимортусу. Легенда гласит, что он размером с чашку для саке, сделан из бивня или кости, и на нем выгравированы весы. Он был создан порабощенной расой демонов, Исфетами, которые использовали его в качестве единицы измерения. Один из Исфетов использовал чашу, чтобы обеспечить себе свободу и жизнь в человеческой реальности, но ценой стала жизнь его собственной сестры. Он должен был выпить ее крови из чаши, которая даровала ему бессмертие и человеческое тело. Когда его клан нашел отступника, они вернули его в Шеул, отобрали чашу и спрятали... таким образом, он потерял свое бессмертие. Со временем, демоны вымерли, а о чаше забыли. Существует сотни теорий о местонахождении чаши, но мы уже все проверили.

Лимос остановилась, ожидая что Эрик начнет задавать вопросы, но он сидел неподвижно и даже не смотрел на нее.

— Эрик?

Взгляд Эрика был сосредоточен на лесе.

— Там что-то есть.

— Я ничего не вижу. — Арес мог ничего не видеть, но тем не менее, он вызвал свои латы.

— Я тоже. — Эрик изменил позицию, расправил плечи, встал в боевую позицию и по спине Лимос пополз холодок. Когда он махнул ей, чтобы Лимос спряталась за его спину, она на самом деле повиновалась. Словно не могла сама о себе позаботиться. Как ни странно, Лимос почувствовала тепло от мысли, что он пытался ее защитить.

— Я это чувствую.

— Что ты чувствуешь? — спросила она.

— Зло, — прошептал Эрик. — Я чувствую... зло.

По венам Эрика пульсировал адский огонь, обжигающий, кричащий предупреждение о том, что зло находится в пределах досягаемости. С неизвестным бурлящим чувством, он двинулся вперед с отчаянной необходимостью уничтожить то, что угрожало ему и Лимос.

Танатос и Арес сделали то же самое. Идиотская мысль, поскольку Лимос была способна сама о себе позаботиться.

Позади себя, он услышал безошибочный звук, ставших на место доспехов, сопровождающийся шипением стали, покрывающей кожу защитным слоем.

Эх, ладно, один Эрик остался без оружия.

Зашелестели кусты, и когда Эрик открыл было рот, чтобы всех предупредить, из листвы вырвались четвероногие, размером с мастифа, демоны. Найвы.

Лимос крикнула что-то о шпионах Мора и погрузила свой клинок в грудь одного из найвов.

Эрик увернулся от первого демона, щелкающие зубы которого скользнули по его руке. Откатившись, он схватил толстую ветку, пронзил горло второго найва и ударил лишенное кожи, похожее на опоссума существо о дерево.

— Человек! — Арес бросил кинжал, Эрик поймал его и, вовремя повернувшись, вогнал лезвие в мозг твари, пронзив нижнюю челюсть.

Волны зла ударялись в него словно бушующий шторм, становясь все более могущественными с каждым новым десятком демонов, что наступали на них. Эти штуковины имели длинные, острые когти и бритвенно-острые зубы между мощными челюстями, но их смертоносность состояла именно в их числе. В течение нескольких секунд, Эрика и Всадников полностью завалило этими тварями.

Всё вокруг них было в крови — кровь капала с листьев, стекала по стволам деревьев и окрашивала кристально чистый бассейн в красный цвет. Тан выпустил свои души, и ужасные вопли атакующих теней присоединились к хору криков и вою умирающих демонов.

Трое демонов напали одновременно, но когда Эрик полоснул ножом одного из них, второй ударил ему в бок, выбил кинжал из рук и свалил на землю. Лимос закричала, замахнулась мечом и ударила срезав твари голову.

Двое оставшихся попытались вцепиться Эрику в горло. Зарывав — черта с два он выбрался из Шеула только чтобы умереть от зубов и клыков демонов, которых даже другие демоны считали отродьем и падалью — он схватил одного за горло и сжал.

Найв застыл и упал замертво.

Эрик моргнул от удивления, но кого к черту волнует, почему демон сдох так быстро? Он потянулся за другим, с тем же успехом. К Эрику двинулся еще один, но в этот раз он не стал беспокоиться тем, чтобы схватить демона за горло.

Эрик врезал ублюдку в лицо и тот рухнул. Раз за разом, он убивал демонов, пробираясь сквозь толпу словно газонокосилка.

В конце концов, Эрик оказался по пояс заваленным трупами демонов, глядя на бойню вокруг себя, а Всадники уставились на него. По крайней мере, странное ощущение того, что за ним наблюдает зло, исчезло.

— Что это было, человек? — Спросил Арес.

— Понятия не имею. — Он поднял голову, его новообретенное паучье чутье опять вызывало покалывание, но уже не такое сильное. — Там.

Танатос двигался как змея, настолько быстро, что Эрик не увидел, как тот исчез в кустах. Послышался какой-то писк. глухой удар, и затем Тан появился, волоча за хвост крысу-переростка.

— Это?

— Да. Это оно. — Эрик провел рукой по лицу. Черт, все так запуталось. — Что за хрень?

Лимос скривилась:

— Вот дерьмо. Кровный обмен. Как у вампиров.

— Ну да, — согласился Арес, — в этом есть смысл.

— Для тебя. — Пробормотал Эрик. — Не хотите посвятить меня в свой таинственный разговор?

Лимос вставила меч обратно в ножны.

— Найвы — демоны, действующие по приказу. Это лазутчики. Многие демоны могут призвать одного или двух, но только несколько способны контролировать такое большое количество этих тварей, и Мор — один из них. Даже когда он был Ресефом, он мог командовать переносчиками инфекций и использовать их для сбора информации или чтобы распространять болезни... он также мог уничтожать их по своей воле. Обмен кровью наделил тебя его способностями. Но вот до какой меры... — Ее передернуло. — Время покажет.

— Я все равно не понимаю. Ты упомянула вампиров.

— Вампиры часто передают свои особенные силы тем, кого обращают. — Объяснил Танатос. — Но, поскольку, технически, тебя никто не обращал, думаю ты в каком-то роде уникален. О чем ты нам не рассказываешь? Может в твоей родословной где-то затерялся демон?

Каким бы соблазном не было послать Танатоса на хер, Эрик тоже хотел во всем разобраться.

— Никаких демонов в моей ДНК, но я был укушен одним из них несколько лет назад. — Он подумал, что стоит упустить ту часть, которая рассказывает о том, как напавшего на него демона послал другой из его братьев, с которым он заключил не очень удачную сделку еще когда был подростком, желающим прекратить бесконечный террор своего отца. — Инфекция от укуса практически убила меня, но Тень спас мою жизнь. После этого возник некий... побочный эффект. — Он посмотрел на Лимос, которая наблюдала за ним с любопытством: — Я могу выучить любой демонский язык, услышав всего несколько слов.

— Вы, эгидовцы, полны сюрпризов, — пробормотал Арес.

Эрик и сам уже понял, что это правда.

— Почему Мор послал своих шпионов, чтобы они на меня напали? Я хочу сказать, что, раз он так хочет моей смерти, почему не убьет меня сам? Если бы он собственной персоной явился вместе со своими прихвостнями, я бы уже давно спекся.

— Ты прав, — нахмурилась Лимос, — это не имеет смысла.

— Может это все проделки твоего очаровательного жениха? — Спросил Эрик, но она отрицательно покачала головой.

— Это также не имеет смысла. Я очень сомневаюсь, что он вообще в курсе того, что Мор владеет твоей душой. Сатана приказал бы притащить тебя в Шеул, и там бы убил, чтобы наложить на нее лапы. А если ты умрешь здесь, он не сможет ее заполучить.

— То есть, ты утверждаешь, что с нами играет кто-то еще?

Арес пнул тело одного из найвов:

— Новый игрок, который хочет твоей смерти.

Танатос присвистнул:

— Да, твое положение — отстой.

Черт, иногда наступают дни, когда просто не стоит подниматься с постели.

Переводчики: navaprecious, silvermoon, black_girl

Редактор: natali1875

Глава 16

По пути к дому на Эрика с Лимос не напал ни один жуткий демон, и когда Эрик увидел Кинана, стоящего на огромной террасе, опоясывающей фасад дома Лимос, он пересмотрел свою идею "не вылезать из постели".

Лимос оставила их наедине, когда он сжал Кинана в медвежьих объятьях и почти стащил того с террасы. Ки по-мужски похлопал его по спине, и когда они оторвались друг от друга, Эрик улыбался как идиот.

— Мужик, — выдохнул он. — Я так рад тебя видеть.

— Я тоже. Ты всех нас напугал. — Кинан хлопнул его по плечу. — Хорошо выглядишь. Тень и Риз тебя подлатали.

— Говоря о Тени...

— Они с Руной уже идут, — прервал его Кинан.

— Хорошо. — Эрик уселся на один из барных стульев, прислоненных к бамбуковому мини-бару. Восточная терраса была уставлена стульями, баром и джакузи, и Эрику стало интересно сколько вечеринок Лимос тут устроила. — Руна, наверное, немного взволнована.

— Немного? — фыркнул Кинан. — Думаю единственное, что поддерживало ее, так это проведенное время в детском саду Центральной Больницы Преисподней.

Эрик забыл что в ЦБП был детский сад, которым заведовали Руна и еще несколько его дальних родственников, Серена и Идесс. Какое-то странное дерьмо.

Больница, где управляют демоны и есть детсад, в котором оборотень, вампир и бывший ангел работают няньками. Да, о них уже давно написали книгу или сняли реалити-шоу.

Эрик зацепился пяткой за планку стула и откинулся назад, позволяя солнцу ласкать свою кожу.

— Могу поспорить, в больнице все очень заняты.

— Уже все заняты. Все плохо, мужик. — Кинан провел рукой по волосам. — Эгида перенапряжена, и мы потеряли почти десять процентов Хранителей в убийствах и драках с демонами. Мы потеряли даже Старейшину. Его место занял Декер.

Эрик широко распахнул глаза.

— Вы сделали Декера Старейшиной? Но он даже не эгидовец.

— Уже эгидовец.

Эрик потер затылок, оглушенный новым поворотом событий.

— Вау. У Эгиды очень быстрый процесс отбора, не так ли?

— Ха-ха. — Кинан тряхнул головой. — У нас было несколько кандидатов в окончательном списке, но мы решили взять кого-то из ПС-Х.

— Зачем? Мы, то есть, он уже был вашим консультантом.

— Ага, но как со Старейшиной, мы можем поделиться с ним более щепетильной информацией, и когда он даст обещание сохранить некоторые секреты в тайне, то сможет сделать то же самое.

— Имеешь в виду, хранить секреты от ПС-Х. — Эрик ненавидел все это секретное дерьмо. Как, к черту, должны они решить головоломку с концом света, если игроки не станут делиться своими частями?

Ки пожал плечами.

— Итак... теперь, когда ты вернулся... — он замолчал. — Ты ведь вернулся, верно?

Эрик посмотрел на парящих над головой чаек и задумался, как ответить. Это было чем-то таким, на что он не имел ответа.

В голове у него все еще была каша, Мор имел виды на его душу, сам Эрик нутром чувял демонских лазутчиков, куча отморозков хотели его убить и кроме того, была еще ситуация... не то что бы ситуация, но что-то определенно происходило... у них с Лимос.

— Послушай, — начал Ки, прерывая размышления Эрика, — если тебе нужно время, отпуск... терапия... это все понятно. Черт, это даже необходимо. Но ситуация в мире не становится лучше. Апокалипсис взял перерыв, но он снова постучится в нашу дверь. Ты нам нужен, мужик.

— Поверь мне, я хочу надрать парочку демонических задниц. Но не уверен, что уехать прямо сейчас будет хорошей идеей.

— Что, ты хочешь остаться здесь?

Как бы по-идиотски это не звучало, но, да, он хотел остаться. Ведь ничто так не делает твою жизнь полной и прекрасной, как самобичевание.

— Моя душа в опасности. Если я умру, то моя душа станет шестеркой Мора. Долго рассказывать, но если он решит, что я нужен ему мертвым, то для меня безопаснее всего будет здесь. Наше лучшее оружие против спятившего всадника — другой Всадник.

— Бляяя. — Кинан потер лицо. — Мне нужна двойная порция виски.

— Уверен, что крепкие напитки Флика[14] прячет за барной стойкой.

— Флика?

— Не хочу произносить ее имени.

— Так ты зовешь ее именем лошади? — Ки вскинул темную бровь.

— Не могу дождаться, чтобы посмотреть, как она отреагирует на мистера Эда[15].

Двустворчатые деревянные двери, которые отделяли террасу от гостиной, резко распахнулись, и Эрик вскочил на ноги, когда увидел Руну, входящую в комнату вместе с Тенью.

— Сестренка. — Когда Эрик направился к ней, Тень загородил ее своим огромным телом, излучая агрессию всеми порами тела. Какого хрена?

Руна, кажется, не заметила странного поведения своего возлюбленного, обошла его и бросилась в объятия Эрика.

— Слава Богу, — прошептала она. — Слава Богу ты в порядке.

— Ага. — Его горло немного сжалось. — Ага. Я в порядке.

Она отодвинулась, и он смог увидеть ее лицо.

— Ты же знаешь, что это я, верно?

— Ну да. — Какого черта?

— Тебе лучше? — Спросил Тень. — Если выкинешь такой фокус, как в прошлый раз, я тебя прикончу. И на этот раз Руна меня не остановит.

— Тень! — выбрала его Руна. — Он в порядке.

— Слишком опекает, да? — Эрик недоуменно на них посмотрел. — И о чем ты, черт побери, говоришь?

— Эй, почему бы нам всем не дать Эрику немного отдохнуть? — Лимос, переодетая в яркий голубой сарафан, поспешила побыстрее выйти из комнаты. Ее улыбка была такой деланной и изменчивой, что и дураку было понятно, что она пыталась не дать Руне и Тени ответить на вопрос Эрика.

— Так не пойдет, Секретариат[16]. Мне не нужен отдых. — Он повернулся лицом к Тени, уверенный в том, что демон выложит всю правду. Люди, которым на тебя насрать, всегда наиболее откровенные. — Отвечай.

— Эрик, это не так уж и важно. — Лимос взяла его за руку, чтобы вывести из комнаты, но он не двинулся с места. Тени так же было наплевать на ее слова.

— Позволь освежить тебе память. — Его глаза потемнели, и он ткнул пальцем в грудь Эрика. — Мы приходили вчера. Ты отметелил Руну. Повредил ей скулу, разбил нос и сломал три ребра.

Земля зашаталась у него под ногами.

— Этого не может быть. Я бы никогда...

— Все в порядке, Эрик, — заверила его Руна, — ты был не в себе. Ты не знал, что реально, а что — нет.

— Нет. — Он отрицательно покачал головой, будто стараясь вытрясти воспоминания из закоулков памяти. — Я помню код к своему шкафчику в раздевалке тренировочного лагеря, так что я бы, блядь, не забыл, что поднял руку на сестру.

Одни только эти слова заставили все у него внутри перевернуться.

— Ты сейчас не можешь припомнить много вещей. — Лимос направилась к нему, и он задрожал от предвкушения ее прикосновения. Она могла излечить и успокоить Эрика лишь касаясь его, и подтверждением этому было то, что сейчас он находился в здравом уме — она вытащила его из того ада, что царил у него в голове.

Но прямо сейчас, ему не нужно исцеление. Он хотел все вспомнить.

Он повернулся вокруг и хлопнул ладонями о поручни террасы. Руна присоединилась к нему, ее карамельно-медовые волосы развивались на ветру.

— Эрик, все в порядке. Я обратилась и исцелила большую часть повреждений, а Призрак залечил все остальное. Никаких ушибов не осталось.

С ее стороны было очень мило попытаться его утешить, но Эрик знал лучше. Она столько выстрадала в детстве, и лучше бы воспоминания о том, как ее избивали оставались и

дальше глубоко похороненными.

О, подождите-ка... похоронены... когда он был на вечеринке в честь обручения Кары и Ареса, Кара рассказала ему о том, как Арес воспользовался своими особыми умениями, когда они впервые встретились.

— *Он стер мои воспоминания, чтобы я не сошла с ума,* — сказала она тогда. — *Что я, естественно, сделала, как только он разблокировал их.*

— Сукина ты дочь. — Он резко повернулся к Лимос. — Ты стерла мои воспоминания, отвечай

— Нет. — Ответила она так легко, так убедительно, что Эрику захотелось верить ей, но что-то было не так. Вспышка света в ее глазах, или подергивание мышц, или может то самое подозрительное чувство тревоги, которое он испытывал всякий раз, когда отец говорил то, во что Эрику отчаянно хотелось верить: *Обещаю, я обязательно приду на твою игру. В это Рождество, мы обязательно получим подарки. Клянусь, я брошу пить.*

Да, хренометр Эрика просто зашкаливал.

— Хочешь попытаться еще раз, Всадница? — *Пожалуйста, пожалуйста скажи мне правду.* Если она снова скажет "нет", он это примет. Он поверит ей, так же как все те годы верил своему отцу. Но когда она просто осталась стоять и ничего не ответила, сердце Эрика замерло.

— Ты это сделала? Что еще ты стащила из моей головы?

Она открыла рот. Закрыла. Сукина дочь. Из всего того, что с ним сделали за последний месяц, именно это, казалось ему наибольшим осквернением.

Эрик повернулся к Кинану.

— Я ошибался. Не хочу здесь больше оставаться. Пошли.

Прошло три дня с тех пор, как Эрик ушел. Дом казался пустым, что было странно, поскольку Лимос никогда не думала, что ее дом может быть пустым. Но с другой стороны, может именно поэтому она имела еще одну, общественную виллу на другой стороне острова, где и устраивала свои вечеринки.

Ей не нравилась пустота.

Ей также не нравился Шеул, с его клаустрофобией атмосферой, зловещими флюидами, и мутным светом, но она была здесь, ехала верхом на Кости по тропинке к региону Горун, зажата между Аресом и Таном и следовала по следу Сартаэля.

Танатос как-то умудрился добыть информацию у Орелии, своего демона татуировщика, и если сведения были правдивы, то правая рука Темного Лорда, водил Сартаэля за нос и использовал в качестве ищейки.

С конца дней на горизонте, Сатана и Люцифер возжелали найти древние артефакты, магию и силу которых можно использовать в финальной битве.

По-видимому, они только что приобрели мистический кинжал, который по слухам принадлежал Карлу Великому, и теперь охотились за Копьем Судьбы[17].

Лимос с братьями пришли сюда, чтобы остановить их... и убедить Сартаэля помочь с поисками ее агимортуса.

Все они были на пределе, двигаясь от одного подземного города к другому, и то что сопровождающий их адский пес, Гор, постоянно норовил укунить Кости за пятки, совсем не

помогало.

Кости был совсем не рад такому вниманию, и Лимос пришлось использовать каждую каплю концентрации, чтобы удержать его от нападения на пса.

— Ненавижу это место, — пробормотала она.

Танатос сердито взглянул на нее.

— Тебе не стоило приходить, — сказал он и Арес кивнул соглашаясь.

Она не стала возражать, потому что они были правы. Но теперь после ухода Эрика, Лимос снова вернулась к своему старому саморазрушительному состоянию.

Только все это не было правдой, разве не так? Лишь после ухода Эрика Лимос поняла, что проводя время вместе с ним она получает такой же кайф, как и от лжи. Такой же, только лучше, поскольку это были чистые, хорошие эмоции, которые не заставляли ее себя ненавидеть.

— Нужно вернуть Эрика. — Ее братья повернулись и уставились на нее, как на сумасшедшую. *Упс, она сказала это вслух?* — Что? Не думаю, что Эгида или Полн Смотрователей сможет сохранить его жизнь в безопасности.

Арес, как истинный воин, бегло осмотрел окрестности и спросил:

— Ты связывалась с Кинаном?

— Он не рассказывает, где Эрик. — Она потрепала угольно-черную шею Кости и совсем не удивилась, когда он зарычал от раздражения. — И поскольку он защищен ангелами на нем заклинание неприкосновенности, я не могу использовать пытки, чтобы вытащить из него ответ.

— Не думаю, что пытаться людей, с которыми мы должны работать — хорошая идея. — Сухо заметил Арес.

— Это очень хорошая идея, — не согласилась Лимос, — если, конечно, об этом никто не узнает.

— Я только за, чтобы надрать парочку Хранительских задниц. — Вставил Танатос.

По нему всегда очень трудно было угадать, шутит он, или нет. Но в этом случае, слишком уж он обрадовался перспективе прикончить Хранителя, и она подумала, не повлияла ли гостья Тана на его поведение.

— Я должна что-то предпринять. — Она пнула Гора, который пытался опять напасть на Кости. — Слишком многие хотят смерти Эрика, включая ублюдка, подославшего найвов — этих демонских ищек.

— Меня тоже интересуют эти ищейки. — Глубокий, разносящийся эхом голос, прозвучал позади них и животные мгновенно отреагировали — кони под всадниками задергались и завертелись, а адская гончая зарычала.

— Люцифер. — Прошипела Лимос. И еще до того, как она успела полностью произнести имя демона, Танатос метнул в него кинжал, а Арес успел открыть портал. Лезвие попало высокому, черноволосому Падшему Ангелу в плечо, но он лишь засмеялся, его кроваво-красные глаза ярко сверкали.

— Твой муж ищет тебя, Лимос. Пришло время вернуться к нему.

Гор припал к земле, его острые, как бритвы, зубы обнажились в злобном оскале, а уши были крепко прижаты к голове. Но, проявляя осторожность, он стоял и не двигался.

— Она никуда не пойдет. — Арес прижался к Кости своим конем. Боем, готовясь вытолкать Лимос через портал.

— Где Сартаэль? — спросила она.

— Смешно, что именно ты об этом спрашиваешь. Он только закончил выполнение одного задания для меня. — Люцифер щелкнул пальцами, и с неба спустился крылатый мужчина, приземляясь рядом с ними.

Мужчина поднялся, выпрямился во весь свой семифутовый рост[18]. Его кожаные, забрызганные высохшей кровью крылья были высоко подняты над лысой головой.

— Чего тебе? — Прорычал он, и у Лимос сложилось впечатление, что он не очень радовался их сотрудничеству с Люцифером.

— Познакомься с Всадниками. — Сказал Люцифер слащавым, как патока, голосом. — Обрати особое внимание на женщину, поскольку твоим следующим заданием станет поиск ее агимортуса.

Лимос фыркнула, чтобы хоть как-то скрыть тот факт, что ее сердце замерло от страха:

— Ну, удачи тебе, Сартти. Ведь нельзя найти то, что не было спрятано или утеряно, или то, что уже давно нашла я.

О, как приятно было лгать. Вспышка наслаждения была легкой — она не особо кайфовала, когда врала всяким ублюдкам. Но сам факт, что она навешала лапши самому Люциферу, приводил ее в восторг.

— Теряешь сноровку, Лимос. Принц Лжи захочет, чтобы умения его супруги — принцессы Обмана соответствовали титулу. — Сказал Люцифер, и его почерневшие, потрескавшиеся губы растянулись в подобии улыбки. — Кстати о нем, у меня есть для тебя предложение. Пойдешь добровольно к Повелителю Тьмы, и я отзову своих прихвостней.

Кости забил копытом об землю, желая вцепиться в демона, да и Лимос была обеими руками только за.

— Во-первых, тебе стоит пользоваться гигиенической помадой. Во-вторых, о каких прихвостнях ты говоришь?

— О тех, которые ждут моего сигнала, чтобы привести Эрика ко мне, так как Сартаэль уже его выследил.

Она улыбнулась:

— Ну и кто теперь врет? Силы Сартаэля в мире людей ограничены до поиска демонов и демонических артефактов.

— Несмышленная глупышка, — протянул Люцифер, — душа Эрика принадлежит демону. А значит он — демонический артефакт.

Лимос поняла, что ситуация хреновее некуда, а после его следующих слов вообще поняла, что оказалась по уши в дерьме.

— Я собираюсь доставить его прямо к твоему мужу. — Невесомая походка Люцифера еще больше приблизила его к Лимос и она заставила Кости упереться копытами, чтобы Арес не вытолкнул ее через портал. — Ты уже давно должна была стать его, Лимос. Ты поступила опрометчиво, решив обойти условия контракта, и он... недоволен.

Ее сердце как сумасшедшее стучало в груди, будто хотело вырваться наружу. Если братья узнают, каковы были эти условия, то собственноручно бросят ее к ногам Люцифера.

— И твоя мать... — Люцифер сделал грустное лицо, — очень в тебе разочарована. Она учила тебя быть более ответственной.

Танатос расположил Стикса поближе к Кости.

— Как это безответственно со стороны Ли не хотеть вступить в договоренный брак с самым злым существом, которому нет равных во всей вселенной.

— Все женщины Подземного Мира завидуют Лимос. Кстати, она знала, кем является ее

жених, когда соглашалась на брак. — Заметил Люцифер.

Это было правдой. О Боже, это было истинной правдой. Ее пообещали Сатане в жены когда она была еще младенцем, но позже, она осознанно и добровольно уверяла его в своих намерениях, будучи уже подростком и полностью понимая, что и зачем она делает.

А потом она передумала. Сейчас на нее навалилось столько всего, что она гадала, когда же ее расплющат под весом последствий от ее действий.

— Она не соглашалась. — Голос Ареса сочился презрением. — Это было сделано, когда она была ребенком, против ее воли.

Вот блядь. Она напряглась так сильно, что Кости застонал, от силы, с которой Лимос своими бедрами сжимала его ребра. Люцифер медленно, не торопясь повернул свою голову. И улыбка, которая появилась на его лице, была такой зловещей, прям как в фильме ужасов.

— Это то, что она тебе рассказала? — Запрокинув голову, Люцифер громко рассмеялся. Поддавшись внезапной, безрассудной вспышке паники, она открыла портал рядом с Люцифером, используя его как оружие. Он врезался в него гигантским лезвием, отсекая ему левую руку по самое плечо.

Звук, который он издал, полный боли, ярости, и ненависти, ворвался в ее уши с такой силой, что у Лимос лопнули барабанные перепонки.

Боль взорвалась в голове, а хор визгов и криков подсказал, что пытка не минула и ее братьев с адской гончей.

Земля загрохотала, и Люцифер превратился в монстра размером с динозавра, абсолютно черную, чешуйчатую штуковину с готескно деформированными конечностями, слишком большими зубами и гениталиями. Он полоснул когтями гончую, оставляя глубокие зияющие раны по всей длине тела Гора.

Прежде чем Лимос смогла отреагировать, Арес и Бой вытолкнули ее через ворота.

Лимос и Кости вышли во дворе имения Ареса. Но они были не одни. Кости завертелся, как только Сартаэль вырвался из ее Хэррогейта.

Он набросился на Лимос, и хотя Кости впился зубами ему в лодыжку, падший ангел умудрился выбить ее из седла. Они ударились об землю и покатались, нанося удары и разрезая оружием плоть.

Падший ангел обвил рукой ее горло и изо всех сил ударил головой об скалу. Кости закричал от ярости и в следующее мгновение его копыта заполнили поле зрения Лимос.

Влажный, хрустящий звук слился с болезненным криком Сартаэля, когда копыта Кости вошли в его спину и вышли из груди, прижав того к песку.

Лимос выбралась из-под него, радуясь, что копыта адского жеребца не задели ее. Когда ее лопнувшие барабанные перепонки снова срослись вместе, она присела возле падшего ангела.

— Глупо было следовать за мной, Сarti. — Она погладила его лысую голову. — Потому что теперь, когда ты у меня, я заставлю тебя сказать мне, где Эрик, а потом ты поможешь мне найти мой агимортус.

Он засмеялся... ну, в каком-то роде закашлял, поскольку его рот был полон крови.

— Я собираюсь отвести тебя к твоему мужу. Я собираюсь снять с твоего человека кожу пока он будет наблюдать, как Темный Лорд будет трахать тебя пока не разорвет напополам.

— Ты отвратителен. — Она взглянула на Кости. — Сделай ему немножко больно.

Кости оскалил бритвенно-острые зубы и откусил кусок от плеча ангела. Плоть оторвалась с любопытным треском. Сартаэль закричал в агонии.

— А теперь, ты кусок дерьма, — промурлыкала она. — Соглашайся помочь мне, или в следующий раз Кости откусит что-то более нежное. Ему всегда нравились Устрицы Скалистых Гор. Думаю, мы назовем их ангельскими устрицами, да?

— Я еще увижу, как ты сгоришь, — прохрипел он. — Я расскажу твоим братьям о том, как ты стояла перед Темным Лордом и умоляла взять тебя как его невесту. Как ты обещала ему привести своих братьев в качестве свадебного подарка. Как ты неподвижно стояла, изнывая от похоти, когда пояс верности одевали на твою талию.

Ее горло стало таким же сухим как песок под ногами.

— Тебя там не было. Ты не знаешь. — За исключением того, что все детали были на месте.

— Я был адской крысой, прикованной к запястью Люцифера на протяжении всей церемонии. Почти пять тысячелетий я провел в качестве грызуна... в наказание за то, что позволил другому ангелу трахнуть вашу мать раньше меня. Мне было предназначено стать твоим отцом, шлюха. Я должен был стать отцом принцессы. — Он мрачно улыбнулся. — Теперь ты будешь согревать мою постель, после того, как твой муж вдоволь тобой натешится.

Услышав зов Кары, Лимос подняла голову и увидела, что та бежит к ним. В то самое мгновение, вспышки света осветили вечерние тени, когда в нескольких футах перед ней открылись два Хэррогейта.

Воспоминания захватили ее полностью, душили, стремительно увлекали в бездну, как самолет, кружащийся в мертвой петле.

Вскрикнув, она обрушила меч поперек горла Сартаэля, навсегда заткнув его и его уродливую правду.

Тан вышел из первого портала, таща за собой Гора. Адский пес едва ли мог стоять, кровь хлестала из него как водопад. Арес явился из своих собственных врат, ведя за уздечку хромающего Боя.

Кара подбежала к животным, и даже когда они рухнули на землю, положила руки на каждого из них. Отовсюду, появились десятки адских гончих, молчаливые словно тени они упали на мертвого ангела.

Быстро, пока Кости не затеял драку, Лимос позвала его к себе, и он, превратившись в дым, обвился вокруг ее руки.

Целебный дар Кары врезался в животных и через несколько минут их раны полностью затянулись.

— Что черт возьми здесь произошло? — Рывкнул Тан на Лимос. — И зачем ты убила Сартаэля? Он был нашей лучшей возможностью найти твой агимортус!

— Знаю. — В конце концов, это не ложь. — Он угрожал Эрику. Я испугалась. — Еще одна правда.

— Ты испугалась? — Слова Танатоса сочли скептицизмом. — Ты никогда не пугаешься. Только не этому.

Арес помог Бою подняться на ноги пока Кара заканчивала с гончей.

— И почему Люцифер считает, что ты пошла на обручение по собственной воле?

— Потому что он идиот. — Все еще правда. Прежде чем братья смогли продолжить допрос, Лимос сменила тему. — Мы должны вернуть Эрика. Сейчас же. Люцифер не стал бы лгать о том, что знает где он.

Арес скормил Бою кусочек сахара.

— Ага, ну, мы то не знаем где он.

— Могу поспорить, что Руна знает, — сказала Лимос, открывая врата. — И я собираюсь убедиться, что она точно знает, что происходит с ее братом.

Потому что, если Лимос и знала о чем-то, так это о том, насколько далеко могут зайти братья и сестры, чтобы защитить друг друга

Или предать.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 17

Оглядываясь в прошлое, Эрик понял, что должен был попросить Кинана забрать его к себе домой. Вместо этого, он попросил Ки отвести его в штаб квартиру ПС-Х, что оказалось огромной ошибкой.

Они незамедлительно обрушили на него полное медицинское обследование и все виды тестов, известные как человеческой, так и демонической науке. Потом его изолировали для допроса и последующей серии тестов, в этот раз, чтобы оценить его психическое состояние.

Эрику стоило знать, что он станет узником... он сам составлял план стандартных процедур для любого военного, побывавшего в плену у демонов.

Вопросов было бесконечное множество, иногда скучные, иногда смехотворные.

Вы уверены, что не скрываете важную информацию? Да.

Вы одержимы каким-то демоном? Нет.

Имели ли вы сношения с демонами? Господи, он надеялся, что нет.

Вы питаете привязанность к какому-нибудь демону? Нет.

Он надеялся, что Лимос не в счет, черт бы ее побрал.

Когда дознаватели минули его прошлое в Шеуле и перешли ко времени, проведенному с Лимос, Эрик стал гораздо более разборчив в подборе ответов.

Ни в коем чертовом случае, он не собирался рассказывать о том, как находясь возле нее постоянно испытывал возбуждение, или о том, что настолько боялся есть, что ел только тогда, когда думал, что она приносила ему собачью еду.

Или как все еще отказывался называть ее по имени.

Или, как она стерла ему память.

Также, он пропустил ту часть, где Мор выпил его как молочный коктейль, и заставил выпить своей крови взамен. Этим самым наградил Эрика любопытным побочным эффектом, способностью ощущать шпионов и убивать их одним прикосновением.

Только за одно это, ПС-Х препарировали бы его на операционном столе.

Преимуществом всех этих допросов и тестов было то, что они удерживали его разум от размышлений о том, что он сделал с Руной. Слова Тени продолжали звенеть в его голове, жестоким ударом по внутренним стенкам черепа, который он заслужил.

Он клялся защищать Руну. Клялся никогда не превращаться в монстра, каким был их отец. И что он сделал? Стал тем монстром, который преследовал ее во снах, пока Тень не истребил их всех. Теперь Эрик беспокоился не испортил ли он весь прогресс Тени.

И не имело значения, что он напал на Руну, когда был не в себе. Отец всегда бил их

более жестоко именно тогда, когда был неменяемый, в стельку пьяный. Это не было оправданием, и Эрик также не собирался себя выгораживать.

Чувак, ему нужен отпуск, но такое направление мысли всегда приводило его на тропический пляж, подозрительно похожий на Гавайи, в комплекте с одной черноволосой Всадницей.

Не то чтобы он в ближайшее время собирался туда поехать; его освободили из медицинского учреждения ПС-Х и разместили в одном из общежитий форта Мак Нар, и хотя он мог свободно приходить и уходить по желанию, разрешения покинуть базу ему не дали. Что было отвратно. Эрик был солдатом, а человеческая раса находилась в состоянии войны. Он должен что-то делать. Должен драться за свою команду — команду Людей, а не команду Всадников.

Конечно, они были на одной стороне, но определенно не в одной команде.

За исключением того, что он прекрасно себя чувствовал, когда сражался вместе с Лимос против найвов. Она прикрывала его спину, а их действия были синхронными, чего он не испытывал ни с кем кроме Декера.

Эрик поймал себя на том, что потирает грудь, словно пытаюсь успокоить боль в сердце, какого черта? Неужели Демонский Алькатрас превратил его в томящегося от любви щенка? Раздражает.

Стук в дверь общежития вырвал его из мрачных мыслей, а затем Ки и Декер вошли в комнату, не дождавшись его приглашения. Он не злился на них, поскольку нуждался, чтобы кто-то отвлек его от размышлений о Руне и Лимос. Кроме того, они принесли с собой пиво.

Декер достал бутылку "Буда" из упаковки пива и протянул Эрику.

— Вы можете выдворить обывателя из страны... — начал Эрик.

— ...но не можете отобрать у него "Буд", — закончил за него Кинан, а Декер показал им обоим средний палец.

— Вот как я это вижу, — протянул Декер, — вы можете выпить теплой воды из-под крана, или глотнуть ледяного Будвайзера. — Он поднял упаковку из шести банок, минус одна, и поболтал перед носом у Кинана.

— Да, да. Дай сюда проклятое пиво. Но не надейся, что я начну смотреть НАСКАР[19] или еще что-то такое.

— Говорю тебе, ты полюбишь заезды на шорт-треке, — пробормотал Декер, бросая Ки пиво.

— Только если за рулем демоны, — ответил Кинан.

Декер пожал плечами.

— Были предположения на счет братьев Буш. Они какие-то неправильные. А Джимми Джонсон. Он выигрывает слишком часто, для простого человека.

Закатив глаза, Кинан занял один из двух стульев, а Эрик выбрал второй. Как в старые добрые времена, Декер бросился на кровать и разлегся так, словно жил здесь.

Их дружба не была легкой... конечно, возникали разногласия, но разве не у каждого отношений они есть? Эрику даже в голову не приходило, что он нуждается в чем-то большем в плане отношений, не тогда, когда вокруг него были хорошие друзья и сплоченное военное сообщество.

Так что, да, все чувствовалось так же. Естественно. И все же... было такое ощущение, словно чего-то недостает.

Ты скучаешь по Лимос, идиот.

Черт, он в полном дерьме.

— Итак, — начал Декер. — Ты чертовски хорошо выглядишь для того, кто провел в нутре ада целый месяц.

Эрик проглотил половину своего пива.

— Не стану рекомендовать в качестве места для отпуска.

— Ты в порядке? — спросил Кинан низким голосом, и с серьезным взглядом.

Эрику надоел этот вопрос. Его слишком часто спрашивали, все ли в порядке при таком хреновом стечении обстоятельств.

— Могло быть и лучше.

— Руна хочет тебя увидеть. Говорит, ты не отвечаешь на ее звонки.

— Был занят. — Занят стараниями не встречаться с ней.

Ки понял намек и не стал заикливаться на вопросе. Декер тоже не стал, глотнул пива и сменил тему, благослови Боже его маленькое старое южное сердечко.

— Так... что заставило тебя поцеловать Всадницу и заслужить поездку в длинном черном поезде?

Чувак, иногда Декеру нужен переводчик.

— Длинный черный поезд?

Кинан бросил в голову Декеру крышку от пивной бутылки:

— Это строчка из одной песни, в стиле кантри, Декер заставляет меня её слушать. Что-то там про поезд, который мчится напрямиком в ад.

— Да, ну, нет там никакого поезда. Только большие, колючие руки. — Эрик подавил те воспоминания и допил пиво.

— Ну? — Декер бросил ему еще одну холодную бутылку. — Зачем ты это сделал? Я не думал, что тебя потянет в ту сторону.

— Я поцеловал женщину, Всадницу, ты идиот. Я не гей.

— Это и дураку понятно. Я знаю, что ты не гей. — Декер немного приподнялся и оперся на локти. — Я имел ввиду сверхъестественные личности. Не думал, что ты ступишь на эту скользкую тропинку.

Кинан фыркнул:

— Отбросим метафору про поезд. Если бы ты увидел Лимос, ты бы тоже захотел пройтись по той тропе, Дек.

Эрик вдохнул:

— Ей, придурки, вы здесь по какой-то причине?

— А что, у тебя есть занятие получше? — Спросил Кинан.

— Нет, но вы ведь не пришли, чтобы принести мне пива и занять пустое пространство сидя на диване и сотрясая воздух ненужными разговорами. Значит, либо вы здесь, чтобы оценить мое психическое состояние, либо хотите ввести в курс последних событий в Эгиде и ПС-Х. Какое предположение верное?

— И то, и другое. — Признался Декер. Иногда его можно было принять за здорового, туповатого деревенского парня, но Эрик не был до конца уверен, что это не фарс. Он мог быть достаточно резок, а его слова — острыми, как клинок.

Эрик выпрямился в своем кресле.

— В чем дело?

Кинан закинул обутые ноги на стол.

— Пока ты был с Лимос, она рассказала что-нибудь о своем агимортусе?

Эрик поведал им о дерьме с демонами Исфет, что оказалось новым для Кинана.

— Проклятие, — вздохнул он. — В Демоники мы нашли одни только намеки. Всадник, стоит ему выпить из Чаши Обмана и Лжи, выпустит Голод, опустошающий землю. Она рассказала что-нибудь о Танатосе?

— Они очень скрытные и ничего о нем не рассказывают. — Пробормотал Эрик. — Мир окажется в полной заднице, если ваши гениальные головы не придумали какой-то чудоплан, пока я отдыхал в адском Диснейленде.

Кинан и Декер обменялись взглядами, и у Эрика внутри возникло нехорошее предчувствие:

— Что вы, ребята, от меня скрываете?

— Не узнал ли ты от Лимос каких-то подробностей о Танатосе и его... ну. — Кинан не закончил предложение, будто не мог подобрать подходящего слова, что было в принципе странно, поскольку он всегда все говорил напрямик, а не ходил вокруг да около.

Декер закатил глаза.

— Что ты знаешь о его сексуальной жизни?

Эрик застыл с пивом, поднесенным к губам.

— Его сексуальной жизни?

— Да. Ну, знаешь, кто его интересует? Мужчины? Сексуальные извращения? Опасные игры? Или он как ты и предпочитает классический секс? — При последних словах Декер усмехнулся, явно его поддразнивая.

Кто бы говорил. Чувак встречался с очень милой, но предпочитавшей только миссионерскую позу девушкой, со времен старшей школы вплоть до прошлого года, когда уже больше не мог лгать о своей работе. Пришлось выбирать: либо врать дальше, либо бросить ПС-Х. Декер выбрал карьеру, и Эрик не мог его осуждать за это. Сейчас было не самое подходящее время для того, чтобы складывать оружие.

— Я что, похож на его исповедника? Откуда, черт возьми, я должен знать, что ему нравится? — Эрик посмотрел на мужчин, на лицах которых застыло выражение неловкости, как у подростков, которых застукали за мастурбацией.

— Потому что мы послали Реган соблазнить его.

Эрик от этих слов подавился пивом:

— Реган, — прохрипел он, — да в ней женственности, как у взбесившегося кактуса.

Декер нахмурился:

— Не думаю, что кактусы могут быть переносчиками бешенства.

Кинан бросил Декеру взгляд, говоривший, что он полный придурок, а потом повернулся к Эрику:

— Слушай, это должно остаться между нами и не выйти за пределы этой комнаты. Лишь несколько Старейшин в курсе.

Все еще не отрезвев, Эрик тяжело вздохнул:

— Ладно, сдаюсь. Танатос обмолвился, что ты ее послал, но он уверен, что это потому, что Эгида хочет заполнить пробелы в исторических знаниях, или что-то вроде этого. Зачем вам нужно, чтобы она с ним переспала?

— Мы хотим, чтобы она забеременела. — Ответил Кинан.

Эрик моргнул. Затем еще:

— Не думаю, что правильно тебя понял.

— Ты все правильно понял. — Сказал Декер голосом, напоминающим печального

ослика Иа. — Жалко, конечно, поскольку, думаю, Реган на меня запала.

Кинан допил пиво, а потом начал разъяснять ситуацию, что включало в себя пророчество — бла-бла-бла, спасение мира бессмертным дитём — бла-бла-бла, из смерти возникнет жизнь — бла-бла-бла, а еще много всякой чепухи, звенящей в ушах, поскольку большая часть того, о чем говорил Кинан, не доходила до его сознания.

Эта снежная королева, Реган, должна была пожертвовать собой и переспать с Всадником, в то время как он не мог затащить в постель ту, которую так страстно желал.

Он как раз хотел попросить Декера бросить ему еще одно пиво, когда зазвонил телефон Кинана, и в то же время сдохла мобилка Декера. Снаружи вопила сигнализация.

Декер отодвинул занавеску от окна:

— На нас напали. Блядь. Как, черт возьми, демоны пробрались на базу? Она же охраняется.

— Твою ж м... — Звуки перестрелки присоединились к крикам и воплям, доносившимся снаружи, но солдатам вряд ли это сможет помочь, поскольку многие из них даже не знали, что использовать пули против большинства демонов — бессмысленно.

Офицеры высших рангов на базе знали о демонах, но большая часть рядовых солдат понятия не имели о подземном мире и его обитателях. Все они только раздражали демонов своими ничего не стоящими выстрелами.

Эрик рывком открыл дверь как раз тогда, когда полчище демонов хлынуло в общежитие.

— Мы в полном дерьме. — Пробурчал Декер и полез под куртку за своим S-образным кинжалом. Кинан сделал то же самое, бросив один Эрику.

— Готовы, парни? — Спросил Ки.

Эрик проверил остроту лезвия, сделанного из золота, и алая капля крови появилась на его пальце:

— Отправим ублюдков назад в ад, туда, где им и место.

Лимос, Арес и Танатос попали прямиком в ад на земле. В буквальном смысле слова.

Тысячи демонов заполнили военную базу, где находился Эрик. Они разрывали солдат, будто те были сделаны из тонкой бумаги. Повсюду звучали крики и звуки выстрелов, в воздухе висел тошнотворный запах крови и внутренностей, который сразу ударил Лимос в нос.

Направляя коленями Кости, она рубила демонов и выскивала Эрика, а большой меч Ареса, тем временем рассекал тела напополам. Длинная коса Танатоса просто срезала головы с плеч.

Кости, который рассматривал каждый бой как фуршетный стол, просто откусывал головы каких-то мелких колючих существ и проглатывал так, как любая другая нормальная лошадь могла есть яблоко.

— Там! — Танатос указал на огромное, квадратное здание, возле которого Кинан, Эрик и какой-то блондин рубили нападающих стангами и кинжалами.

Драка была кровавой, грязной, а Эрик, в своей черной военной форме был воплощением смерти.

Его движения были целеустремленными, экономными, и несколькими поворотами, рубящими ударами и пинками, он уложил шестерых демонов так, словно они были чучелом.

Парень умел драться.

Такой. Горячий.

Потом ситуация изменилась. Из ниоткуда посреди боя появились два падших ангела и сообща набросились на Эрика, один свалил его на землю, а второй ударил с такой силой, что Эрик затрясся в конвульсиях, а из носа у него хлынула кровь.

Лимос уже достала до ручки эти чертовы падшие ангелы. Она недостаточно заставила пострадать Сартаэля, но сейчас отыграется.

С криком, она приподнялась в седле и пустила Кости в галоп. Они сбивали как демонов так и людей, но ей было все равно. Никто не смеет ранить ее мужчину.

Ее мужчина. Отрицать это больше не было смысла. Она рассматривала Эрика как своего с тех пор, как они впервые поцеловались. Он был прав, и просил ее признаться; она хотела тот поцелуй.

Она хотела его. А Лимос всегда добивалась того, чего хотела для себя.

Кости врезался в одного из падших ангелов, сокрушил его под своими копытами и разорвал зубами крылья.

Лимос соскочила со своего жеребца и накинута смертельным смерчем на падшего, а он лежал, истекая кровью от более двух дюжин ран, и даже понять не успел, что его настигло.

Совсем близко раздались выстрелы. Кости заржал и встал на дыбы, заливая все кругом кровью, которая вытекала из дыры в боку, размером с бейсбольный мяч. Рана почти сразу же затянулась, но Лимос знала, что он испытывал адские муки.

Пуля отрикошетила от ее доспехов. Вот черт, тупорылые людишки не могут отличить врага от союзника. Эрик поднялся на ноги, его глаза запылали яростью.

Сначала Лимос подумала, что его гнев направлен на нее, но когда он набросился на солдата, направившего винтовку М-16 в ее сторону... ну, она начала медленно таять.

Второй прибывший отряд падших ангелов вырвал ее из сладких мыслей о том, как Эрик бросился на ее защиту. Один из них так сильно швырнул Кинана об стену, что когда тот бесформенной кучей свалился на землю, его рука была вывернута под неловким углом, а осколок сломанной кости прорвал кожу.

— Эрик, — закричала она, — нам нужно убираться отсюда!

Он развернулся к ней, все еще сжимая рубашку того солдата:

— Я их не брошу.

Она побежала к Эрику, охраняемая Кости, который следовал за ней по пятам и уничтожал демонов, что нападали на нее сзади.

— Демоны пришли сюда за тобой. Если мы уйдем, они также покинут это место. Это единственный шанс спасти людей.

Эрик раздумывал лишь мгновение, а потом чертыхнулся и отбросил от себя испуганного солдата:

— Давай.

Лимос схватила парня за руку, взяла поводья Кости и бросилась сквозь портал, который открыла ранее.

Они ступили на теплый, белый песчаный берег на острове Ареса в Греции, за сто ярдов[20] от места, где она прикончила Сартаэля.

Она так не хотела вспоминать это неприятное происшествие, и надеялась, что Танатос и Арес не станут задавать лишних вопросов.

— Твою мать, — не сдержался Эрик, — как демоны смогли пробраться на базу? Она ведь защищена.

— Не от Подземного Мира, — ответила она. — И не от силы, которой владеет Люцифер. Как только низшие демоны прорвались наверх, в защите возникла брешь — именно так мы и падшие ангелы смогли проникнуть внутрь.

— Люцифер?

Она кивнула:

— Он сказал, что нашел тебя и собирается схватить. Наверное, это были его демоны, и поверь мне на слово, твои люди никогда прежде не сталкивались с подобным. И тот факт, что границы его силы расширились и распространились до мира людей означает, что грань между мирами слишком тонкая. Не пройдет много времени, и она окончательно сотрется, и любой демон Шеула сможет покинуть ад.

— Я думал, что такое случится, если сломаются Печати.

Она вытащила кусок вяленой лосятины из седельной сумки и скормила его Кости:

— Чем сильнее становится Мор, и чем больше человеческих земель он захватывает во имя Шеула, тем тоньше становится грань.

— Просто супер — Эрик осторожно засунул свой S-образный нож в карман брюк. — Почему мы здесь?

— Кара послала адских псов проверить мой остров, и истребить любую потенциальную угрозу или прячущихся шпионов, что хотят выведать информацию о месте твоего пребывания. Я должна встретиться с ней и удостовериться, что все чисто, перед тем, как заберу тебя туда обратно. — Она вздохнула. — Надеюсь адские гончие не едят людей.

Эрик бросил ей взгляд, без слов говорящий, что она полная тупица:

— Ну да. Было бы неплохо.

Она подняла руку:

— Кости, ко мне.

Жеребец, все еще пережевывая мясо, растворился и дымчатой струйкой устремился к ней на кожу, без каких-либо протестов.

— А что потом? — Спросил Эрик, вытирая пятно крови с виска. — Заберешь меня к себе домой и опять навешаешь мне лапши на уши?

Она двинулась к входной двери:

— Я уверена, ты просто кладезь честности, Эрик.

— Я никогда не крал чужих воспоминаний и не лгал об этом. — Он следовал за ней, его военные сапоги громко стучали по брусчатке.

— Ну да, конечно. Да ты просто святой! Хочешь сказать, что никогда не обманывал? Ты рассказываешь первому встречному, чем занимаешься и на кого работаешь?

— Это другое. Моя работа под грифом "совершенно секретно".

— А что ты говоришь девушкам, с которыми встречаешься? Вынужден ли ты врать им о своей профессии? О том кто ты? Ты трахаешься с ними не взирая на всю ложь между вами? — Когда он напрягся, она фыркнула: — Так я и думала. — И что хуже всего, она жутко ревновала.

— Есть очень большая разница, когда ты лжешь, чтобы обидеть кого-то, или, когда просто не говоришь всей правды, потому, что хочешь защитить.

— Да, говори себе это почаще, Пиноккио.

Эрик вытер кровь с носа:

— Так или иначе, как ты меня нашла?

— Руна подсказала, когда я объяснила, что ты в опасности. Она также сказала, что ты ни разу ей не перезвонил.

— Стукачка, — пробормотал он.

Кара, явно только что из душа, с мокрыми волосами и одетая в свою любимую фланелевую пижаму встретила их у дверей.

— Гончие проверили твой остров. Правда... случилась одна неприятность, а в остальном все в порядке, можешь возвращаться домой. Шестеро псов будут патрулировать периметр все время. — Она неловко прикусила губу. — Если они захотят вовнутрь, на твоём месте, я бы не противилась. Тебе стоит накрыть диван покрывалом. Шерсть, сама понимаешь.

Отлично. Просто супер. Лимос никогда не заводила даже обычную собаку в качестве питомца, а теперь ей придется иметь дело с целой стаей адских псов.

Внезапно открылся портал и из него вышел Арес, броня которого была покрыта жутким кровавым месивом. Эрик подбежал к нему:

— Как там на базе? Как солдаты? Ки и Декер?

— Кинан по пути в ЦБП. Декер помогает с ранеными. Много людей погибло. Столько что Тану пришлось задержаться.

— Черт, — прошептал Эрик, — я должен им помочь...

— Ты не можешь. — Голос Ареса был напряженным, но ровным, явный признак проявления уважения одного воина к другому. — Ты только опять приведешь демонов к ним.

— И когда я смогу вернуться?

— Ты что, не понял? — Спросила Лимос тихо. — Тебя ищет Люцифер. Мой брат владеет твоей душой. Ты навсегда останешься слабым звеном для своих людей. Теперь твоё место с нами.

Последний раз, когда Ривера лишили крыльев, был связан с его падением. Тогда эта утрата была безболезненной, по крайней мере, физически.

Наказание для ангелов состояло из двух уровней. Тот, которого вышвырнули из Небес на Землю, чувствовал, как его крылья иссыхают и исчезают, развеиваясь, как пепел, по пути вниз. Эти ангелы — Непадшие, могли заслужить прощение и вернуться назад в Рай, так, как сделал Ривер. Но второй уровень наказания — это уже совсем другая история. Ангел, изгнанный из Небес, который попадал прямиком в Шеул, терял крылья, когда его бывшие собратья вырывали их силой. Тогда этого лузера тащили к Адской пасти или Хэррогейту и забрасывали вовнутрь, где он, как Харвэстэр, мог стать Падшим Ангелом и через некоторое время отрастить новые крылья — кожаные когтистые хреновины, как у летучей мыши.

Крылья ангела составляли основу его силы, именно поэтому Непадший, находящийся в состоянии, в котором перебивал Ривер несколько десятилетий, не мог подпитываться ни энергией Ада, ни Рая.

И теперь, когда крылья Риверу отрезали невероятно тупой пилой, он чувствовал себя таким же беспомощным, как тогда, когда бродил по Земле, балансируя на грани добра и зла.

Ривер, одетый в одни штаны, сел на холодный пол, по спине, из того места, где были крылья, стекала кровь, а ноги опутывали цепи, прикрепленные к камню.

Он обнаружил, что удерживающие его цепи, были сделаны из костей его крыльев.

Какой-то вид черной магии был использован для того, чтобы размягчить их и предать им нужную форму. И когда его сковали ими вокруг ног, они ввелись в кожу и срослись со щиколотками.

Собственное тело сделало его пленником, и если он пытался потянуть за цепь, то мучения становились просто невыносимыми, настолько сильными, что он терял сознание от боли.

Тот, кто придумал это — явно гений. Больной на всю голову и с большим воображением, но все же гений.

Он увидел, как Харвэстэр появилась в дверном проеме, одетая в халат, цвета безлунной ночи. В руке она держала бутылку какого-то красного вина:

— Хорошо, ты уже проснулся.

— Хорошо. — Передразнил Ривер. — Ты все такая же сука.

Она продефилировала в комнату:

— Похоже, кто-то проснулся не на том конце цепи.

Закрыв глаза, он прислонился к стене спиной, которая чертовски болела. Но он не позволит Харвэстэр узнать об этом и насладиться его страданиями:

— Зачем ты это делаешь?

— Потому, что всегда хотела завести себе ангела в качестве питомца.

Ривер фыркнул:

— Кто тебе помог, Харвэстэр? — Он открыл глаза и добавил. — Очевидно, что кто-то тебе помогал, ты бы не справилась со мной в одиночку и не смогла взять меня.

— Взять тебя? — Она задумчиво постукала пальцем по подбородку. — Теперь можно подумать и об этом. Держу пари, в постели ты просто великолепен.

Он подавил нахлынувшее отвращение:

— Да. Но ты никогда этого не узнаешь.

— О, я бы узнала, если бы захотела. Я видела, как ты на меня пялился. Ты хоть знаешь, как легко было тебя отвлечь? Стоило мне немного покрутить перед тобой задницей, и ты уже всю пускал слюни.

— Мне было противно на тебя смотреть, и я отвернулся.

— Ты возбудился, поэтому и отвернулся — на это я и рассчитывала. Твои действия позволили мне активировать заклинание, которое я использовала для твоей поимки. Оно находилось в кольце, что я тебе дала. — Она театрально вздохнула. — Мужчи́нами так легко манипулировать. И не важно кто они — люди, демоны или ангелы. Стоит вам увидеть женские прелести и ваши мозги тут же отмирают. А ты сам? Думаешь я не заметила, как ты смотришь на женщин, одевающихся, как порно звезды? Или считаешь, что я не поинтересовалась, каких девушек ты трахал, когда пал?

Он сжал кулаки, мечтая, чтобы ее шея оказалась сейчас у него в руках

— Ревнуешь?

Она звонко засмеялась.

— Это вряд ли. Очевидно, что человеческих женщин ты обходил стороной, но ни одна девушка-перевертыш, оборотень, падший ангел или сукубус не была лишена твоего внимания, если на ней была одета короткая юбка и чулки. — Плавным, чувственным движением она оседлала его ноги, из-за чего ее халат распахнулся, обнажив ее ногу до самого бедра. — И, также очевидно, что ты очень любишь, когда тебя улаживают орально.

Он непринужденно передернул плечами, что было не самой умной вещью, которую он совершал, поскольку из-за этого движения его рана от обрезанных крыльев потерлась о стену:

— А какой парень этого не любит?

— Предполагаю, что это правда. — Она скользнула вниз и оседлала его бедра. Взгляд Ривера невольно опустился. Он моментально поднял глаза и сосредоточился на ее лице, но было уже слишком поздно — он успел заметить восхитительное зрелище глубокого декольте и соблазнительный проблеск, темнеющего между ее ног, женственного местечка.

— Даже не думай о том, чтобы одолеть меня, или я так дерну эти цепи, что вырву твои бедренные кости.

— Ты за это заплатишь. — Прорычал он.

Порочно улыбнувшись, она обвела языком горлышко бутылки, без сомнения рассчитывая заставить его представить ее язык, кружащий вокруг чего-то намного более личного.

— Знаешь, как я пала? — Она погрузила язык в бутылку и демонстративно вытащила его оттуда сделав резкий щелчок. — Как представитель высшей власти, я несла справедливость человечеству.

Харвэстэр наклонилась поближе и провела острым ногтем по коже в районе ключицы:

— Веками я только то и делала, что карала убийц и тех, сердцами которых владел мрак и порок. С каждым очередным выполненным заданием, я все больше и больше наслаждалась возможностью сеять смерть. Но, однажды, я случайно забрала жизнь у невинного. Легкая эйфория переросла в мощный электрический разряд. Я захотела еще. И стала убивать только из-за всепоглощающего удовольствия, которое от этого получала. — Наклонившись вперед, она слизнула капельку крови, проступившую из крохотного разреза на его груди: — А потом я узнала, что стоит только затащить человека в Шеул и убить его там, и я смогу наслаждаться стенаниями их душ вечно... — Она застонала от удовольствия. — Кайф получше, чем от оргазма.

— Зачем ты говоришь мне все это? Чего ты от меня хочешь?

— Я рассказываю тебе для того, чтобы ты понял, насколько далеко я готова зайти, чтобы обрести власть, которую так жажду получить. Потому-то ты и здесь. — Она задумчиво склонила голову. — Ну, от части. У меня приказ отвлечь тебя. И мне также нужно позаимствовать немного твоей силы.

Она прижала горлышко бутылки к его губам.

— Выпей это.

Сжав зубы, он потряхнул головой.

— Это не яд. А вино.

Он снова потряхнул головой.

— Не будь таким упрямым. — Она позвала Вэйна и через мгновение явился огромный мужчина. — Открой ему рот.

Вэйн наклонил голову Ривера и сильно дернул за нижнюю челюсть одной рукой, а другой схватил за лоб и потянул назад.

Ривер зарычал и больно ударил ладонью в грудь Харвэстэр, в то же мгновение он откинул голову и попал крупному оборотню прямо в лицо.

Харвэстэр упала навзничь и пол окрасился кровью. Но у Ривера не было возможности насладиться своей победой поскольку увесистый кулак Вэйна угодил ему в челюсть с такой

силой, что он услышал треск и почувствовал смещение костей.

Харвэстэр чертыхнулась... и осуществила свою угрозу. Мерзко ругаясь, она дернула цепи, и ему показалось, что его кости отделились от тела.

Боль ослепила его, выбила весь воздух из легких. Что-то прижалось к его рту и теплая, густая жидкость коснулась языка. Кровь?

— Ну вот. Работает — Он видел Харвэстэр нечетко, она была размытым пятном перед его глазами. — Вино из костного мозга демонов Нитул. Тебе понравится.

Паника сжала его грудь, стала такой же обезоруживающей и приносящей боль, как и оковы, сдерживающие его тело.

Он однажды уже пробовал это вино, в те дни, когда еще был падшим. И уже после первого глотка мгновенно попал в зависимость.

Месяцами он упивался, тонул в этой дряни, пока однажды, какой-то демон не нашел его в покинутом сарае, где он прятался и не позвал врачей из ЦБП на помощь.

Тень и его сестра, Скалк, подобрали его, отправили в больницу, где Призрак помог ему избавиться от зависимости.

Если бы не тот демон, поступивший как добрый самаритянин, и не врачи, он мог оказаться в очень нехорошем месте. Часто Непадших, которые не могли себя защитить, отлавливали и против их воли тащили в Шеул, завершая их падение и превращая в абсолютное необратимое зло.

— Вэйн. — Позвала Харвэстэр, и ее голос прозвучал как в тумане, или это он там находился? — Возьми у него кровь. Доставь ее Орфмейджу.

О, черт. Его кровь... что они собирались с ней сделать? Этот вопрос перестал его волновать в следующее мгновенье, когда знакомое пламя начало медленно спускаться по его телу и сосредоточилось в животе, превратившись в адский огненный шар и заставив каждую клеточку почувствовать его обжигающую силу.

Ривер выгнулся дугой, наслаждение взорвалось внутри него, заглушив тем самым боль, которую он испытывал. Жар нахлынул, накрывая эротичными волнами, и за ширинкой штанов его член отвердел и запульсировал.

Серия восхитительно приятных спазмов зародилась в основании его позвоночника, а затем теплыми струями прошлась по его длине пениса и вырвалась наружу, когда умопомрачительный оргазм снова и снова сотрясал его тело бесконечным всплеском наслаждения, которое, он знал, в конце концов оставит его опустошенным, беззащитным и слабым, как новорожденный ребенок.

Где-то в глубине сознания, Ривер понимал, что влип в очень большие неприятности. Но прямо сейчас, его это совсем не волновало.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 18

Танатос оказался сварливой задницей, а не Всадником. Он попросил Реган прочувствовать для него рваный документ, но не соизволил объяснить зачем. Когда она ответила, что кто бы ни нацарапал написанное, скорее всего переводил послание Темного Лорда, Танатос просто кивнул и вытолкнул ее из библиотеки.

С того момента, Тан избегал Реган, если только ему не нужна была ее помощь или она не просила его помочь с переводом кое-чего из его коллекции. Поэтому девушке сложно было соблазнить парня.

По крайней мере, она определила, что Тан не гей, если постоянный приток женщин во дворец мог послужить доказательством.

Они приходили в любое время, в самых разных одеждах, но вампиры всегда отправляли их прочь.

Реган полагала, что такое поведение может значить, что Танатос не любил женщин, но если бы дела обстояли именно так, то женщины узнали бы об этом давным-давно.

И если он гей, то где же мужчины?

Здесь не было ни одного. Так что в принципе, она была абсолютно уверена, что Тан не гей. Просто он мудака, которому никто не нравится.

Так что, работенка ей досталась ох какая трудная.

Реган не знала, где он проводил время, но точно не в этом промерзлом ледяном дворце. Его вампиры удовлетворяли все ее потребности, от еды до свежих полотенец, от чего ей сперва было не совсем комфортно.

Ее обучили убивать кровопийц, а не сидеть и смотреть, как они исполняют любую ее прихоть. Но самое удивительное то, что некоторые из них могли ходить под солнцем. Если Реган спрашивала их об этом, вампиры отмалчивались. Интересно.

Большую часть своего времени Реган проводила в домашнем тренажерном зале Танатоса, либо же работала в библиотеке, которая могла посоперничать с некоторыми коллекциями Эгиды в крупных региональных штаб-квартирах.

Конечно, ее основной целью было переспать с Всадником, но ещё Реган пришла, чтобы воспользоваться библиотекой и его знаниями... оба из которых были громаднейшими. Ей также позволили взглянуть на документы, с которыми уже успел поработать Тан. До сих пор, ее помощь не пригодилась ни в одном выдающемся открытии, но Реган помогла Танатосу определить, какие документы были созданы лживой рукой.

Самое любопытное то, что хотя Тан был одержим идеей найти способ восстановить Печать Ресефа и отыскать агимортус Лимос, с тем же рвением он желал найти своего отца.

Разница лишь в том, что когда доходило до личности их ангельского отца, Тан начинал замыкаться в себе, словно этот личный вопрос был каким-то неправильным или эгоистичным. Или как, если бы он защищал себя от разочарования.

Его поиски затронули что-то в глубине ее души, поскольку, как бы она не хотела признаваться, но тема отцовства была для нее открытой, незаживающей раной.

Возможно это было глупостью с ее стороны, но Реган желала помочь ему и проводила много времени изучая материалы Тана, которые относились к его истории.

Конечно, помощь не была в тягость, пока Реган могла проводить долгие часы в библиотеке, заставленной от пола до потолка книгами, о существовании которых, она даже не догадывалась.

Книги по демонской кулинарии. Огромный отдел фантастики — от детских сказок, до любовных романов и ужасиков... и все это написано демонами. И, нужно заметить, демоническая эротика — вообще хрень редкостная.

А еще она нашла книги о Четырех Всадниках, написанные людьми, демонами, и даже ангелами.

Многие работы были фантастикой. Кажется, Танатос собирал все, что имело хоть какое-

то отношение к Всадникам — от видео игр, различных ТВ-шоу и фильмов, до книг, из которых только несколько, ну или дюжина, не были выдумкой. Большое количество было лишь догадками, или написано, как бы "из первых уст".

Но, что ее заставило покраснеть до кончиков волос, так это рассказ сукубуса, которая утверждала, что переспала со всеми братьями.

Эта книга представляла собой что-то среднее между фантастическим урбанистическим романом и статьей из журнала "Пентхаус"[21]. Так что Реган свернулась калачиком в большом кожаном кресле рядом с уютно потрескивающим камином в библиотеке Танатоса, и начала очень быстро листать страницы.

Господи, жар костра больше ей был не нужен, только не тогда, когда ее кровь бежала по венах раскаленной лавой.

Сукубус по имени Пилани описывала очень личные детали о каждом из братьев. Сначала она провела какое-то время с Аресом, встретив его в пабе подземного мира — "Четыре Всадника". Она отметила его мощь, яростный и грубый секс, и Реган и невольны поморщилась. Она лишь однажды решилась переспать с парнем, и это совсем не было похоже на то, чем занимались Пилани и Арес. Быстро, жёстко, со множеством оружия.

У Реган не было такого количества оргазмов, и она уж точно не была такой истощенной в конце. Нет, оргазм у нее был один, во время которого она почувствовала, как просыпается ее сила, будто желая вырвать душу ее парня прямо из его тела. Реган порвала с ним в ту же ночь и больше никогда не решалась на секс.

Пилани перешла к Ресефу, который по ее утверждениям, был игривым и нежным, при желании, и неутомимым, безрассудным и рискованным в другое время.

И, по-видимому, ему очень нравилось... у Реган отвалилась челюсть, она быстро перевернула страницу, пропуская заявление Ресефа о том, что он хотел бы попробовать все, что только возможно.

С пересохшим ртом и практически задыхаясь, Реган пролистала книгу, чтобы найти описание того, что Пилани испытала с Танатосом.

Я подошла к нему в "Четырех Всадниках", где он сидел в темном углу. Его глаза пылали, пока он наблюдал за мной. Я была с его братьями, несколько раз.

На самом деле, Ресеф и сейчас с изумлением наблюдал за происходящим из своего угла, где поощрял женщину Трилла в ее ласках, пока другие женщины толпились вокруг него с намерением присоединить к тому, что абсолютно точно превратится в одну из печально известных оргий.

Я бы предложила ему себя, конечно, если бы Танатос меня отвергнет. Никогда не встречала никого, кто бы в открытую признался, что трахался со сплошь покрытым татуировками воином, хотя я видела, как несколько женщин исчезали в задней комнате вместе с ним.

— Смерть, — промурлыкала я, а он зарычал, как делал всегда, когда кто-то звал его этим именем. По какой-то причине, Всадники были очень чувствительны к своим именам... все кроме Лимос, которая совсем не возражала, чтобы ее звали Голодом.

— Уходи.

Он поднес бокал с пивом к губам. Губам, которые я хотела узнать очень интимно. Я хотела стать первой из всех поклонниц на Горе Меддиго, которая сумеет забить "тройку". Черт, если мне удастся заполучить Танатоса, то, может быть я сыграю в девичник с Лимос и

обеспечу себе место в истории Всадников.

Конечно же, я проигнорировала его заявление, и села возле него, убедившись, что моя юбка приподнялась и показала дразнящие намеки на все мои прелести. Он заметил, и напрягшийся член натянул перед его брюк. Немного сместившись, я забросила свою ногу поверх его и взяла член в ладонь.

— Позволь мне у тебя отсосать, — промурлыкала я, заметив, как потемнели его глаза. Он попался. Я это знала. И когда Тан поднял меня на руки и понес в заднюю комнату, где я была с Аресом и Ресефом, я кончила еще до того, как он отпустил меня. Второй раз был, когда он...

— Развлекаешься?

Услышав глубокий гроыхающий голос Танатоса, Реган вскрикнула и уронила книгу на пол. Ее щеки пылали, а в горле першило так, словно она надыхалась дыма.

— Я-я... это просто исследование. — О, Боже, она лепетала как школьница, которую поймали за написанием имени своей тайной любви в тетрадь. Или как взрослая женщина, которую поймали за чтением эротики.

Эротика о том самом мужчине, что стоял сейчас в комнате, прислонившись к дверному косяку и скрестив ноги в лодыжках, и на губах которого играла забавная улыбка.

И вау, Реган и раньше думала, что он красив, но эта улыбка поставила его в список, вне всяких рейтингов.

— Исследование, ну-ну? — Он подошел ближе, не отрывая взгляда от нее и поднял с пола книгу. — В моей библиотеке полно книг, которые, вероятно, будут намного более полезными.

— Но вряд ли такими же интересными, — сказала она, пытаясь придать своему голосу как можно больше небрежности и легкомысленности, но все ее старания с треском провалились. Вместо этого, у нее перехватило дыхание, а голос звучал отчаянно. С похотью.

Он открыл книгу, казалось бы в том самом месте, где она прервалась. По мере того как он читал, сперва приподнялась одна бледная бровь, потом вторая, а затем... это что румянец на щеках? Да, да так и есть.

Здорово. Может, он был так же смущен, как и она.

— Его пальцы нашли мою распухшую жемчужину, влажную от соков, — прочел Тан, и ладно, может он и не был смущен. — Он толкнулся пальцем внутрь меня, и я застонала, когда тело взорвалось удовольствием.

Реган прочистила горло:

— Я вижу, читать ты умеешь. Очень впечатляюще. Можешь не продолжать?

— Тебе не интересно, что было дальше?

— Думаю, она стала знаменитостью за то, что поимела вас троих, а также сделала себе памятную татуировку над задницей, или у основания хвоста. Ну, как-то так.

Танатос некоторое время пристально на ее смотрел, а потом запрокинул голову и громко рассмеялся. И, Святой Боже, он только что заставил ее пересмотреть смысл выражения "такой горячий, что белье плавится".

— Нет у нее никакой татуировки, — ответил он, когда наконец перестал смеяться, но легкая улыбка все же осталась на губах. — По крайней мере, я так думаю. Не видел ее несколько столетий. Она родила несколько дюжин маленьких адских отпрысков и ее и след простыл. — Он закрыл книгу. — И нет, не один из маленьких демонов не наш.

— Демонят?

— Так их называет Ресэф, — улыбка слетела с губ, уступив место уже привычной гримасе. — Вернее, когда-то называл. Теперь он называет их ужином.

Она удивилась, наблюдая за его реакцией на изменения в брате — до сих пор, она практически ничего не видела в Танатосе, кроме гнева. Ну, еще была короткая вспышка веселья, но она так быстро исчезла, что Реган гадала, не придумала ли она ее себе.

Да вот только внезапно подскочившая температура ее тела и колотящееся сердце были уж слишком очевидным доказательством, что он заставляет ее чувствовать сильные эмоции, и совсем не плохие, а далекие от гнева.

— Вы были близки? — спросила она.

— Он мой брат, — он снял пальто и закатал рукава своей черной водолазки.

— Это не ответ.

Его глаза засияли, как желтые бриллианты в лучах солнца.

— Мы делили материнскую утробу. Сражения, боль, утрату и выпивку. Он мой брат.

Итак... это "да" на ее вопрос. Сила, которую он излучал, шокировала. Не то, чтобы она ожидала чего-то меньшего от Всадника, которому суждено стать Смертью, но Реган не была готова к глубине его чувств к родственникам.

Каким-то образом это очеловечило Танатоса в глазах Реган... и в то же время, пристыдило ее. Она никогда никого не любила. Не таким образом.

Реган потеряла руки, хотя ей не было холодно.

— Даже сейчас, после того, во что он превратился...

— То, во что он превратился — худший его ночной кошмар, — перебил Тан. — Мы найдем способ вернуть его.

— У тебя уже должны быть идеи, как это сделать. — Да, легко говорить, ведь Эгида понятия не имела как дитя Смерти может спасти мир.

От такой мысли желудок немного скрутило, потому что она была настолько зациклена на том как бы затащить Танатоса в кровать, что почти не думала о последствиях.

— Есть у меня одна мысль. Я наконец наткнулся на кое-что, думаю, это прорыв, — он достал толстую книжку с верхней полки, раскрыл ее и положил на стол. Пока он листал страницы, она успела заметить, что это скрапбук[22], в котором было множество заметок, рисунков и даже вырезок из газет. И, кажется, большинство из этого было о Море.

— Думаю, это подсказка, — он достал кусок пергамента, который она изучала по его просьбе несколько дней назад. — Я перевел текст, и в основном тут говорится, что смерть излечит болезнь.

— Ну... да. Смерть вроде как все лечит.

Танатос замотал головой.

— Пару дней назад, я нашел его в храме, возведенным демонами для поклонения Морю. Пергамент лежал на алтаре, которого и в помине не было, когда я последний раз туда заглядывал. Он был намотан на копии кинжала Избавления и косы, выполненные из дерева и металла... это мои символы.

— У Мора есть храм, посвященный ему?

— У нас у всех есть. — Сказал он, как нормальный человек мог подтверждать, что у него есть молоко в холодильнике. Слово, а у кого его нет? Тан провел пальцами по фото, приклеенному к следующей странице. — Под копиями было это письмо, выдолбленное в камне алтаря. Это предупреждение о том, что Избавление, если я нанесу им удар в

определенный момент, вернет Мору его слабость, которая, на условиях злого демона, значит, что он снова станет Ресефом.

— Так вот оно что? Ты заколешь его, и он станет лучше?

Он замер, уставившись на древние письмена.

— Мы выковали Избавление для того, чтобы точным ударом в сердце убить его, или кого-то из нас. Но, если эта информация хоть отчасти правдива, то один взвешенный удар лезвия вернет Ресефа обратно. Мы только должны узнать, когда для этого настанет подходящий момент, — он постукал по тексту указательным пальцем. — По крайней мере, первая часть головоломки решена.

Чернильный конь на его руке задвигался. Танатос посмотрел вниз, провел пальцем по плечу, и, кажется, линии рисунка разгладились. Так странно.

Он только что показал Реган брешь, в которой она нуждалась, чтобы наконец-то прибрать его к рукам.

— Можно мне дотронуться до него?

Тан резко повернул к ней голову.

— Что?

— Конь. Можно к нему прикоснуться?

— Зачем?

Потому что, в эротике Всадников сказано, что ты почувствуешь все, что ощутит твой конь, в определенных частях своего тела. О, да, она могла воспользоваться этим, чтобы возбудить его, заставить еще больше желать ее прикосновений.

— Он очарователен, — правдиво ответила Реган. Возможно у нее были скрытые мотивы, но еще ей было чертовски любопытно. — Остальные твои татуировки разноцветные и металлические. Но эта... похожа на татуировку хной. Просто линии, и все же она движется.

— Потому что она живая, — сказал Тан. — Наверняка ты в курсе, что наши кони — часть нас.

— Да, и это очень интересно. — Реган подошла на шаг ближе. — Можно мне?

Тан взглянул на нее так, словно она только что спросила, можно ли ей отрубить ему голову, но наконец-то коротко, резко кивнул и протянул руку.

Другие татуировки очень странно накладывались друг на друга, они должны были вызывать полнейший беспорядок, но каким-то образом оставались отдельными, многомерными.

Одна лошадь плашмя лежала на коже Тана, без других тату сверху или снизу.

Реган взяла руку Танатоса в свои, ладонью вверх и все его тело напряглось. Ее тоже, когда чернильные кости на его запястье зажили собственной жизнью, а в ее голове, появилась история... о том, как они туда попали, и ох, вау... этот Всадник испытал очень серьезную боль.

Она увидела женщину-демона, которая нанесла татуировки на его кожу.

Реган не знала, как это работает, но демоница брала воспоминания и чувства из голов своих клиентов и размещала на их телах.

Зачем? Вытатуированные кости о стольким ей рассказали... о смертях, причиной которых, он стал однажды. Демоны... война демонов. Он сражался на стороне людей, бросал мертвых демонов в яму, где они ссохлись до костей.

Желудок скрутило, и Реган быстро отключила свой нежеланный дар.

— Ты в порядке, эгидовка? Ты позеленела.

— Ага. — Она прочистила перчащее горло. — Просто ошеломлена. Ты знаешь, стою здесь с легендой. — Ох, фу, она говорила словно малолетняя-фанатка Джастина Бибера. Но эй, лесть работает повсюду, верно?

Тан издал какой-то неразборчивый кряхтящий звук, а Реган вернулась к тому, что собиралась сделать — попытке соблазнить парня. Или, по крайней мере, приласкать ключевую ниточку в его соблазнении.

Очень осторожно, она прикоснулась кончиком пальца к длинной шее коня. Хоть Реган и отключила свой дар, слабые ростки растерянности, раздражения, и гнева просочились сквозь кожу, но она не могла определить исходило это от лошади или от Танатоса.

Она очертила линии, погладила уши животного, челюсть, нос, затем скользнула вниз по передней части горла. Когда Реган медленно провела пальцем по его груди, Танатос резко вдохнул, его пульс ускорился, вбиваясь в ее палец.

Тану это нравилось, так что она задержалась, погладила. В тишине, которую нарушал только треск огня в камине, Реган провела кончиком пальца вдоль живота зверя, потом переместилась вверх на спину и снова вниз вокруг изгиба крупа.

Она снова погладила, ощущая текстуру кожи Танатоса, твердые, пульсирующие вены под очертаниями жеребца. А под ее пальцем, пульс мужчины все больше учащался.

— Что ты делаешь?

Реган моргнула и невинно взглянула на него.

— Очерчиваю линии. Они такие изящные. Конь это чувствует?

Мышцы на челюсти Тана напряглись.

— Да.

— Значит, он знает, что я прикасаюсь к нему?

Мышцы снова напряглись.

— Да.

— Ему это нравится?

— Да.

Скрывая улыбку, Реган снова провела пальцем по животу лошади, от чего Танатос тихо зашипел.

— Если бы твой конь... Стикс, верно? Если бы он стоял здесь, с нами, он бы позволил мне приласкать его?

— Он раздражительный.

— Как и его владелец?

— Смешно, — он наблюдал за игрой ее пальцев, мышцы его горла то сжимались, то расслаблялись в ответ на его судорожные глотки. — Кажется... ему это нравится. Так что, думаю, он позволит тебе дотронуться до него лично.

Как на счет его хозяина? Она не сказала ничего вслух, а решила идти намеченным путем и самой увидеть, как далеко он позволит ей зайти.

Делая вид, что увлечена другими его татуировками — что, впрочем, не было так уж трудно, поскольку она на самом деле увлеклась — она провела ладонью вверх, к изображению лука и стрелы, наполовину скрытого рукавом водолазки.

— А это что?

— Это оружие, которым я убил человека, воспитавшего меня, — сказал он поникшим голосом, и эта перемена превратила теплую комнату в ледяную. Он высвободил свою руку из

ее хватки. — Хватит. Уже поздно.

Она взглянула на свои часы, и убедилась, что уже два часа ночи.

— Не возражаешь, если я возьму одну из этих книг почитать перед сном?

— Могу ли я внести свое предложение? — спросил Тан.

Реган пожала плечами.

— Конечно.

Порочная, кривая улыбка изогнула губы Танатоса, когда он потянулся к эротике Всадников.

— Эта. На случай, если захочешь согреться.

На случай, если захочешь согреться? Что за хрень? Тан был идиотом. Ему не стоило играть с огнем, ведь Реган была испепеляющим адским пламенем.

Что ему было нужно, так это убраться от нее как можно дальше. Он развернулся, но она остановила его одним лишь словом.

— Постой.

Он уставился на дверной проем, поскольку, будь он проклят, если обернется и посмотрит на нее.

— Что?

— Как все закончилось? — ее голос был тихим шепотом, таким же нежным, как и ее прикосновение. — Я имею ввиду твой рассказ.

— Я же уже говорил. Она обзавелась кучкой детишек и...

— Нет. Твоя часть. После того, как ты с ней закончил. Когда ты вернулся к Ресефу и тем женщинам. Вы обменялись впечатлениями?

— Интересуешься рассказываю ли я о своих любовных похождениях? Считаешь я из парней "поцеловал и все растрепал". Ты это хочешь узнать?

— Типа того.

Он и сам не понял, что на него нашло, но внезапно он уже стоял перед ней, схватив одной рукой за затылок, а другой крепко сжимая за талию и притягивая ее тело к себе.

Тан поцеловал Реган, и от ощущений его голова пошла кругом. Кровь застучала в ушах, когда ее податливые губы открылись в приглашении.

Их языки сплелись в жарком, знойном танце, а его напряженная плоть превратилась в пульсирующую сталь желания, упирающуюся в мягкую кожу ее живота.

Он отстранился, наслаждаясь видом ее затуманенных желанием глаз.

— Из тех ли я, что треплются о своей личной жизни? Думаю, тебе придется узнать самой.

На этот раз он вышел из комнаты и теперь намеревался держаться от нее подальше. Если пять тысяч лет чему-то его научили, так это тому, что он мог дразнить себя, доводя до сумасшествия, но все равно его член оставался нетронутым.

Было время, когда он доводил себя до грани, забывался, утопал в женских ласках, проверяя, как далеко он сможет зайти, не проникнув внутрь.

Но тогда он был молод и глуп. Ему нравилось целоваться, заводил женщин, и первую сотню лет он играл в игры, которые были... жёсткими.

Он использовал свой статус Всадника, приводил девушку домой, целовал и дразнил, и

никогда не доводил дело до конца. Это был его способ пытаться их обоих.

Женщины всегда были демоницами, и в каком-то роде, он знал, что мучает их за, роль сыгравшую в его проклятии.

Мужчин он сразу убивал.

Он направился в свою комнату, температура которой была такой же низкой, как и снаружи. Он разделся, наслаждаясь порывом ледяного воздуха. Его тело сжалось, но, разумеется, его члену было бы наплевать, даже засунь он его в жидкий азот. Он требовал разрядки.

Он хотел Реган.

Глупый ублюдок.

Тан рухнул на кровать и зашипел, когда ледяное покрывало соприкоснулось с разгоряченной кожей. Он лег, раскинулся и уставился на стропила над головой.

Даже Лимос стала сдавать свои позиции. Человеческий мужчина вывел ее из равновесия. Вот что стало причиной тому, что она внезапно превратилась в комок нервов. Она могла быть импульсивной и взбалмошной, да, но взволнованной и напуганной? Никогда.

И все же, во время спора с Люцифером, она пребывала в полнейшем ужасе, и Тан видел тот же страх в ее глазах, после того, как она уничтожила Сартаэля. Боялась ли она за Эрика?

Она в него влюбилась? Боже, Танатос надеялся, что нет. Эти отношения стали бы обреченными, это уж точно. Человек желал ее — Танатос видел это в его глазах, а такой мужчина не собирался довольствоваться простыми ласками.

А вот Танатосу придется обходиться только прелюдией. Его губы покалывали от воспоминаний об их с Реган поцелуе. Он сжал руками свой член, который был настолько возбужденным, что его бедра дернулись от такого простого прикосновения, вбивая плоть в тесное кольцо своей ладони.

Он точно долго не продержится.

Он не хотел представлять себя с Реган, но она все равно была там, в его мыслях, обнаженная, она стояла на четвереньках, пока он вбивался в нее сзади.

Танатос представил, как ее влажные, жаркие стенки обволакивают его и застонал. Он сильнее сжал свою плоть, увеличивая наслаждение, а потом опустил ладонь ниже, к мошонке, гадая, какими будут ощущения, когда он будет соприкасаться с ее возбужденной плотью при каждом своем движении.

Медленно он вернул руку обратно, теперь воображая, что перевернул ее и занимается с ней любовью как мужчина, пытающийся заклеить свою женщину — лицом к лицу, припав к ее губам в жарком поцелуе, сплетя свои пальцы с ее.

Тан знал, что ему не стоит об этом думать, поскольку некоторые вещи были слишком опасны, чтобы даже мечтать о них.

Когда он фантазировал о женщине, которую бы по праву мог назвать своей, то впадал в жуткую депрессию и в голову лезли всякие нехорошие мысли.

Иногда, в худшие из таких моментов, он думал, что ему стоит просто переспать с любой женщиной и покончить со всем этим. Все равно, однажды его Печать сломается, так зачем оттягивать неизбежное? Черт побери, он хотел секса.

Но в этом и была загвоздка: если он лично собирался сломать свою Печать и обречь все человечество на гибель, то не стал бы трахать какую-то первую встречную женщину. Танатос хотел ту, которую смог бы полюбить. А из этого выплывала вторая проблема: как он

мог заняться любовью с женщиной, к которой испытывал нежные чувства, зная, что когда все закончится, он станет истинным злом и та, которой он дорожит, скорее всего станет его первой жертвой?

Да, тот еще чертов замкнутый круг, мертвая петля на его шее, от которой он никогда не избавится.

Разозлившись, он направил свои мысли в другое русло, опять перевернул вымышленную Реган и представил, что берет ее стоя у стены. Она извивалась от наслаждения, пока он вбивался в нее снова и снова, да, так было намного лучше. Не стоит переходить на личности.

Его член дернулся в его ладони, напоминая, что его действия и так уже были безличнее некуда. Тан находился один в кровати, и только его рука составляла ему компанию. Отлично.

Блять.

Он зарычал, его рука задвигалась быстрее от основания до вершины, остановившись лишь на мгновение, чтобы растереть каплю выступившей смазки вокруг гладкой головки его члена. Удовольствие стало острее, и он представил, что это не его палец, а язык Реган.

Танатос взорвался. От оргазма его бедра приподнялись над кроватью и приглушенный стон вырвался из груди. Его яйца сжались и теплые струи брызнули ему на живот и грудь.

Разница между ними заключалась в том, что для нее кровать будет оставаться пустой только временно. В конце концов, она вернется к своей человеческой жизни, человеческой работе и найдет мужчину, который будет согревать ее постель и наполнит ее жизнь.

И заполнит ее.

Танатос зарычал, развернулся и резким ударом пробил стену.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 19

"Ты навсегда останешься обузой для своей расы. Теперь ты с нами".

Эрик не стал спорить с Лимос и Аресом. Она привела его обратно в свой дом и оставила, чтобы он принял душ, и когда Эрик замер под горячими брызгами, его ум начал составлять список всех причин, по которым всадники были не правы.

Всю жизнь он всего лишь хотел бороться за правое дело. Он начал с защиты своей матери и сестры. Потом присоединился к армии и стал сражаться за свою страну. В конце концов, когда его завербовали ПС-Х, Эрик боролся за весь род человеческий. Мысль о том, что теперь он стал обузой, даже угрозой, ошеломляла его. Ситуация стала неприемлемой, и каким-то образом, он должен все исправить.

Он надел джинсы и белую футболку из своей армейской сумки, которая все еще стояла в спальне Лимос, а потом Хекили, причудливым движением, позвал его на кухню, вручил пиво и полотенце и кивнул в сторону воды.

Когда Эрик начал спускаться по ступеням к пляжу, Хекили остановил его.

— Она в одном из своих... настроений. Помоги ей, прежде чем Лимос причинит себе вред.

Эрик понятия не имел, о чем говорил варг, но шанса спросить у него тоже не было, Хекили ушел так быстро, словно его кухня пылала в огне.

Лимос стояла в пятидесяти ярдах от него и вела себя так, словно ей не было никакого дела до всего мира.

Она, как сумасшедшая танцевала на пляже. Сексуальная, великолепная сумасшедшая, одетая в пикантное розовое бикини. С белым цветком в волосах. Никто, глядя на эту женственную девушку, исполняющую хула[23], даже представить не мог, что она может надрать задницу подобно новейшей модели терминатора.

О чем, черт возьми, говорил Хекили? Ранить себя, она могла лишь в том случае, если бы вывернула бедро при таком танце.

Эрик расстелил полотенце и сел на песок, прислонившись спиной к пальме, его пальцы так сильно сжимали холодную бутылку пива, что она могла раскрошиться в любой момент.

Как она умудрялась танцевать не разливая маргариту?

Заметив его, Лимос остановилась, ее слишком-великолепные-чтобы-быть-реальными глаза, впилась в него. Медленным, нарочным движением, она преподнесла бокал с маргаритой к своим губам. Затем высунула язычок и провела им по краю бокала, слизывая соль, а потом припала губами к хрупкому стеклу и сделала медленный поток. Бутылка пива, в руках Эрик, затрещала.

Лимос направилась к нему, виляя бедрами, мышцы ее тела сокращались в такт ее шагов. Она была красивой, невероятно красивой. Эрик поднялся, подумав, что она готова идти в дом.

Он с радостью вернется в прохладные комнаты, чтобы хоть немного остудить свою разгоряченную кожу.

— Думаю, я устрою вечеринку в своем доме на другой половине острова, — произнесла Лимос, остановившись в нескольких шагах перед ним.

— Апокалипсис у нас на пороге, а ты хочешь устроить чертову вечеринку, — не удивительно, что она так и не нашла свой агимортус. Она проводит дни танцуя, развлекаясь, распивая спиртные напитки и раскрашивая свои ногти.

— Люблю быть занятой.

— Ну, вот тебе идея. Вместо того, чтобы вести себя как легкомысленная бабочка, ты можешь занять себя поисками агимортуса.

Лимос опять отпила маргариты и начала вращать бедрами в молчаливом ритме.

— Я упустила возможность. Убила ублюдка, который смог бы его отыскать. Так что... теперь мне все равно.

Это. Было. Странно

— Ты упустила свой шанс и это что... повод для празднования?

Она пожала плечами и солнце, пробиваясь сквозь пальмовые листья, заиграло на ее загорелой коже.

— Не празднование, а способ отвлечься.

Теплый бриз разметал ее волосы, и Эрику пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не поддаться импульсу и не смахнуть пряди с ее лица.

— Сейчас не время расслабляться, Всадница.

— Всадница, — она выплюнула это слово, будто у него был горький привкус. — Да, это я. А еще невеста Сатаны. — Ее губы искривила ехидная улыбка. — И я чувствую огромное желание проскользнуть в Шеул и немного его подразнить. Пусть попробует меня поймать.

— Что? — Эрику вдруг стало интересно, что она сделает, если он схватит ее и попробует вытрясти всю дурь из ее головы. — Скажи, что ты не серьезно.

— О, очень даже серьезно.

Она грациозно покрутилась, запрокинув голову. Ее волосы разметались, будто бы она находилась на танцполе.

— Он все равно меня поймает. Не взирая ни на что, он меня найдет.

Что-то абсолютно примитивное превратило мозги Эрика в кашу, а глаза затмило красным — он схватил Лимос за плечи.

— Я не позволю этому произойти.

Удивление на ее лице сменилось грустью.

— Ты не можешь его остановить. И ты не можешь предотвратить мою встречу с судьбой. Она приближается. Сегодня я видела ее предзнаменования.

— О чем ты говоришь?

Лимос потянулась и обвела очертания его цепочки под футболкой.

— Стены между миром демонов и миром людей стали такими тонкими. Остался только вопрос времени, прежде чем мне не придется отправиться в Шеул, чтобы меня схватил Сатана. Он сможет сделать это и здесь. Вторжение на твою базу было только началом. — Она подо двинулась ближе, и сердце Эрика забилось быстрее. — Еще остается Сартаэль. — Лимос взглянула на него, и видит Бог, за всю жизнь он не видел ничего столь печального как взгляд ее глаз. — За тысячу лет, он был моей лучшей надеждой найти агимортус. А я убила его.

— Уверен, ты сделала то, что должна была.

Внезапный взрыв смеха поразил Эрика.

— Ага, — ответила Лимос. Откинув голову, она допила остатки своего напитка и бросила пустой стакан в песок. — Как сделала то, что должна была, когда стерла тебе память.

Эрик напрягся, злость от того что она сделала вернулась с такой силой как-будто она только что врезала ему. А ударить Лимос могла сильно — это он знал из личного опыта.

— В чем дело, Эрик? — Лимос прижалась к нему смелым, неожиданным движением. — Ты все еще злишься на меня? Это хорошо. Я заслужила. Я заслужила каждую каплю ненависти, которую ты сохранил. Из-за меня ты попал в Шеул. Я хотела, чтобы ты меня поцеловал, и оказалась недостаточно сильной, чтобы это остановить. — Она провела рукой по груди Эрика и остановилась на его поясе. — О-о, я достаточно сильна, чтобы уничтожить легион падших ангелов, но все же не смогла отвергнуть тебя. А та игра с твоей памятью? Я думала, что помогаю тебе, но знаешь, может я сделала это, потому что хотела, чтобы со мной поступили так же. Потому, что я не достаточно сильна, чтобы причинить боль своим братьям. Так что, я решила, что ты тоже не стал бы. Но ты не такой, правда?

Сердце Эрика стучало о ребра, а мысли превратились в запутанный узел. Он понятия не имел что там за история с ее братьями, но поведение Лимос чертовски сбивало с толку. Хуже, Эрик чувствовал, что за ее поведением стоит очень много боли, с которой он не мог ничего поделать. Как исправить то, чего ты не понимаешь?

— Послушай, меня разозлило не то, что ты стерла мне память, а тот факт, что ты не сказала мне об этом, а потом еще и солгала.

— Ложь, — пробормотала Лимос, провела кончиком пальца по его поясу, и немного углубилась за него, словно прощупывала почву. — Вся моя жизнь построена на ней. Она повсюду меня нагоняет.

Сжав хрупкие плечи, Эрик легонько встряхнул ее.

— Всадница! — крикнул он, пытаясь вытрясти то, что стало причиной странному поведению Лимос. — Скажи мне, что не так.

— Не думаю, что у меня есть время рассказывать тебе обо всем, что пошло не так. — Одна её рука осталась лежать у него на талии, а вторая скользнула вверх, к его шее, и, обхватив затылок, потянула голову вниз, так, что их губы почти соприкасались, и он мог почувствовать вкус соли и лайма. — Есть вещи, которые я хотела бы сделать до того, как он заберет меня, Эрик, — прошептала она. — Я знаю, ты меня ненавидишь, но пожалуйста... подари мне это.

Лимос поцеловала его. Страстно. Ее язык сплетался с его агрессивно, чего он никак не ожидал. Раньше она была робкой, податливой, и только отвечала на его действия, но что бы не влияло на нее сейчас, начинало будоражить кровь и ему.

Ведь она была не права, он совсем ее не ненавидел. Очень, очень неправа. Он хотел злиться на нее, но прямо сейчас, нуждался в ней гораздо сильнее, чем в чувстве ярости.

Сжав в кулак ее шелковые волосы, он крепко прижал Лимос к себе, и когда их бедра соприкоснулись, он застонал от такого интимного контакта. Он был с женщинами полностью обнаженный, кожа к коже, но никогда не испытывал ничего подобного.

А потом она сделала то, что совсем выбило почву у него из-под ног. Лимос опустилась на колени на полотенце и отчаянно вцепилась в ширинку его джинсов, будто снять с него штаны было ключом к спасению мира, или что-то в этом роде.

— Л... — он оборвал себя до того, как ее имя слетело с его губ и сжал ее ладони. Дикий, животный звук вылетел из ее горла, когда она отбросила его руки и вернулась к своей задаче, на этот раз ухитрившись расстегнуть все пуговицы одним движением.

Его член уже был твердым, так что легко оказался на свободе. Но до того, как она смогла сделать что-то еще, Эрик бросил ее на спину и прижал к земле, так, что она оказалась частично на полотенце, и наполовину — на песке.

— Позволь мне! — закричала она, опять делая попытку дотянуться до его плоти, но он перехватил ее запястья и прижал их к ее животу.

— Остановись. — Эрик использовал свой вес, чтобы контролировать ее движения, но он знал, что если бы она захотела, то могла бы отбросить его с силой быка, весящего две тысячи фунтов и выступающего на родео. — Милая, перестань. Ты этого не хочешь.

— Хочу, — она зарычала на него и несколько долгих минут они просто смотрели друг другу в глаза и пытались восстановить дыхание. Где-то вдалеке раздались раскаты грома, будто сами небеса вторили ее настроению.

Постепенно он ослабил свою хватку, надеясь, что весь пыл ее покинул. Но когда она обвила руками его шею, и обняла ногами за талию он понял, что она лишь изменила тактику.

Секс со злости — вычеркнуть из списка.

Нежный секс — полная боевая готовность.

Эрик — повержен, секс состоится.

Лимос смотрела на Эрика и не могла поверить, что он пытался ее остановить. После всего, что он вынес из-за нее, она предлагала ему способ загладить свою вину и помочь ему почувствовать себя хорошо. Предлагала использовать ее, чтобы хоть как-то возместить ущерб, который она ему нанесла.

Предлагала ему наказать ее.

Неужели он не понимал, что она находилась на грани и могла вот-вот все потерять? Что пройдет совсем немного времени, как ее секреты вылезут наружу, и тогда ее братья собственноручно бросят Лимос к ее жениху. Или ее жених сам придет за ней. Так или иначе, это лишь вопрос времени. Она должна дать Эрику все, что может, пока еще не поздно. И если в процессе она пострадает, так тому и быть. Она это заслужила.

— Эрик, пожалуйста.

Он попытался отстраниться, и она позволила ему освободиться от ее цепких объятий.

— Почему? — он встал на колени и помог ей подняться. — Скажи мне почему.

Желание солгать было настолько сильным, но он заслуживал лучшего. Хорошо, значит... откровенность. Сама мысль о такой глубокой искренности заставила ее внутренности сжаться, и весы, нарисованные на ее лопатке, начали сильно дрожать.

— Я у тебя в долгу.

Его губы сжались в твердую, мрачную линию.

— И ты думаешь, что рассчитаешься, подарив мне оргазм?

— А почему бы и нет?

— Знаешь, что? Пошла ты на хрен, — он поднялся на ноги. — Тебе не удастся избавиться от вины, обрабатывая мой член.

Она вскочила и схватила его за предплечье: — Тогда ударь меня.

— Прости, что?

Разочарование и нерастраченная похоть внезапно превратились в яд и просочились в ее вены и на язык.

— Ударь меня, — выплюнула Лимос. — Сделай со мной то, что с тобой делали демоны. Отыграйся на мне. Давай же. — Эрик уставился на нее так, словно у Лимос внезапно выросли рога.

Когда вес всех столетий лжи и боли навалился на Лимос, наружу всплыла вся демоническая подлость, а чашки татуированных весов склонились в сторону зла.

— Ты что, глухой? Сломай мне кости, Эрик. Пусти кровь. — Она толкнула его и заставила немного отступить. — Или тебе нравится избивать только свою сестру?

Это был удар ниже пояса, который склонил чаши весов в такой глубокий дисбаланс, что Лимос почувствовала, что может сломаться от количества злобы, которая, словно раковая опухоль, разрасталась в ее злой половине. Где-то внутри, ее ангельская половина кричала от мук.

— Прекрати. — Эрик побледнел, его кожа приняла оттенок воска. — Да что с тобой не так?

— Это то, чего я заслуживаю. — То, чего она желала. Жажда сочилась из нее, желание сойти с ума от удовольствия, опасности и боли. — Черт возьми, Эрик, ты такой упрямый. — Лимос открыла Хэррогейт, но прежде, чем она успела войти в него, Эрик схватил ее за руку.

— Куда ты собралась?

Его рука на нежной коже была подобна бальзаму, смягчала острые края и умерила маслянистый гнев внутри Лимос. Даже ее весы немного сместились.

— Шеул. Я... должна.

— Ты должна... — Эрик тяжело вздохнул. — Господи. Ты наказываешь себя. Вот из-за чего все это?

Да, так и было. Когда она боялась, нервничала, или, когда люди страдали от голода,

Лимос хотела навредить себе с бесшабашностью и риском.

Она становилась абсолютно глупой и саморазрушительной, но ей не нравилось, что Эрик понял это. Лимос ненавидела то, что он видел ее насквозь.

— Это часть моего проклятия, — уныло ответила она.

— Саморазрушение? Потеря цели? Полнейшая задница?

Удерживая ее за руку, Эрик начал выводить большим пальцем круги на нежной коже. Лимос могла ненавидеть его за то, что он видел ее насквозь и заставлял рассказывать о наболевшем, но она обожала то, как он успокаивал своими прикосновениями, своим голосом и просто своим присутствием.

— Да, — вздохнула она. Боже, иногда она презирала саму себя. Презирала свою демоническую половину, которая так глубоко соскользнула в колодец зла, что уже никогда не выберется. — Ты прав. Я настоящая задница. Я не имела в виду то, что сказала о твоей сестре. — Чаши весов на спине Лимос немного выровнялись, она сглотнула и вздохнула так, словно начинала тонуть.

— Что на счет того, когда ты сказала, что должна мне?

Она закрыла глаза и поборола желание солгать, но не потому что сама ее сущность требовала лжи, а потому, что правда показывала ту часть ее души, которую Лимос обычно не привыкла выставлять на показ.

— Я в самом деле должна тебе, но это не единственная причина по которой я хотела... хотела... раздеть тебя. — Щеки Лимос окрасил румянец, и она удивилась, как же сильно покраснела.

— И в чем же вторая причина?

— Помнишь, я спрашивала у тебя, скольких женщин ты целовал? — Лимос распахнула глаза. — Ответь мне сейчас.

— Зачем?

— Потому что я хочу знать.

Эрик сощурил взгляд.

— Нет, не хочешь.

— Видишь, — тихо проговорила она. — Ты не хочешь сказать, потому что это ранит меня, верно? — Когда Эрик ничего не ответил, она кивнула. — Но, если бы я очень-очень захотела узнать, ты бы сказал мне правду.

Мускулы на его челюсти напряглись, но Эрик все же прохрипел:

— Да. — Небо над ними прорезала молния, и казалось, через целую вечность за ней последовал гром.

— Ты хороший человек, Эрик. Тебе легко быть честным. Защищать тех, кто находится поблизости. Мне это нравится. Мне понравилось, что когда напали Найвы, твоим первым побуждением было спрятать меня за своей спиной. Из-за тебя, я чувствую себя... уязвимой.

Он приподнял темную бровь.

— Разве чувство уязвимости так плохо?

Лимос пожала плечами.

— Арес сказал бы, что да. Но мне нравится, что ты заставляешь меня это чувствовать. — Рука Лимос вздрогнула, когда она прижала ладонь к груди Эрика, желая ощутить, как жизнь стучит в его сердце. — Ты заставляешь меня чувствовать себя женщиной. Как будто я не большой, плохой воин, который всегда должен оставаться сильным. Мне нравится, что твоя сила позволяет мне расслабиться, и я могу быть тем

человеком, которым хочу, а не тем что все от меня ожидают. Возможно это не имеет смысла...

Молниеносным движением, Эрик схватил ее за плечи, взмахом ноги подсек ей колени и свалил на полотенце.

Лимос на половину приземлилась на него, и не стала больше колебаться ни секунды.

Она страстно поцеловала Эрика, и он встретил ее агрессивный язык своим, на каждое покусывание отвечая покусыванием, а на каждое полизывание — полизыванием.

Она приподнялась, чтобы повыше на него взобраться. Его руки гладили ее плечи и волосы, оставаясь на разумном расстоянии от нижней части ее тела. Купальник скрывал пояс верности, но никто, находясь в здравом уме, не станет так рисковать, а Эрик явно не был идиотом.

— Хочу прикоснуться к тебе, — пробормотала Лимос возле его губ.

Его язык чувственным движением скользнул по ее нижней губе.

— Уверена?

Вместо ответа, ее рука скользнула вниз, касаясь рифленых мышц живота к тому месту, где из открытых штанов выглядывал его возбужденный член. Эрик зашипел и выгнул спину, теснее прижимаясь к руке Лимос, когда ее пальцы сомкнулись вокруг внушительной плоти.

Его текстура зачаровывала... нежная, шелковистая кожа поверх стальных мышц, неровности и углубления, которые заканчивались гладкой, бархатной головкой. И когда его бедра начали вращаться под ее руками, она тоже задвигалась, прижимаясь своим центром к его ноге.

Со стоном, Эрик схватил ее за руку и заставил остановиться.

— Ты можешь касаться себя? Тебе позволено, с твоим поясом верности?

Жар затопил ее щеки.

— Угу.

Шаловливая улыбка изогнула его губы.

— Я хочу это увидеть.

Лимос оттолкнулась от его груди.

— Ты хочешь... смотреть? — Боже, она не думала, что решиться на такое.

— Я не могу прикасаться, так что... да. — Эрик опустил взгляд на ее бикини. — Сними это.

— Но...

— Давай. — Он сел и снял свою футболку. — Давай же, Всадница.

Его голос — властный и немного хриловатый, заставил ее задрожать в предвкушении. Она никогда не справлялась с приказами хорошо, но что-то в эротическом указании Эрика сделало ее податливой.

Сняв с себя штаны, он опустился на колени возле нее и потянулся ей за спину, чтобы снять топ.

Глаза Эрика тлели за отяжелевшими веками. Он снова лег на полотенце, одну руку положил за голову, а второй обхватил свой член.

Пока Лимос снимала свой топ, его рука начала медленно поглаживать член по всей его буро-коричневой возбужденной длине. Лимос никогда не думала, что мужчина прикасающийся к себе может выглядеть настолько сексуальным, но за этим она могла наблюдать весь день.

Тело Эрика, всегда такое великолепное, напрялось, все мышцы заиграли, а жилы на

шее вздулись, когда он откинул голову и сузившимися глазами уставился на нее.

Удовольствие отразилось на его лице, рот слегка приоткрылся, а там, внизу, его рука стала двигаться быстрее.

В венах Лимос нарастал жар, а между бедер стало влажно. Она облизнула губы и придвинулась ближе. Она могла бы заменить его руки своими.

Потом поцеловать его грудь, живот... ох, черт, она в самом деле думала о том, чтобы приложить свой рот... туда?

Да, да об этом она и думала.

Головка цвета сливы заблестела, ее цвет углубился, а желание Лимос пробежаться вокруг нее языком только усилилось. Словно услышав ее мысли, Эрик изогнулся всем телом, его бедра приподнялись, напомнив Лимос о таких же движениях, которые он совершал лежа на ней, тяжело вбиваясь в ее тело.

— Трусики, — грубо приказал он. Лимос заколебалась, остановив пальцы на поясе. — Сейчас же.

Она зацепила пальцами ткань и потянула вниз, отметив при этом, что его движения стали быстрее. И снова, она остановилась, прямо перед тем как ткань открыла ее сердцевину.

— Я бы хотела, чтобы ты мог это сделать.

Взгляд Эрика, который был прикован к бикини, взметнулся к ее глазам.

— Я тоже. Так сильно хочу прикоснуться к тебе, попробовать тебя на вкус.

О-о, она тоже этого хотела, и внезапно ощутила, что стала абсолютно влажной от самой мысли об Эрике, совершающим все эти действия с ее телом. Быстро, поскольку фантазии были пустой тратой времени, она сняла низ своего бикини и подползла к Эрику, намереваясь заполучить его во власть своего рта. Но, когда Лимос обрушила свои губы на опухшую головку, он схватил ее руками за бедра и потащил к себе.

— Что ты делаешь?

Эрик пошевелил бровями.

— Шестьдесят девять.

— Подожди, что? — Лимос уперлась коленями в песок, отказываясь сдвинуться с места. — Ты не можешь.

Улыбка Эрика стала абсолютно порочной.

— Нет, но ты можешь прикоснуться к себе, а я могу смотреть.

Он жестко дернул ее, и через мгновение она приземлилась на колени над его головой.

— Чееерт, — вздохнул он. Голос его был хриплым и чуть приглушенным. Власть, которую имела над ним Лимос, оказалась замечательной и совершенно неожиданной. — Ты так прекрасна. — Она, возможно, растаяла бы прямо там, если бы Эрик не схватил ее руку и не прижал ей между ног так, что пальцы оказались на самой ее сердцевине. — Заставь себя кончить.

Лимос была абсолютно уверена, что лицо ее стало цвета спелого яблока, но она сделала то, о чем он просил, и, скользнув пальцами между складочек, начала поглаживать.

Гладкие жемчужины терлись о ее руку, и если закрыть глаза, она могла бы притвориться, что это Эрик прикасался к ней. Что это он ласкал ее языком. И когда его теплое дыхание коснулось ее чувствительной кожи, она почувствовала приближение оргазма.

Снедаемая отчаянной необъяснимой потребностью, она опустилась ниже на локте и

взяла его плоть в рот. Его тело выгнулось под ней и глубокий, гортанный стон вырвался из его груди.

— Я не...не могу... больше.

Она окунула один палец внутрь себя и переместила к маленькому комочку нервов, который умолял об освобождении.

— Я тоже.

Всосав член поглубже в рот, Лимос обводила языком его вершину, в том же самом ритме лаская свой клитор, и менее чем через дюжину мгновений, оказалась на краю, ее бедра задергались, а дыхание стало тяжелыми вздохами вокруг его члена.

— Сейчас, — застонал он. — Сейчас.

Да, сейчас. Оргазм взорвался в ней, обжигающим, раскаленным добела, ударом молнии, ощущение которого усиливало дыхание Эрика на ее сердцевине. Во рту, член набух еще больше, и теплая жидкость брызнула ей на язык и потекла вниз по горлу.

На вкус он был солоноватым и пикантным, и внезапно, действие, которое всю жизнь ей казалось отвратительным, стало чем-то таким, что она хотела делать снова и снова.

Но только с Эриком.

Его тело дернулось, а бедра покачивались, когда совместная кульминация постепенно угасала. Лимос продолжала гладить себя, пока плоть не стала слишком чувствительной, и инстинктивно, она почувствовала, что с Эриком происходит то же самое по его вздохам и трепету.

Осторожно, она слизала всё до последней капли с его члена, и пока Эрик лежал и восстанавливался, Лимос поспешила одеть бикини, чтобы ее пояс верности не соприкоснулся с его кожей.

Закончив, Лимос легла возле Эрика, положив голову ему на плечо.

— Еще один первый раз, — пробормотала она.

— Что, модифицированная шестьдесят девятая? Потому что, должен признаться, для меня это тоже было впервые.

— Нет, это. Прижиматься к кому-то. Единственными мужчинами, которых я когда-либо осмеливалась обнимать были мои братья и Ривер.

Эрик поднял руку и погладил ее волосы.

— Не могу себе даже представить, — тихо сказал он. — Мы люди, так быстро становимся одинокими... черт, я знаю много людей, которые настолько в этом нуждаются, что не могут провести и пары месяцев, или даже недель, без мужчины или женщины рядом.

— Что на счет тебя?

— Я всегда был слишком занят, чтобы думать об этом.

— Только не говори, что у тебя никогда не было отношений.

Он передернул плечами.

— Я спал со многими девушками, когда учился в старшей школе, но все это было скорее для того, чтобы сбежать из того ада, который творился у меня дома. Когда мне исполнилось восемнадцать, я вступил в ряды армии. Пару раз ходил на свидания, но ничего серьезного. А потом присоединился к ПС-Х, что практически уничтожило любой шанс на серьезные отношения, если, конечно, я не хотел встречаться с теми, с кем работаю.

— Как долго ты с ПС-Х?

— Десять лет. Мне было двадцать, и я как раз был в отпуску, в Японии. Нас с другом заманили в какой-то бар в подвальном помещении две очень шикарные цыпочки. Оказалось,

они были вампиршами. Я едва спасся, моего друга убили, и когда я очнулся в военном госпитале бормоча про кровососов, то думал, что меня точно загребут в психушку. Но меня накачали успокоительным, и в следующий раз, когда я пришел в себя, то уже находился в корпусе ПС-Х, в Колумбии.

— И что, все время, пока ты работал в ПС-Х, ты... был одинок?

— Да. Не могу никому рассказывать, чем я занимаюсь — это строжайшая тайна, понимаешь?

— Ты же не думаешь, что я поверю, что все это время ты хранил целибат?

Его рокочущий смех приятной дрожью отозвался в ее теле.

— Нет, но поверь, это не то, о чем бы я хотел вспоминать. Секс на одну ночь время от времени. — У Лимос появилось внезапное желание найти каждую из девиц, с которыми он делил постель и превратить их в закуску для адских ищеек. — А ты? Я знаю, что ты не могла строить ни с кем отношений, и что я первый, с кем ты захотела быть вместе, но разве ты не чувствовала соблазна, хоть немножко?

— Нет. — Вранье.

Она хотела Тёмного Лорда, он стал ее величайшим соблазном. Хотя помолвку заключил на словах еще в то время, когда Лимос была младенцем, но когда пришло время составлять письменный контракт, она вошла бы в его покои, как будущая королева, ее единственным и самым сокровенным желанием было заполучить короля всех демонов.

Похоть, как цунами, нахлынула на нее, стоило лишь взглянуть на него, а страх только усиливал эти ощущения. Аура таинственности окружала его, и кто бы не попал под ее воздействие, пьянел от немыслимой силы и избытка чувственности, которые были ему присущи. Оказалось, что Лимос ничем не отличается от остальных.

Мужчины и женщины становились жертвами своих желаний, не в силах сопротивляться его магнетизму, так же, как и луна не может бороться с действием гравитации Земли. В состоянии сильнейшего возбуждения, она не просто ревновала к обнаженным женщинам, которые участвовали во всевозможных оргиях вокруг него, Лимос хотела поубивать всех, кто смел к нему прикасаться.

Ей даже пришлось стоять и смотреть, как он овладевал Лилит.

Но Лимос ушла нетронутой. Это даже не его руки надевали на ее талию пояс верности. Сначала она была в ярости. Теперь, она была очень, очень рада.

Проблема в том, что слишком много времени утекло, пока она добралась до этой стадии. Сотни лет после того, как их прокляли стать Всадниками, она планировала начать Апокалипсис и преподнести своих братьев мужу в качестве свадебного подарка.

Она была демоном в полном смысле этого слова — живя так, как ее учили, обманывая всех на своем пути, даже братьев. Она строила планы, плела интриги и подставляла их на каждом шагу.

А они приняли ее.

Они не знали, что каждое слово, что слетает с ее губ — ложь. Что столетиями она была в ответе за все ужасные вещи, которые с ними происходили, за все смерти их верных слуг, за нападения демонов.

Но постепенно, они изменили ее своей любовью, постоянной поддержкой и заботой. Однажды, она застала Танатоса около тела раба, который умер, защищая свою жену от хозяина, возжелавшего ее.

— Тебе грустно из-за этого человека? — спросила она, и ее вопрос прозвучал почти как

насмешка.

— Нет, — голос Танатоса был пустым. — Мне грустно, потому что мы никогда не узнаем, каково это, любить так, как любил он, или иметь рядом того, кто сможет так любить нас.

— Мы есть друг у друга, — и опять насмешка. Она была сукой. И ей это нравилось.

— И моя радость не знает границ, — он поднял взгляд желтых глаз, которые будто прожгли ее насквозь. — Но это не одно и то же. Кто умрет за тебя, Лимос, когда придет время?

Что-то из того разговора не давало ей покоя, и позже она вернулась на то место, сама не зная почему.

Она схватила жену хозяина того раба, и угрожая ее жизни, пыталась увидеть, что он сделает, если перед ним поставить выбор: чью жизнь спасти, свою, или ее.

Он выбрал свою. Он ведь мог найти себе другую жену.

И тогда она поняла, что брак, на который она себя обрекает, станет точно таким же. Она будет королевой подземного мира... и племенной кобылой, которую в любой момент можно заменить.

Послав всех подальше, она убила мужчину и обрела совсем новый взгляд на жизнь.

Теплая рука Эрика разминала мышцы на ее шее, которые совсем одеревенели от ненавистных воспоминаний. Пальцы другой руки касались чернильных линий, что были изображением Кости.

— Он это чувствует?

— Ага, — прямо сейчас Эрик гладил ногу этого зверя, и ее бедро начало покалывать в ответ. — Ему это нравится. Думаю, ты один из немногих, кого он не попытается съесть.

— Хорошо, а то это было бы отстойно. — Кости лягнул ногой, ясно давая понять Эрику, что с него достаточно. Тот понял намек, и обосновал руку поверх руки Лимос. — Ты росла в Шеуле, правильно? Под присмотром Лилит?

Тьфу! Совсем не та тема, которую она хотела обсуждать.

— Да.

— Думаю, это было не самым приятным опытом?

— Это было ужасно, — пробормотала она, и очередная ложь наполнила ее тело уже знакомым теплом. — Но я сбежала, и вот, оказалась здесь. Давай поговорим о тебе, поскольку это намного интереснее.

И если говорить будет он, ей не придется беспокоиться о лжи.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 20

Эрик не хотел говорить о себе. Лимос была куда более интересной, но когда женская ладонь медленно очертила круг на его груди, он упал в умиротворенный транс и забыл о том, что не хотел разговаривать.

Лимос прочистила горло.

— Можно у тебя кое-что спросить?

Если это не прелюдия к вопросу, на который сложно ответить, тогда он не знал, что это

такое.

— Ты можешь спрашивать, но я не гарантирую, что отвечу или, что тебе понравится мой ответ.

Она кивнула и снова прочистила горло.

— Руна сказала, что ты возненавидишь себя, если узнаешь, что сделал с ней, а Тень говорил, что твой отец был жестоким ублюдком и ты всеми возможными способами защищал Руну и вашу маму.

— И? — Эрик знал, что защищал, но это бала одна из немногих тем, о которых он не хотел рассказывать.

— Так... расскажи мне.

Он искоса взглянул на Лимос.

— Это не вопрос.

— Говоришь, как Арес, — проворчала она. — Ладно, давай попробуем так. Где твои родители?

— Умерли.

— Ты убил их? — Спросила она с такой будничной невинностью, словно убийство собственных родителей было обычным явлением. В каких же разных мирах они оба выросли.

— Самоубийство и рак забрали их.

Лимос снова начала поглаживать ладонью по его груди. Ощущение было на удивление интимным.

— Как ты защищал свою маму и сестру? В смысле, ты же был ребенком, верно?

Серьезно, он не хотел об этом говорить. Но Лимос допрашивала его как профессиональный следователь, разве что использовала удовольствие, а не боль. Когда ее пальчики провели дорожку от одного соска к другому, Эрик треснул словно тонкая яичная скорлупка.

— Я стал мешать ему, — хрипло начал он. — Когда мой старик начинал избивать одну из них, я настолько злил его, что он переключался на меня. — О-о, но это еще не все.

Став подростком, он научился торговаться: *"Я достану тебе выпивку, если перестанешь бить маму. Я принесу тебе немного травки, если отстанешь от Руны. Я приведу тебе проститутку с угла Третьей и Дивизионной, если перестанешь издеваться над мамой по ночам"*.

В конце концов, он изучил искусство угроз. *"Если снова избьешь маму или Руну, я пойду к копам"*. И наконец, после трех дней без куска хлеба в доме, потому что их отец истратил все деньги на выпивку, Эрик пошел на крайности. *"Сейчас же отправляйся в Общество Анонимных Алкоголиков и очистись, или клянись, я заставлю тебя почувствовать все, что ты сделал с нами"*.

Это привело к физическому противостоянию между ними двумя и закончилось переломом руки у Эрика и выбитыми зубами у его отца. И ничего не изменилось.

Пока Эрик не пошел к "странному парню" в школе, к тому, что всегда носил черное, рисовал черепа и пентаграммы на обложке своего блокнота и говорил, что поклоняется дьяволу.

Руна всегда считала, что именно мать поставила отцу ультиматум, и тот протрезвел и стал образцовым отцом, но нет, то были Эрик и странный парень, который призвал демона и заключил сделку, о которой Эрик сожалел всеми фибрами своего существа.

— Как ты вышел из того положения? — спросила Лимос.

Долгое время, он просто лежал, прислушиваясь к звукам уходящей грозы и вою адских гончих где-то поблизости. Кто бы мог подумать, что жуткие звуки, издаваемые адскими псами, могут успокаивать? Но именно в этом мире он сейчас находился, в мире, который коренным образом изменился за последние пару лет, и даже больше за последние несколько дней. Особенно для него.

— Это один из тех вопросов, на которые ты не хочешь отвечать, да? — Лимос вздохнула. Лимос, которая занимала большую часть его нового мира. И черт возьми, поскольку ее брат заклеил его душу, Эрик решил, что не так уж и страшно сознаться ей, что это не впервые.

— Как я вышел из положения? Продал душу демону, который пообещал сделать так, чтобы мой отец протрезвел и исправился.

Лимос рывком выпрямилась, темные волосы рассыпались и прикрыли ее грудь, что было просто стыдом.

— Что ты сделал?

— Ага, глупо. Но я был в отчаянии. Был убежден, что в следующий раз, когда старик слетит с катушек, он убьет Руну или мою мать. — Эрик протянул руку, чтобы поиграть с ее шелковистыми волосами. — Это сработало. Он бросил пить, прекратил избивать нас и не изменял маме, но потом он заболел раком легких, мама покончила с собой, так что думаю, я продал душу, ни за что.

— Сколько времени? — прохрипела Лимос.

— Что "сколько времени"? Пока он не умер?

— Сколько времени до прихода демона-сборщика?

— Он уже пытался. Помнишь, я говорил, что меня укусил демон? То была его визитная карточка. Я должен был умереть, но Тень спас меня.

— Какой демон? — Лимос так яростно схватила его за ногу, что Эрик понял — к утру появятся синяки. — Какому виду ты продал свою душу?

— Погребальному Апостолу. А что?

Лимос вскочила на ноги и уставилась на него.

— Одевайся. — Она вытащила свое бикини из песка. — Поспеш. Мы должны найти того демона.

Эрик натянул свои штаны.

— Ему не удалось меня убить. Контракт разорван.

— Нет, — сказала она с нетерпением, — не разорван. Погребальные Апостолы никогда бы не позволили такого. — Она выругалась сразу на нескольких демонических языках. — Хах. Так вот почему Мор не убил тебя. Я думала об этом, но сейчас все приобретает смысл.

— Не для меня. — Эрик одел футболку и, пока Лимос придерживала свои волосы, помог ей завязать тесемки бикини на спине. — Интересное тату. — Он нахмурился рассматривая чашки весов, которые, он мог бы поклясться, находились в другом положении последний раз, когда он их видел.

— У нас нет времени на тату, — сказала Лимос, повернувшись к нему лицом. — Мой брат связал твою душу, но кто-то успел заклеить ее раньше. Чтобы заполучить ее себе, ему придется выкупить ее у демона. Или, что более вероятно, убить чувака. Мы должны первыми добраться до того демона.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Но как?

Поигрывая кольцом в пупке, Лимос заговорила, и слова полились так, словно прорвалась плотина.

— Я и раньше видела, как Гетель проводит ритуалы, чтобы выторговать душу. Нам нужен ангел. И немного крови тех, кто участвовал в вызове демона, который забрал твою душу.

Эрик потрянул головой.

— Это не возможно. Тот парень умер в тюрьме несколько лет назад. Но это ведь хорошая новость, да? Значит Мор тоже не сможет найти демона.

От изощренных проклятий Лимос уши Эрика свернулись в трубочку.

— Нет. Мор почувствует того, кто держит душу, на которую он претендует. Мы в заднице.

— Даже больше чем ты думаешь. — Он кивком указал на пляж, откуда к ним приближался Танатос. К счастью, они уже оделись, но парень не был идиотом, и если у него был элементарный братский инстинкт, то... да... глаза Всадника сузились на подходе, а Эрик приготовился к Матчу Смерти: Часть Вторая.

К счастью, бросив на Эрика взгляд, который ясно говорил П-О-З-Ж-Е, Тан не стал изображать большого брата.

— Человек. — Голос Танатоса был столь же мрачным, как и его лицо. — Ты говорил, что можешь выучить любой демонический язык.

— Да. А что?

Танатос протянул лист пергамента.

— Можешь прочесть?

— О чем это? — Спросила Лимос, когда Эрик взял страницу и начал изучать странные каракули.

— Я попросил Реган проверить все, что нашел о твоём агимортусе. Она сказала, что в этом кусочке писем Исфетов чувствуется злость, но я не знаю, о чем там говорить. Я надеялся, что твой парень сможет перевести.

Эрик потрянул головой.

— Извини. Я не могу читать демонические языки. Только говорить на них.

— Твою мать, — выругался Тан. Он посмотрел вниз, где валялось скомканное полотенце, и его гребаные тени снова закружились у его ног.

Ох, нехорошо. Когда внимание Танатоса отвлеклось от агимортуса, оно переключилось на Эрика и Лимос. Думай быстрые...

— А почему бы вам не спросить Исфет? Или их больше не существует?

— Они существуют, — сказала Лимос, — но никто, кроме них самих, не знает их языка. Именно потому, многое из того, что мы думаем, что знаем о моем агимортусе является легендой, а не фактом.

Эрик вложил в ладонь Лимос пергамент.

— Ну, тогда давайте найдем себе Исфет, и узнаем, почему многое, поскольку вы нашли себе переводчика.

Борьба за его душу все еще оставалась игрой в перетягивание каната, Лимос все еще была обручена с Мистером 666, но если они смогут найти и спрятать ее агимортус, это станет огромной победой для команды хороших ребят.

И если Танатос сможет сохранить свою Печать целой, и они обеспечат Печати Лимос безопасность, то это будет означать, что все переключат свое внимание с нее на то, как

остановить Мора.

Это может стать долгожданным перерывом, в котором так нуждаются ПС-Х и Эгида. Эрик заулыбался.

Мор может отсосать.

Лимос с Эриком ждали Ареса и Танатоса в Храме Лимос, который был единственным местом поклонения Всадникам, построенным вне пределов Шеула.

Ее храм существовал своего рода дымке. На этой небольшой территории, где соприкасались миры людей и демонов, и те, и другие могли свободно разгуливать, но не могли попасть в другое измерение.

Это место было спрятано в глубинах древней пещеры Инкан, настолько старой, что Лимос сомневалась, что за сотни лет там прошел хоть один человек.

Судя по тому, как выглядел храм, демоны там тоже вряд ли появлялись.

Она осмотрелась. Разрушенные каменные алтари и слои вековой пыли — вот что она увидела вокруг.

— Это просто оскорбительно.

Эрик присел возле побелевшего от времени скелета, прикованного к стене.

— Почему здесь все эти скелеты?

— Они были жертвенными подношениями для меня.

Ее ботинки застучали по полу, когда Лимос подошла к одному из алтарей, где в форме весов была выложена кучка разноцветных камней.

Под латами, ее собственные весы, татуированные, сохраняли равновесие, что было облегчением. Обычно, когда она находилась в одном из таких доменов или Шеуле, чашки весов склонялись в сторону зла.

Скривившись, Эрик прокомментировал:

— Мило.

Она смотрела, как он блуждает по храму, изучая каменные стены, каждый дюйм которых был исперещен символами и письменами.

Когда он остановился перед изображением ее и ее братьев, стоящими перед коленопреклоненными людьми и демонами, он провел по линиям ее лица, и она могла поклясться, что почувствовала его прикосновение на своей коже.

— Ты очень близка со своими братьями, но что произойдет, если все ваши Печати сломаются?

— Думаю, после того, как Апокалипсис завершится и зло восторжествует, мы начнем войну друг с другом.

От одной только мысли об этом ей стало плохо.

— Не могу представить, чтобы мы с Руной воевали, — сказал он, оторвав руку от фрески.

Она улыбнулась:

— Это у нас общее.

Любовь к родным заставила их обоих пойти на крайние меры. Она хранила от своих братьев губительные секреты, а Эрик ради сестры продал свою душу. Лимос все еще не оправилась от такого откровения, но в какой-то мере, новость была хорошей.

Значит Мор не завладел душой Эрика... пока что. И как только они закончат здесь, Лимос собиралась вытащить из Эрика каждую капельку информации о том демоне.

Они должны выследить его до того, как это сделает Мор.

Эрик подошел к стене, покрытой большими отрывками какого-то текста.

— О чем все это? Выглядит так, будто написано на разных языках.

Лимос кивнула.

— Некоторые на латыни, но большинство — на Шеулике. — Она провела пальцем по блоку с черными письменами на сером камне. — Это легенда о нашем происхождении. — Она указала на следующую секцию. — Там своего рода свадебная программа.

Неожиданная темная ярость хлынула из его тела, но она на подсознательном уровне знала, что эти эмоции направлены не на нее.

— О чем там говорить?

— По большей части, кучка всякой чуши из моего контракта.

Предположив, что он владеет Шеуликом, она прочитала слова вслух:

— Дочь Лилит сочтется браком, кой будет скреплен кровью создания, что более не является ангелом, и жемчужный пояс верности будет разорван ее мужем.

Выражение лица Эрика стало одновременно задумчивым и яростным, и, она могла поклясться, что слышала, как он зарычал. Невероятно, но... Лимос завелась... услышав его реакцию на ее свадебные планы.

Он переплел их пальцы и подтянул ее поближе. Она обрадовано вздохнула, когда Арес и Танатос вошли вместе с высоким, зеленокожим Исфетинцем.

Арес остался стоять у двери, пока Танатос повел демона вовнутрь.

— Не думаю, что он знает, почему он здесь. Мы не можем нормально объясниться друг с другом.

— Как вы заставили его пойти с вами? — Спросил Эрик.

Тан пожал плечами.

— Мы похитили его.

Похищение было как раз то, что сделал бы Ресеф, и она не сдержалась и улыбнулась.

— Вы вернете его обратно так, чтобы Низул не узнали об этом, да?

Низул поработили расу Исфет, и они были мастерами в искусстве жестоких наказаний. У нее не возникало сомнений, что его самого обвинят в его же похищении.

— Конечно, — подтвердил Арес.

Танатос широко улыбнулся:

— И если кто-то из демонов Низул об этом узнает, мы позаботимся о том, чтобы они не смогли повторить этого больше никому. — Вот теперь, это были на сто процентов слова в стиле Танатоса. Он посмотрел на Эрика: — Твой выход, человек.

Эрик, переодетый в черную военную униформу и вооруженный до зубов тем, что принес Кинан в дом Лимос перед их экспедицией, обратил свое внимание на Исфетинца.

— Приветствую, — сказал он на идеальном Шеулике. — Мы бы хотели задать тебе несколько вопросов.

Мужчина, а Лимос предположила, что он был именно мужского пола, хотя сама не знала почему, моргнул своими большими, круглыми глазами.

— Этот демон ты хочешь спросить?

Верно. Она и забыла насколько плох их Шеулик.

Эрик сел на одну из лавок, и у Лимос возникло впечатление, что он старался создать

атмосферу спокойствия и обыкновенности. Хотя, с его нагрудной кобурой, и поясом, обвешанным оружием, вряд ли это сработает. Но, это только добавило ему еще больше сексуальности.

— Ты можешь заговорить со мной на своем языке?

Исфетинец утвердительно кивнул, его длинные, похожие на щупальца пальцы сомкнулись вокруг трости:

— Если я знать?

— Жуть, — Эрик провел ладонью по лицу и посмотрел на Лимос. — Не удивительно, что у вас проблемы с общением с ними.

Словно у хамелеона, кожа демона изменила цвет, стала ярко серебристой, и он начал что-то говорить на языке Исфетов. Эрик нахмурился, но кивнул демону, чтобы тот продолжал. Через несколько минут, Эрик облегченно вздохнул.

— Этот язык очень причудливый. Мне никогда не приходилось так долго слушать, чтобы изучить. Просто, когда я думаю, что поймал его... подождите. — Эрик произнес несколько слов, которые Лимос не поняла.

Исфет дернулся, его маленький рот приоткрылся. Эрик заговорил снова, и с оживленным взмахом руки Исфет начал выдавать по миллиону слов в минуту.

Эрик повернулся к Лимос.

— Искали ли вы камеры изо... льда?

— Да. — Она пододвинулась поближе к нему. — Некоторые из слухов, по которым мы следовали, говорили о ледяных пещерах, как в Шеуле так и в человеческом мире.

Эрик взял ее за руку и придвинул к себе.

— Что на счет кипящего стекла?

Лимос вздохнула.

— Мы предполагали, что это может быть лава, так что искали в вулканических образованиях.

— А башни, — нахмурился Эрик. — Они говорят о башнях.

Эрик снова повернулся к Исфету и они начали другой разговор.

— Ладно, — сказал он. — Местоположение потерялось не в легенде. Оно потерялось в переводе. Вы же знаете, они почти не понимают и не говорят на Шеулике... а знают только несколько слов, чего достаточно, чтобы продавать свои товары.

— Почему они не могут выучить Шеулик? — спросил Тан.

Эрик повернулся, чтобы обратиться ко всем сразу.

— Это похоже на общение с собаками. Они понимают язык нашего тела, и могут понять несколько слов, могут прочесть интонацию нашего тона. Но они не понимают разговор, и их нельзя этому научить. Это какая-то межвидовая штука.

— Так ты говоришь, что Исфеты подобны псам?

— Да. Они не похожи ни на одного демона. Черт, может они вообще не демоны.

Лимос бросила взгляд на Исфета.

— Тогда что они такое?

— Понятия не имею. — Эрик пожал плечами, от чего рубашка натянулась на его широких плечах. Ням. — Может, пришельцы?

— Пришельцы. — Голос Танатоса был ровным, недоверчивым.

— Твой скептицизм смешон, поскольку исходит от одного из Четырех чертовых Всадников Апокалипсиса.

Лимос предполагала, что Эрик может быть прав, хотя за всю свою жизнь она не встретила ни одного пришельца. Во всяком случае, она так думала.

— Ладно, чем бы они там ни были, теперь ты их понимаешь, верно?

— В каком-то роде. Он говорит, что чаша находится в камере из... не могу подобрать правильное слово.

Исфет подошел к алтарю и похлопал по одному из камней.

— Кристалл, — вздохнул Эрик. — Вот оно что. Это имеет смысл. Она в камере из кристаллов.

— Не льда?

— Нет. Это так перевели на Шеулик, поэтому и вы поняли так. А еще она затоплена кипящей водой.

— Кипящее стекло, — пробормотала Лимос. — Что на счет башен?

Эрик заговорил с Исфетом и снова повернулся к Лимос.

— Не башни. Колонны. Большие кристаллы внутри пещеры. Еще он сказал, что поскольку я знаю их язык, то узнаю знаки внутри. К сожалению, он не знает, где находится пещера.

— Гугл. — Все повернулись и уставились на Ареса, который просто пожал плечами. — Кара обычно говорит, что в Гугле можно найти все. Не мешает.

— Значит мы будем искать кристаллические пещеры в Гугле? — усмехнулся Эрик. — Тогда пойдёмте гуглить.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 21

Они нашли грот за тридцать минут.

Поиск пещеры кристаллов в Гугле выдал невероятное количество результатов. Но, откинув неподходящие варианты, они все же остановили свой выбор на одном — гигантском углублении, обнаруженном в Мексике... полости которого когда-то были заполнены горячими минеральными водами.

Шахтеры выкачали воду, но прямые выходы к жерлу вулкана делали воздух в пещере настолько жарким, что он мог убить незащищенного человека за считанные минуты.

Согласно из одной статьи, найденной в интернете, ученые вывели теорию, что за миллионы лет, которые понадобились для возникновения кристаллов, уровень воды в пещере постоянно колебался, то полностью заполняя ее полости, то совсем исчезая.

Агимортус Лимос могли с легкостью спрятать в один из периодов, когда уровень воды становился совсем низким.

Эрик позвал Кинана помочь с поисками, но тот сейчас разбирался с нападением на главный штаб Эгиды за пределами Франкфурта, в результате которого погибло двадцать Хранителей, и послал вместо себя своего приятеля-вампира.

Демон, Фантом, был что-то в роде охотника за сокровищами, и Кинан клялся, что тот окажется таким же полезным, как и несколько месяцев назад в большой схватке с Мором.

Лучше бы Кинан оказался прав, поскольку Лимос никогда в жизни не встречала демона, действующего на нервы больше, чем Фантом.

Фантом вышел из копера[24] и направился к Лимос, ее братьям и Эрику.

Он прибыл раньше, чем они, поэтому отправился все проверить и захватить Эрику оранжевый термокостюм, задача которого — не пропускать охлажденный воздух, что исходил из миниатюрной установки по кондиционированию воздуха. Он протянул его Эрику.

— Эй, чувак. Придется поиграть в астронавта. О, и я позаботился о людях, которые были внутри.

— Позаботился? — переспросил Эрик.

— Да, не парься, — сказал Фантом, засовывая руки в карманы брюк. — Они все еще живы. Просто... устали.

Лимос помогла Эрику надеть громоздкий костюм:

— От чего?

Фантом провел языком по клыку:

— Анемия измотала.

Танатос засмеялся:

— С каждым разом, как я вижу этого парня, он мне нравится все больше и больше.

— Ладно, — ответила Лимос помогая присоединить респиратор к системе подачи воздуха, которая, словно большая коробка, висела на спине Эрика. — Он может стать твоим пещерным приятелем.

Фантом и Танатос весело перешучивались по дороге к входу, за ними шел Арес, а Лимос с Эриком замыкали шествие. Лишь только они хотели пройти сквозь большие стальные двери, Эрик ее внезапно остановил.

— Эй, — он спрятал маску, засунув ее под руку, и взял ее лицо в ладонь. — Не знаю, что мы там найдем, но хочу, чтобы ты знала, я всегда тебя прикрою.

Опустив голову, он ее поцеловал. Губы Эрика были как теплый бархат, и она не переставала удивляться, как такой сильный и негибачаемый мужчина как он, может обладать такой мягкостью и быть настолько нежным.

Ей нравилось это противоречие, и еще больше нравилось, какие ощущения все это заставляло ее испытывать.

— Кхем.

Звук прочищаемого горла прервал их поцелуй, и когда Лимос развернулась, то увидела, что Арес придерживает дверь для Эрика и злобно на него смотрит. К счастью, Фантом и Танатос уже зашли.

Фантом, наверное, надорвал бы бока от смеха и получил огромное удовольствие издеваясь над ними, Танатос же попытался бы еще раз утопить Эрика. И не важно, что здесь не было воды. Она видела, как Танатос однажды утопил человека в его собственной крови.

Ее щеки запылали. Она застенчиво улыбнулась Эрику и вошла в помещение, и вот тогда стало понятно, что Фантом действительно позаботился о людях, которые должны были наблюдать за научным оборудованием.

Они все были без сознания и лежали в белом, похожем на тоннель, проходе.

Из-за лишком теплого воздуха уже становилось труднее дышать, и как только Арес открыл массивную дверь, что вела в пещеры кристаллов, температура из жаркой, как в пустыне, превратилась в удушливый пар сауны.

Эрик закрепил защитную маску, а остальные надели на головы каски с прикрепленными сверху фонариками.

Лимос наполнило предвкушение, когда они, активировали броню и вошли в пещеру, напоминающую огромный, выдолбленный изнутри снежный ком.

Громадные кристаллы образовали вертикальные и горизонтальные башни, длиной в несколько сотен дюймов и шириной как двухполосная городская дорога. В самом низу, бритвенно-острые кристаллы создавали подобие ложа из гвоздей. Один промах, и ты превратишься в подушечку для иглолок.

Лимос оставалась возле Эрика, пока он шел вдоль кристалла, что образовал мост между несколькими точками кристаллического кластера. Потянувшись, он провел пальцами, затянутыми в перчатку, по шероховатой поверхности кристалла.

— Будь я проклят. Символы.

Арес оказался позади них, а его глаза обыскивали каждый закуток.

— О чем там говорить?

— Больше похоже на указатели. — Эрик пальцем указал вниз. — Туда.

Танатос перепрыгнул с кристалла на другой, который выпирал в сторону пещеры, а Фантом присоединился к нему секундой позже, спустившись вниз намного легче. Но с другой стороны, демон не был одет в неуклюжие костяные доспехи.

— Высоко. — Эрик взглянул через край. — Полагаю.

— В чем дело, человек? — Тан взглянул вверх с насмешливой улыбкой на лице. У ее брата иногда в самом деле было очень странное чувство юмора. — Слишком смертный чтобы сюда прыгнуть?

— Неа, — отозвался Эрик. — Просто ваши жирные задницы занимают весь уступ.

Танатос засмеялся и прыгнул на кристалл, что находился еще ниже и прежде чем Лимос смогла его остановить, Эрик прыгнул и приземлился возле Фантома и чуть не свалил демона вниз. Фантом шлепнул его по голове и спустился к Тану.

Лимос пыталась успокоиться, чтобы не заработать сердечный приступ. Эрик был бесстрашен. Или, может, безумен.

Ей это даже понравилось.

— Ну? Видишь еще символы?

— Пока нет. — Эрик пробежал руками по кристаллу, и остальные присоединились к его поискам.

Лимос начала терять надежду, когда их окликнул Фантом.

— Эй, Лошадиное братство. Я нашел символ. — Он склонился возле двух огромных кристаллов, что образовали букву X, и вглядывался в дюймовое пространство между ними.

— Как к черту ты это нашел? — спросил Эрик, остановившись возле демона. — Он спрятан.

Фантом пожал плечами.

— В этом я хорош.

— Проклятие, — вздохнул Эрик. — Рад, что Ки прислал тебя. Мы бы никогда сами не нашли.

Фантом, легким движением, поднялся на ноги.

— Что? А я то думал ты мне рад из-за моей неподражаемой обаятельности?

Что-то подобное мог сказать Ресеф, и Лимос поняла, что улыбается от воспоминаний. О, Боже, она скучала по своему брату.

Эрик опустился на четвереньки и заглянул в пролет между кристаллами. Через мгновение, он растянулся на животе и потянулся куда-то вниз, его рука исчезла под

кристаллом на котором он лежал. Внезапно, Эрик поднялся на ноги, а из его кулака, на кожаном шнурке, свисала крошечная белая чаша.

— Нашел.

Лимос готова была кричать от радости. Ее братья возбужденно болтали, Фантом пробормотал что-то о том, как он голоден, а сама она чуть не запрыгнула на Эрика...

А потом начался настоящий ад. В одну минуту, Лимос праздновала находку своего агимортуса, а в следующую, на выступе над ними склонился Мор, тихое рычание раскрыло его губы и заставило клыки поблескивать.

— Как он нас нашел? — Эрик нырнул в один из пролетов между кристаллами, но Мор, в мгновения ока, оказался рядом с ним.

Соскользнув с гладкой поверхности, Эрик перебросил агимортус Аресу. Это действие многого ему стоило, и прежде чем Эрик смог скрыться, Мор схватил его за горло.

— Отпусти его! — Лимос побежала к ним, пока Эрик пинался и брыкался, но когда ее брат сильнее сжал его горло, борьба Эрика ослабла.

— Оставайся там, маленькая сестренка, — ответил Мор, и все замерли на своих местах. — Я обменяю его на чашу.

Если бы он просил о чем-то другом, она бы согласилась, но не могло быть и речи, чтобы отдать чашу. Нужно отвлечь его.

— Как ты нас нашел?

— Ах. Это. Ты знаешь, что твой парень продал душу Погребальному Апостолу?

Эрик врезал ботинком по голени Мора.

— Она знает, лошадиная ты задница.

Мор сорвал маску с лица Эрика и он чуть не задохнулся от удушливого, жаркого воздуха.

— Я нашел его, убил и твоя душа перешла в мое владение. Теперь я могу почувствовать тебя где угодно.

— Отпусти его, Ресеф, — тихо попросила Лимос.

— Не думай, что можешь достучаться до Ресефа, — прорычал Мор. — Он ушел. Привыкни к этому. — Он снова сжал горло Эрика, лицо которого стало малиновым. — Отдай мне чертову чашу.

Она не могла. Но не могла также позволить Эрику умереть. Каждая косточка в ее теле закричала от мыслей, что роились в ее уме, но Лимос отмахнулась от голосов и шагнула вперед.

— Возьми меня взамен. — Кристаллические стены начали смыкаться, напоминая о том, что границы Шеула станут ее пристанищем навечно. — Ты можешь отвести меня к моему мужу и взять ту награду, которую пожелаешь.

Эрик, Тан и Арес, все в один голос закричали "Нет", но Лимос не обратила на них внимания. Это было худшим ее кошмаром... ну, вторым худшим, после сломанной Печати, но ради спасения Эрика, она это сделает.

В глазах Мора блеснуло леденящее душу зло.

— Думаю, мы договорились.

Тан бросился было к ней, но Лимос уклонилась.

— Не надо, — прошептала она. — Я должна это сделать.

На отяжелевших ногах она двинулась к Морю.

— Также, я хочу, чтобы душа Эрика вернулась к нему, чтобы после его смерти, ты не

стал её владельцем.

— Согласен.

— Не надо, детка, — прохрипел Эрик. — Не делай этого.

— Если я этого не сделаю, он убьет тебя, и ты проведешь вечность в мучениях. Не могу допустить этого. — Ее взгляд был прикован к Мору, пока она приближалась на расстояние вытянутой руки. — Отпусти его.

Мор сбросил Эрика с уступа и только кошачьи рефлексы Фантома спасли его от падения на острые осколки кристаллов и жуткой смерти.

— Подонок! — Лимос впечатала свой кулак в челюсть брата.

Голова Мора запрокинулась, и она нанесла еще один удар, на этот раз ухитрившись провести пальцами по серповидному шраму, отвечающему за их доспехи. В то же мгновение, броня Мора исчезла, оставив его лишь в поношенных камуфляжных штанах.

Из кармана на ноге торчал кинжал Избавления, с рукоятью в форме лошадиной головы, во всей своей блистательной, красе.

Только Мор хотел активировать свои доспехи, один из кинжалов Эрика пронзил его запястье в точном, мастерском броске.

Кровь брызнула Лимос в лицо, ненадолго ослепляя, пока она ударила Мору в живот, намереваясь отобрать нож. Кинжал лег холодным, тяжелым весом в ее ладонь. Не раздумывая, она всадила лезвие в сердце своему брату.

Пещера погрузилась в мертвую тишину. Ужас и неверие промелькнули в глазах Мора. Дрожащей рукой, он схватил ладонь Лимос, что все еще держала рукоять кинжала. Кровь покрыла ее пальцы, хлынув изо рта Мора, стекая по его подбородку.

Громящие шаги зазвенели в пещере, когда ее братья, Фантом и Эрик бросились к ним.

— Ох, блядь. — Голос Тана был исполнен шока. — Ли, что ты наделала?

Она не смогла выдать ни слова в ответ. Мор рухнул на колени на кристаллическом мосту, и Лимос последовала за ним. В момент, когда ее колени ударились об скалу, душу наполнила жгучая печаль. Нет... нет... это происходит не на самом деле! Тан должен был восстановить его Печать, и о, Боже, что она сделала?

— Лимос, — прохрипел Мор сквозь кровь, а потом стал Ресефом. Лимос знала это, видела, как в льдисто голубых глазах собирались слезы. — Я скучал по... тебе.

Горло сжало так сильно, что она едва могла дышать.

— Прости меня.

Все его тело содрогнулось.

— М-мне... жаль.

— Нет, — прохрипела она. — Не надо. Все это не твоя вина.

Его голова упала вперед, так что волосы закрыли лицо.

— Ты не понимаешь..., — прошептал он. — Мне жаль... что... что... разочаровал тебя. — Мор так сильно сжал руку Лимос, что та задохнулась. — Ты должно быть так разочарована, что Избавление не убил меня.

Он поднял голову, глаза запылали красным, и выдернул кинжал со своей груди, словно тот был лишь щепкой.

Мать...

Очередной, брошенный Эриком, кинжал пронзил руку Мора. Избавление выпал из его хватки и завертелся.

Лимос схватила кинжал на лету и вскочила на ноги, почти врезавшись в братьев.

Размытым движением Мор облачился в броню. В мгновение ока, в его руке оказался меч, которым он взмахнул над головой Лимос.

Тан оттолкнул ее с пути, и Лимос услышала отчетливый звук металла, врезавшегося в кость. Танатос споткнулся и врезался в кристалл, в его черепе зияла рана от меча Мора.

С удвоенной силой на Мора напал Арес, и внезапно, пещера ожила, наполнилась рычанием, когда орды демонов, казалось бы, начали взбираться по кристаллам на верх.

Фантом ринулся в драку, а Эрик бросил еще один кинжал из своего ботинка и убил чешуйчатую тварь, когда та заползла на кристалл.

— Уходи! — Арес бросил ей чашу. — Убирайтесь отсюда.

Лимос хотела остаться и драться, но Эрик все еще был в опасности, и ей нужно было защитить свой агимортус. Отчаянно выругавшись, она открыла врата.

Портал мерцал блестящим занавесом, в ожидании... и она даже не понимала, что колеблется, пока Эрик не увел ее, заставив пройти через врата и выйти на песочном берегу возле ее дома.

Да, они заполучили Избавление и ее агимортус, но почему-то, ничто из произошедшего в той комнате, не казалось победой.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 22

Сердце Эрика стучало так быстро и сильно, что его ребра болели. Или может причиной покалывания его грудной клетки стал убийственный правый джеб[25] Мора, а, возможно, тело ныло из-за сильного удара, которым врезалась рукоять Избавления ему в грудь.

Очень осторожно он скатился с Лимос и начал помогать ей подняться на ноги, но когда он взглянул в ее полуночные глаза, и увидел, что они наполнились ужасом, сел рядом с ней.

Ее окровавленные руки сжимали клинок Избавления мертвой хваткой, а по смертельно-бледному лицу ручьем текли слезы.

— Я пыталась убить Мора, — ее слабый голос был еле слышен сквозь всплеск волн на пляже.

— Эй, — он осторожно вытащил кинжал из ее рук и вонзил его в песок, — ты сделала то, что должна была.

— Ты не понимаешь. Я хотела, чтобы он умер, Эрик. — Ее глаза стали дикими, ноздри раздулись, когда она ухватила его за воротник рубашки в каком-то безумном отчаянии. — Я хотела, чтобы мой брат умер.

Эрик гладил ее руки, используя нежные прикосновения и свой голос, чтобы успокоить ее.

— Ты хотела этого потому, что он не твой брат. Уже нет, и ты это знаешь.

Лимос посмотрела на кинжал, который он засунул в песок:

— Ты опять это делаешь.

— Делаю что?

— Заставляешь меня взглянуть на вещи, о которых я даже не подозреваю.

— Знаешь, — он притянул ее ближе так, что ее голова лежала у него на груди. — Ты

просто врешь себе.

— Конечно вру, — тихо согласилась она. — Я делаю это по отношению ко всем, так почему бы мне не обманывать себя?

Она закрыла глаза и сделала глубокий, судорожный вдох. Затем в панике резко дернулась, когда в ярде от них открылся портал. Из него вышел Арес, весь в крови и с опухшим глазом, одна его рука была искалечена и висела сбоку.

— Мы все в порядке, — начал он до того, как Эрик или Лимос успели хоть что-то спросить. — Фантом забрал Танатоса в ЦБП. — Он посмотрел на Эрика, будто желая объясниться: — Он бы исцелился и без посторонней помощи, но повреждения были серьезными, а мы не можем позволить, чтобы Танатос на длительное время оставался уязвимым, — Арес присел возле нее и накрыл ее руку своей ладонью. — Ты сделала то, что должна была.

Она кивнула.

— Но почему Мор не умер?

— Не знаю, но эта неудача — просто катастрофа. Избавление был нашим единственным шансом остановить его. А ведь все становится только хуже.

— Как в принципе что-то может стать еще хуже? — спросил Эрик, и понял, что совсем не хочет узнать ответ на свой вопрос.

Арес стер струйку крови со щеки:

— Появился Хаос и пытался заразить Мора бешенством.

— Только не говори, что у него иммунитет к парализующей слюне адских псов, — простонала Лимос. — Только не это.

— Нет, иммунитета нет, но он стал почти невосприимчив к яду. Его парализовало только на пять секунд. Мор становится все сильнее, Лимос, и, могу поспорить, что совсем скоро укус адской гончей станет ему нипочем, — Арес выругался на шеулике, и Эрик понял каждое из грязных словечек. — Где, черт возьми, Ривер и Харвэстэр? Мы нуждаемся в них больше, чем когда бы то ни было, а они пропали без вести.

— Это все моя вина, — пробормотала она. — Моя. Может я не попала кинжалом в нужное место. Может...

Эрик сжал ее ладонь:

— Ты всадила нож ему прямо в сердце. Точнее попасть было невозможно. Это не твоя вина.

— Эрик прав.

Арес забрал клинок и спрятал его в своих доспехах.

— Я иду в ЦБП, — он кивнул Эрику. — Позаботься о ней.

— Конечно позабочусь, — ответил он.

Когда Арес ушел, Лимос взяла чашу, подвешенную на кожаном шнурке и надела на шею поверх своей Печати. Эрик поднял ее на руки и понес в дом, удивляясь, что она совсем не сопротивлялась.

И она была совсем не против, когда он раздел ее и засунул под горячий душ. Свою одежду Эрик оставил, боясь отрезать любые выступающие части тела, если коснется обманчиво безобидных, красивых жемчужин. А когда закончил водные процедуры, то уложил Лимос в кровать.

— Присоединишься? — спросила она, и да, это он и собирался сделать, предварительно приняв душ.

Эрик быстро помылся, и когда вышел из ванны, то нашел Лимос на террасе, одетую в розовый, теплый халат, с задумчивым видом смотрящую на темный океан.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Думаю.

— О чем?

Она посмотрела на звездное небо, и мерцание далеких огоньков отразилось в ее глазах.

— О тебе.

— О чем именно?

— Я многим тебе обязана, Эрик. Без тебя, мы бы никогда не нашли мой агимортус, — внезапно она оказалась в его объятьях, ее тело было настолько напряженным, что это рвало его сердце на части.

Ничто так не пробуждало в нем защитные инстинкты, как ее ранимость и незащитность.

Эта женщина была готова отправиться в ад ради него. Буквально. Она добровольно согласилась бросить все и присоединиться к своему супругу, стать навеки несчастной только, чтобы спасти его душу.

— Нет, — прохрипел он. — Это я тебе должен. То, что ты готова была ради меня сделать... думаю, это самый альтруистический поступок в истории.

Она горько засмеялась:

— Ты понятия не имеешь, насколько я эгоистична.

— Ты никогда меня не убедишь.

Они долго стояли вместе, теплый ночной ветерок кружил вокруг них. Странно было думать, что уже наступил декабрь и скоро Рождество. Эрик привык к снегу в эту пору года. От этих мыслей в его голове всплыли картины охотничьего домика, огня, уютно потрескивающего в камине, украшенной ёлки и обнаженной Лимос, лежащей на полу среди всего этого. Только в его фантазии, вместо жемчужного пояса верности, на ней был огромный красный бант.

Он должен найти способ воплотить это в реальность. Должен быть способ разорвать ее контракт и вместе с ним и эту чертову золотую цепь. Потому, что после всего, что произошло по его возвращению из ада, и особенно после сегодняшнего происшествия в пещере кристаллов, он не собирался ее отпускать.

— Эрик? — прижав голову к его груди, Лимос водила руками вдоль его спины. — Помнишь я говорила, что это моя вина, что кинжал Избавления не убил Мора?

— Это не было твоей виной.

Она немного отстранилась и посмотрела ему в лицо. Серебристое свечение луны отображалось в ее глазах, превращая их в лавандовые зеркала, покрытые морозными узорами. Они были неповторимы. Она была неповторима.

— Я должна рассказать тебе кое-что. Нечто такое, что я не могу открыть даже братьям, но, возможно, ты сможешь как-то помочь. ПС-Х или Эгида... Я не знаю. Потому, что я действительно считаю, что именно я виновата в том, что Искупление не сработало с Мором.

Эрик ненавидел то, что она винила себя, и хотя единственное, чего он сейчас хотел, это унести ее в спальню и заставить забыть все, кроме реакции ее тела на него, он чувствовал, что ей нужно открыться и выговориться.

— Продолжай.

— Помнишь, как Эгида утратила Избавление несколько сотен лет назад?

Он нахмурился, гадая к чему она клонит:

— Да... и они даже понятия не имели, как умудрились его потерять.

— Все потому, что они не теряли его. Я его украла.

Лимос ждала, что Эрик разозлиться. Испугается. Будет смотреть на нее с осуждением. Хоть как-тоотреагирует. Вместо этого, он просто наблюдал за ней. С невозмутимым спокойствием.

— Думаю, всему этому есть объяснение.

— Да, — ответила Лимос. — Но оно тебе вряд ли понравится.

— Давай проверим.

Почему-то, такая спокойная, невозмутимая реакция была хуже, нежели если бы он слетел с катушек. По крайней мере, тогда бы она не переживала, что он разозлиться. Ведь чем дольше он верил в нее, тем хуже могла стать его реакция, когда она его подведет.

Лимос могла прекратить все это немедленно, придумать какую-то фальшивую историю, но что, если она права, и кинжал Искупления не сработал из-за того, что она сделала давным-давно? Возможно, Эрик как-то поможет. Господи, она надеялась на это.

— Помнишь свое замечание о том, что иногда я становлюсь самоуничтожительной? — Что все еще раздражало. Может это и правда, но Лимос не нравилось, быть настолько открытой для кого-либо. Даже Эрик. — Ну, где-то во времена, когда тамплиеры впали в немилость, мир был в смятении. Всевозможные Крестовые Походы оставили Ближний Восток в кризисном состоянии, а в Европе, урожаи оказались неудачными, благодаря тому, что ученые сейчас называют, изменением климата. В 1300 году, люди начали голодать. — Не взирая на теплую погоду, Лимос вздрогнула от воспоминаний о том, насколько темными оказались те времена для всех, включая и ее саму.

— Я впала в саморазрушительную депрессию, и пределом моих мечтаний стало начало Апокалипсиса. — Среди людей начались разговоры, первые настоящие признаки страха со времен начала Христианства. С тех пор каждое поколение считает, что они возвещают конец дней, но знаешь, то действительно был первый раз столь массового консенсуса[26]? — Нет, конечно же, он не знал. Его там не было. Так странно было разговаривать с кем-то столь... молодым. — Так или иначе, я была исполнена энтузиазма, хотела, чтобы Апокалипсис наконец наступил и моим терзаниям пришел конец.

— И ты украла кинжал?

— Ага. Стащила его у тамплиеров. В "Демонике" говорится о том, что печать Ресефа сломается первой, и я подумала, если мне удастся заполучить клинок Избавления, то мне не придется волноваться на счет того, что Арес или Тан попытаются убить Мора. Поэтому я хранила его до 1317 года, пока Эгида, обвиняя в Великом Голоде[27], не призвали меня заклинанием.

Эрик нахмурился.

— Подожди... если они... мы... можем призывать вас, то почему Кинан использовал Ривера, чтобы связаться с вами несколько месяцев назад?

Лимос отвернулась и вцепилась в перила так сильно, что ногти оставили вмятины в древесине.

— Потому что, после того случая, я уничтожила все знания об ритуале вызова. — Она

покосилась на Эрика, но выражение его лица оставалось безучастным. — Видишь ли, они пленили меня, отравив ядом адских гончих, а у меня при себе был Избавление. Они забрали кинжал и целую неделю пытали меня ради информации. В конце концов меня нашел Ресеф. Он очень редко злился, но когда все-таки выходил из себя, очень небольшое могло его остановить. Он убил всех Хранителей в том месте, где они меня держали. А когда закончил, мне пришлось признаться, что я украла Избавление, и теперь, когда Эгида снова его вернула, я боялась, что они внесут это в свои записи.

И все же она соврала Ресефу о настоящей причине того, почему украла кинжал. Она сказала, что не верила в способность Эгиды обеспечить безопасность клинка, и Ресеф был настолько доверчив, что поверил в ее обеспокоенность и желание взять Избавление под свою охрану.

— И что же вы сделали?

— Мы отыскиали каждого эгидовца, который знал о моей причастности ко всему и... позаботились об их воспоминаниях.

Он напрягся, поскольку, черт, это была больная тема:

— Понимаю.

— На все ушло много времени, но с возможностью Ресефа проникать глубже в чью-либо память, чем у любого из нас, мы смогли повлиять практически на всех, кто был в этом замешан.

Проблема заключалась в том, что человек, который в конечном счете добрался до кинжала, пропал и припрятал ножичек с собой. Теперь мы знаем, что он изменил его предназначение, чтобы им можно было убить агимортус Ареса, чтобы спасти его.

— Почему именно Ареса?

— Он единственный из нас, агимортусом которого является человек.

Эрик кивнул:

— Хорошо, но какое все это имеет отношение к тому, что Мор не умер, когда ты попыталась заколоть его?

Душистый океанский бриз овеивал ее лицо, и Лимос воспользовалась мгновением, чтобы насладиться шепотом ветра, ласкающего лицо и играющего с волосами.

В Шеуле она прожила относительно недолгое время, но темный, замкнутый опыт врезался ей в душу, а каждый день, который она проводила, вот так в открытую, становился подарком, и именно так она к нему и относилась.

Наконец-то, Лимос снова повернулась к Эрику.

— Думаю, побочным эффектом стало то, что он оказался неспособным убить Всадника. Просто, я больше не вижу никакого объяснения, почему он не оказал на Мора никакого воздействия.

Лимос практически видела, как вращаются шестеренки в мозгу Эрика, пока он обдумывал все, что она ему рассказала. Его крепкое тело было невероятно красивым в лунном свете, и хотя она ощущала почти физическую боль от желания прикоснуться к нему, она понимала, что он находился в военном настроении, и старался найти какой-то выход.

— Откуда появились надписи на рукояти? — спросил Эрик. — Они всегда там были, или их добавили позже?

"Из смерти возникнет жизнь".

— Когда мы только выковали клинок Избавления, у Хранительницы, которая нам помогала заговорить его, возникло видение. Она увидела эти слова и настояла, чтобы они

обязательно были вырезаны на рукояти. Поэтому Танатос считает, что Мора можно излечить. Он думает, что может что-то сделать, чтобы это произошло, поскольку именно Избавление упоминается в его пророчестве.

Он склонил голову на бок и наблюдал за ней так долго, что она начала нервничать.

— Что? — наконец спросила она. — У меня еда засохла на лице, или что-то еще?

Эрик засмеялся, а потом посерьезнел:

— Я рад, что ты мне рассказала.

— Ты меня не ненавидишь?

Крохотное расстояние, разделяющее их мгновенно сократилось и он опустил голову, мягко касаясь ее губ своими.

— Вот тебе мой ответ, — сказал он, чем несказанно удивил ее. — Я думаю, тебе следовало обо всем рассказать братьям, но я могу понять, почему ты этого не сделала. Есть вещи, о которых не знает даже Руна.

— О чем именно?

Он медленно выдохнул:

— Например то, что я продал душу Погребальному Апостолу, чтобы спасти ей жизнь, — он зажмурился, но это действие не смогло скрыть от нее его боль. — Она столько перенесла, и во многом винила себя, пока Тень не избавил ее от этого чувства, — Эрик медленно открыл глаза. — Я не могу рассказать ей об этом. Она опять станет казнить себя.

— Как Тень убрал ее чувство вины? — Она бы, и сама не против использовать чуточку такой магии.

— Поверь мне, ты не захочешь это услышать, — скривился он. — Есть вещи, которые я не хочу знать о своей сестре.

— А. Ты про секс.

Хорошо, она уже перехотела использовать эту чудо-терапию. Только не с Тенью. Но вот если Эрик захочет с помощью секса избавить ее от вины, это уже будет совсем другой разговор.

— Что-то вроде этого.

Вроде этого? В ее словарном запасе не было такого понятия, как "слишком много информации", но Эрик, видимо, не хотел задумываться о некоторых эпизодах из жизни своей сестры.

— На счет Руны...

Она затронула тему, на которую не очень хотела говорить, но, впервые в жизни, она чувствовала, что сможет. Сможет рассказать о том, что натворила, не боясь, что ее возненавидят.

Реакция Эрика на правду о ее прошлом (хотя он не знал еще самого худшего) придала ей уверенности и желания облегчить совесть, и не важно, что только для него.

— На Шеулике нет такого понятия, как "извини", — начала она. — Так что я росла без него. Однажды, когда я пыталась подобрать правильные слова, того, кому я собиралась их сказать жестоко наказали. С тех пор мне трудно просить прощения, поэтому, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что мне действительно жаль, что стерла тебе память. Я не имела права этого делать.

— Да, не имела, — его голос звучал строго, но не озлобленно. — Но я понимаю, почему ты это сделала. Ты хотела меня защитить, так же, как и тогда, когда предложила выменять мою жизнь на свою свободу и отправиться к Сатане. — Его большая грудь вздымалась от

глубоких вдохов, когда он потянулся и погладил ее щеку. — Только пообещай, что не сделаешь этого снова.

Лимос улыбнулась, хотя ничего смешного во всем этом не было:

— Чего именно не сделаю?

— И того, и другого. Ублюдок тебя не получит, — зарывчав, он перестал ее поглаживать, и его рука сжалась в кулак, будто он готовился вступить в схватку с ее женихом. — Нет такого, чего нельзя изменить. Должен быть способ разорвать твой контракт.

Она фыркнула:

— Ну конечно. Ты можешь лишить меня девственности.

О, она говорила не серьезно, но лишь одна мысль об этом заставляла ее страстно желать этого. Лимос отчаянно хотела почувствовать Эрика на себе, занимающегося с ней любовью, как и должно быть между мужчиной и женщиной. Чувствовать его между своих бедер, ощущать сокращение его мышц, видеть, как его кожа покрывается испариной... Господи, она могла только представить, в какие дали он бы ее унес.

— Да, только вот в этой лазейке, освобождающей тебя от договора, есть одна чертовски неприятная загвоздка, — нахмурился он. — Подожди-ка, как ты говорила можно снять твой пояс верности?

— Никак. И некем, кроме моего мужа.

Эрик задумался над этим.

— Заклинание связывает пояс и контракт... какие точно слова там использованы? Там говорится "муж", или Сатана?

— Муж. — Хрипло выдохнула она. — Но контракт составила Харвэстэр. Она бы не оставила такую лазейку. — Лимос прошлась по всей длине террасы, ее голые ступни не издавали ни звука, хотя ум работал как старая пишущая машинка, в попытке разобраться в брачном контракте и неудаче с Избавлением. Она была уверена лишь в одном — ей нужна помощь. — Мне надо поговорить с Ривером.

— Ваши Наблюдатели часто исчезают?

— Иногда. Но когда мы по-настоящему в них нуждаемся, они приходят. Аресу и Тану не повезло, но я попытаюсь. — Она остановилась в дальнем конце террасы и закрыв глаза начала взывать к Риверу в своем уме.

"Ривер, наш Небесный Наблюдатель, мне требуется твое присутствие" Лимос повторяла официальные слова призыва, а потом добавила *"Тупа, сейчас"*. *"У нас проблемы, Риви-Виви"*.

Руки Эрика легли ей на плечи, и она позволила себе прислониться к нему. Он обнял ее за талию и стоял, крепко прижимая ее к себе, пока они любовались океаном, залитым лунным светом. Ее окружала его сила, она расслабляла, дарила покой и связь, которой она никогда раньше не имела.

Хоть он и был человеком, но Лимос еще не встречала ни одного бессмертного, обладающего такой же храбростью и негибаемостью. Все в нем делало ее сильнее, устойчивее. Будто она была крепким зданием, способным выдержать любые неприятности, а он был ее контрфорсом[28], поддерживающим несущие стены и усиливая их, не давая упасть.

— Вы красивая пара, — женский голос испугал их обоих, они развернулись, и Эрик закрыл Лимос своей спиной.

На террасе стояла ангельша, ее белые одеяния ярко сияли, словно пытаюсь отогнать

сумрак ночи.

— Гетель, — Лимос сразу же расслабилась рядом с Эриком, который оставался напряженным и готовым к схватке. Девушка взяла его за руку и слегка ее сжала: — Все хорошо. Она была нашим Наблюдателем до Ривера.

— Ривер — это причина, по которой я здесь, — начала Гетель. — Я слышала твой призыв, но, боюсь, он не появится.

— Где он?

Она отрицательно покачала головой:

— Это мне не ведомо. Он и Харвэстэр стали невидимы для наших глаз.

Ой, дело плохо. Если даже другие ангелы не знали, где Ривер, то это уже проблема.

— Они в опасности?

— Я могу лишь предположить, но, скорее всего, да.

— Кто бы осмелился... или смог... похитить их? И зачем?

— Мор? — спросил Эрик, но Гетель покачала головой.

— Убийство или лишение свободы Наблюдателя стало бы для Всадника величайшем нарушением правил, — она посмотрела на Лимос. — Зачем ты призывала Ривера?

Первым инстинктом было соврать. Но, вместо этого, она заставила себя сказать правду:

— Я вонзила Мору в сердце Избавление, но он не умер. Ты знаешь почему?

Глаза Гетель заблестели:

— Да. И ты также это знаешь.

Лимос замутило:

— Значит, все же, это моя вина.

Эрик обнял ее за плечи, поддерживая именно тогда, когда она в нем нуждалась.

— Почему ты ничего не сказала? Ты могла предупредить нас.

— Я не знала, пока ты не созналась в своем грехе Эрику, — она хлопнула крыльями так, как делала это, когда злилась. — Ты же знаешь, я люблю тебя, Лимос. Но ты сама навлекла это на себя.

— Эй, — голос Эрика прозвучал резко, словно удар хлыста, — она сожалеет о том, что сделала, и ей понадобилась большое мужество, чтобы во всем, признаться. Так что отвали, ангельша.

В небе сверкнула молния.

— Ты либо очень смелый, либо очень глупый.

Пальцы Эрика собственническим жестом впились Лимос в плечо, не причиняя боли, но отмечая ее, заявляя на нее права:

— Да, и кем же делает меня желание жениться на Всаднице?

Лимос повернула голову и уставилась на Эрика:

— Ты... серьезно.

Его глаза зажглись, будто из тлеющих угольков разгоралось пламя:

— Я же сказал, что не позволю ему тебя заполучить. Ты сама говорила, что на Шеулике в твоём контракте сказано "муж", а не "Сатана".

— Это потому, что существо, которого вы знаете, как Сатану, имеет много имен, — ответила Гетель. — Ели бы тогда использовали одно, действительность контракта могла бы быть оспорена в одной из религий.

— Значит... — Лимос облизала губы, которые пересохли точно так же, как и все во рту. — Если Эрик женится на мне, станет моим мужем, он сможет разорвать мой пояс

верности?

— Теоретически, — начала Гетель, — он может лишит тебя девственности и вырвать из лап Сатаны.

Сердце Лимос зажглось желанием, чтобы план Эрика сработал, и не только для того, чтобы она наконец освободилась от Сатаны. Эрик преподносил ей ее мечту на чертовски сексуальной тарелочке — брак, дети, секс. О Боже... секс! И кое-что еще. Нечто настолько бесценное, что она едва могла сдержать свой восторг — он предлагал ей того, кому она сможет довериться. Кому сможет рассказать всю правду. После того, как они поженятся, она больше никогда не станет ему врать.

— Только не отказывайся, Всадница, — заговорил он, и ей было смешно, что он до сих пор отказывался назвать ее по имени. — Возможно, это не самый типичный брак в истории, но если все сработает, демоны перестанут гоняться за мной в попытке выбить из меня твое имя, а тебя больше не будет связывать по рукам и ногам обещание стать женой Сатаны.

Она заметила, что он не упомянул во всем этом любовь, и, хотя ей не должно было быть больно, но все же было. Но и так хорошо. Даже если он никогда не полюбит ее, она будет любить за двоих.

— Да, — ответила она дрожащим голосом. — Мой ответ — да.

На ее плече, одна половина татуированных весов наклонилась сильнее, чем когда-либо. В сторону добра.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 23

Ривер все еще сопротивлялся. Харвэстэр наблюдала за ним из дверного проема, восхищаясь его упрямством и нестигаемостью. Он сидел, прислонившись к стене, подбрасывая и ловя мячик, который дал ему Вэйн.

Ривер не промолвил и слова с тех пор, как она заставила его выпить вина из костного мозга демонов Низул. Он просто играл с мячиком, так усердно сосредоточившись на нем, что она думала, маленький комоч непременно запыхает.

Ривер все так же оставался на чеку, его настороженность ничуть не уменьшилась, не смотря на плен, увечья и отравление.

Харвэстэр ничего не могла с собой поделаться и постоянно задавалась вопросом, что же случится, когда Ривер опять окажется на свободе. Останется ли он себе верен и будет так же спокоен, или обрушит всю свою сдерживаемую силу и разрушит все на своем пути.

Она ни на секунду не сомневалась, что станет его первой жертвой, и хоть она могла постоять за себя, все же чувствовала себя немного неуверенно.

Вэйн подошел к ней, его шаги были не громче шепота:

— У вас посетитель, — прохрипел он. Ему не нравились чужаки, хотя он, кажется, прикипел к Риверу. — Сказал, что вы его ожидаете.

Орфмейдж. Она прошла мимо Вэйна и встретила Гормеша в гостиной.

Он оторвался от созерцания настенной фрески Низул:

— Ты опоздала с первой оплатой.

— Она здесь, — Харвэстэр потянулась к глиняной бутылочке, стоявшей на полке

рядом. — Кровь ангела. Такая свежая, что еще не успела остыть.

Гормеш спрятал посудину между складками своего одеяния.

— Я хочу увидеть ангела, — он направился по коридору, но Харвэстэр преградила ему путь.

— Это не было частью сделки.

— Ты согласилась дать мне ангельской крови, — заостренные кончики ушей Орфмейджа показались из-под его белых, длинной до талии, волос и начали подергиваться от раздражения, — но не уточняла, каким способом она ко мне попадет. Я сам обескровлю его.

— Того, что в кувшине более, чем достаточно.

— Но она будет обладать лучшими свойствами, если взять ее непосредственно из источника.

— Нет, — крикнула она с таким чувством, будто испытывала невыносимую боль, которую без сомнения Гормеш мог причинить.

— Ты позволишь мне, — прошипел он уже без капли вежливости.

— Поцелуй меня в задницу. — Харвэстэр ощутила Вэйна за спиной, это успокаивало. Она могла практически чувствовать напряжение, которое бурлило в нем. Его желание защищать не было связано с любовью, а скорее с самосохранением. Он был привязан к ней, и если она умрет, он станет рабом её убийцы.

Орфмейдж был таким же жестоким хозяином, как и ученым.

Гормеш замер, оскаливаясь.

— Ты только что обзавелась врагом, который не был тебе нужен, Падшая.

— Добавлю тебя в список, — ответила она. — А теперь уходи.

— Ты все еще мне должна.

— И у меня есть год, чтобы заплатить. Так что, убирайся на хрен.

Его глаза замерли, и на мгновение ей показалось, что он собирается атаковать. Когда он развернулся и вылетел из дома, она с облегчением осела. В сражение она имела преимущество, но как маг, он мог припрятать несколько грязных приёмчиков в запасе, и победа не была бы легкой... и безболезненной.

— Вэйн, — попросила она тихо, — принеси мне бутылку вина из костного мозга демонов Низул.

— Для ангела.

— Нет, для меня.

Завтра ей придется разбираться с Ривером. Сегодня? Она попытается его забыть.

Смерть. Разрушение. Они впивались в Танатоса острыми, крючковатыми когтями.

Призрак исцелил его, но Тан сходил с ума от боли, и Фантому, Аресу и вампиру по имени Кон, пришлось его удерживать.

В бреду, он выпустил свои души, и если бы не экс-Ангел, по имени Идесс, которая могла общаться с ними, потери могли стать ошеломляющими.

Как только Тана исцелили, он к чертям убрался из Центральной Больницы Преисподней, его демоническая половина пребывала в смертельной ярости. Вместо этого, он отправился домой.

Там была Реган.

Хранительница бегала вокруг его поместья в обтягивающих леггинсах и обрезанной кофте, а ее плоский, рельефный живот, тугий зад и многочисленные сексуальные боевые шрамы чертовски его возбуждали.

Она захватила его библиотеку, все пространство было завалено ее аккуратными стопками заметок. И она бесилась, если он сдвигал их. Так, пару раз в день, Тан сбивал страницу или две из стопки. Ее злобные ругательства веселили Танатоса.

Хотя прямо сейчас ему было не до смеха.

Он вошел в большой зал. Его встретил Артур, выглядевший нехарактерно напряженным.

— Милорд, Это все эгидовка.

— Что эгидовка?

— Мертвый суккуб. Вы говорили, чтобы я им не препятствовал... — Вампир едва ли не заламывал руки, и да, он говорил, что суккубов можно пускать.

Мор так и продолжал посылать суккубов, чтобы соблазнить Тана, а тот не упускал возможности допросить их о передвижениях Мора, намерениях и местонахождении... а затем собственноручно их убивал. Но больше никому не позволялось убивать в его доме. Не в тот момент, когда смерть делала его сумасшедшим. Его дом — его крепость.

— Где она? — Он быстрым движением провел пальцами по горлу и избавился от доспехов, оставаясь в спортивных брюках и футболке.

— В спортивном зале, сэр.

Тан направился в спортзал, насилие все еще бурлило в его сознании. Прямо сейчас встреча с Реган была не самой умной идеей, но его мозги туго соображали, а логика напрочь отсутствовала.

Реган стояла на ковре и выполняла рутинные упражнения по боевым искусствам, отрабатывая удар на одном из тренировочных манекенов. Ее загорелая кожа, отмеченная шрамами на руках, животе и спине, блестела от пота.

Пахло кровью, что еще больше подрывало его и так слабый самоконтроль.

— Ты ранена? — Тан оказался на ковре, быстрее, чем сформулировал вопрос.

Она подпрыгнула, крутанулась и вместо того, чтобы врезать по голове, ударила манекен в грудь, отбрасывая его к беговой дорожке.

— Я ответила на твой вопрос?

Зарывав, он бросился на нее. И хотя она увернулась от него более грациозно, чем Танатос ожидал, он все же сумел ее поймать за руку и сбить с ног. И она снова его удивила, приземлившись на ноги и тут же прыгая для ответного удара с разворотом. Вот на этот раз он был готов, и уложил ее с помощью своего фирменного удара, поймав за колено. Реган жестко приземлилась на мат, и когда инстинкты Тана кричали убить, пока она лежит, заскрежетав зубами, он остался стоять, позволяя ей перекатиться и встать на ноги.

— И я рада тебя видеть, Всадник! — Она вытерла пот со лба рукой... с разбитыми в кровь костяшками. — Мы тренировались или ты в правду пытался меня убить?

— Сейчас, — прорычал он, — тот случай, когда тебе лучше бы исчезнуть с глаз моих и запереться в комнате. Но я хочу знать, что случилось с суккубом.

— Сучка испугалась, увидев меня. Сказала, что это её задание затащить тебя в постель. Понятия не имею, что чёрт возьми она имела ввиду, но она напала на меня и мне пришлось защищаться. Прости, я убила твою любовницу?

Он не обратил внимания на вопрос.

— Ты поранилась, сражаясь с ней?

— Это? — она подняла руку. — Да. — Потом эгидовка сделала самое худшее, что могла бы, кроме как раздеться догола. Она облизнула свои разбитые костяшки.

Его клыки удлинились, рот наполнился слюной, а кожа покрылась испариной. Черт. Тан сделал шаг назад.

— Убирайся вон! — Из-за темной жажды его голос стал другим.

— Танатос, что с тобой? — она подошла к нему, ее аромат окутал его. Дразнящий запах крови и женщины мучал его. По крайней мере желание убить отошло на второй план, уступая место вожделению и голоду.

Он тряхнул головой, не в состоянии говорить, чтобы она не увидела его клыки. Это был его позорный секрет, грязный инструмент, который, он легкомысленно использовал приходя в ярость на протяжении многих лет после своего проклятия, когда он был в бешенстве.

Когда Тан вышел из тех темных времен, он узнал, что вроде как является... прародителем расы, и это было тем, чем он точно не гордился. С тех пор, пока он хорошо питался от вампиров, которых держал здесь, в своем доме, проблем больше не было. Но в последнее время, Тан отвлекся, и между насилием, что творилось по всему миру и Реган, которая ужасно его возбуждала, он не питался нормально.

— Танатос?

Он отвернулся и наконец-то смог заговорить.

— Самое подходящее время, чтобы уйти.

— Либо?

Закрыв глаза, он вздохнул и его рот наполнился слюной. Она пахла как битва и смерть, как солнечный свет и мед, и его член напрягся.

— Или...

Он не помнил, как двигался. Пришел в себя, когда врезался в Реган, прижимая ее к стене и сливаясь с ней в поцелуе.

Она напряглась и не очень активно отвечала на поцелуи, но к запаху ее ярости примешивался аромат возбуждения, настолько же ярко выраженный и сильный, как и у него.

— Дочитала книгу? — спросил Танатос, сжимая ее грудь через ткань спортивного бюстгалтера. — И как, тебе понравилось?

Рука Реган опустилась и прижалась к его паху, и он подумал, что, скорее всего, ее ответ — да. Жгучее, сжигающее заживо желание нахлынуло на него, и его бедра непроизвольно теснее прижались к ее ладони.

Это было глупо, и намного опаснее игр, которым он предавался в прошлом. Рядом с ней, его самоконтроль был похож на натянутую струну, которая могла лопнуть в любой момент, учитывая состояние, в котором Тан пребывал.

Никакого проникновения. Только помни... без проникновения.

Борясь с завязками его спортивных штанов, Реган толкнула свой язык ему в рот и углубила поцелуй, беря инициативу в свои руки.

Она все еще сражалась, эта дерзкая эгидовка, и когда она укусила его за губу достаточно сильно, чтобы выступила кровь, он был готов принять ее вызов.

Тан опустил руку к ее талии и проник пальцами под резинку ее спортивных штанов, сжимая ее попку и теснее прижимая к своему телу.

Их стоны слились, и Тан ощутил, как его напряженный член прижимается к ее сердцевине.

Реган удалось просунуть руку ему в штаны, и при первом же прикосновении ее пальцев к головке члена, Тан чуть не взорвался. Ее теплая ладонь обхватила его член и начала поглаживать. Движения незамедлительно свели Тана с ума, и словно ее прикосновение было волшебным, превратило в податливый комок глины.

В обычных обстоятельствах, он бы сопротивлялся, не желая отказываться от контроля. На протяжении тысяч лет женщины-демоны пытались соблазнить его, и некоторые из них обладали соблазнительными дарами и трюками, из-за которых Тан все время должен был оставаться на стороже. Но, в отличие от демониц, которые пытались затащить его в постель, Реган пришла к нему не из-за этого, и оттого он чувствовал, что может позволить себе зайти чуть-чуть дальше обычного.

Обняв Реган за талию, он коленом раздвинул шире ей ноги, в тоже время усыпая поцелуями скулу.

В ее горле зародился сексуальный, урчащий звук, и он сомкнул губы вокруг этого места, позволив клыкам легко оцарапать кожу. Он не стал кусать. Не мог. Он не кусал человека более сотни лет, женщину — более пяти сотен, и не собирался снова садиться в этот поезд.

Отбросив такие мысли, Тан скользнул пальцем внутрь нее и застонал, ощутив шелковистую влажность. Реган изогнулась и сжала напряженный член так, что Тан почти потерял контроль. Решительные движения Реган доставляли небесное наслаждение, и через несколько секунд, Тан начал раскачиваться в ее захвате.

Его рука была покрыта ее соками. Реган качнулась и вздрогнула, когда он добавил второй палец в ее тугое лоно. Проклятие, как хорошо она ощущалась бы вокруг его члена, и Тан представил, что они лежат на матрасе, а не обмениваются быстрыми ласками возле стены.

Его рука скрывалась под тканью ее нижнего белья и спортивных штанов, и зарывав, он сорвал атласные трусики, оставив на ее бедрах лишь свободные штаны.

Тан предполагал, что сможет с этим справиться. Хотя бы потому, что она тяжело дышала, насаживаясь на его руку, и он был тут с ней, ходил по тонкой грани между наслаждением и неудовлетворенностью.

Все что требовалось, чтобы толкнуть его за край — ее пальчик на головке члена... о-о, да. Реган прочла его мысли. Легкое движение воспламенило Тана, и в то же время раздались крики Реган, а запах ее страсти затуманил его мозг.

Оргазм обрушился на Тана, и качаясь на волнах удовольствия он продолжал ласкать Реган, пока она снова не кончила, как и он.

Его яйца запульсировали, и он покачивая бедрами, выпустил еще один горячий поток. *Так... хорошо. Так... чертовски... хорошо...*

Снаружи, обрушившийся на окна ветер, снова вернул Тана к реальности, когда страсть пошла на убыль. Ноги казались ватными, и он подумал, что единственное, что удерживало его возле стены — руки Реган на его талии.

Тяжелое дыхание было единственным звуком в комнате, пока она не прикусила мочку уха Тана и не прошептала:

— Пойдем в спальню и закончим это.

Закончим? Его член снова ожил, приняв ее слова близко к сердцу. Поток восхищения ее выносливостью обрушился на Тана, но то же сделала и горечь, которой Реган не заслуживала, но тем не менее, будет нести всю ее тяжесть.

Тан отвернулся от нее и подтянул брюки.

— Мы закончили, — хрипло ответил он.

В глазах Реган мелькнуло смущение, когда она неловко поправила свой костюм и вытерла руки о полотенце.

— Я не понимаю.

— Позволь мне объяснить. — Он взглянул ей в лицо, собираясь говорить просто и понятно. — Это было ошибкой. Такое не повторится. Я не доступен, Реган. Мы вместе работаем, но знай, я считаю дни пока ты не исчезнешь из моего дома и из моей жизни.

Он закрылся от боли на ее лице, повернулся на пятках и вышел из спортзала.

Переводчики: silvermoon, Yogik, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 24

Арес проще воспринял новость о свадьбе, нежели Танатос. Арес просто смотрел на них задумчиво, лежа на диване с Карой и новорожденным щенком адского пса, а малыш Рамрил скакал около их ног, пытаясь взобраться на лежащего рядом адского пса.

Эрик много странных вещей повидал в своей жизни, но эта сцена домашнего уюта, включающая демонских козлят и адских псов — это просто пиздец, с большой буквы "П".

Также тревогу вызывали тени, замерцавшие вокруг Танатоса, и то как он смотрел на них в момент, когда Эрик и Лимос сообщали ему эту новость.

Эрик надеялся, что парень все еще в Центральной Больнице Преисподней, и они смогут поговорить с более уравновешенным Аресом наедине, но не тут-то было. Танатос исцелился после попытки Мора сделать ему лоботомию, и был таким же мудаком, как и всегда.

— Пожениться, — его руки сжались и разжались, и Эрик был абсолютно уверен, что в тот момент Танатос представлял, как сжимает его шею. — Лимос, ты хоть понимаешь, что разрывая контракт с Сатаной, ты посылаешь на фиг единственного в подземном мире, кто может лишить тебя свободы и даже уничтожить?

— Он не сделает этого, — ответила она, взяв Эрика за руку, сидя на диване напротив Ареса и Кары. — Сатана ничего так не желает, как увидеть ад на земле, и, уничтожив меня, он изменит многие апокалиптические пророчества. Пророчества, которые делают из нас его чемпионов во время Армагеддона.

— Хороший план, — сказал Арес, и Эрик задержал дыхание, в ожидании реакции Тана. По пути сюда Лимос сказала, что как правило, если Арес видит значимость стратегии, Тан ему не противоречит.

К счастью она оказалась права, и тени окружавшие Тана растаяли. Но, голос его все еще был резким, когда он говорил.

— Как вы собираетесь осуществить это? Пункт твоего контракта гласит, что: «Дочь Лилит выйдет замуж только благодаря крови "Больше не ангела"». Что это значит?

Лимос, в коротком, кокетливом оранжево-фиолетовом сарафане, прижалась спиной к Эрику, было уютно, и, черт, так хорошо. Так правильно.

— Я спрашивала Гетель об этом. Она сказала, что это часть свадебной церемонии ангелов. И "Больше не ангел" может соединить нас его или ее кровью. Можно мне маргариту?

Арес раздраженно вздохнул.

— Я плохо делаю маргариту. И как я предполагаю "Больше не ангел" — это падший ангел? — Он обнял Кару, прижавшуюся к его груди. — И где ты собралась найти одного из них? Ни один Настоящий Падший не рискнет послать Сатану, выдав замуж его невесту за кого-то другого, и Мор убил всех Падших пару месяцев назад.

Лимос погладила затянутое в джинсы бедро Эрика, Танатос уставился на них, и глаза его вспыхнули золотом. Из-за нее, он его точно утопит.

— С этим разберется Эрик.

Все взгляды переключились на Эрика.

— В договоре говорится "Больше не ангел", — начал он, — Что если имеется в виду не Падший ангел? Что если именно так, как там оговаривается?

— Что на счет кого-то, кто считался ангелом? — Голос Тана звучал скептически. — Я никогда не слышал о ком-либо разжалованном без падения.

Ха. Сукин сын. Эрик уделал Мистера-Пятидесятитысячелетнего-Всадника.

— Я знаю. Одна из моих родственниц, Идесс. Ты должен был ее видеть в больнице. Она была Мемитимом, одним из видов ангелов-хранителей, и она оставила свои крылья, чтобы быть с братом Син, Лором.

— Интересно, — пробормотал Арес. — Это может сработать. Вряд ли от этого кто-то пострадает.

Эрик не стал развивать эту тему и обсуждать, как именно, и кто может пострадать. Если церемония бракосочетания не разорвет контракта Лимос, и Эрик попытается снять ее пояс верности, то боль будет неописуемой.

Но, если все сработает... он чуть не застонал вслух от видения, возникшего в его голове. Он никогда не думал, что обзаведется женой. Не с его работой, которая не давала возможности даже просто встречаться с девушками, и уж точно не тогда, когда единственным примером брачных уз для него была жизнь родителей, что совсем отбило у него желание идти под венец.

Он немного изменил свое мнение после того, как увидел, какой счастливой была его сестра вместе с Тенью. Да и Кинан, казалось, совсем не страдал от брака.

Может он и хотел, чтобы их союз с Лимос произошел по-другому, но эта девушка стала настолько же важной для него, как и Руна. И женитьба на ней была больше, чем способом избавления: её — от судьбы, хуже смерти, а его — от демонов, что хотели замучить его пытками.

Это должно было стать союзом, где отдаёшься друг другу без остатка, и раньше Эрик был не способен на такой шаг.

Он всегда что-то скрывал от женщин — прошлое, свою работу, даже характер. Все это сказывалось на отношениях, ведь он не позволял себе привязаться к кому-либо.

Лимос знала о нём всё, она была ему ровней, и к ней он несомненно прикипел.

— Что на счет Мора? — спросил Тан. — Остальные демоны могут отступить, если Сатане больше не нужно, чтобы ты произнес имя Лимос, но наш брат владеет твоей душой. Больше всего он желает твоей смерти, просто чтобы заставить Лимос страдать.

— Это риск, на который я готов пойти. — Эрик спокойно встретил холодный взгляд Тана. Эрик не собирался отступать. — Я предан твоей сестре и дал ей слово. С Мором я разберусь, когда придет время.

Тан долгое время смотрел на него, потом наконец кивнул, и Эрик почувствовал, что прошел какую-то проверку.

— Так где же мы устроим эту вечеринку?

— Греция прекрасна в это время года, — сказала Кара, поглаживая рукой съезжившийся мячик черного меха рядом с собой.

Лимос закинула свои обнаженные ноги на колени Эрика.

— Да. Но имение Тана больше, а я хочу огромную свадьбу.

Демон-козленок скользнул под длинное до пят пальто Танатоса и попытался взобраться по его ноге. Улыбаясь, он схватил его и стал щекотать его под подбородком.

— Я бы воспринимал тебя как девушку, выскочившую замуж по залету.

— Очень смешно, Тан, — пробормотала Лимос. — Ты всегда напомним, что я за девушка, и да, я хочу все: платье, торт и церемонию. Но мы должны повернуть все это быстро, особенно теперь, когда все хотят, чтобы Эрик умер. А также, — сказала она, — сейчас Рождество, и имение Тана как Зимняя Страна Чудес.

Эрик поднял бровь.

— Ребята, вы празднуете Рождество?

— Не как религиозный праздник, — каким-то образом, Лимос умудрилась взобраться Эрику на колени так, что он не заметил, и теперь повернулась и обняла его за шею. — Но да. Подарки и вечеринки и красивые украшения... люблю это. — Эрику нравилось, как хорошо она соответствовала ему. — Ресеф тоже его любил. Это был его любимый человеческий праздник.

— Неа, — встрял Арес. — Он больше любил Хэллоуин. Он жил, чтобы пугать людей до усрачки.

Тан тряхнул головой.

— Канун Нового года. Он планировал стратегию своей вечеринки за несколько месяцев наперед, так чтобы он смог попасть в большой город каждого временного пояса и встретить десятки новогодних праздников в одну ночь.

Всадники обменивались историями о выходках Ресефа, и за несколько непринужденных минут, Эрик понял каково им было до того, как Печать их брата сломалась. И впервые он увидел, сколько они потеряли.

В конце концов наступила неловкая тишина, и Хэл, адская гончая на полу, взвыл, словно почувствовал напряжение. Наконец, Арес прочистил горло и вернул всех к обсуждаемой теме.

— Я даже не знаю, как планируют большие свадьбы, — проворчал он. — У нас был простой пляж и Тан с Лимос.

Кара улыбнулась.

— Мы с Лимос справимся. Ты пойдешь со мной, и мы тебя подготовим. — Она погладила Ареса по груди. — Зови своих приятелей из ЦБП, и я гарантирую, что их жены помогут.

— Они мне не приятели, — вздохнул он, но Кара не обратила на него внимания.

Она схватила Лимос за руку и подняла на ноги.

— Пошли, Ли. К концу дня мы устроим свадьбу.

Переводчики: silvermoon, Yogik, navaprecious

Редактор: natali1875

— Эрик, ты рехнулся?

Эрик улыбнулся своей сестре, пока она осматривала имение Тана. Слуги всех Всадников готовы были расшибиться в лепёшку, бегали и мельтешили, чтобы все успеть и устроить грандиозный праздник.

— Возможно, — сказал он, и, черт, скорее всего, это было правдой. Но что точно было правдой, так это возникшее напряжение между ним и Руной, невысказанные жалобы о том, что он не отвечал на её звонки.

— Я просто не могу понять, — Руна потёрла руки через тёплый бежевый свитер из ангоры. — Из-за Лимос ты попал в Ад, а теперь хочешь на ней жениться?

— Я не попадал туда из-за неё, это было недоразумение.

Руна наградила его взглядом, который обычно посылала одному из своих детей-тройняшек, когда те плохо себя вели.

— Недоразумение, это когда муж забыл записать твоё любимое ТВ-шоу, потому, что вместо того, чтобы внимательно слушать свою жену он смотрел футбол, — она сердито посмотрела на Тень, который ответил ей глупой улыбкой, пока расставлял скамейки. — Недоразумение — это не тот случай, когда оказываешься в Аду на целый месяц.

— Это в прошлом, — ответил он. — Этот брак — единственный способ спасти её.

И если всё сработает, то и его тоже.

— Так это брак по расчёту? Ты её не любишь? — слова Руны звучал почти что облегчённо, и он не знал, как ему стоит ответить ей.

Он влюбился в Лимос, но не мог признаться в этом во всеуслышание. Пока нет. Когда он решится, то скажет эти слова Лимос.

Хоть Эрик и не думал, что когда-либо женится, но сейчас, приняв решение, он подошел к нему со всей серьёзностью, и его жена станет ему партнером во всех смыслах.

Ей первой он будет сообщать важные вести, такие как его чувства к ней.

— Она спасла мне жизнь, — ушел от прямого ответа Эрик. — Она была готова принести себя в жертву ради меня, и теперь я могу сделать то же самое для неё. Я хочу этого, Руна.

Его сестра сделала глубокий, долгий вдох, а потом посмотрела на него:

— Тогда хорошо, — она крепко обняла своего брата. — Я рада за тебя.

Обняв Руна в ответ, он поцеловал её макушку:

— Я подумал, брак тебе не навредил, так что, наверное, и для меня есть надежда.

Девушка отстранилась и посмотрела на него.

— Ого, впервые слышу от тебя, будто ты одобряешь наш с Тенью союз.

Эрик фыркнул:

— Мне всё ещё не нравится этот ублюдок, но я не дурак. С ним ты счастлива и, кроме того, я больше никому не доверю твою безопасность.

— Как насчёт тебя? — голос Руны посерьёзnel и стал ниже. — Ты будешь в безопасности? Или этот брак станет для тебя угрозой? Если её печать сломается...

— Если её Печать сломается, то мы все окажемся в полном дерьме, — улыбнулся Эрик, пытаясь немного успокоить свою сестру. — Лимос нашла свой агимортус, и она постоянно носит его на себе, пока мы не найдём надёжное место, чтобы его спрятать, и где он останется в безопасности навечно.

Само собой разумеется, этот вопрос стал камнем преткновения между Всадниками, ПС-

Х и Эгидой. Они все провели телеконференцию час назад, чтобы обсудить оптимальный план действий, и, конечно же, каждая сторона думала, что именно она лучше всех сможет охранять маленькую чашу Лимос.

— А как насчёт Мора? — спросила Руна. — Он её брат, что если он решит сделать ей больно, навредив тебе?

— Прекрати, — мягко приказал Эрик. — Всё будет хорошо.

Он надеялся, что его слова прозвучали более уверенно, чем он сам себя чувствовал. Руна не знала, что ублюдок завладел его душой, и если он продолжит в том же духе, то никогда и не узнает.

Она была достаточно сильна духом, чтобы с этим справиться, он никогда не сомневался в её силе. Но если Руна узнает, то никогда не перестанет переживать, а после всего, через что она прошла, его сестра заслуживала жизни, без всей той грязи, которая наполняла его существование.

— А как ты сам? В порядке?

Ей не нужно было объяснять, что она имела ввиду. Руна спрашивала, повлияло ли на него в этот раз пребывание в Аду.

— Я в порядке. — Увидев её скептический взгляд, Эрик закатил глаза: — Правда. Я знаю, что должен валяться на полу сплошным слюнявым месивом, но, наверное, тот демон-Семинус, что лечил меня, подштопал также и мою голову.

Мимо прошел вампир, его руки были заняты коробкой с шампанским Дом Периньон. Чёрт, Всадники ничего не делают вполсилы.

— Эй, ээ...

— Не надо, — Руна сделала шаг назад. — Не порть момент разговорами о прошлом.

Вообще-то Эрик и не собирался, но то, что он хотел сказать, было с этим связано. Он сглотнул, его горло внезапно пересохло.

— Я лишь хотел, чтобы ты знала — мне жаль, что избегал тебя ранее. То, что я с тобой сделал...

— Это не твоя вина. Перестань, хорошо? И не проси прощения, поскольку мне нечего прощать.

— Ты уверена? — Эрик огляделся вокруг — он делал это, наверное, уже сотню раз, с тех пор, как прибыл — чтобы убедиться, что подмечает всех входящих и покидающих здание. Солдат может покинуть поле боя, но осторожность всегда остается при нём. А в их случае, битва всё ещё продолжалась. — Твои кошмары вернулись?

Её мучили ужасные сновидения об их детстве и той роли, которую Руна сыграла в смерти матери. Раскаяние годами съедало её заживо. Пока Тень не освободил его сестру от этого.

В глазах Руны промелькнуло сожаление, отвечая на его вопрос.

— Только на одну ночь. Тень всё прекратил, — её губы изогнулись в лукавой улыбке. — И поверь мне, это не было ужасно.

Эрик поднял руку, останавливая её.

— Понятно, этого достаточно. Слишком много информации, я совсем не хочу знать больше.

— Фуу. Я тоже не хочу, — она посмотрела на Тень, шагающего к ним, и выглядела совсем как Терминатор в своей кожаной куртке, солнцезащитных очках и сапогах, которые стучали каблуками, словно выстрелы, по каменному полу. — Он отведёт меня к Лимос, чтобы мы

могли заняться девичьими делами и подготовить её. Я вернусь к церемонии, хорошо?

Эрик снова обнял Руну.

— Спасибо тебе за всё.

— Нет, — сказала она мягко. — Спасибо тебе. Пока я не встретила Тень, ты был единственным человеком, на которого я могла положиться, и кто был полностью честен со мной. Ты доверил мне свои секреты, и никогда не сомневался во мне, даже когда я сама в себе была не уверена. Без тебя, я бы ни за что не научилась верить мужчинам. Так что, благодаря тебе я счастлива.

Тень подошел к Руне и протянул руку Эрику, которую тот в ответ пожал, это случилось впервые, когда они обменялись рукопожатием.

— Удачи, мужик! — сказал Тень. — Ты женишься на Лимос, а в придачу получишь всю чертову семейку, — голос Тени стал тише. — Никогда не забывай, как много для нее значат ее братья. Судя по моему опыту, я могу тебе точно сказать, она тебе напомнит, если ты забудешь

Улыбаясь, Руна обняла Тень за талию.

— Люблю тебя, братишка.

— И я тебя, — прохрипел Эрик.

Руна ушла с Тенью, оставив Эрика разбираться со своим внутренним конфликтом, который он же и создал. Потому что, благодаря ему, Руна знала, что не все мужчины лгуны, обманщики, оскорбляющие всех отморозки. Великолепно. Потрясающе. Он заслужил проклятую медаль.

Но он ей врал, и не имеет значения, сколько раз говорил себе, что секреты, которые он скрывает от нее, просто недомолвка, не ложь, что это все ради ее блага. Он вдруг засомневался в своих убеждениях.

Лимос действительно обожала Кару. Она и раньше общалась с людьми, но проведя день с ней, поняла, какая та в действительности особенная женщина.

Они быстренько устроили себе шоп-тур в Нью Йорке, где Лимос купила свадебное платье, туфли, украшения и косметику.

И в течение всей поездки, Кара успевала писать смски и звонить стольким людям, что Лимос со счета сбилась, но она слышала постоянно звучащие имена Син, Тэйла, Кар, Руна, Серена, Джем и Идесс,

Потом, через некоторое время, они вернулись в имение Ареса, чтобы привести Лимос в порядок, Руна и Идесс были там, и Кара ушла вместе с Аресом, чтобы сделать что-то у Тана дома.

Это была первая встреча Лимос с Идесс, и она была поражена, увидев миленькую статную брюнетку. Нет, конечно, она не ожидала увидеть сучку или кого-то в этом роде, но в ее представлении ангелы, потерявшие свои крылья, должны были быть озлобленными.

Говоря о злости, Хайвестер так и не объявилась, как и Ривер.

Лимос не могла позволить, чтобы исчезновение этих двух, испортили её вечер, но она хотела, чтобы Ривер был с ней здесь. Он не долго был их наблюдателем, но она постоянно с ним общалась.

Он не был таким как другие ангелы, скучные, формальные задницы. Ривер же был...

прикольным... Кажется, что пока он был падшим ангелом-парамедиком и вел разгульную жизнь, ему сделали промывание мозгов.

— Итак, ты действительно не против провести церемонию бракосочетания? — спросила Ли бывшую ангельшу, пока они стояли в спальне Кары. — Ты многим рискуешь.

Идесс попробовала достаточно ли нагрелся утюжок, которым она собиралась распрямлять волосы Лимос.

— Как я понимаю, если я её не проведу — то риск станет ещё большим. Мир не может позволить тебе соединиться с величайшим, когда-либо существовавшим злом, — она пожала плечами. — И кроме того, Эрик — брат Руны, а я готова сделать всё ради семьи. Я многим обязана братьям-Семинасам.

— Отец Идесс также очень могущественен и лишь немногие станут с ним связываться, — Руна повернула Лимос, чтобы застегнуть пуговицы на спине.

Лимос подняла голову, оторвавшись от созерцания великолепной бисерной вышивки, украшающей перед её длинного платья:

— И кто он?

Идесс широко улыбнулась, выравнивая прядь её волос.

— Азагот.

— Жнец? — Лимос надеялась, что её голос не звучал таким сдавленным, каким он ей показался. — Он твой отец?

— Ага.

Лимос и Идесс могли быть сводными сестрами. Сейчас, наверное, не лучшее время, чтобы упоминать об этом, и по правде говоря, пока Мор больше не станет угрозой — лучше было держать всех, кого он мог обидеть, подальше от его знания.

Если он узнает, что у него есть еще одна сестра, то Лимос не стала бы спорить, что он не станет пытаться Идесс просто ради веселья.

— Ладно, — ответила Лимос, желая сменить тему. — Так ты крутая, — в животе ее затрепетало, когда подошла Руна и одела ей на ноги белые атласные туфли на высоком каблуке. — А ты, Руна?

— Эрик заслуживает счастья. — Три слова, но Руна сказала их все. Она могла не одобрять, но принимала желания своего брата.

— Он заслуживает это. Я раньше не встречала таких мужчин как он, — сказала Лимос тихо. — Эрик... благодаря ему, я стремлюсь стать лучше. — Говоря Эрику правду, она чувствовала себя лучше, нежели, когда лгала. — У меня глаза на мокром месте. Это так глупо, не правда ли?

— Это твоя свадьба. Слезы уместны. — Улыбка Руны напомнила Лимос Эрика. Цвет волос у них был разный, но рот, разрез глаз и точные, обдуманые движения были одинаковыми.

— Можно мне задать тебе вопрос? — спросила Лимос, в ответ Руна пожала плечами. — Не хочу выглядеть грубой, но... кто ты?

Руна посмотрела на нее, приподняв бровь.

— Тебе не дает покоя мой варг, появившийся среди бела дня? — Когда Лимос кивнула, Руна продолжила. — Меня укусил оборотень и оставил умирать. Эрик нашел меня и отвез в Полк Смотрителей-Х, где на мне испытывали все возможные варианты лечения. Ничего не помогло, но теперь я могу оборачиваться в любое время, не только в полнолуние. А теперь хватит разговоров о монстрах. — Она достала маленькую коробку для украшений, открыла

ее, и достала пару прекрасных серег со сверкающими топазами. — Что-то одолженное и синее.

Идесс вручила Лимос белую подвязку.

— Что-то новое. И держи кое-что старинное. — Она порылась в небольшой атласной сумочке и достала тонкий браслет, сделанный из бисера цвета слоновой кости. — Это тебе от пары Фантома и Серены. Она охотница за сокровищами, и отыскала эту штучку в честно добытом пиратском сундуке. Легенда гласит, что он принадлежал Элеоноре Аквитанской. И она одевала его на венчание со своим первым мужем, Королем Людовиком VII.

— О-о... ты ведь знаешь, что тот брак плохо кончился, верно? — Спросила Лимос.

Идесс пожала плечами.

— Ну, она не одела его на свою вторую свадьбу, и это несколько не изменило все в лучшую сторону.

— Хороший довод. — Лимос одела браслет, подвязку и вставила в мочки ушей серьги. Когда все было закончено, она посмотрела на себя в зеркало впервые с того момента, как женщины занялись ее прической и макияжем.

Она чуть не упала в обморок.

— С тобой все хорошо? — спросила Руна.

Глаза Лимос жгло.

— Я... Я...

— Такая красива, — закончила Идесс.

— Да, — Голос Лимос опустился почти до шепота.

Человеческие девушки по всему миру мечтают о своих свадьбах, годами прокручивают подробности в своих головах. Но Лимос веками фантазировала, что бы она сделала, если бы была обычной женщиной, ее идеи постоянно менялись. Теперь это свершилось.

Она ощущала себя красивой, женственной, самой счастливой в мире.

У Руны зазвонил телефон, ответив, она повернулась к Лимос.

— Это Тень. Он сказал, что все готово. Нас будут ждать снаружи, там, где ты обычно открываешь портал.

Лимос повела всех на улицу, даже не смотря на дрожь в руках, она открыла портал, и вместе с Руной и Идесс прошла сквозь него, в заснеженный двор прямо перед входом.

Кто-то поставил шатер и постелил красную ковровую дорожку, вдоль которой мерцали свечи, освещая путь к двери.

— Ах! — воскликнула она. — Это удивительно! — Танатос и Арес подошли к ним, оба были одеты в смокинги и оба ухмылялись как дураки.

— Мы будем в доме, — сказала Руна. — Удачи.

Женщины направились внутрь, когда братья Лимос остановились перед ней.

— Никогда не видел ничего столь прекрасного, — сказал Тан, опускаясь на одно колено, чтобы поцеловать ей руку. Он всегда придерживался всех формальностей.

Арес склонился и поцеловал ее в щеку.

— Ты восхитительна.

Лимос пришлось подавить рыдания.

— Спасибо. — Она прочистила горло от хрипотцы. — Кто будет меня сопровождать?

— Мы оба. — Они протянули руки, Лимос приняла их и встала между братьями, вместе они направились к входу в имение Тана.

Когда они вошли, она на мгновение остановилась от страха. Главный зал превратился в

настоящую Зимнюю Страну Чудес. Пол был усыпан искусственным снегом и блестками.

Зал был украшен сверкающими рождественскими елками, а огромные букеты из пуансеттии, с серебристыми и белыми цветами, и сияющего перекати-поле украшали столы, которые ломились от угощений.

Фонтан из шампанского журчал около дальней стены, в очаге горел огонь, его пламя переливалось от обычного оранжевого до синего, зеленого и пурпурного.

На импровизированной сцене в центре комнаты стояли Эрик и Идесс. Взгляды Эрика и Лимос встретились и ее сердце затрепетало.

Он был одет в официальную военную форму, которая великолепно подчёркивала его широкие плечи, мускулистую грудь и узкую талию. На бедре у него была прикреплена церемониальная кобура, но Лимос сомневалась, было ли что-нибудь церемониального в пистолете, скрывающемся в ней. Длинные ноги его были слегка расставлены, а руки заложены за спину.

Эрик пристально смотрел на Лимос. Голод сверкал в глубине его карих глаз, от чего у нее перехватило дыхание. Она всегда считала его привлекательным, всегда видела в нем солдата. Но именно сейчас, когда он смотрел на нее, идущую к нему, Лимос увидела все его достоинства: доблестного солдата, сильного война, неистового любовника, великолепного мужчину, от которого замирало сердце.

— Ты уверена в этом? — Прошептал ей на ухо Танатос, а Эрик, словно услышал, медленно кивнул.

Если раньше и были какие-то сомнения, то теперь они исчезли.

— Да, — прошептала она в ответ. — Никогда и ни в чем не была так уверена.

Переводчики: Yogik, navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 26

Реган ненавидела свадьбы. Терпеть их не могла. Не только скучное сидение на церемонии, она не понимала смысла траты стольких денег, причём на других людей, когда лучше было бы потратить на покупку дома или на медовый месяц. Почему нужно начинать брак с долгов?

Особенно когда большинство свадеб заканчивались разводом. По крайней мере потратить деньги на медовый месяц, чтобы провести несколько дней в месте, которое вам возможно понравится, с козлом, с которым вы в итоге разведетесь.

Люди бы назвали ее циничной, пессимисткой. Но это было не так. Она была реалисткой.

Но в этом конкретном случае мероприятие не слишком уж и планировали, к тому же, Всадники могли позволить себе бросать деньги на ветер, учитывая их состояние. Да и Реган никто не говорил, что нужно приодеться. А что еще лучше, это не было обыкновенной свадебной церемонией. А больше похоже на огромную вечеринку, с различными сверхъестественными существами в качестве гостей.

Главный зал переменялся до неузнаваемости. Освещённый тысячью зажженных свечей и украшенный рождественскими елками, с которых свисали гирлянды и различная мишура, с разбросанным по столам и полкам конфетти, он стал сказочной фантазией, воплощённой в

реальность. На кухне вампиры Танатоса вместе со слугами Лимос и Ареса готовили различные закуски для вечеринки, что грозила перерасти в целый пир, посвященный еде и выпивке.

Это если предположить, что церемония пройдет без сучка и задоринки.

И хотя предсвадебная суета, в основном, подняла всем настроение, всё же чувствовалось некое волнение, достаточное, чтобы Син и Лор использовали свои связи и наняли несколько наёмников — убийц для охраны, а Кара предоставила несколько адских псов для патрулирования периметра снаружи. Только один находился внутри — вислоухий, вечно пускающий слюни, щенок по кличке Хэл, который был ещё более неуклюжим, чем пьяный трёхногий лось. Вообще-то, он и вправду мог быть немного подвыпившим — Реган дважды застучала его у фонтана с шампанским.

Ну и, конечно же, Танатос — трезвый, как стёклышко. Мужчина являл собой просто образец грации и выдержки, находясь возле возвышения, где Эрик и Лимос давали свои обеты. Его шелковистые светлые волосы обрамляли лицо с резкими чертами, а косички на висках добавляли его красоте немного дикости.

Ткань чёрного смокинга натянулась на широких плечах и так чётко обрисовывала мускулистые бедра и задницу, что было очевидно — одежду ему шили под заказ.

И к такому великолепному костюму... он надел военные ботинки. Если бы на его месте стоял кто-то другой, она бы предположила, что тот просто забыл переобуться. Но не Танатос, только не он. Он был слишком внимательным к деталям, и придирчивым сверх меры.

Этот мужчина перед церемонией часами бродил по имению, как тигр, патрулирующий свою территорию, дважды проверяя все закоулки и тёмные углы, осматривая оружие охранников, и, кроме всего прочего, нервируя Реган.

Как, чёрт возьми, она должна была соблазнить парня, если он обходил её стороной, после инцидента в спортзале, будто она наградила его каким-то заболеванием.

О, она ловила взгляды Танатоса, когда обжигающее пламя в его глазах заставляло её кожу пылать, а в следующее мгновение возвращалось ледяное безразличие, и он, приняв высокомерный вид, отворачивался от неё.

Мужчина был той ещё головоломкой. Опасным, сексуальным ребусом. Недавно она застучала его с книгой у костра, нежно перебирающим страницы, будто лаская кожу любовницы.

В следующий раз, когда она его увидела, он был в доспехах и весь покрыт кровью, и даже воздух вокруг него потрескивал, как перед приближающейся бурей. Он не разговаривал с ней, редко добровольно делился информацией, и его чувство юмора было... довольно-таки странным.

Да, Реган страдала неврозом навязчивых состояний, и имела склонность аккуратно складывать в стопки, состоящие из двенадцати листов, все свои записи, которые делала в библиотеке Тана.

Но видимо Тан получал удовольствие, перемещая отдельные листы из одной пачки в другую, только чтобы ее позлить. И она знала, что это он, потому что вампиры отказывались трогать ее работу, но всадник... не отрицал это. Он просто наблюдал как она ругается в полуулыбке заставляю-любую-стать-влажной, слегка приподняв уголок рта.

Оторвав от него свой взгляд, она оглядела свое окружение, потому что не смотря на большое количество охраны, Реган не чувствовала себя в безопасности. Только не, когда

охрану составляли демоны, вампиры, оборотни и адские гончие.

Что было противоположностью безопасности для Хранителя.

Кто-то похлопал ее по плечу, Реган повернулась и увидела одного из вампиров Танатоса, Атриуса, стоящего с бутылкой чего-то похожего на вино.

— Это очень редкое вино, — сказал он. — Сделанное бывшими монахами, которые использовали свои винодельческие знания и смешали их со сверхъестественной магией.

— И ты говоришь мне это... зачем?

— Это любимое вино Танатоса.

Реган подозрительно взглянула на него.

— И?

— Это подарок, — ответил вампир Тана. — Благодарность за то, что ты подняла настроение Танатосу.

Реган была уверена, что ее глаза вылезли на лоб.

— У него улучшилось настроение с тех пор как я переехала? — Иисусе, на что же он похож, когда ее не было рядом?

— Перепады в его настроении всегда были значительными, — сухо заметил вампир, — но стал чаще улыбается, в последнее время с тех пор, как потерял Ресефа.

— Хм. Ну тогда ладно.

Парень улыбнулся так, словно Реган вскрыла для него вену.

— Я оставлю его в вашей спальне. Я бы рекомендовал, вам не больше нескольких глотков. Оно слишком сильное для людей.

— Спасибо за совет. — Реган вообще не собиралась пить. Вампир сказал, что эта дрянь смешана с магией, значит можно ждать чего угодно. Но эй, если Танатосу оно нравится, то всегда пожалуйста.

Вампир ушел, в очередной раз оставив ее одну. Одиночество — это то, к чему она привыкла. Одиночество ей нравилось.

В дальнем конце комнаты, Танатос повернулся, и его взгляд впился в Реган. Повсюду вокруг них, люди смеялись, обнимались, держались за руки. Но не Танатос. И не Реган.

В комнате, полной людей, они остались одни.

Наверное, хорошо, что она нормально к этому относилась.

Свадьба оказалась всем, о чем только мечтала Лимос. Самое смешное то, что стоя возле Эрика в комнате, полной людей, еды и красивых декораций, она ничего из этого не замечала. Эрик занимал все ее внимание, был для нее всем миром.

Она повторила клятву, которую Идесс попросила её произнести, то же самое сделал Эрик. Но именно следующие его слова, которые он добавил к официальному обету, наполнили её сентиментальной теплотой:

— Ты станешь моей женой, моей суженой, моей истинной парой на всю жизнь, моим желанием. — Эрик понизил голос в конце и добавил: — Мое единственное желание.

Идесс взяла атаме[29] и чашу из алтаря рядом с ней. Разрезав палец церемониальным кинжалом, она капнула кровь в чашу.

— Протяните руки. — Осторожно, она повторила ритуал с Эриком и Лимос, потом завернула их порезы каким-то травяным листиком. Идесс протянула чашу и произнесла: —

Отныне вы соединены, и кровь ангела, утратившего благодать, скрепит ваши брачные узы. Смочите уста, и пусть из них льется правда.

— Льется правда? — спросил Эрик.

Идесс ответила кивком.

— Дабы ваш союз стал истинным, вы должны скрепить его правдой. Каждый обязан открыть секрет особой важности, пока на ваших губах супружеская кровь. Чем больше тайна, тем сильнее связь. Ложь обожжет, но истина... вы увидите. Можете попросить друг друга поведать что-то особенное, или же позволить вашей паре самостоятельно выбрать, какую тайну они хотят открыть.

О... Боже. Страх пронзил, Лимос паника наполнила до краёв, дезориентируя ее и почти заставив вызвать броню, вытащить меч и атаковать невидимого врага, который напал на ее тело таким образом. Как могло это стать частью свадебной церемонии?

Эрик взял чашу и, не раздумывая, приложил ее к губам, взгляд его стал напряженным, горящим, подобно пылающему лесу. Когда он убрал чашу от своего рта, его губы блестели малиновым.

— Правда, — нахмурился он. — Что ты хочешь узнать?

— Женщины, — сболтнула она. — Ты не рассказал мне о них.

— Все потому, тут не чем гордиться. И большинство... я даже не помню. — Боле пульсировала от слов Эрика, добавляя еще страданий к тревоге. Лимос не следовало спрашивать. — Двадцать, возможно и больше. Но я клянусь тебе, никогда не будет другой, и ни одна из тех женщин не сравнится с тобой. — Его голос был хриплым от волнения. — Итак, это ответ на твой вопрос, но есть кое-что, что я хочу тебе сказать. Я бы позволил тебе стереть из моей памяти все воспоминания об этих женщинах, если ты захочешь. И это самая правдивая вещь мной когда-либо сказанная.

Лимос почти перестала дышать. То, что он готов позволить ей снова повозиться с его памятью, учитывая, как важно было не вторгаться в его разум, являлось большим признаком доверия и обязательств.

Не то, чтобы она сделала бы это, даже если бы могла зайти так далеко и вырезать эти воспоминания. Она бы никогда снова не коснулась его разума. Ее глаза защипало, от эмоций перехватило дыхание. Как же она счастлива, что у нее есть такой мужчина?

О Великий Господь, чем же она заслужила его?

Эрик протянул чашу Лимос, ее руки дрожали, когда она взяла ее. Он смотрел на нее выжидающе. Все смотрели. Когда она начала еще сильнее дрожать и едва не выронила чашу, Эрик взял ее за руки и нежно помог поднести чашу к губам.

— Ты можешь это сделать, — прошептал он.

Теплая влага коснулась ее губ и языка, и чаши весов на ее плече дико заколебались.

— Эрик, — прохрипела она. — Я... Я...

Она должна соврать. Придумать что-нибудь. Необходимость сказать огромную ложь заставило ее сжать зубы. Она хотела заложить основы прочной связи, но столько много людей было вокруг, и для них всех она должна была сочинить сказку.

Однажды она уже стояла перед толпой и вещала фантастическую историю, которая привела к восстанию против их господина, и каждое слово приносило ей удовольствие.

Даже сейчас, ее дыхание участилось, а кровь бурлила как дикая река, и лживые мысли кружили в ее голове, стоило только выбрать...

— Эй, — глубокий, успокаивающий голос Эрика прорвался сквозь ее панику, и Лимос

поняла, что смотрит на всех, кроме него. — Посмотри мне глаза, — сказал он, — взгляни в них. Я с тобой, я рядом.

Словно ухватившись за спасательный круг, она зацепилась за его взгляд, позволяя всему остальному исчезнуть. *Я могу это сделать. Могу сделать для него все.*

Тем не менее ничего не вышло. Было столько много секретов на выбор, один другого ужаснее.

Эрик знал... да благословен он будет, он знал, и все же решил рискнуть.

— Поскольку это наша свадьба, возможно ты могла бы остаться верной своему бывшему? — он приподнял брови и улыбнулся ей. — У тебя есть секрет о вас двоих?

Страх исказил ее лицо, потому что да, у нее был секрет, который она не хотела никому открывать, но если бы ей когда-нибудь пришлось сделать это, то наступило самое время и лучшее место.

— Я сама хотела обручиться, — она прочистила горло. Ее братья в шоке уставились на нее, но она проигнорировала их, сфокусировав взгляд на Эрике, и молясь, чтобы он не возненавидел ее после признания. — Я хотела быть невестой Сатаны, и если бы он захотел меня тогда, я бы сделала это.

Вот. Она это сказала. Её живот скрутило, и антиперспирант не помог, но Лимос это сделала. В зале повисла тишина, пока Эрик стоически пытался остаться равнодушным.

— Если вы принимаете правду друг о друге, — произнесла Идесс. — Можете поцеловаться.

Подождите... о, Боже, подождите. Лимос думала, что ее сердце взорвется, но потом, невероятно, Эрик медленно приблизился к ней и прикоснулся к ее губам.

Их кровь смешалась, языки встретились, и сила неопишуемого удовольствия захлестнула их. Она знала, что он чувствует тоже самое, потому что в этот момент они стали одним целым, сливаясь воедино почти в экстазе оргазма.

Покалывание распространилось по ее воздушно-легкому телу, и то, что говорят... что истина делает вас свободными? Да. Она чувствовала себя свободнее, чем когда-либо была, и в объятиях Эрика она чувствовала себя более защищенной. В безопасности, желанной и свободной.

— Поздравляю, — пробормотала Идесс. — Теперь вы женаты.

Эрик предположить не мог, что он когда-нибудь жениться. А точнее свяжется. Связь в сверхъестественном мире намного сильнее, чем просто брак, потому что в общем она была физическая.

Братья Семинусы, к примеру, не могли разорвать связь, пока их партнер не умирал.

По словам Идесс, то же приемлемо и здесь. Хотелось надеяться, что Лимос не пожелает развода в ближайшее время.

Его тело пылало от удовольствия пока они спускались со сцены, и Эрик гадал как долго продлятся эти ощущения. Ритуал крови и правды был мощным на стольких уровнях — неудобный, пугающий и в конце концов, чувственный.

Он даже не догадывался насколько доверяет Лимос, пока не высказал истину, и когда она призналась в своем добровольном согласии на обручение, Эрик испытал только гордость за то, что она доверила ему нечто такое, что должно было быть темным пятном на ее душе.

Их окружили люди, начались поздравления, объятия и похлопывания по спине. Казалось, пришли все из ЦБП, а явное отсутствие коллег Эрика из ПС-Х и Эгиды стало сюрреалистичным моментом ясности — его мир в самом деле изменился.

Он хотел, чтобы Ки и Декер были здесь, но они все еще разбирались с очередной атакой на ячейку Эгиды и внезапно вспыхнувшими нападениями демонов на человеческие больницы.

Мор явно пытался искалечить человеческую способность восстанавливать повреждения, которые он наносил. Ублюдок.

В конце концов, все перешли к еде и напиткам, дав Танатосу и Аресу возможность пообщаться с ними. Но Лимос испытала внезапное напряжение.

— Эй. — Она так сильно сжала руку Эрика, что тому показалось, он услышал хруст своих суставов. — То, что я сказала во время церемонии...

— Это не легко было услышать, — прервал ее Тан. — Но у всех нас в прошлом есть поступки, которыми мы не гордимся. Мы не можем обижаться на то, что ты сделала тысячи лет назад.

Арес кивнул.

— Ты уже не тот человек, которым была в Шеуле. Мы все равно любим тебя, Лимос.

Слова Ареса должны были успокоить Лимос, но пока братья сжимали ее объятьях, Эрик заметил тень беспокойства на ее лице, и фальшь в улыбке.

Но может ему все привиделось, потому что ко времени, когда они остались вдвоем, она снова стала игривой, поднялась на цыпочки и скользнула губами по уху Эрика.

— Мы могли бы ускользнуть в одну из свободных комнат Тана.

Эрик застонал, его член дернулся от полного согласия с этим предложением. Очень плохо, что все наблюдали за ними.

— Как бы мне это не нравилось, думаю люди заметят.

— И что?

— И... я знаю какими защитниками бывают твои братья... — он взял два фужера шампанского от вампа, проходящего с подносом, — ...и я не хочу, чтобы они убили меня за то что сделал твой первый раз чем-то на подобии перепихона в кладовке.

— Перепихон? — она засмеялась и красивый звук окутал его.

Эрик протянул ей один из бокалов.

— Да, перепихон. И если это не сработает, я не хочу, чтобы кто-то в этом проклятом здании услышал мои крики, когда мои пальцы отрубят. — Идея заставила его страдающий член опуститься, быстренько.

— Это сработает, — ответила она. — Лучше ему сработать. Я очень возбуждена.

Эрик поперхнулся шампанским, потом снова захлебнулся, когда Арес несколько раз похлопал его по спине.

— Ты в порядке, мужик? Не смей умирать пока не избавишь Лимос от ее пояса верности.

Еще больше удушья. Когда это у Ареса развилось чувство юмора?

— Согласна, — защелкала Лимос. — Я пять тысяч лет с нетерпением ждала, когда потеряю свою девственность.

В этот раз Эрик не захлебнулся. Он просто перестал дышать.

Арес схватил его за плечи.

— Может вам двоим стоит уйти.

Господи. Арес практически раздевал Эрика и толкал их в спальню.

— Я, ох...

— Пока вы двое не довершите до конца свой брак, Лимос остается под властью контракта, — серьезно напомнил им Арес.

Насколько сильным стало облегчением узнать, что Арес беспокоился не только о том, чтобы уложить свою сестру к нему в постель, реальность этой ситуации захватывала

— Мы ускользнем немного погодя, — сказал Эрик. — Это вечеринка Лимос, и я хочу, чтобы она насладились ею.

Арес обвил руку вокруг Лимос и по-братски сжал.

— Думаю ты приняла правильное решение с этим человеком.

— Хм, — усмехнулась Лимос.

Арес удалился, раздвигая толпу, чтобы добраться до Кары, которая из-за чего-то ругала Хэла. Адский щенок смотрел на нее большими, грустными глазами, опустив уши, но хвост его стучал по полу. Эрик надеялся, что Кара понимала — ее водят за нос.

— Я сейчас вернусь, — сказала Лимос, чмокнув его в щеку. — Мне нужно поблагодарить за все Идесс и Руну.

Он смотрел как она ускользала прочь, а его пальцы покалывало от желания распустить ей волосы, скрепленные на макушке. Прическа удивительно шла Лимос, обнажая тонкую, стройную шею, но он хотел распустить ей волосы и снять платье, и как можно быстрее.

На самом деле, увидеть ее обнаженное тело стоило бы отрубленных пальцев.

— Мои поздравления. — Реган появилась возле него с бутылкой воды в руке. По какой-то причине, эгидовка поморщилась, увидев у него бокал шампанского. Может она не пьет алкоголь.

Может она беременна.

Вот, черт. Желчь вскипела в его горле. Он только что женился на сестре Танатоса, а сам сидит на чертовой куче информации о нем.

Он понимал почему Эгида решила, что она должна это сделать, и не так давно он мог согласиться с их идеей о спасении мира. Но то, что раньше для него было черным и белым, сейчас сливалось в разнообразные оттенки серого, а чувство справедливости взывало к нему.

Танатос заслуживал большего, чем участь племенного жеребца. Он должен сам решить приносить ли ребенка в этот мир.

Эрик понизил голос.

— Ты беременна?

Реган фыркнула.

— Для этого нужен секс.

Слава Богу.

— Не делай этого, Реган. Возвращайся домой и забудь о том, что Эгида для тебя спланировала.

— А тебе какое дело?

— Я только что женился на его сестре. И не могу скрывать нечто подобное от своей жены.

Реган впиалась в него тяжелым взглядом.

— Видишь, вот почему я никогда не выйду замуж. Это забирает твою независимость и способность думать только о себе любимом.

Эрик не собирался спорить с этим, но решил объяснить свою позицию.

— Уйди отсюда сегодня же вечером или я пойду к Всадникам. — Завтра он наведается в Эгиду и убедит их, что Танатоса тоже стоит включить в это решение.

Глаза Реган вспыхнули.

— Вот и хорошо. Но ты объяснишь Эгиде, почему я провалила задание. А потом можешь объяснить всему миру, что Апокалипсис можно было предотвратить. — Она взглянула на его бокал и злобно усмехнулась. — Наслаждайся своим шампанским. — Реган гордо удалилась прочь, оставив Эрика разглядывать свой напиток и удивляться почему он чувствовал себя так словно шампанское оказалось на нем.

Пофиг. Колючая Хранительница не испортит ему день его же свадьбы. Он нашел Лимос, которая допив шампанское бросила бокал в огонь и разбила его, а потом издала громкий ликующий вопль.

Повсюду вокруг них вспыхнули радостные возгласы и танцы. Лимос схватила Эрика за руку и потащила в приватный альков[30].

— Ты маленькая шалунья, — сказал Эрик, когда понял, что она сделала. — Ты отвлекла их всех.

— Ага. — Лимос обхватила его затылок и склонила голову для поцелуя. Ее язык был обжигающим, рот влажным и через несколько ударов сердца Эрик настолько возбуждился, что прижал ее к стене.

Лимос замурлыкала от одобрения и обвила руками шею Эрика. Он позволил рукам заскользить по ее бокам и бедрам пока облизывал и покусывал губы Лимос.

Боже, она ощущалась так хорошо, и когда Лимос изогнулась, прижимаясь грудью к его груди, Эрик затерялся в ощущениях.

Потерялся в ней.

— Я люблю тебя, — прошептал Эрик, и сердце его чуть не остановилось, когда она замерла.

— Что ты сказал?

Дерьмо. Он только что все уничтожил, не так ли? Ну, отступать уже некуда.

— Я люблю тебя. Я не знаю, когда это произошло, но это случилось, и мне не жаль.

Лимос закрыла глаза, а когда вновь открыла их, они пылали раскаленным фиолетовым светом.

— Никогда не думала, что услышу как кто-то произносит эти слова. — Ее пальцы заскользили в его волосах, плотно сжимая. — Я тоже люблю тебя, Эрик, — призналась она. — И я хочу детей.

— Сейчас?

— Да, — она тряхнула головой. — В смысле... мои биологические часы тикают уже пять тысяч лет. Человеческие женщины считают, что это плохо. Но это не самый разумный поступок. Пока не минет угроза от Мора. Худшее, что я могу представить это оказаться беременной, когда моя Печать сломается. Но да, я хочу их, так что нам стоит попрактиковаться. Много.

Эрик сглатывал снова и снова, пока не почувствовал, что может говорить и не казаться хлюпиком.

— Думаю, — выдохнул он, — пришло время отправиться домой.

С порочной улыбкой, она опустила свою руку на его промежность и погладила напрягшуюся плоть через штаны.

— Думаешь, справишься с этим?

— Нет, если ты продолжишь.

Лимос вернула руки ему на плечи

— Не могу дождаться, чтобы заняться с тобой любовью, — пробормотала она. — Я так долго ждала, и теперь рада этому. Я так рада, что это будешь ты, Эрик.

Она не могла сказать ничего лучше. Взяв ее за руку, Эрик вывел Лимос из их укрытия. Они проскользнули сквозь толпу и выскочили за дверь незамеченными, но как только вышли из-под шатра, раздался голос Ареса.

— Думали, что сможете улизнуть, да?

— Таков был план, — пробормотал Эрик, а затем их опутали руки Всадников. Танатос и Арес сжали их в медвежьих объятьях.

— Возвращайтесь утром, — начал Арес. — У меня такое чувство, что весь потусторонний мир встанет на уши.

— Без сомнений, — согласился Тан. — Держитесь подальше от неприятностей.

— Наша сестра никогда не была хороша в этом, — раздался чей-то голос.

Эрик с Лимос повернулись, когда из темноты вышел Мор.

Переводчики: silvermoon, Yogik, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 27

Можно было догадаться, что Мор испортит её брачную ночь, и когда он шагнул ближе, сжимая в одной руке меч, а в другой голову адской гончей, желудок Лимос ушел в пятки.

Эрик притянул ее ближе к себе, и загоразивая в защитной позиции.

Мор бросил отрубленную голову в снег, и кровь создания пролилась несуразной лужицей.

— Не беспокойся, не все твои охранники мертвы. Просто переключились на моих помощников.

— Что ты здесь делаешь? — рыкнул Тан. Он вызвал свои латы, как и Арес.

— Было неприятно оказаться не приглашенным на свадьбу. — Мор опустил свой меч, лязг его доспехов нарушил тишину морозного ночного воздуха. — Но я все равно принес подарок.

Лимос сильнее сжала руку Эрика.

— Нам ничего от тебя не надо.

— Это не для тебя, дорогая сестренка, — с подобной ухмылкой Мор казался самым воплощением зла. — Это для Эрика. Придерживаясь свадебной тематики, я принес тебе в подарок правду.

Зрение Лимос затуманилось тревогой и она схватив Эрика за руку приготовилась пройти сквозь врата.

— Пошли. Мы уходим.

— Ты никуда не пойдешь. — Мор пнул голову адской гончей, и она попала в платье Лимос, забрызгав кровью красивую атласную ткань.

— Ах ты ублюдок. — Эрик рванулся вперед, а Лимос охваченная шоком не смогла его остановить.

Слава Богу, Танатос поймал Эрика за талию.

— Успокойся, брат. Он того не стоит.

— Не беспокойся. Я не собираюсь убивать Эрика пока он не услышит то за чем я пришел. — Клыки Мора подобно льдинкам заблестели в темноте. — Лимос, расскажи своему новому мужу и братьям о своем побеге из Шеула.

— Ресеф, нет, — Лимос сглотнула тревожный комок в горле. — Пожалуйста, не делай этого.

Она могла поклясться что увидела что-то знакомое, что-то печальное в льдисто голубых глазах Мора, но это уже не имело значения, потому что не опуская своего меча, Арес уставился на Лимос.

— О чем он говорит?

— Это не имеет значения, — внезапно замерзнув, она потеряла руки и взглянула между братьями. — Отпустите это. Не слушайте его.

— Поверь мне, — заговорил Мор. — Ты захочешь это услышать.

Пронзенная тревогой, Лимос сжала руки в отчаянии.

— Умоляю вас, братья. Возвращайтесь внутрь и притворитесь, что Мора здесь никогда не было. — Она двинулась вперед пробивая каблуками размягченный кровью адской гончей лед. — Вы сказали, что любите меня не смотря ни на что, так что это не имеет значения. Пожалуйста. Возвращайтесь внутрь.

Тишина затянулась. Арес и Тан обменялись взглядами, потом Танатос отпустил Эрика, кинжалы которого все еще были направлены на Мора, а Арес вложил свой меч в ножны.

— Убирайся отсюда, Мор. — Танатос подошел к их брату и стал так близко, что звякнули латы, а носы почти соприкоснулись. Ветер трепал их волосы пока они не скрыли их лица, а пряди смешались, светлые, теплые блондинистые смешались с холодной платиной. — Лимос наша сестра, но ты нам больше не брат, и ты уже ни раз морочил нам головы.

В глазах Мора промелькнула еще одна вспышка боли и он зашипел.

— Я еще даже не начинал заморачиваться, — он схватил Тана за голову сзади и так сильно столкнул их лбами, что треск черепов разнесся глубоким эхом в ночном воздухе.

Тан зарычал от возмущения, и они рухнули в снег и лед кучей летающих кулаков. Арес с Эриком набросились на Мора, но ублюдок ударил своим мечом, порезав щеку Тана, когда тот подкатился к его ногам.

— Знаешь кто морочит вам головы? — взорвался Мор. — Ваша дорогая, девственная сестричка. Она не убежала из Шеула. Сперва она прислала демонов, которые напали на нас, потом нашла нас, наврала о побеге и убедила начать войну.

Танатос остался сидеть на земле, из его щеки и рта сочилась кровь.

— Ли? Хочешь сказать этому придурку, что он полное дерьмо?

— Не делай из меня мешок с дерьмом, придурок, — вмешался Мор, так сильно напомнив ей Ресефа, что в глазах зашипало.

Но да, Лимос хотелось сказать братьям, что Мор все придумал. Побуждение солгать стало настолько сильным, что чашка ее весов, отмечающая зло склонилась ниже.

Она перевела взгляд на Эрика, который смотрел на нее так, словно ожидал, что она все объяснит, как большое недоразумение. Он двинулся было к ней, но Лимос отступила не в силах принять от него утешение, которого не заслужила.

— Лимос? — в этот раз голос Тана был резким, смешанным со страхом. — Скажи, что он лжет.

— Не могу, — выдохнула она.

Арес издал угрожающее рычание.

— Кто заставил тебя? Чем они тебе угрожали?

— Думаешь ее заставили? — засмеялся Мор. — Конечно ты так думаешь. Лимос никогда не предала бы нас так по своей воле. — Он приподнял блондинистую бровь. — Давай вперед. Объясни, маленькая сестричка. Королева Подземного Мира.

— Заткнись блядь, — и снова, Эрик двинулся к Морю, но в этот раз, Лимос помешала ему сделать то, о чем он мог потом пожалеть.

Когда она схватила его за руку, Эрик успокоился, хотя и повернул свое тело так, чтобы любой предпринятый Мором шаг против Лимос наткнулся сперва на него, Эрика.

Боже, она его не заслуживала.

— Лимос, — тихо попросил Арес. — Объясни. — Мягкий тон не смягчил команду в этом слове, и она вдохнула воздуха, чтобы набраться мужества.

— Меня вырастили демоны, — начала она срывающимся голосом. — Вы это знаете. Но вы не знаете, что ко мне относились как к принцессе. Я... мы... были частью плана. С самого начала, возможно от самого нашего зачатия, Лилит и Сатана собирались использовать нас, чтобы принести погибель человеческой расе. — Ее мышцы задрожали, но Лимос заставила себя продолжить. — Поэтому, когда пришло время, меня прислали на землю, чтобы изучить вас. Найти ваши слабости.

— Ты шпионила за нами? — спросил Арес.

Она кивнула.

— Год. Вы меня не видели и не знали, что я была рядом.

Темная тень омрачила лицо Ареса, превратив выражение его лица в камень.

— И что именно ты узнала?

— Что твоя слабость в любви к близким и самонадеянности от мысли, что можешь их защитить. Тан, у тебя был твой миролюбивый характер. Ресеф — у тебя неспособность сосредоточиться на чем-либо.

Арес напрягся словно стальной стержень, и Лимос поняла, что он добрался уже до конца истории хотя она не минула еще и середину.

— Продолжай, — голос его был мертвым. И для него, она, наверное, тоже умерла. Но они с Таном сказали, что любят ее не смотря ни на что, и ей пришлось уцепиться за его слова. — Что ты сделала после того как узнала все что нужно?

— Я вернулась в Шеул и было решено что пришло время ввести наш план в действие.

— Иисусе, — Танатос провел руками по своим волосам. — Что ты сделала?

Ее горло сжалось. Здесь начиналась худшая часть истории.

— Она прислала демонов, которые напали на нас, — Мор заполнял пробелы, голосом настолько переполненным отвращением, что Лимос знала — Ресеф где-то там, ненавидит ее за все что она с ним сделала. — Она послала демонов сеять хаос между людьми. А потом, когда все стало очень плохо, явилась к нам. Она притворилась, что сбежала от адского существования, чтобы найти нас и рассказать правду о том, кто мы.

Глаза Ареса стали черными лазерами, которыми прожигали свой путь, когда смотрели на врагов.

— Демоны, которые пытали и убили мою жену... ты прислала их. — Не вопрос. Арес знал. Просто хотел, чтобы она это подтвердила.

Лимос сделалось нехорошо.

— Послушай, Арес...

— Отвечай мне, черт бы тебя побрал.

Все инстинкты кричали солгать, но если есть хоть какая-то надежда спасти отношения со своими братьями, она должна заставить их понять, почему сделала то что сделала. Чтобы они осознали, если бы она могла все исправить, то сделала бы это не колеблясь.

— Моей задачей было настроить вас на войну с демонами, вовлечь в нее человечество, чтобы уничтожить их. — Истерика начала вплетаться в ее голос, и Лимос пришлось бороться за контроль. — Как я должна была это сделать, значения не имело. Чем больше боли вы испытаете, тем сильнее станет ваша ненависть к демонам. И когда вас поглотила бы ненависть и самоуничужение, было бы легко перевести вас на сторону демонов.

— Моя жена убита по твоему приказу, — зарычал Арес. — Что на счет моих сыновей? Их ты тоже собиралась убить?

— Ты отослал их прежде чем это могло произойти, — прохрипела она. — Но я не желала им смерти, Арес. Клянусь.

Мор издал лающий смешок.

— Только потому что, как потомство Ареса, они обладали потенциальной мощью.

Правда. Они могли стать полезными, когда вырастут. К сожалению, они стали жертвами войны с демонами, так что да, косвенно, она была ответственной и за их смерть.

Лимос рискнула посмотреть на Эрика, который уставился на нее в ошеломленном молчании.

Стыд сжал ей грудь, и когда она взглянула на братьев, отвращение и разочарование в их глазах сковали все остальное.

— Демоны вырезали большинство моих родных, — начал Танатос холодным голосом, от которого Лимос затрясло. — Я смотрел как почти все мое племя растерзали Кромсатели Душ. Ты знаешь, как они убивают, Лимос? — Вскочив на ноги он схватил ее за красивый жемчужный воротник ее испорченного платья и добавил прямо ей в лицо. — Знаешь?

Да, она знала, но прежде чем смогла ответить, возле них оказался Эрик и впихнул свои мускулистые руки между ней и Таном.

— Отойди, Всадник.

Голос Тана казался лавиной грохота.

— Это не твое дело, человечиска.

— Это стало моим делом около часа назад, когда я выпил ее крови из чаши. — Сказал Эрик. — Так что уберись, блядь. Сейчас же.

Никто не был так шокирован как она в тот момент, когда Танатос отпустил ее. Но он с ней еще не закончил. Отнюдь.

— Это напомнило мне, — небрежно заметил Мор. — Я выпустил тысячи Кромсателей Душ в человеческий мир. Скоро дела пойдут очень весело.

Арес ткнул в Мора пальцем.

— С тобой мы разберемся позже. — Он снова повернулся к Лимос. — Но ты. — Он почти выплюнул "ты" в нее. — Ты так же плоха, как и он. По крайней мере у Мора есть извинение в виде сломанной Печати.

Глаза Лимос вспыхнули не пролитыми слезами.

— Вы сказали, что любите меня не смотря ни на что. Сказали, что не можете злиться на то, что я сделала тысячи лет назад...

— Это было до того, как я узнал, что ты в ответе за смерть всех, кого я любил, — заорал

он. Ненависть Ареса пронзила ее настолько сильно, что Лимос отступила, пока боль разрасталась у нее в груди.

— Ты знала, как среагируют Небеса? — потребовал Танатос. — Знала, что пришлют ангелов, чтобы наказать и проклясть нас как Всадников?

— Нет, — выдохнула она. — Это не было частью плана. Вы должны были стать моим свадебным подарком для Сатаны. — Лимос сжала кулаки. — Еще до нашего рождения он предвидел, что мы сыграем определенные роли в Апокалипсисе, но не знал какие. Поэтому я должна была привести вас к нему. Но я слишком медлила. Люцифер предупредил меня, что Небеса потерпят только определенную часть человеческих жертв, а потом примут меры. Я просчиталась, и прежде чем смогла забрать вас в Шеул, вмешались Ангелы и прокляли нас стать Всадниками.

Она заплатила кровью за свою неудачу. После двух месяцев пыток, ее снова отправили в человеческий мир, исправить ошибку.

— Расскажи им все остальное. — Мор скрестил руки на своей широкой груди и металлический лязг разнесся в холодном ночном воздухе. — Скажи им как сотни лет работала против нас и пыталась сломать мою Печать. Расскажи, как украли у Эгиды Избавление, и не потому что не доверяла Эгиде его сохранность, а потому что так ты могла уничтожить его и предотвратить попытки Ареса или Танатоса убить меня в случае разрушения моей Печати. — Мор оскалил клыки в дьявольской ухмылке. — А знаете какая лучшая часть во всем этом? Она убила Сартаэля, чтобы заткнуть его, не так ли? Ты думала, что он единственный человек способный отыскать твой агимортус, но все же готова была отказаться от всего только чтобы защитить свой кусок дерьма. Ты разозлила не того человека, Лимос. Сартаэль был питомцем Люцифера, и Люцифер поклялся обрушить на всех вас свою ярость. Так что, Лимос не только разрушила ваши прежние жизни, она так же вытрясет все дерьмо из нынешних.

— Лимос. — Большое тело Ареса задрожало от такой ярости, свидетелем которой она редко становилась — а Лимос видела его убийственно злым. — Ты лживое, коварное исчадие ада.

Агония сжала сердце, настолько сильно, что она вскрикнула.

— Арес, пожалуйста...

— Пожалуйста? — Выплюнул Мор. — Тебе стоило стать шлюхой Сатаны. А не человека. Темный Лорд даст тебе ту боль, которую ты заслужила...

Прозвучала череда выстрелов, и верхняя часть головы Мора взорвалась гротескным дождем из кости, крови и мозгов.

— Господи, — тихо сказал Эрик и зачехлил свое оружие. — Ты когда-нибудь заткнешься?

Мор упал в пропитанный кровью снег, но приземлившись, он все же сумел открыть врата и втащил в них свое истерзанное тело.

Лимос посмотрела на Эрика, который уставился на нее так, словно вовсе ее не знал. Тоска выжала кровь прямо из ее сердца.

— Мне так жаль, Эрик.

— Ох, Лимос, — пробормотал он. — Что ты наделала?

Переводчики: silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 28

Сперва послышался грохот. Потом смятение на лице.

— О, Господи, — проговорил Эрик. — О-о, блядь, я произнес твое имя. — Хотя он не был несчастен, если честно, справедливо признать, он испытывал боль за то, что сдался. Пошло оно все к черту, Лимос заставила его сказать свое имя долбаным извинением, когда одни из самых опасных, самых чудовищных демонов преисподней не смогли этого сделать с помощью пыток.

Арес напоминал им, что контракт с Сатаной не разорван пока они не завершат брачный обряд, и вот теперь они по уши в дерьме.

— Мы должны уходить! — Лимос открыла Хэррогейт в тот момент, когда самая большая и уродливая тварь из всех виденных Эриком прорвалась сквозь покрытую льдом землю. Куски мерзлой земли и льда размером с вагон кувыркнулись в воздухе и рухнули вокруг них. Внутри имения, вечеринка закончилась и началась подготовка к бою.

— Иди! — Тан стрельнул в Эрика командным взглядом, тот кивнул и потащил Лимос в портал.

Они вышли в незнакомой гостиной, обустроенной в стиле пляжного дома.

— Где мы?

— Моя вторая гавайская вилла. Я не думала. Просто... Должна была куда-то доставить нас. — Лимос сглотнула. — Эрик, прости...

— Прости? Ты лгала мне, предала своих братьев, навлекла смерть на их семьи, и тебе жаль?

Пол задрожал и треснул, когда она схватила Эрика за воротник.

— Пожалуйста, Эрик, клянусь, я собиралась рассказать тебе... — Казалось, что затрясся весь остров словно крышка на кипящем котелке.

Адреналин и чувство самосохранения у Эрика подскочил на самую высокую планку.

— Не имеет значения. Я должен тебя трахнуть. Сейчас же. — Точняк, это так сексуально.

Лимос не стала возражать. Потянувшись вверх, она порвала свое окровавленное платье от шеи до самого подола, разорвав его на две половинки.

Дыхание Эрика перехватило от вида Лимос в белом кружевном бюстгальтере, в поясе верности и высоких белых чулках. Она одела белую подвязку, которая обрамляла одну из чулок.

Если бы все было иначе, то есть если бы он не был зол как черт и царь всех демонов не гонялся за ними, Эрик снял бы все остальное своими зубами.

Ужасающий вопль наполнил воздух, а стена позади него разлетелась на куски. Закричав, Лимос открыла ворота и потащила его за собой. Они приземлились в то, что казалось джунглями, влажными, мокрыми, наполненными визгом животных. Лимос повернулась к нему.

— Поспешу, — вздохнула она.

Кстати, говоря о давлении. Он должен взять ее пока орды демонов пытаются его убить, а в дверь стучит сам Сатана. Но потом Лимос легла на землю и потянулась к нему, молча умоляя присоединиться к ней.

В отдалении снова послышался гул.

— Эрик. — Взгляд фиолетовых глаз Лимос светился мольбой. — Он идет за мной.

Каким бы злым он ни был, как бы больно ему не было, Эрик все еще любил ее. Он не позволит забрать Лимос. Упав на колени, он потянулся к поясу верности и заколебался в каком-то сантиметре от него.

— Если это не сработает...

— Сработает, — поклялась она.

— Если не сработает... — Он нервно вдохнул. — Если нет, то мне жаль.

Единственная слезинка показалась в уголке ее глаза и скатилась по щеке.

— Мне тоже жаль.

Взяв себя в руки, несмотря на сильный вибрирующий звук в ушах, подобный обрушившемуся на них грузовому поезду, Эрик обвил рукой ее пояс верности.

И ничего не произошло.

— Святое дерьмо, — выдохнула она. — Работает. Сними его!

Добавив вторую руку, он схватился за тонкую цепочку, удивляясь как что-то настолько деликатное может быть таким прочным и опасным, а потом разорвал ее на части. Крошечные жемчужины разлетелись повсюду и сверкающим дождем опали на плодородную землю джунглей.

— Пожалуйста, Эрик. Сейчас.

Эрик взглянул вниз и выругался. Он не был возбужден. Это блядь точно не сработает. Но затем Лимос села и обвила его ладонью. Прежде чем Эрик смог вдохнуть, ее язык скользнул по головке его члена, и не смотря на землетрясение, которое становилось все более интенсивным вокруг них, проснулось возбуждение.

Эрик часто слышал, что опасность — афродизиак, и как оказалось, это правда. Адреналин зашкаливал, тело стало абсолютно безрассудным и возжелало действий. Кровь вскипела, а рот Лимос продолжал околдовывать его своей шелковистостью.

В нескольких ярдах от них с треском рухнуло дерево, а округу огласил ужасающий рев. Пусть даже Эрик был не полностью возбужден, он толкнул Лимос на землю и накрыл ладонью ее сердцевину, скользя пальцем по её клитору. Черт. У них даже не было времени, чтобы как следует её подготовить.

Воздух взорвался рычанием, и Эрик мог поклясться, что ощутил теплое, мерзкое дыхание на своей щеке.

— Давай!

Он двинул бедрами вперед и вошел в нее одним махом. Ее плева порвалась, и Эрик накрыл Лимос своим телом, сильно сжав в объятьях, что засомневался может ли она дышать.

Они оба дрожали, а в руке Эрика оказался кинжал, который он прикрепил к лодыжке перед свадьбой. Он не помнил, когда схватил его, но готов был им воспользоваться.

Никто, даже сам дьявол, не заберет Лимос без боя.

В отдалении послышался ужасающе сердитый визг, а потом грохот прекратился. Джунгли затихли и единственным звуком, который слышал Эрик было его тяжёлое дыхание и биение пульса в ушах.

Очень осторожно, потому что каждый мускул в его теле одервенел, он оттолкнулся от Лимос.

Она ухватилась за его бицепсы, яркие розовые коготки впились в его кожу.

— Эрик, пожалуйста...

— Не могу. — Он поднялся, застегнул штаны и сбросил военную куртку. Подняв Лимос

на ноги, Эрик завернул ее в куртку. Разве он не джентльмен. Даже такой злой каким он был, Эрик не хотел, чтобы она чувствовала себя выставленной на показ.

Чертов идиот.

Струйка крови побежала вниз по внутренней стороне ее бедра, и Лимос в замешательстве посмотрела вниз.

— Как-то не думала, что со мной это случится.

Уязвимость в ее голосе немного остудила злость Эрика, и в любой другой ситуации, он бы увлек ее в свои объятия.

— Открой ворота и вытащи нас отсюда.

Плечи Лимос поникли. Ничего не сказав, она просто открыла ворота, и они вышли в ее главную резиденцию. Один из охранников махнул рукой и отвел глаза, когда заметил, что куртка Эрика прикрывает не все ее тело. Молча, они вошли в спальню Лимос, где она исчезла в ванной.

Эрик опустил на кровать возле розовой с белым коробкой.

Охваченный любопытством, он снял крышку и убрал оберточную бумагу. Внутри было самое сексуальное белье, которое он когда-либо видел. Чёрный, прозрачный пеньюар, чашечки лифа которого были сделаны таким образом, чтобы приоткрывать соски. Тоненькие бретельки были украшены блестящими, словно бриллианты, камушками. А по краям было пришито невероятно-сексуальное розовое кружево. На дне коробки лежало соответствующее черное бикини и пара кружевных черных подвязок.

Мечта каждого мужчины.

— Это предназначалось для нашей брачной ночи, — произнесла Лимос позади него. Эрик даже не слышал, как она вышла из ванной.

Он даже не взглянул на нее.

— Думаю все пошло не совсем так как планировалось.

— Да. Глупо, но я всего лишь хотела красивую человеческую свадьбу. — В ее голосе послышалась дрожь... едва заметная, но теперь Эрик знал ее достаточно хорошо и распознавал эмоциональные волнения. — Знаешь, как нормальная девушка. А не какой-то ужасный демон.

Его кулак рефлекторно сжался на белье, сминая, портя тонкую ткань. Точно так же произошло с её свадьбой — всё испорчено. Как мог он так сильно страдать из-за нее, и все же, быть таким чертовски злым?

— Ты ни то, ни другое, Лимос. — Эрик услышал ее всхлип, и наконец-то сместился на кровати, чтобы взглянуть на девушку. В то же мгновение он почти пересмотрел свое последнее заявление, потому что прямо сейчас она выглядела как обычная девушка.

Лимос была одета в пушистый розовый халат, который окутывал ее с головы до ног. Волосы мокрые, макияж исчез, а великолепные глаза опухли и покраснели. Почему женщины постоянно рыдают в душе? Он помнил, как его мать и сестра делали то же самое. Они все отрицали, но дураком Эрик не был, и иногда слышал рыдания за звуком воды.

Он был тогда таким беспомощным, но только не сейчас. Позволить женщине страдать было против его природы, поэтому Эрик поднялся на ноги и двинулся к ней.

Он успел сделать только два шага, когда дверь распахнулась и в комнату вошел Арес с мрачным словно туча выражением лица. В мгновение ока он оценил ситуацию и понял, что угроза для Лимос минула.

По крайней мере, угроза из преисподней для нее прошла. Но все еще оставалась угроза

от Ареса и Эрик двинулся на перехват.

— Дай ей немного времени, — начал он, но Арес прервал его рычанием.

— Время? У нее было пять тысяч лет, чтобы во всем сознаться.

— Арес. — Голос Лимос был пропитан отчаянием. — Послушай меня...

— Я достаточно слушал! — Арес двинулся вперед и Эрик встретил большого парня нос к носу.

— Нет, Всадник. Больше ни шагу. Предлагаю тебе сейчас же уйти. — Эрик ждал стоя грудью против Ареса, агрессия сверкала в двух дюймах воздуха между их носами.

Эрик не сомневался, что его избьют до полусмерти, но черт возьми он нанесет не малый урон прежде чем рухнет.

Арес оскалил зубы, а в его груди загрохотал низкий звериный рык.

— Она моя сестра. Я с этим разберусь.

— Она моя жена, — парировал Эрик. — Муж бьет карту брата. Так что выкатывайся отсюда к черту и не возвращайся пока не возьмешь себя в руки.

Минута прошла в напряженном молчании. Потом две. Затем около миллиона, и когда Эрик уже было решил, что с тем же успехом может нанести первый удар и начать вечеринку, Арес резко кивнул.

— Я уйду, потому что уважаю тебя, человек. То, что ты сделал для нас нельзя возместить. — Его темный взгляд устремился на Лимос. — Но это еще не конец.

Арес ушел, и Эрик мог поклясться, что весь остров вздохнул с облегчением.

Рука Лимос опустилась на его плечо.

— Ты меня ненавидишь?

Закрыв глаза, он повернулся к ней.

— Нет. — Эрик притянул ее в свои объятия, злость пошла на убыль, адреналин стих. — Я ненавижу, что ты так долго лгала своим братьям, но не ненавижу тебя. — Он поцеловал ее волосы. — Но что еще хуже, я не думаю, что твои братья ненавидят тебя.

Лимос задрожала, напоминая, что не смотря на всю силу что хранилась в этом теле, она все еще оставалась уязвима к боли, а сейчас, она была настолько эмоционально хрупка как никогда ранее.

Сердце заболело от внезапного желания все исправить. Дали б ему разобранный М-16 или неисправный мотор от Хамви, и Эрик знал, что с ними делать.

Разбитая женщина оставляла его с ужасным чувством беспомощности... и первобытным желанием убить того, кто ее обидел. К сожалению, братья Лимос были бессмертны.

Обвив руками талию Эрика, Лимос уткнулась лицом ему в шею.

— Займись со мной любовью, Эрик. Заставь уйти все это.

Это он мог. Нет, ничто не заставит события сегодняшней ночи полностью исчезнуть, но Эрик мог немного отвлечь ее.

Наконец ощутив способность хоть чем-то ей помочь, Эрик позволил рукам заскользить по ее спине лаская, облегчая напряжение в ее мышцах. Медленно, Лимос начала отвечать, целовать его горло и вжиматься своей полной грудью в его грудь.

— О-о, да, — пробормотал Эрик, его тело пробуждалось быстрее, чем он ожидал.

Стоило знать лучше, учитывая, что Лимос могла завести его всего лишь одним знойным взглядом.

Лимос подняла на него взгляд, глаза потемнели и приобрели глубокий аметистовый цвет.

— Прикоснись ко мне, — в ее словах звучала команда и мольба, и черт, да, Эрик собирался коснуться ее. И испробовать ее на вкус.

Удерживая ее взгляд своим, Эрик потянулся к поясу халата и развязал его. Пояс упал, ткань разделилась. Великолепное обнаженное тело Лимос было готово и ждало, чтобы его сорвали и съели словно спелый персик. Рот Эрика наполнился слюной.

Возбуждение испытывало его терпение, потому что как сильно ему бы ни хотелось опуститься на колени и с помощью языка заставить ее кричать, Эрик собирался все сделать правильно. Он хотел поклоняться ее телу и добьется своего.

Наклонившись, он поцеловал одно плечо, потом второе стаскивая вниз ее одеяние.

Халат упал на пол, и Эрик отбросил его подальше, чтобы ничто, кроме ее Печати — подвески с агимортусом, не касалось кремовой кожи Лимос.

Когда он скользнул рукой вниз и обхватил ладонью полную грудь, Лимос выдохнула его имя и запрокинула голову. Эрик воспользовался случаем и начал осыпать поцелуями шею девушки, одновременно лаская ее руками.

Ее длинное, поджарое тело было воплощением элегантности, идеальным смешением твердости и мягкости, и в этот момент, Эрик забыл обо всем, оставляя все в прошлом, и начал тереться об нее, изнемогая от желания заняться с ней любовью не смотря на всю свою одежду.

Внезапный стук в дверь заставил его повернуться и зарычать.

— Черт возьми, Арес, я же сказал тебе...

— Лимос! — Расстроенный голос не принадлежал ни одному из ее братьев, и Лимос поднялась, чтобы набросить халат.

— Что такое, Кахоло? — Она распахнула дверь. Один из ее слуг стоял на пороге с покрытыми кровью руками.

— Это Хекили, — грубо ответил он. — Его... зарезали. Там для тебя послание. Люцифер... он сказал, что ты отобрала у него питомца и теперь он заберет твоих.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 29

Арес не мог припомнить, когда в последний раз был настолько зол, или чувствовал такую боль. О, конечно он убийственно рассвирепел, когда Мор схватил Кару и пытался замучить её до смерти, но в этот раз всё было по-другому.

Арес не хотел убивать Лимос. Он и сам не знал, чего хотел, но прямо сейчас, ему требовалось всё его самообладание, чтобы не слететь с катушек.

Ему было чем заняться — весь мир погряз в войнах. Он не станет выбирать чью-либо сторону, а будет просто сражаться. И убивать.

Когда он открыл портал и вернулся обратно в имение Танатоса, то совсем не удивился, когда обнаружил, что все гости разошлись.

Кара сразу же подошла к нему, лишь только он пересек гостиную Тана:

— Все ушли из уважения к тебе и Танатосу, но просили, чтобы ты дал знать, если что-нибудь понадобится. Ты в порядке? — её глаза, цвета зелёных морских волн, потемнели от беспокойства, и её расстроенное состояние помогло ему успокоиться.

Она не заслужила того, чтобы на себе ощутить всю силу его ярости. Но лгать ей он тоже не мог. Определенно, вранье окружало всех их слишком долго.

— Нет, — признался он. — То, что Лимос сделала...

— Она сделала то, чему её учили с детства.

От её слов Арес дернулся:

— Ты её защищаешь? Она стала причиной смерти моей семьи. Она украла Избавление и тайно старалась сделать все, чтобы сломать наши Печати. Она всех нас предала.

— Я не стараюсь оправдать то, что она совершила. — Кара прикоснулась ладонью к его груди — это всегда его успокаивало, даже сквозь доспехи... уже само её присутствие превращало твердую кожу в мягкую замшу, и он мог чувствовать её прямо через них. — Но не забывай, где она родилась, и кто её вырастил. Она не знала ничего другого.

— Она, все равно, должна была рассказать нам раньше.

— Уверена, она очень сожалеет о своем решении. — Кара поднялась на цыпочки и чмокнула его в губы.

— Нам надо идти. Пора кормить Рета.

— Дай мне минутку, я поговорю с Таном. — Арес притянул ее поближе, отчаянно нуждаясь в кратком телесном контакте, хотя бы на секунду. — Мне жаль, что Мор убил гончую.

— Мне тоже, — пробормотала Кара. — Но я рада, что все остальные в безопасности. Сегодня все могло обернуться намного хуже.

Арес не сказал ей о своем чувстве, что "хуже" только наступает. Может не сегодня, но скоро.

Он оставил Кару помогать вампирам с уборкой, а сам присоединился к брату, который неподвижно стоял у очага, склонив голову и делал все возможное, чтобы удержать себя под контролем.

— Я предполагаю, Эрик преуспел и освободил Лимос? — Голос Тана был таким холодным как лед и тихим словно океан перед штормом, что у Ареса поднялись волосы на затылке.

— Все выглядело именно так.

Танатос уставился в огонь, языки пламени танцевали в его глазах.

— Потерять Ресефа было тяжело. Но все то, что он делал с тех пор как сломалась его Печать, он сделал, потому что не в себе. — Вокруг его ног начали вихриться тени. — Но Ли... она делала то что делала, хотя Печать ее цела. Из-за нее, мы прокляты. А теперь еще и Люцифер начнет охоту за нашими задницами, потому что она убила Сартаэля. Как, черт возьми, мы должны к этому относиться?

— Не знаю, брат. Но сейчас, мы должны держать себя в руках.

Вот теперь он немного лукавил, учитывая, как Арес ворвался в спальню Лимос, в надежде, что она вооружится и устроит ему хорошую драку.

К счастью, она вышла за достойного, уважаемого мужчину, который вбил в Ареса немного здравого смысла.

Вены на висках Тана вздулись, а голос стал похож на скрежетание гравия.

— Не уверен, что смогу сейчас это сделать.

Дерьмо. У них остался лишь один вариант — готовиться к столкновению.

— Кара сказала, что все ушли. Здесь только твои вампы, так что тебе не придется беспокоиться если взорвешься. Я прослежу, чтобы мои Рамрилы и гончие Кары тоже ушли.

Тан кивнул, и Арес понял, что ему также лучше поскорее убраться.

Он нашел Кару и направился наружу, чтобы открыть ворота. Отстойно, что их удача обернулась полнейшей катастрофой. И когда он снова взглянул на Танатоса, то не смог избавиться от ощущения, что беды только начинаются.

Они нашли Хекили в погребке, и Лимос, которая видела все возможные злодеяния, которая выросла безразличной к насилию, покачнулась от шока. Его в самом деле зарезали словно корову на бойне, и у Лимос не было никаких сомнений, что резать начали пока он был еще жив.

Она не знала была бы ее реакция на эту ужасную смерть такой же до того, как она пустила Эрика в свою жизнь, но это уже не имело значения. Дело в том, что ей нравился Варг, она доверяла ему, и он умер из-за нее.

По части он умер из-за ее лжи... лжи, которую она пыталась защитить убив Сартаэля. А убив Сартаэля, она разозлила Люцифера, который ни перед чем не остановится чтобы причинить боль ей и всем вокруг нее.

Эрик пытался притянуть Лимос в свои объятия, пока они стояли в темном сыром погребке под ее кухней, и не было ничего чего бы она желала больше. Но Лимос избегала его объятий, уверенная что потеряет свою решимость в клетке его крепких рук.

— Лимос?

— Не надо. — Она побежала вверх по лестнице, промчалась сквозь кухню и выскочила за дверь. Эрик последовал за ней, но Лимос не подпустила его к себе. — Не прикасайся ко мне.

Он стоял в лунном свете, а жетоны отбрасывали блики на обнаженную грудь, словно маня Лимос. Они стали ее утешением, пока Эрик был в Шеуле, и теперь она надеялась, что они станут утешать его.

— Милая, что происходит?

— Я сделала огромную ошибку, Эрик. — Она обняла себя, словно пыталась удержаться и не рассыпаться на части. Забавно как спокойно она одела шорты и майку после того как узнала о Хекили, но сейчас готова была разойтись по швам. — Я позволила своему желанию сбыться — стать женщиной, женой, матерью, затмить то, кем должна быть.

— О чем ты говоришь? — Эрик двинулся вперед, увязая голыми ступнями в песке, но Лимос отступила назад.

— Я была дурой, надеясь на то, чего никогда не смогу иметь. Я Всадница Апокалипсиса. Полудемон, полуангел. Воин, который не предназначен ни для чего, кроме войны.

Плавный изгиб его челюсти стал похож на острие ножа, когда выражение лица Эрика стало жестоким.

— Ты все это и много больше. Ты красивая женщина, жена, и мы сделаем тебя матерью. А до тех пор, мы будем бороться вместе...

— Нет. — Лимос проглотила всхлип, услышав его слова. Она так сильно этого хотела, но все это лишь фантазии. — Мы не будем. Это конец, Эрик. Мы не можем развестись, но можем расстаться.

Его голова дернулась, словно от удара.

— Ты не это имеешь в виду.

— Это. Из-за меня ты в опасности. И всегда будешь в опасности. Если не от Мора, то от Люцифера. Они убьют тебя, чтобы причинить мне боль. Я не смогу с этим жить, Эрик. И не стану.

— Черт возьми Лимос, я сам выбрал жизнь с тобой. Я готов жить с опасностью.

Конечно. Он был храбрее, чем все, кого она встречала раньше. Но Эрик смертный, а мужество убило больше людей, чем трусость.

— А я нет.

Эрик так сильно заскрежетал зубами, что послышался скрип эмали.

— Мне все равно. Мы женаты. А значит, я никуда не уйду из-за одной маленькой ссоры. И поверь мне, это вряд ли можно считать ссорой. Давай напейся, повыбивай дерьмо из всех окружающих, и скажи, что перетрахала всех соседей, вот тогда мы поговорим.

Его отцу так повезло, что он уже умер, потому что в этот момент Лимос нашла бы его и убила за то, что наградила Эрика такими воспоминаниями.

Затем ей пришлось в голову, что она должна зайти так же далеко, или Эрик никогда не отступится. Лимос могла ненавидеть себя за такое, но в конце концов он будет жить.

Она глубоко вдохнула, готовясь нанести удар, который выбьет почву ему из-под ног.

— Если ты не согласен с моим решением, я могу заставить тебя принять его. Я заберусь к тебе в голову и сделаю кое-какую творческую работу, так что ты будешь считать, что наш разрыв твоя идея, а не моя. Этого ты хочешь? — Ее способности не были настолько обширными, но Лимос надеялась, что Эрик этого не знает.

Он побледнел, а сердце Лимос разбилось на части.

— Ты не станешь. Ты поклялась...

— Я солгала. — Заранее отгородившись от его злости и разочарования, Лимос пожала плечами. — Ты уже должен был привыкнуть к этому.

— Лимос... — Его голос надломился, и вдруг Лимос поняла, он так долго отказывался называть ее по имени, а сейчас в этом разговоре использовал его снова и снова, словно хватался за спасательный круг. — Не делай этого. Я люблю тебя. Ты любишь меня.

А теперь нокаутирующий удар.

— Это, — сказала она, углубляясь в ту Лимос которой должна быть, в Лимос, которой нравилось быть демоном, — тоже ложь.

Исполненная душевными муками, она открыла врата и оставила Эрика одного на пляже.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 30

Реган не ушла, когда разошлись все остальные.

Эрик велел ей уйти, но она никогда не пасовала перед трудностями, и то что произошло сегодня ночью только укрепило ее решимость.

Какое-то большое, плохое зло обрушилось на них, взрывая землю снаружи и полностью уничтожило две хозяйственные постройки.

Множество охранников-демонов было убито либо Мором, либо существами-

пожирателями, демонами Гаргантюа, и теперь миссия Реган стала яснее, чем когда-либо.

Нужно остановить Апокалипсис и всех жителей подземного мира. И если для этого нужен ребенок Всадника, значит — так тому и быть.

Пока Реган ждала, чтобы последние гости покинули имение, она решила проверить территорию.

Укутавшись в пуховик и вооружившись s-образным кинжалом, девушка изучала следы и кровавые отметины на снегу, где погибли демоны.

Она встречала множество разных видов демонов за всю свою жизнь, но некоторые из следов были для нее в новинку. Примерно в тридцати ярдах от главного здания она нашла отпечатки такого огромного размера, будто их оставил Годзилла, и их вид потряс её, как ничто, увиденное ранее.

И с обычными демонами было трудно сражаться. Как человечество сможет противостоять чудовищам, высотой в двадцатиэтажное здание?

Усталая и изнеможенная, она наконец вернулась назад, но стоило ей переступить порог гостиной, как ощущение того, что за ней наблюдают, заставило её замереть на месте. Кровь стучала в ушах, когда она медленно повернула голову в сторону огромного воина, стоящего перед камином.

Его беспощадный взгляд был прикован к ней, и в золотистых глазах она увидела проблески холодной смерти. Тени извивались вокруг него, придавая белым костяным доспехам землисто-серый оттенок. Они стали вертеться всё быстрее и быстрее, пока Реган наблюдала. Её собственная сила начала пробуждаться, стуча внутри головы, словно просясь наружу.

Только спокойно... нужно... оставаться... спокойной.

В ужасающе медленном движении из серой дымки начали формироваться очертания лиц, появились глаза и губы, и, внезапно, одно бросилось прямо к ней.

Она вскрикнула, развернулась и побежала в свою спальню, но бестелесное существо ударило сзади, и Реган оказалась распростертой на каменном полу.

Ей показалось, будто миллионы маленьких иголочек пронзили её тело до самых костей. Невыносимая боль стала её воздухом.

И что-то невидимое проникло внутрь. Она могла поклясться, что почувствовала, как ледяная рука сжимается вокруг сердца.

Ко всему прибавилось тянущее ощущение, и, срань Господня, она теперь знала, каково это, когда с тебя заживо снимают кожу, что чувствуешь, когда от целого отрывают неотъемлемую частичку.

Эта хрень вырывала душу из её тела.

Всё обучение, вся выдержка просто испарились и Реган освободила свой дар. Её тело задрожало, и начало излучать свет из каждой клеточки, пока белая вспышка не ослепила её.

Боль ушла, когда петля живого света извлекла вторгшуюся тень из ее тела.

Из-за угла выскочил Тан, остановился посередине и вытаращил глаза. Из него вырвалось еще больше теней и набросились на свет. Шар из света и тьмы завертелся, переплелся в воздухе, а потом, постепенно тени поглотили свечение.

Реган не стала ждать и смотреть, что произойдет дальше.

На шатких ногах, которые еле держали ее вес, она бросилась в спальню и захлопнула дверь.

Вампы-слуги Тана разожгли огонь в очаге, но комната все равно оставалась холодной,

что не помогло унять дрожь, сотрясающую ее тело, и Реган рухнула возле комода, почти опрокинув бутылку вина и два стакана, стоящих на подносе.

Вино... да. Алкоголь казался по-настоящему отличной идеей. Дрожащими пальцами она перевернула один из бокалов, но каким-то чудом поймала до того, как он ударился об пол.

Дверь открылась. Реган сделала все возможное, чтобы не затрястись еще сильнее, когда вошел Тан и осторожно забрал у нее стакан.

Она не смотрела на него, не могла позволить Тану увидеть в ее глазах весь ужас от того, что произошло.

Как Хранительница, Реган столько раз попадала в ситуации жизнь-или-смерть, что нельзя и сосчитать, но сегодня в первый раз по-настоящему почувствовала себя умирающей.

Сглатывая снова и снова, она указала на вино.

— Откроешь?

— Проклятие, — пробормотал Тан, вынимая восковую пробку из горлышка. — Где ты это нашла?

— В-вамфир, — ответила она, возненавидев дрожь в своем голосе.

Комнату наполнили умиротворяющее журчание и плеск, когда Тан наполнил бокалы. Взяв Реган за руку, он вложил стакан ей в ладонь, обернул ее пальцы вокруг и преподнес краешек к ее рту.

— Пей, — тихо сказал он, наклоняя стакан, когда тот коснулся ее губ.

Красная жидкость, острая и сладкая, наполнила ее рот словно бальзам, ослабляя напряжение еще до того, как она сглотнула.

— Это... были твои души, верно?

— Да. — Танатос отступил назад со своим стаканом. Он сделал два больших глотка и продолжил: — Когда я злюсь, души, живущие внутри моих лат, могут освободиться. Они желают только одного, убивать.

— Почему?

— Потому что если они убьют, то смогут освободиться от меня.

Реган вздрогнула, вспоминая боль, когда та хрень пыталась изнутри разорвать ее на части. Не это ли испытывали ее жертвы, когда Реган теряла власть над своей способностью?

Чувствовали ли они, как живой свет вырывает души из их тел? Она сделала еще один глоток и к теплу, распространяющемуся по ее телу, добавилось приятное покалывание.

— Как они попали внутрь твоих доспехов?

— Когда я убиваю, души погибших всасываются в них. — Его голос был настолько равнодушным, что просто ужас. Реган едва ли могла говорить о своей способности высасывать души, а он с тем же успехом мог обсуждать поход по магазинам. — Души делают мою броню прочнее.

— И они просто хорошо проводят время в ожидании, когда ты разозлишься?

— Или освобожу их. В бою, я могу выпускать их, чтобы исполнили мою просьбу.

Хм.

— Как те призраки в третьей части Властелина Колец? Возвращение Короля.

Улыбка Тана была потрясающей, но глаза оставались грустными.

— Что-то типа того.

— Почему они все не вышли?

— Я не был полностью в ярости.

Реган снова вздрогнула.

— Не думаю, что хотела бы это увидеть.

— Нет, не хотела. — Тан приподнял блондинистую бровь, поблескивая пирсингом в свете камина. — Не хочешь рассказать мне о своем маленьком сюрпризе?

Она замерла так и не донеся стакан к губам.

— Не совсем.

Блестящая капля вина, прилипшая к его полной нижней губе, привлекла внимание Реган и зажгла крошечное пламя желаний.

Ликер и сам по себе был ярким и экзотически пряным, но насколько лучше стал бы его вкус, если бы попробовать его с губ Тана?

Дыхание Реган застряло в горле, когда он скользнул языком по губам и слизнул капельку. Боже, почему что-то такое простое и обычное казалось настолько сексуальным?

— Арес приказал бы тебе говорить, — тем временем хмуро продолжил Тан. — Ресеф очаровал бы тебя. А Лимос... — В его голосе появились грубые, резкие нотки. — Она довела бы тебя до бешенства своими разговорами, и ты бы все выболтала просто, чтобы заткнуть ей рот.

— А ты?

Его глаза заблестели.

— Предпочитаю пытки.

Кто бы сомневался. Реган запустила руку в карман пальто, где прятала станг.

— Собираешься меня пытаться?

— А ты расскажешь мне, что ты такое? — Он поднес стакан к губам и взглянул на нее поверх краешка. — И не думаю, что твое маленькое эгидовское оружие окажется эффективным против меня.

Маленькое эгидовское оружие? Высокомерный осел.

— Я на сто процентов человек.

— На человека с эмпатическими способностями, я бы купился. На человека, что может общаться с мертвыми, я бы тоже купился. Но у тебя есть власть над душами. — Он подобрался поближе, без сомнения пытаюсь запугать ее своим ростом и размерами. Может это и сработало бы, если бы тело Реган не гудело от вина. Ее пульс участился, и она мысленно попросила его подойти поближе. — Так что я не куплюсь на эту хрень с человеком.

— Хочешь ДНК-тест? Я человек. Оба мои родители были Хранителями. — Технически правда. В момент ее зачатия, отец Реган был одержим демоном, но Всаднику не обязательно об этом знать.

— Может и так, — пробормотал он, и внезапно аура гнева и угрозы, что постоянно окружала его сменилась чем-то более приятным, но не менее угрожающим.

Тан поднял руку к горлу, убрал броню и остался в одежде, которую одел для церемонии. Белая рубашка под смокингом была расстегнута на шее, откуда выглядывала его татуировка скорпиона, открывающая и закрывающая клешни.

Реган моргнула, удивляясь не сделало ли вино что-то с ее зрением.

— Твои татуировки особенные?

— Все тату особенные. Люди могут делать их экспромтом, но каждый заботится о дизайне того, что наносят на его тело.

— Нет, я имела в виду... они что-то делают для тебя.

Она думала, что он собирается опять закрыться от нее, но вместо этого, он удивил ее сбросив свой пиджак, как-то делая весь процесс столь дразнящим, такой вот непреднамеренный стриптиз

Он сбросил смокинг на кровать, а затем его длинные пальцы занялись рубашкой. Она не могла отвести взгляд от того, как он расстегивал ее, а затем рубашка присоединилась к пиджаку.

Боже, о, Боже. Не имело значения, что она видела его верхнюю часть тела обнажённой ранее... Она не думала, что когда-нибудь привыкнет ко всему этому великолепному произведению искусств. Его печать висела на тонкой золотой цепочке, разместившись между грудными мышцами, прекрасно сочетаясь с замысловатой кельтской татуировкой.

— Эти сцены взяли из моей головы и поместили на коже.

— Это я знаю, но зачем?

— Как ты узнала? — Он стал приближаться к ней, медленно, выглядело будто он наблюдал за ней.

Ощущение покалывания распространилось по ее конечностям, возбуждая и расслабляя одновременно.

— Я видела это, когда касалась тебя раньше. Я могу читать татуировки, также как могу читать чернила на пергаменте.

Покалывание превратилось в приятное жжение, такого она раньше никогда не испытывала. Что там вампир сказал о вине? Магия. Правильно. Больше не для нее.

Танатос остановился, когда подошел к ней так близко, что ей пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо.

— Ты можешь контролировать свою силу эмпата? — Его голос был хриплым, бесподобно глубоким, и он ласкал ее эротическими волнами.

Она поставила стакан, чувствуя будто ее кто-то отключил, складывалось ощущение будто это не она, а кто-то другой поставил стакан на комод

Затем она увидела, как он взял ее руку и положил ее на свое горло, над скорпионом, который выглядел так, будто жалил в яремную вену, когда Тан разговаривал.

— Да, — прошептала она. — Я могу заводиться с пол оборота и так же легко отключить свою силу.

— Ну и как ты, сейчас на взводе?

О, она поняла игру слов. Она знала, что это было намеренно.

— Нет, — ответила Реган, это была и правда и лож. Она не включала свои способности эмпата, хотя она могла читать слабую энергию, исходящую от скорпиона. Но она была очень сильно возбуждена.

То, что происходило здесь, не имело никакого отношения к соблазнению Танатоса для Эгиды. Она хотела его. Это было так просто. Страх, что она может позволить ее способность высасывать души высвободиться во время неконтролируемого момента, не беспокоил ее.

Тени Танатоса защитят его, и впервые в ее жизни она хотела освободить эту свою сторону и позволить ей поохотиться.

Будто читая мысли, Танатос накрыл рукой шею Реган и притянул ее к себе так что их тела прижались друг к другу, затем он впился в ее губы.

Его восставшую плоть, упирающуюся ей в живот, не возможно было не заметить. Язык Танатоса чувственным напором проник в её рот, захватывая, беря то, чего жаждал.

Она сгорала и плавилась изнутри. Её грудь отяжелела, кожа пылала, а плоть изнывала

по ласкам.

— А теперь? — прошептал он, касаясь её губ своими.

— О Господи, да! — её сердце бешено заколотилось, и в то же мгновение она почувствовала, как низ живота окатило жаром. — Ты сводишь меня с ума.

Он прижался к ней бедрами, и подумал, что это она доводила его до сумасшествия, а не наоборот.

— Я хочу тебя, Реган. Больше, чем когда-либо хотел кого-то. И готов поддаться твоим чарам.

— Да, — еле слышно произнесла она. — Так и сделай.

Его руки опустились к её талии, и, внезапно, всё мысли потерялись в неистовом стремлении побыстрее сбросить свою одежду. В голове всё смешалось, эмоции утратили ясность, Реган завладели первобытные инстинкты и желание поскорее оседлать Танатоса.

И он окажется под ней. Она должна контролировать ситуацию. Реган никогда и ни за что не позволит мужчине взять верх.

Сбросив остатки одежды, они стояли друг напротив друга сжав руки в кулаки, дыша с трудом. Господи, этот мужчина — великолепен.

Реган восхищалась его телом, стройным и поджарым, как у атлета. Пирсинговые кольца украшали татуированную грудь, плоский живот бугрился мышцами, а узкие бёдра плавными линиями переходили в мощные ноги. Между которыми гордо восставала его плоть. Вены проступали на всей её поверхности, от широкого основания — до гладкой головки.

— Я не могу, — прохрипел он. — Не могу пойти на это в полной мере, не до конца.

Его слова стали огромным разочарованием, но, раз уж такие дела, то она будет довольствоваться тем, что он готов ей дать. Стоп... почему он не мог довести всё до конца?

Крепкие руки Танатоса обвили вокруг Реган, делая девушку пленницей его объятий, и всё мысли сразу же исчезли. Его поцелуй был жестким, жарким, отчаянным. Тан разместился между её ног, и при каждом движении бедер, его член тёрся об её плоть.

— Кровать. Реган развернула его, стопой подсекла за голень и толкнула в грудь. Утратив равновесие он упал навзничь на кровать. Быстро, пока Танатос не опомнился, Реган оседлала его бедра.

Удивление отразилось на его лице, но потом, когда она начала раскачиваться, позволяя его плоти скользить между своими складками, его голова запрокинулась, а губы приоткрылись. Он был живым образцом мужчины, охваченным страстью.

Реган водила руками по его груди, плоскому животу и твёрдым рельефным бицепсам. Танатос откликнулся на её ласки и схватил ладонями её за плечи...

Его пальцы впились в кожу Реган почти с болезненной силой, удерживая её на месте. Глаза Танатоса остекленели, веки были прикрыты, словно его клонило в сон, и он еле ворочал языком.

— Хочешь поиграть, эгидовка? Я согласен, но имей в виду, что я играю жестко.

— Да неужели?

Наклонившись вперед, она выскользнула из его хватки и схватила зубами пирсинговое колечко на соске. Реган дернула его с такой силой, что Танатос зашипел.

— А я тем более, Всадник.

Переводчики: silvermoon, navaprecious, Yogik

Редактор: natali1875

Глава 31

Танатоса поглотило пламя страсти.

Сначала искры зажглись в его мышцах, медленно разгораясь все сильнее, опалая кожу, пока от дыма у него не закружилась голова. Реган неистово двигалась на нём, её женские прелести находились в опасной близости, и это не давало ему расслабиться. Какого хрена он зашёл так далеко?

Он никогда раньше не позволял себе полностью обнажиться рядом с женщиной. Но вот он кувыркается в постели с женщиной в чём мать родила — что тоже было для него в новинку — и, раскачивая бёдрами, пытается проникнуть во влажный жар её тела.

Реган сжала его сильнее, и Танатос застонал. Обними она его этими божественными ногами за талию — и ощущения будут непередаваемыми.

— Я хочу быть сверху. Входить в тебя, чувствуя под собой.

Где-то глубоко в мозгу возникло понимание, что это он произнес эти слова, но всё же ему трудно было поверить, что они слетели с его губ.

— Извини, — ответила Реган, потянувшись рукой к его члену, и начала поглаживать. — Я делаю это только так.

Он зашипел от ощущений, создаваемых трением её ладони о его твёрдую плоть.

— Я согласен и на это.

Чёрт, он был согласен дать ей что угодно. Если он собирается потерять свою невинность...

Нет.

Господи, о чём он только думает?

— Реган, — простонал он, теснее прижимаясь к её ладони. — Остановись.

— Ни за что.

Её голос был таким же мягким, как и поцелуи, которыми она осыпала его шею. Она слегка прикусила кожу на татуировке скорпиона и начала обводить её языком.

Танатос зажмурился, наслаждаясь её ласками, тем, как она, словно большая кошка, тёрлась своим телом о его.

Ее грудь скользила по его груди, а внутренняя поверхность бедер мягко касалась его бедер, ее руки блуждали по всему его телу, поглаживая и лаская.

Он не должен был позволять себе наслаждаться этим, но он испытывал невыносимую потребность в женских прикосновениях. Это было то, о чем он мечтал всю жизнь и был не в состоянии остановиться сейчас.

Может он и не будет останавливаться.

Он нахмурился, удивляясь пришедшим в голову мыслям. Его тело никогда не действовало в разрез с его мыслями, по крайней мере не тогда, когда дело доходило до секса. Он был достаточно опытен в сохранении своей девственности. Может дело в вине...

Реган лизнула его сосок, и его мысли потерялись в море желания. К черту девственность.

— О, да, — прошипел он, и снова шипение вырвалось из его горла, когда она проделала дорожку своим язычком вниз по его телу. Когда она достигла его пупка и облизнула его вокруг, он мог поклясться, что ему никогда не было так хорошо. Но последует ли она ниже? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Она спустилась ниже. Тан начал задыхаться еще до того, как ее рот достиг его бедра. Шелковистые волосы рассыпались по его коже, щека потерлась об его член, но как бы ему не хотелось посмотреть, он не мог. Тан был слишком близко к краю, и вид отправил бы его за грань.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала, воин? — прошептала Реган у внутренней стороны его бедра.

Комок размером с кулак застрял в его горле, и Тан не смог ничего сказать. Он хотел... о-о, он знал, чего хочет. Но этот опыт новый, и он никогда не был так близок с женщиной.

Нет, даже в темной задней комнате Четырех Всадников.

Каждая женщина, которую он уводил туда, испытывала удовольствие, но только, потому что лаская их тела, Тан пробирался в их умы, и когда заканчивал с ними, женщины верили, что трахали и отсасывали у него, но ничто не могло быть дальше от истины.

— Хммм, — произнесла Реган, кокетливо лаская кончиками пальцев его яйца. — Думаю ты не хочешь ничего...

— Нет, — прохрипел Тан. — Хочу.

— Скажи мне. — Танатос наконец открыл глаза и посмотрел на нее. Вид женщины, склонившейся над ним, ее рот в такой близости от возбужденного члена, что теплое дыхание ласкает его, почти заставил его кончить. В ее великолепных глазах пылал голод, а на губах играла грешная улыбка. — Чего ты хочешь?

Тан сглотнул комок в горле, но это ничуть не смягчило сухость.

— Хочу ощутить твои губы на себе.

Улыбка Реган сделалась еще шире, и она прикоснулась губами к чувствительной коже на его бедре.

— Вот так? — Она его убивала.

— На... моем члене.

— О-о, ясно. — Она скользнула губами по всей длине его члена. — Вот так?

— Да, но...

— Но что? — Она держала свой рот там, где и раньше, и член Тана изнывал от смеси возращения и удовольствия.

— Но... соси его.

Реган подмигнула.

— Другой разговор. — Она приступила к своему занятию, забирая его в влажные глубины своего рта.

Тан сдавленно вскрикнул и так сильно сжал простыни, что руки свело судорогой. Медленное, сильное посасывание сменялось нежным, ласковым облизыванием, и все это время, одна рука Реган скользила по всей длине его члена, а вторая ласкала яйца.

Он был почти там... все тело изогнулось, бедра раскачивались... ох, да...

— Прикоснись к себе, — прошептал Тан.

Реган застонала вокруг его члена, и вибрация почти заставила его кончить. Распахнув глаза, Тан наблюдал как она скользит пальцами между своих ног. В то же мгновение он захотел попробовать ее там.

Он бы хотел облизать каждый дюйм этого покрытого боевыми шрамами тела. А это свечение на ее коже... что-то в нем заставляло извиваться души в его доспехах.

Сейчас они были взволнованы, что только усиливало ощущения внутри него.

Свечение ее кожи казалось обволакивает его, пока Реган скользила языком по головке

его члена, и когда Тан решил, что она снова возьмет его в рот, она отпрянула. Прижав его к кровати, Реган взяла в руку его член. Ох... дерьмо.

— Нет!

Свет ударил в него, обволок подобно обертке и исчез. Его души отступили в войне, что разыгралась прямо под кожей, и прижала его к кровати. Тан не мог двигаться, не мог контролировать свои мышцы, когда Реган прижала головку его члена ко входу в свое тело.

— Не делай этого, Реган!

Слишком поздно, она опустилась на него, вобрав всего до самого основания.

Ужас и удовольствие смешались вместе, и когда Реган начала двигаться, все что мог сделать Тан: пытался не задохнуться.

Он представлял, как ломается его Печать, почти чувствовал, как в его душе зарождается злая дрожь.

Реган стонала, насаживаясь на него, шелковистое скольжение ее лона на члене было таким восхитительным, и Тан желал насладиться этим во всю, но проклятая Печать...

Не сломана.

Какого черта? И как она удержала его? Ничто не могло его удержать.

Ногти Реган царапали его кожу, она откинула голову, закрыла глаза, приоткрыла рот, и против воли Тан начал приподнимать бедра, чтобы войти еще глубже.

Ему не стоило наслаждаться этим, но сейчас она двигалась быстрее, ее грудь приподнималась и опадала с учащающимся дыханием. Великолепная. Велик... она была сногшибательна в своей страсти.

Его собственная страсть вырвалась из-под контроля, жгучим, насыщенным удовольствием. Яйца болезненно сжались, и готовы были взорваться. Член набух и первые импульсы кульминации завибрировали в его нервных окончаниях.

Вот, дерьмо... что если не проникновение, а оргазм разрушит его Печать? *Выплеснешь семя внутрь женщины и изменишь свою жизнь.* Голос демона, что шептал ему на ухо, когда его прокляли, зазвучал в голове и горло Тана сжалось.

— Остановись, — просипел он, но Реган начала двигаться быстрее, раскачиваясь на нем грациозными волнами. — Реган, прекрати сейчас же!

— Ни в коем случае... ох, ох, да. — Ее тело содрогнулось, стенки её лона сжались вокруг него, и тогда все закончилось. Он кончил. Оргазм врезался в него словно вихрь, яростно приподнимая его тело над кроватью.

Реган вскрикнула, когда он вздрогнул так сильно, что ей пришлось уцепиться в его плечи или слететь на пол.

Тан взревел от восхитительного экстаза, от бесполезного гнева... и сплошного краха.

Реган почти не могла двигаться. Ее тело было пресыщенным и все же каким-то странно... возбужденным.

Под ней вздымалась грудь Танатоса, гладкая, татуированная кожа блестела от пота.

Реган было интересно, почувствовал ли он бушующую словно электрический шторм ее способность.

Она могла бы поклясться, что в какой-то миг, отпустила свою способность, но когда открыла глаза, не было ни свечения, ни визга, ни характерного вида создания, из которого,

словно хирургическим инструментом, изъяли душу.

Может она зря волновалась о потере контроля во время секса.

Лежа на груди Тана, она слушала биение его сердца под ухом и ласкала рукой его шелковистые волосы. Реган любила косы, и обвив одну вокруг своего пальца, она вздохнула с усталым смирением.

Как бы ей не хотелось остаться вот так, может даже все повторить, она должна уйти, чтобы план Эгиды сработал.

Реган приподняла усталое тело. С золотым отливом глаза Всадника уставились на нее, брови сомкнулись в том, что казалось, смущением. Может он не привык, что женщина берет контроль. Плохо. Если так, то для Тана двадцать первый век окажется очень дерьмовым.

Реган неуклюже поднялась с него на шатких ногах и натянула штаны.

— Ну, — сказала она, надевая свитер, — было весело, но мне пора идти.

— Ты не уйдешь. — Голос Тана был каким-то пустым.

Реган обулась.

— Ага, уйду. Я закончила свои исследования. — Она застегнула свою сумку, отчаянно желая выбраться оттуда, пока не передумала и не осталась. — Если Эгиде еще что-то понадобится, они кого-нибудь пришлют.

— Ты не уйдешь, — повторил он, в этот раз гораздо более ворчливо. — А еще ты освободишь меня.

Реган приподняла бровь.

— Я бы сказала, что уже дала тебе освобождение.

Тан уставился на нее, его брови сошлись в недоуменном сердитом взгляде. Затем внезапно что-то изменилось. Дымчатая тень скользнула по его выражению и в глазах словно осколки засверкали ледяные искры. Даже сам воздух начал потрескивать от опасности.

— Ты... предательница. — Голос его стал низким, исковерканный глубоко-укоренившейся поразительной яростью. — Ничего ты не освободила.

Шокированная до глубины души внезапным изменением его настроения, Реган отступила назад. Определенно, они говорили о разных видах освобождения.

Тан бросил взгляд на бутылку вина.

— И ты опоила меня.

Опоила его? словно она подсунула вино, чтобы заняться с ним сексом?

— Послушай, ты должен успокоиться, и мне правда пора идти.

— Подожди. — Его голос хлестал словно кнут, и Реган удивилась почему в таком взбешенном состоянии он еще не поднялся с матраса. — Ты явилась сюда, чтобы соблазнить меня, не так ли?

Она натянула на лицо одно из своих лучших оскорбленных выражений и надела парку.

— Уверена, что твоему эго хотелось бы так думать...

— Что ты со мной сделала? Как удержала меня вот таким? — Когда она моргнула, проигрывая в голове каждый элемент этого разговора, Тан выплюнул проклятие. — Твой... дар. Твой проклятый свет в моей коже. Как?

О-о... ох, дерьмо. Она выпустила свою способность.

— Это... это причинило тебе боль?

— Мои души борются с ним, — зарычал Тан. — Они его уничтожат, и как только они это сделают, я собираюсь свернуть твою шею.

Ну, значит, вот и пора ей уйти. Реган направилась к двери.

— Ты работаешь на Мора?

Открыв рот от удивления, Реган повернулась к Тану.

— Думаешь я так сильно хотела секса с тобой, что заручилась поддержкой твоего злого брата? Вау, ты и правда самовлюбленный придурок.

— Секс? — рыкнул он, заставив сделать еще один шаг назад. — Это не было сексом. Ты обманула меня. Опоила и осквернила. Ты хоть понимаешь, что наделала?

Реган решила, что ее глаза выскользнут из орбит.

— Осквернила тебя? Ты что, шутишь?

— Я говорил тебе "нет". Я отказался. — Сухожилья на его шее напряглись, когда он попытался поднять голову. — Ты... надругалась... — Его голос сменился неприятным рыком. — Ты взяла мою девственность.

Реган засмеялась. Девственность. Конечно же он шутит.

Мрачное выражение его лица подсказало, что он не шутил, но девственность? Ни в коем случае. Это смешно.

"Нет. Не делай этого. Реган!" Его мольбы вернулись к ней и с оглушительной ясностью зазвенели в ушах. Он просил ее остановиться, но... нет, он не это имел в виду.

Он не мог иметь в виду именно это.

Он все еще лежал на кровати, грудь вздымалась, а глаза сверкали жгучей ненавистью. Капелька пота скатилась по ее виску, пока Реган вспоминала каждую секунду их секса.

Она думала, что протесты Тана были символическими, но если он был одурманен вином, а ее способность обрушилась на него и удерживала пока она... о-о, Боже.

Желудок скрутило и она, пошатываясь, вышла из комнаты. Она вслепую бросилась к входной двери, пока ее настигали яростные крики Танатоса. Как раз вовремя выбравшись наружу, Реган потеряла свой обед возле снегохода.

Горячие слезы жгли глаза, а пронизывающий северный ветер жалил щеки, пока она рылась в кармане в поисках мобильного и ключей. Так быстро, как только могла, она отправила СМС Кинану и Валу, а потом завела снегоход замерзшими пальцами.

За звуком мотора снегохода, Реган слышала яростный рев Тана. Наверное, она будет слышать его всю оставшуюся жизнь.

— Мне жаль, — прошептала она. Святой Боже, ей было так жаль.

Реган завела мотор в надежде заглушить голос Тана, и умчалась со скоростью выстрела, держась за свою жизнь. Поездка вышла длиною в вечность, фары снегохода едва проникали сквозь тьму раннего утра.

Или может ей сложно было что-то разглядеть из-за слез. Реган хотела бы онеметь от холода, но все это только добавляло мрачного ужаса к тому, что она сделала.

Наконец, в отдалении, она заметила две фигуры, высвеченные светом фонариков. Один из них должно быть Кинан, а второй один из родственников демонов... *Тень*, подумала она.

Кинан говорил, что может сделать так, чтобы ее яйцеклетка и сперма Танатоса связались и сплясали танец ребенка.

Этого не будет.

Реган бросила взгляд через плечо и сразу же пожалела об этом. На фоне серой стены рассвета она увидела очертания огромного сумрачного коня с вооруженным всадником, мчащегося по бесплодной пустыне.

Танатос.

Ужас взорвался в ней, и она чуть не закричала. Если он ее поймают, она умрет.

Она остановилась, и прежде чем успела слезть с машины, Тень схватил ее запястье.

— Поехали! — Реган попыталась отступить, но он удержал ее на месте.

— Я должен вырубить тебя, чтобы пройти через Хэррогейт.

Верно. А потом, когда рука демона начала светиться, а тепло распространилось от кончиков его пальцев в ее кровь, желудок Реган снова скрутило.

— Просто не...

Послышался крик, потом еще один, и Реган повернулась и увидела, как из ниоткуда появился Мор на своем жеребце и остановился возле Танатоса и Стикса. Всадник и конь рухнули огромной свалкой крови и снега.

— Вот, дерьмо, — буркнул Кинан. — Мы должны убираться отсюда. Быстрее, Тень.

— Готово. — Демон кивнул. — Мои поздравления. Ты беременна.

Беременна. Нет. Нет, нет, нет! Боже, что она натворила?

Сквозь лязг оружия и ржание лошадей, Реган вскрикнула, когда на Танатоса обрушились копыта белого жеребца.

Тепло под рукой Тени расцветало все сильнее.

— Скажи "спокойной ночи", эгидовка.

— Нет, подожди...

А потом не осталось ничего кроме черноты.

Переводчики: silvermoon, navaprecious, Yogik

Редактор: natali1875

Глава 32

Как бы долго Эрик не метался взад-вперёд по спальне Лимос, и сколько бы он не матерился, ничто не могло помочь ему вернуть нормальное расположение духа после того, что она наделала.

На протяжении двух часов после её ухода, он цепенел от ужаса, переживая, что Лимос наделает глупостей, например, начнёт охоту на Люцифера, и злился из-за того, что она ему солгала.

И... нет. Он не верил, что она его не любит и опять сотрёт ему память. Она хотела избавиться от него, ради его же собственной безопасности.

Он сможет взять себя в руки. Он ведь смог пережить ужасное детство, военную муштру, целый месяц в аду, и братьев Лимос. Он справится со всем, что его ждёт впереди, а если нет...

Тогда Мор завладеет его душой.

Итак, это было лишь временное затруднение, но все же он не мог позволить себе сидеть без дела и тратить то драгоценное время, что у него осталось на переживания. Он подключит ПС-Х, Эгиду, и будет надеяться, что вместе они смогут найти выход из всего этого дерьма, касающегося владения его души. Сейчас же, он будет рядом с Лимос.

Он подарит ей жизнь, которой она так хотела.

Взглянув через стеклянную раздвижную дверь на пустую кровать, Эрик позволил себе невиданную роскошь — пофантазировать, как округлится Лимос, вынашивая его ребенка. У них даже не было возможности заняться любовью, как положено молодоженам, но он поклялся себе, что как только она вернётся, Эрик разденет её и окажется внутри неё в

считанные минуты.

Он покажет ей, какой будет каждая ночь, проведённая с ним, заставит её жаждать его ласк, и она забудет об этой сумасшедшей идеи — избавиться от него ради его же блага.

Наметив план действий, Эрик вошел в спальню как раз в тот момент, когда открылись двери, и вошла Лимос, полностью облачена в свои доспехи, с опухшими и покрасневшими глазами. Она остановилась, с её лица схлынула вся краска, а затем Всадница залилась румянцем от негодования.

— Почему ты ещё до сих пор здесь? — резко спросила она.

Он скрестил руки на груди.

— Ну, может быть потому, что у меня нет суперсилы, позволяющей использовать порталы, а может потому, что мы, чёрт подери, женаты.

— Кстати, на счёт этого...

Она перебрала волосы через плечо, со свойственной только ей надменностью.

— Я ходила к Гетель. Какие удивительные создания эти ангелы... они могут расторгнуть любой брак, состоявшийся в мире людей. — Лимос подняла маленький свиток. — У тебя есть час на сборы. Мы официально разведены.

Твою ж мать! Твою ж, сука, мать!

Мор смотрел на груды окровавленных костей, от которых поднимался пар — это всё, что осталось от Танатоса и Стикса. Жеребец умирал, но Тан уже через несколько минут будет как новенький. *Какого хрена его Печать не сломалась? Как?*

Мор получил сообщение от вампира-двойника, который на него работал в имении Тана, и тот заверил его, что шлюшка-эгидовка поимела его братца, не без маленькой помощи заговоренного вина конечно. Так что же происходило?

Рыча от злости, он открыл портал к дому Харвэстэр. Мор ворвался в её жилище, пронесся мимо, не обращая на неё никакого внимания, и направился напрямиком в комнату, где она держала Ривера.

Ангел сидел, прислонившись к стене, весь покрытый кровью и грязью. Его золотистые волосы безжизненными прядями окружали лицо и свисали с плеч. Остекленевшие голубые глаза смотрели прямо на Мора, когда тот подошел и пнул его в лицо.

Кровь заструилась из разбитой губы и носа Ривера, но он лишь улыбнулся. Самодовольный ублюдок. Мор опять его пнул. Чёртов ангел сумел ударить его в ответ достаточно сильно, чтобы отбросить Мора к стене и разбить ему голову.

Тёплая, вязкая река крови стекла с его затылка вниз по шее и закапала на доспехи, они впитали её жадными, булькающими глотками. Если бы Мор не был настолько зол, то его бы впечатлило, каким сильным был Ривер, не взирая на то, что у него отсутствовали крылья.

— Когда же ты наконец поймёшь, Ресеф? — спросил Ривер. — Ты можешь причинить мне боль, но никогда меня не сломаешь.

— Это мы ещё посмотрим, ублюдок.

Он, словно ворвавшись с цепи, обрушил на него всю свою ярость. Ривер даже не пытался ответить на пинки и удары Мора, а тот был его до тех пор, пока куски плоти не прилипли к его сапогу, а ангел не превратился в кровавое месиво. Харвэстэр опустила руки на плечи Всадника.

— Что случилось? — спросила она, и Мор сразу же повернулся к ней.

— Лучше не трогай меня.

Он начал кружить вокруг девушки, упиваясь её страхом, и желая запугать ещё больше. Мужчина схватил Харвэстэр за горло и впечатал в стену. Он улыбнулся, жадно вдыхая запах её страха, пока не почувствовал его на своём языке.

— Эгидовка трахнула моего братца, — прошептал он ей в ухо, — так почему же его Печать осталась целой?

— Я не знаю, — ответила Харвэстэр, и у него сложилось впечатление, что она врала ему, но он так же знал, что даже избив её до полусмерти, Харвэстэр не скажет ему правду, если это одно из чёртовых "правил", которых они с Ривером должны придерживаться.

— Лживая сука.

Он собирался трахать её до тех пор, пока не сломает. Пока каждая косточка в теле Харвэстэр не будет раздроблена, и её кровь не покроет его с головы до ног. Он сорвал с неё ночную рубашку, оставляя обнаженной и дрожащей.

— Всё ещё есть надежда, — ответила она и охнула, когда его пальцы проникли ей между ног.

— Оставь ее... в покое, — послышался голос Ривера, немного дрожащий, но заставляя воздух дрожать от силы.

Может он и с Ривером поделится. После того, как попользуется ею, как последней шлюхой, какой она и была. Улыбаясь, Мор посмотрел через плечо.

— Не волнуйся, Риви-виви, я и тебе немного оставлю. Я совсем как Кролик-Энерджайзер, могу продолжать сколько угодно.

Он провел пальцем по горлу, и броня исчезла, оставляя его таким же обнаженным, как и Харвэстэр.

— Ублюдок, — прохрипела она.

— Это да, — согласился с ней Мор.

— Ресеф!

Оглушающий рев сотряс здание, и всё внутри Мора задрожало. Очень медленно он повернулся к Риверу. Тот стоял, натянув цепи, его тело стало вдвое больше своего обычного размера.

— Не смей этого делать.

Не было причин бояться ангела. Совсем никаких. Но что-то внутри Мора, так глубоко, что он не мог постичь, затряслось от страха, как пугается ребёнок перед лицом разгневанного отца.

Он вызывающе поднял подбородок, и каким-то образом его слова прозвучали неуверенно:

— Ну вот, испортил всё настроение.

Мор провел пальцами по шраму на горле, возвращая доспехи на место.

— Значит, в другой раз. Когда настанет Апокалипсис, я буду трахать тебя до тех пор, когда твои крики уже не будут воодушевлять меня, а твоя кожа не сможет удерживать твои органы.

Он вышел из дома Харвэстэр, отчаянно надеясь, что никто не увидит, как его колени дрожали от страха. Что это была за хрень? Он ни черта не боялся с тех пор, как сломалась его Печать.

Ругаясь на чём свет стоит, он открыл портал и вышел у тёмных арок, что вели в обитель

его матери. Она находилась внутри сооружения, подобного храму, возлежала на шезлонге посередине оргии. Всё как обычно. Это зрелище успокоило его, но лишь немного.

— Мой сын, — промурлыкала она, подзывая его к себе пальчиком. — Ты выглядишь расстроенным.

Мор пнул человекообразного мужчину, что опустился перед ним на колени, и двинулся через извивающуюся массу тел.

— Мой план провалился.

— Эгидовка не лишила Танатоса девственности?

— Лишила. Но его Печать не сломалась.

Лилит моргнула, ее маленькое тело всколыхнулось, когда она села. Демоница одела тонкую, почти прозрачную юбку, но осталась топлес, и только кольцо с изумрудом размером с утиное яйцо разместилось между ее шикарных грудей.

— Как ты заставил Эгиду поверить и отправить женщину к Танатосу?

— Если она забеременеет, то ребенок спасет мир.

Лилит похлопала по софе возле себя и Мор опустился на бархатную подушку.

— И ты уверен, что она с ним спала.

— Да. — Пока он бился со своим братом, Тан это подтвердил.

— Это все ты. — Меч Танатоса зацепил ухо Мора, разрезая его на пополам. — Ты убедил эгидовку трахнуть меня.

Завоеватель нанес удар, отбросив Тана назад и оторвав кусок уха Стикса.

— Она была хороша, Тан? Стоило ли ждать пять тысяч лет?

Глаза Танатоса были наполнены такой болью, что Мор почти испытал оргазм прямо там. Ему нравилось, когда страдали его братья.

— Да.

— Зародилась ли жизнь в ее утробе? — спросила Лилит.

Мор пожал плечами.

— Может быть. Хайвестер говорит, что все еще есть надежда, но... — Он оборвал себя суровым вздохом. Надежда. — Ребенок. Ребенок и есть наша надежда. Пророчество не о девственности Тана, его невинности. Речь о его невинном ребенке.

Хайвестер, этот подлый ангел, она знала, так ведь? Хотя и не могла помочь открыто, она подала идею со свитком. Теперь Мор испытывал сожаление из-за всего, что с ней сделал. Ладно, нет, сожаления он не испытывал.

— Великолепно. — Ладонь Лилит легла на его бедро, глаза, так похожи на глаза Лимос, заблестели от волнения. — Ребенок — это ключ к его Печати.

Улыбнувшись, Мор откинулся на подушки и избавился от доспехов. Когда он обнажен, его ум всегда работал более ясно. И еще яснее, когда Мор кончал.

Когда рты и руки покрыли его тело, в голове Мора сформировался план. Когда наступил первый оргазм, он знал, что должен сделать. Он должен заполучить того ребенка в свои руки. Того нежного ребенка со сладкой плотью.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Редактор: natali1875

Глава 33

Как только Мор покинул ее резиденцию, колени Хайвестер не выдержали. Она рухнула на пол, разбив коленные чашечки, а секундой позже за ней последовал и Ривер, свалившись кровавой кучей. Не смотря на шок и нерабочие мышцы, Хайвестер потянулась к нему.

"Оставь её в покое".

Мор растоптал Ривера в подобие гамбургера и причинил столько вреда, что на восстановление ангелу понадобятся дни.

И все же, Ривер не только нашел в себе силы заговорить через сломанные кости своего лица, но и призвал остатки своих небесных резервов, крошечная часть которых осталась в обрубках, что раньше были крыльями, и стал силой с которой считаются.

По какой-то причине он защитил ее, и сморщенный кусочек угля — её сердце, дал трещину. Не большую, совсем маленькую трещинку, но все же.

— Ривер?

Он застонал. Звук душераздирающей муки.

— Вэйн! — Оборотень поспешно вошёл. — Вина из костного мозга. Быстрей.

Это не поможет Риверу исцелиться, но немного притупит боль и сделает её сносной. И поскольку она, повинаясь приказу, в последнее время часто заставляла ангела пить его, создавая зависимость, что оставит его совершенно бесполезным на пороге Апокалипсиса, то он пристрастился, желая его, как опиумный наркоман жаждет ощутить блаженство от очередной дозы.

Оборотень принёс ей бутылку. Она приподняла голову Ривера, поддерживая ладонью за шею, и поднесла горлышко к его губам.

— Ну давай, — прошептала она и скривилась, когда большая часть жидкости вытекла из уголка его рта.

Он был слишком слаб, чтобы пить, чёрт его дери. В таком состоянии, и находясь так далеко от источника ангельской силы, он мог впасть в состояние, подобное коме.

Он будет томиться в этой коме пока кто-нибудь не вытащит его из Шеула, а значит он может провести здесь целую вечность если она — или кто-то другой — пожелает.

— Давай же, Ривер. Пей, черт бы тебя побрал. — Когда он не пошевелился, Хайвестер повернулась к Вэйну. — Принеси мне немного сахара. Мед, если у нас есть. И чашку с ложкой.

Вэйн принес ей небольшой горшочек мёда, и она смешала ложку сладости с вином из костного мозга.

Ангелы словно колибри, способны вырабатывать небольшие порции живительной энергии из сахара.

Приподняв голову Ривера, Хайвестер налила немного смеси прямо ему в рот. На этот раз, когда жидкость полилась в его горло, он сглотнул.

— Хорошо, — прошептала она. — Еще немного.

Он пил, и прежде чем закончилась смесь, Ривер накопил достаточно энергии, чтобы поднять голову и удерживать руку Хайвестер на месте, продолжая жадно глотать.

— Хозяйка, — начал Вэйн, но Хайвестер была настолько благодарна за реакцию Ривера, что даже не наорала на своего раба за то, что заговорил без разрешения.

— Что?

— Пока здесь был Всадник, вам пришло сообщение. — Слуга протянул ей свиток —

сделанный из человеческой кожи.

Она разломала печать зубами, позволив свитку раскрутиться. "Ривер может быть свободен". Харвэстэр вздохнула от облегчения. Ей не нравилось держать его взаперти в своем доме, она ненавидела испепеляющие взгляды, которыми он награждал ее, ненавидела то, что он служил живым напоминанием того, что она потеряла.

Хватка Ривера на её руке стала жестче, и его глаза, которые раньше были налитые кровью и затуманены болью, немного прояснились.

Сахар сделал свое дело. И когда вино возымело свой возбуждающий эффект, синева его глаз превратилась в чувственное тёплое море, освещенное светом луны.

Она удивленно вдохнула. Впервые Харвэстэр смотрела на него, как на сексуальное существо. О, она и раньше восхищалась этим великолепным мужчиной, чья красота была способна затмить солнце.

Но сейчас, просто вау. Он весь напрягся, когда его охватило наслаждение, голова запрокинулась, тело выгнулось дугой. Между бедрами внушительного размера плоть натянула потрепанную ткань, которая осталась от брюк.

Ее собственное тело вспыхнуло жаром, пока Хайвестер наблюдала как он извивается в оргазме, который могло доставить только демоническое вино. Ну, не совсем правда... на Другой Стороне, на Небесах, связь двух душ была похожа на это.

Вино из костного мозга первоначально было создано для того, чтобы имитировать то, что теряли падшие ангелы, когда их выгоняли с Небес, и да, оно было близко, и стало вторым самым невероятным опытом, который только можно испытать.

Пальцы Хайвестер зудели от желания прикоснуться к Риверу, и она поняла, что тянется к его твёрдому члену. Она просто хотела немного поласкать его.

Хотела очертить контур, что вырисовывался под ширинкой его штанов, может даже скользнуть пальцем по головке, поскольку она почти выглядывала из-за пояса.

Жидкая похоть разлилась между её ног, и Вэйн низко гортанно зарычал, учуяв запах ее возбуждения и возбуждаясь сам.

Он всегда был рядом, когда Хайвестер нуждалась в крови, сексе, и на ком можно согнать свой гнев.

Временами она ужасно с ним обращалась, но это от нее и ожидалось, и если бы она была помягче, оба, Вэйн и Хайвестер дорого заплатили бы за это.

— Уходи, — приказала она, и немного поколебавшись оборотень повиновался.

Его природа не позволит ему уйти далеко, или ублажить себя без ее на то разрешения, а значит, если оборотень понадобится ей позже, то он будет готов.

Ривер застонал, приоткрыл губы и закрыл глаза, когда наслаждение обрушилось на него. Его бедра приподнимались и опускались, покачивания завладели его телом, и спереди на брюках начало распространяться влажное пятно, когда он снова и снова кончал.

Он был прекрасен.

"Оставь ее в покое".

Он спас ее. Он мог бы смолчать, позволить Морю надругаться и мучить ее, но Ривер рискнул своей собственной безопасностью.

Понимание всколыхнулось в ней волной благодарности, которая смешалась с желанием, и Хайвестер потянулась, готовая взять его в свою руку...

Пальцы Ривера схватили ее запястье прямо перед тем, как она коснулась его стояка.

Вздыхнув, Хайвестер подняла взгляд к лицу Ангела, где желание отобразилось в

приоткрытых губах, полуприкрытых веках и покрасневшей коже.

Но за всем этим подобно раскаленному уголькам, сверкали его сапфировые радужки.

— Спасибо, — выдохнула она. — Спасибо, что пришел мне на помощь.

— Ни одна женщина не должна так страдать. — Кривая улыбка изогнула его губы. —

Но я сделал это не для тебя. Я сделал это для Ресефа. — Пальцы Ривера так сильно сжали ее руку, что Хайвестер вскрикнула, чувствуя как крошатся кости ее запястья. — Тебя... при первой же возможности... я собираюсь убить.

Танатос вышел из Хэррогейта перед домом Ареса и связался по телефону с Лимос.

— Через пять минут будь у моего Хэррогейта в Гренландии. И приведи Эрика.

Он собирался разузнать, знал ли новоиспеченный муж Лимос о планах Реган. В этот момент, он бы не удивился, учитывая откровения Лимос. Возможно, она вышла замуж за кого-то столь же хитрого, как и она.

Разве что... Танатосу сложно было держаться за этот гнев. Он разозлился, когда она созналась в своем обмане, но Тан знал ее слишком хорошо и верил, что она сожалеет о своем прошлом.

И если он верил в возможность спасти Ресефа, то как мог бросить Лимос?

Однако, Эрик — совсем другая история. Танатос хотел верить в этого человека, но если он был в сговоре с Реган...

Голос Лимос загудел через телефонную линию.

— Тан, я не могу. Я как раз собиралась отвести Эрика в ПС-Х...

— Приведи его! — В приступе ярости, Танатос отсоединился и швырнул телефон в каменный столб, что подобно стражу стоял у входа в сад Ареса. Телефон взорвался дождем пластика и электронной начинки.

Истекая кровью и плавя снег под ногами, Тан ворвался в дом Ареса, где его остановил главный Рамрель Ареса — Вулгрим.

— Милорд, вы ранены...

— Знаю, — отрезал он. — Где Кара?

— Она... занята, сэр.

— Где Арес?

Вулгрим прочистил горло.

— Тоже занят.

Верно. Тан протолкнулся мимо демона и направился к спальне Ареса, где начал колотить в дверь, оставляя кровавые следы на белой краске.

— Открывайте!

За дверью послышалось эротическое рычание.

— Уходи, Тан. — Предупреждение Ареса было громким и ясным, но Тан проигнорировал его и снова ударил кулаком по двери.

— Стикс умирает.

Послышался шорох простыней, стук ног по полу и еще больше шороха.

— Минутку, — крикнула Кара.

Тан метался взад-вперед, его мышцы напрягались и подергивались от сочетания беспокойства за своего коня, злости на брата, который на них напал, и глубокой ненависти к

Реган из-за ее предательства.

Он не знал, что хуже, но все это смешалось вместе в едкое рагу, которое грозило освободить целый ураган насилия. Он хотел убивать. Уничтожать.

Сеять хаос и убивать, убивать, убивать. Только беспокойство за Стикса удерживало его от перехода в полное неистовство, но Тан не мог гарантировать, что этого не произойдет, как только жеребца исцелят.

Если конь умрет... Танатос мог поручиться, что ничто не сможет его остановить.

Кара с Аресом распахнули дверь и выскочили в коридор. Кара оделась в джинсы и толстовку, Арес же облачился в доспехи.

— Что произошло?

— Наш брат произошел. — Тан вывел их из дома и провел на место сражения.

Хоть он и был готов к тому, что желудок перевернется от вида Стикса, лежащего на льду в луже собственной крови, словно прогарпуненный кит, Тан не ожидал, что будет настолько больно. Его коня и раньше ранили, и тяжело.

Но Мор со своим жеребцом наслаждались причиняя боль Стиксу, и Тан мог поклясться, что чувствовал боль животного.

Открылась еще одна брама, вспышка золотистого света прокатилась над тем небольшим кусочком снега, что не был изуродован битвой и кровью. Оттуда вышли Лимос с Эриком, и если они были счастливой замужней парой, то Тан готов был съесть свою Печать.

Они стояли порознь, Лимос одетая в бирюзовые джинсы и кожаную куртку, и Эрик в военном камуфляже, и с оружейным поясом на бедрах.

— Черт возьми. — Кара опустила голову возле лошади, которая с трудом дышала.

Арес встал перед Таном, закрывая ему обзор.

— Из-за чего вы подрались?

— Я не знаю. — Тан закрыл глаза. — Нет, знаю. Он думал, что моя Печать сломалась, а когда понял, что это не так, сошел с ума. Он пытался убить Стикса, чтобы причинить мне боль.

— Почему он решил, что твоя Печать сломалась?

Убить. Он задышал, успокаивая желание выследить каждого Хранителя на планете.

— Потому что проклятая Эгида предала нас, и он знал об этом.

— Ты ничего не объясняешь, — сказал Арес.

— Реган. — Одно лишь имя разозлило его настолько, что Тан не смог сдержать кровожадный рык, рвущийся из горла. — Ее прислали не для того, чтобы изучить нашу историю. Ее прислали соблазнить меня. Она меня предала. Они предали всех нас. — Гнев выжег его контроль, когда кипящий едкий осадок прорвался в его вены и подобно кислоте растекся по ним.

— Успокойся, Тан, — произнесла Лимос. — О чем ты говоришь?

— Реган. — Тан начал ходить взад-вперед в тщетной попытке обогнать свою ярость. — Эта сука! — Он повернулся к Эрику. — Что ты об этом знаешь, эгидовец? — Тан встал лицом к лицу с человеком. — Говори!

Выражение лица Эрика стало замкнутым.

— Я не знаю о чем ты говоришь, но буду благодарен если ты выучишь определение понятия личного пространства.

— Тан. — Тон Лимос был тем, который она использовала, когда пыталась утихомирить Ресефа во время редких приступов ярости, но с Таном это не работало, и он с рычанием

повернулся к ней.

— Она, блядь, опоила меня. — Он должен убить, и души в его доспехах просились на волю. *Скоро. Очень, очень скоро*, пообещал им Тан.

Арес нахмурился.

— Когда? Чем?

— После вашего ухода. — Тан вскипел от воспоминаний. — Она угостила меня моим любимым вином, и что-то туда подсыпала. Возможно орочью травку.

— Ох, мужик. — Арес провел рукой по волосам. — Ага, я понимаю почему ты расстроен, но очевидно, это не сработало...

— Нет, сработало.

Все замерли. Все, кроме Эрика, который смотрел на них в абсолютном замешательстве.

Наконец, Лимос прочистила горло.

— Это не возможно.

— Я не понимаю, что происходит. Что такое орочья травка? — спросил Эрик.

— Это афродизиак, — ответила Лимос. — Тан, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю, что она меня опоила. И... — Его кожа стянулась от унижения. — Она взяла меня.

— И я все еще не понимаю. — Взгляд Эрика стал обеспокоенным. — Ты занимался сексом с красивой женщиной. В чем тут проблема? Ты что любитель пенисов?

Тан рванулся вперед, но Арес поймал его за талию.

— Я прикончу твоего мужика, Лимос. Честное слово.

Арес грубо оттащил Тана от человека.

— Дай мне взглянуть на твою Печать.

Рука Тана дрожала, когда он потянулся и вытащил из-под доспехов золотую монету на цепочке. Все стояли тихо и почти не двигаясь, от ожидания воздух стал плотным как туман.

Единственным звуком было трепыхание одежды на холодном ветру и булькающее дыхание Стикса. По крайней мере, целительная способность Кары работала, и раны коня затягивались с поразительной скоростью.

Арес взял в руку Печать Тана, его глаза наполнились беспокойством и мрачной, холодной решимостью. Арес сделает все необходимое, чтобы уберечь брата и не позволить ему отправиться в мир злой сущностью, и Тан не станет винить его.

И все же, желудок скрутило, когда рука Ареса опустилась и легла на рукоять меча.

Танатос взглянув брату в глаза.

— У тебя есть Избавление. — Кинжал не убил Мора, но оставалась надежда, если Печать Тана сломается, он убьет Смерть.

— Он нам не понадобится, — ответил Арес, слова гремели от силы его убеждения. Но если честно, Тан не был уверен, что Избавление мог изменить ситуацию. Если хоть одна Печать разрушится после первой, сломаются все.

Но, может, если Арес вонзит в сердце Тана кинжал до того, как его Печать полностью треснет пополам...

— Сколько прошло времени прежде чем Ресефова сломалась? — спросила Лимос.

— Она вибрировала несколько секунд, а потом треснула, — Арес провел большим пальцем по косе выгравированной на Печати. — Из того что Син говорила о временных рамках события, что вызвало разрушение, думаю это произошло мгновенно. — Он стрельнул в Тана напряженным взглядом. — Как давно ты занимался сексом?

Тан заговорил сквозь стиснутые зубы.

— Полчаса, наверное.

— Подождите. — Шагнул вперед Эрик. — Хочешь сказать, что секс, это то, что должно сломать твою Печать?

— Ага, — ответила ему Лимос. — По крайней мере, мы думали, что именно он. — Она взглянула на Тана. — Может, все это время, ты мог заниматься сексом?

Пять тысяч лет впустую? Не может быть. Должен быть другой ответ. Тан схватил Эрика за воротник, проигнорировав рычание Лимос.

— Зачем Эгиде присылать кого-то, чтобы разрушить мою Печать? Это не имеет смысла.

— Точно, — голос Эрика был чертовски спокоен для того, кто оказался в хватке Смерти. — Не имеет. А значит, они не думали, что секс ее разрушит. И, по-видимому, они были правы. Так что отвали от меня и иди восполняй тысячи лет целибата, придурок.

На глаза Тана опустилась пелена багровой ярости. Лимос с Аресом медленными движениями подошли к нему, и он приготовился к бою. Где-то в пропитанном ненавистью мозге, Тан знал, что пропал, знал, что ему не стоит желать убить человека в своей хватке. Но это не имело значения.

— Тан? — Голос Кары проник в смертельный суп, забивший голову. — Ты нужен Стиксу. — Уронив Эрика, он вихрем повернулся к Каре, которая поглаживала, покрытую корочкой крови, шею жеребца. — Он в порядке, но ему нужен отдых...

— Ко мне. — В то же мгновение, конь обратился дымкой и скользнул внутрь перчатки Тана.

— Танатос... — Голос Ареса был низким и сочился предупреждением. — Что ты делаешь?

— Я собираюсь убить предавшую меня эгидовку.

Арес схватил его за плечо.

— Мы не можем начать очередную войну.

— Тогда им не стоило предавать нас! — Тени душ закружили вокруг него, словно в миксере.

— Тан, — позвала Лимос с ноткой отчаяния в голосе. — Ты должен успокоиться. У тебя снова появился этот безумный взгляд, а нам не нужно повторение Роанока[31].

Роанок... он потерял терпение после того, как его подстрелили, и... Тан не мог вспомнить. Мозг заволокла черная мгла, черный туман, что указывал на точку невозврата и желание убивать.

— Тан... мы со всем разберемся...

— Тан, успокойся...

Вспыхнул мерцающий свет, и Тан решил, что увидел ангела, но его тело дрожало настолько сильно, что он больше не мог верить нечему, что видел или слышал.

— Ривер... слава Богу... откуда ты явился...

— Арес... давай...

Слова смешивались в его голове, пока Тан не перестал понимать кто говорит и о чем. Единственным желанием было убивать. Он начнет с Реган, а потом уничтожит всю организацию Эгиды. Он будет отрывать конечности от тел, вспаривать глотки, убивать, убивать, убивать...

— Лимос! Убери отсюда Эрика!

Слишком поздно. С ревом, Тан освободил свою силу и будь прокляты последствия.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 34

Арес видел Тана в ярости, ему приходилось восстанавливать, что тот рушил, когда впадал в бешенство, а затем оставался рядом после всего и успокаивал своего брата. Но он никогда не видел... такого.

Ривер появился — выброшенный Хайвестер — как раз перед тем, как Тан превратился в ядерную бомбу. Сила взрыва сбила Ареса и Кару с ног, и Ривера с Лимос, которые не смогли увести Эрика достаточно быстро, и бросились к нему, защищая своими телами.

Ударная волна прокатилась по земле, поднимая снег и образуя сплошную белую стену, когда выстрелила во всех направлениях от эпицентра. Она убьет каждое живое существо в Гренландии.

Арес вскочил на ноги и схватил своего брата. Они с Таном рухнули на землю, треснув доспехами об лед. Перекатившись, они начали сражаться, но благодаря присутствию Кары, Арес оказался в невыгодном положении, его ослабленная броня слишком слабо защищала от ударов Тана.

Отчаявшись, он потянулся к сумке на бедре и нашел то, что искал. Без колебаний, он вогнал костяной шип в шею Тана. Тан замер мгновенно.

Шип, который Кара убедила его носить с собой, был смочен слюной адской гончей, и его хватало, чтобы вывести из строя на несколько минут. Ей пришла в голову идея использовать его как оружие против Мора... или другого родственника, Печать которого сломается. Арес сделал в уме пометку, позже зацеловать жену до потери чувств.

К сожалению, времени было мало.

— Приведи Хэла, — обратился к Каре Арес.

Она могла вызвать гончую мысленно, и проклятому щенку лучше бы поторопиться. Пока ждал, Арес коснулся шрама на горле Тана, заставив доспехи отступить и теперь тот лежал голым на льду.

Хэл появился из воздуха, высунув язык и радостно роняя везде свои слюни. Кара заговорила с ним, и щенок подтащившись поближе, более чем хорошо укусил Тана за руку. Блеск в черных глазах говорил о том, что щенку это понравилось, но Арес поморщился. Он не понаслышке знал, что под действием яда гончей, ты чувствуешь все.

— Извини, братец, — пробормотал Арес. — Но это для твоего же блага.

— Арес. — Голос Кары был пропитан беспокойством, и он вскочил на ноги, потянувшись к мечу.

Но меч ему не был нужен. Сердце Ареса почти остановилось, когда он увидел то, на что смотрела Кара.

Ухватившись за голову, на земле извивался Эрик, а беззвучный крик застрял в его горле. Возле него, неподвижно лежали Ривер и Лимос.

— Какого черта?

Когда появился Ривер, одетый в длинную черную мантию и с таким видом, словно проиграл бой с бензопилой, Арес понадеялся на помощь с Таном. Но это определенно не было помощью, и это не хорошо. Арес опустился на колени возле Лимос и ангела, и начал

проверять — пульс, дыхание, хоть что-нибудь.

Не было ничего. Они оба были столь же холодными как лед вокруг них.

Кара опустилась рядом с ним.

— Что происходит?

— Я не знаю.

Страх сжал сердце, и на какое-то мгновение, он решил, что оно перестанет биться.

Покалывание заставило волосы на затылке подняться и Арес, с облегчением и беспокойством, повернулся, когда Гетель материализовалась возле Тана.

Как обычно, она была одета в тунику в греческом стиле, мягкие кожаные сапоги, и с ножнами на бедре.

Она опустилась на колени возле Эрика.

— Что произошло?

— Танатос. Он разозлился. — Ему не нужно было говорить больше. Гетель наблюдала за ними на протяжении сотен лет. Она знала в чем дело. — Как ты узнала, что что-то не так?

— Внезапная смерть тысяч людей на этом острове стала мощнейшим колебанием. Мы могли остановить волну смерти Танатоса, но было слишком поздно. Так много людей погибло. — Ее голос был переполнен тоской. — Более того, я слышала крики душ Ривера и Лимос.

Кровь Ареса стала столь же холодной как земля вокруг них.

— Что ты имеешь в виду?

Гетель погладила волосы Эрика, и тот немного успокоился. Он все еще задыхался, словно рыба выброшенная на сушу.

— Ривер с Лимос защищали Эрика от гнева Танатоса?

— Они заслонили его собой, — ответила Кара.

Склонив голову, Гетель закрыла глаза.

— Да, это имеет смысл.

— Что? — Арес двинулся вперед, не в состоянии ничего понять. — Что имеет смысл?

— Ударная волна... она вбила Ривера с Лимос в Эрика. Буквально. — Гетель подняла на него взгляд. — Она вырвала их души и вбила их в человека. Если бы не они, Эрик бы умер. Проблема в том, что он все равно умрет, если я не смогу вытащить их души. И даже если смогу, то это слишком опасно и больно. Очень.

Кара поежилась, и Арес притянул ее в свои объятия. Она была бессмертна, но не имела иммунитета к холоду.

— Почему больно?

— Души, они... липкие. — Гетель продолжала гладить Эрика по волосам, что немного ослабляло его мучения. — Они связываются с демоническими жизненными силами и делают тех сильнее. По этой причине их и собирает Мор. Мне придется вырвать Ривера и Лимос из Эрика, но фрагменты останутся в Эрике, либо выйдут сами.

Арес многое видел и слышал за свою долгую жизнь, но подобное в новинку. И тревожным.

— Что ты имеешь в виду... фрагменты?

Гетель запнулась, словно пыталась подобрать правильные слова.

— Представь двух людей, слипшихся вместе... как же называется это вещество...

— Суперклей? — предположила Кара.

— Да. Суперклей. — Эрик застонал, и Гетель погладила его по щеке. — Если вы

оттащите людей друг от друга, то кусочки кожи и волос по отрываются. В случае с душами, то что принимается или остается позади гораздо важнее.

Арес переваривал несколько секунд, и пожелал, чтобы у него с собой были таблетки Тамса, потому что от всего этого он ощущал кислый привкус во рту.

— Если Эрик умрет, его душа отойдет к Морю.

— Знаю, — тихо ответила Гетель. Она посмотрела на Ареса и Кару. — Держите его. Он будет бороться.

Кара погладила Хэла, который бросился к Эрику и плюхнулся ему на голени.

Гетель приподняла бровь.

— Неординарно, но эффективно.

— История моей жизни с Карой, — пробормотал Арес, и прижал широкие плечи Эрика, пока Кара удерживала голову человека, чтобы уберечь от ударов.

— Держите крепче, — предупредила Гетель.

Закрыв глаза, она глубоко вдохнула и ее тело начало светиться. Гетель потянулась к груди Эрика, ее рука скользнула глубоко внутрь полости его тела. Эрик закричал, изогнулся, а на виске и шее вздулись вены. Он содрогнулся, и Арес мог поклясться, что услышал рвущийся звук, когда Гетель рванула так сильно, что отлетела назад. Но даже падая, она изогнулась и с силой ударила кулаком в грудь Лимос.

Лимос дернулась и со вздохом очнулась.

— Эрик! — Она поднялась и схватила за руку своего мужчины, зажатую между Аресом и Гетель. — Что не так? Что происходит?

Гетель распластала пальцы поверх сердца Эрика, как будто использовала свою силу, чтобы заставить его и дальше биться.

— Я пытаюсь его спасти.

Захныкав, Лимос прижалась к Эрику.

— Прости меня, Эрик. Я все исправлю. Просто живи, ладно? Живи.

Арес смущенно моргнул. Все исправлю? Что же произошло между ними после того как Арес покинул дом Лимос прошлой ночью?

Гетель снова потянулась внутрь Эрика, и Лимос попыталась приглушить свой всхлип тыльной стороной ладони.

И снова Эрик закричал. Ужасный, животный звук заставил Ареса вздрогнуть не смотря на годы войн, смертей и разрушений, что должны были сделать его невосприимчивым к звукам страданий. Но это выходило за рамки обычных страданий, и внезапно, Арес понял, что на самом деле значит душевная боль.

Наконец Гетель поднялась, и бросилась к Риверу. И как только она коснулась ладонью его груди, он очнулся и сел, тяжело дыша.

— Ваши души вошли в Эрика, — пробормотала Гетель и очень, очень нежно подняла человека, в бессознательном состоянии, и стала держать его в своих объятиях. Гетель, которая не любила телячьих нежностей. У Ареса бы челюсть отвисла, если бы он так не переживал за парня.

— Он...

— Он будет жить, но никогда уже не будет прежним, — начала Гетель и посмотрела на Лимос. — Вам придется самим познавать его недостатки и таланты. — Ее губы сжались в тонкую линию. — И твои тоже. Вы с Ривером теперь несете в себе частицу Эрика, а в нем заключена часть вас. Гетель поднесла ко лбу Эрика светящуюся ладонь, и он проснулся,

сонно моргая.

— Чувствую себя, как на утро после холостяцкой вечеринки. — Он застонал, принимая сидячее положение. Когда его взгляд остановился на Гетель, он выругался. — Ты... — начал он, вцепившись в ее тунику так, словно она не была в силах уничтожить его одним мизинцем, если бы захотела. — Как ты могла расторгнуть мой чертов брак, без моего гребаного разрешения?

Гетель сузила глаза и отцепила его руки от своей одежды.

— Это не мое деяние. Однако я спасла твою жизнь.

Арес вздрогнул от не очень тонкого намека и все повернулись к Лимос, которая внезапно стала красной от смущения. Вглядываясь в снег, она прикусила губу.

— Я... ох, дерьмо. Я могла... мягко говоря слукавить о разводе.

— Значит, мы все еще женаты? — Когда Лимос утвердительно кивнула, по-прежнему избегая его взгляда, Эрик глубоко вдохнул и измучено выдохнул. — Хвала Небесам, — сказал он, потянулся к Лимос и взял ее за руку. — Мы поговорим об этом позже. Что за хрень здесь произошла?

— Ты практически умер, человек, — ответила Гетель, и поднявшись обратилась ко всем, и ни к кому конкретно. — Позаботься о нем. — А затем она исчезла.

Эрик посмотрел на обездвиженного брата Ареса и спросил:

— Адский пёс?

Арес утвердительно кивнул.

— Да. Мы должны какое-то время держать его в таком состоянии.

— Как долго? — спросил Эрик. Хотел бы Арес знать ответ.

— Так долго, как это понадобится.

Арес поднял Танатоса на руки и добавил:

— Но что-то мне подсказывает, что у него впереди долгий, долгий отдых.

Ликвидация негативных последствий. Блядь... ликвидация негативных последствий.

Кинан прокручивал эти слова в голове снова и снова, пока он, Реган, Вал, Малик, Декер и Лэнс сидели в штабквартире Эгиды. После стремительного побега от Танатоса, Кинан сразу же привёл Реган сюда. Всего несколько минут назад они получили известие о масштабной катастрофе в Гренландии.

— Мы ответственны за смерть всех этих людей, — тихо сказал Декер, его глаза не отрывались от монитора ноутбука, стоявшего на столе в комнате для собраний.

Вал покачал головой, но он выглядел таким же опустошенным, как и Декер.

— Мы не могли предугадать, как отреагирует Всадник.

— Слишком бурно отреагирует, — с отвращением фыркнул Лэнс. — Парень сдурел из-за того, что переспал с девушкой. Где такое видано? Каким нужно быть дебилом, чтобы бояться утратить невинность с невероятно горячей штучкой? Реган, наверно в постели ты полный отстой.

Реган бросилась на него через стол со злобным рычанием. Вал и Кинан поймали её прежде, чем она смогла бы навредить себе или новой жизни, зародившейся в ней. Но они не стали останавливать Декера, который впечатал кулак в лицо Лэнса. Тот слетел со стула и ударился о стену.

Декер наступил на грудь Лэнса ногой, своей огромной, обутой в военный сапог ногой, пока тот валялся на ковре.

— Ещё раз заговоришь с Реган подобным образом, и я засуну этот сапог так далеко тебе в задницу, что ты будешь использовать шнурки вместо зубной нити.

— Не говори так о Танатосе. — Реган увернулась от Вала и Кинана, но села на место и не стала бросаться на Лэнса. — Он ни о чем таком не просил.

Декер отпустил Лэнса, и угрюмо наблюдал как тот схватил бумажное полотенце из кофейной стойки и приложил его к своему окровавленному носу.

— И что теперь? — Малик оглядел Реган так словно она знала ответ, но девушка просто болезненно сглотнула.

— Ликвидация негативных последствий, — ответил Кинан. — Всадники будут рассматривать это как предательство, что вполне понятно, учитывая обстоятельства.

Проклятье. Всё не должно было быть таким сложным. Их источники сообщали, что все Всадники, кроме Лимос, были сексуально активными, поэтому Эгида и предположила, что для Реган это станет плёвым делом, без каких-либо последствий.

Все же, Кинану было не комфортно со всей этой темой беременности, и он надеялся на возможность рассказать обо всем Танатосу после определения того, как ребенок спасет мир.

Теперь же... они все были по уши в дерьме.

Почему, мать его, Танатос оказался девственником? Религиозные убеждения? Дал личный обет? Стеснялся своего члена? Черт!

— Как ты теперь всё им объясним? — спросил Декер.

Кинан плюхнулся обратно в кресло и тупо уставился на огромную картину, изображающую битву между ангелами и демонами, на дальней стене.

— Я пойду и поговорю с ними.

— Я пойду с тобой, — сказал Декер.

— Нет, — прошептала Реган. — Ты не можешь. Танатос... — Она пожала плечами. — Просто не надо.

— Она права, — произнес Кинан. — Я пойду один. Будет не весело, но по крайней мере они не смогут меня убить.

— Мы останемся здесь и будем молиться, — ответил ему Вал. — Может они и не смогут тебя убить, но я просмотрел отчеты того, что Лимос с Ресефом сделали со Старейшинами в последний раз, когда мы их предали, и поверьте мне, они вполне способны поубивать всех остальных из нас.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 35

Они все вместе вернулись в имение Ареса. Танатоса несли, Эрика поддерживали Лимос с Ривером, хотя по мнению Эрика Риверу помощь была нужнее чем ему самому.

Он не многое знал об ангелах, но как-то сомневался, что они обычно выглядят так, будто по ним проехали танком, а потом еще подстрелили из пушки. За свою жизнь, Эрик знал, что такое похмелье, и мог поклясться, что Ривер побывал на адской попойке.

Устроив Танатоса в одной из свободных спален с охраной из адских гончих, чтобы

пресечь любые его попытки пошевелиться, все они вернулись в гостиную Ареса и уставились друг на друга. Казалось, никто не знал с чего начать.

Не удивительно, учитывая, что речь шла о предательстве Лимос, шутках Эгиды с Реган, крахе Танатоса, и... похмелье Ривера.

По части Лимос, все так же избегала встречаться со взглядом Эрика, пока вышагивала взад-вперед перед камином.

Арес, который стоял возле кресла где сидела Кара с Хэлом на коленях, сложил руки на груди и впился в Ривера сердитым взглядом.

— Итак. Ты собираешься рассказать нам где был и почему не отвечал на наш зов?

— Сейчас не время спрашивать о моей деятельности. — Ангел, хоть и выглядел как ходячий ад, но его смертоносная сила не уменьшилась, и он все-таки сумел стать центром внимания в огромной комнате.

Лимос перестала расхаживать.

— Сейчас самое время спросить, почему ты не пришел на самое важное событие в моей жизни?

Ривер дернулся так, словно его внезапно шлепнули по его святой заднице.

— Ты нашла свой агимортус?

— Да, но я говорю не об этом.

— Тогда, о чем?

Она приподняла подбородок.

— О своей свадьбе.

Сапфировые глаза Ривера потемнели как штормовое море.

— С Сатаной?

— Нет, — ответил Эрик. — Со мной. — Он наконец-то поймал взгляд Лимос и надеялся, что она четко и ясно поняла его молчаливое послание. "Мы женаты, и так и останется, какую чушь ты бы не творила".

Он, зол? Неа.

— Я не понимаю. — Тусклые, ломкие волосы Ривера скользнули по его одеянию, когда он повернулся к Лимос. — Свадьба с Эриком не отменяет твой контракт.

— О, конечно же, отменяет. — Лимос надменно шмыгнула носом, словно обидевшись, что Ривер посмел усомниться в ней. — Когда Эрик снял мой пояс верности и вставил свой...

— Хватит. — Эрик прервал ее прежде чем она успела вдаваться в детали того, о чем ни Риверу ни ее братьям не стоило слышать. — Он понял суть.

Ривер сгримасничал.

— Слишком ясно.

Лимос посмотрела на свои ноги, а потом снова подняла взгляд на Ривера.

— Я понимаю что ты занят, должен следовать всем этим глупым правилам, но знаешь... не так много людей, о которых я беспокоюсь, и у меня не много друзей... и я хотела чтобы ты там был.

— Прости меня, Лимос. — Сожаление сделало голос Ривера скрипучим. — Те, кто ответственен за мое отсутствие заплатят. Это я тебе обещаю.

В кармане камуфляжных штанов Эрика зажужжал телефон, и вытащив его он увидел сообщение от Кинана: "*Через две минуты буду возле имения Ареса*".

О-о, очень даже вовремя.

Эрик извинился, оставив Лимос и Ареса засыпать Ривера вопросами о том, где тот был,

и молчаливо пожелал им удачи, потому что ангел похоже не собирался отвечать.

Эрик встретил Кинана во дворе, и прежде чем парень успел выдать "привет", прервал Ки.

— Ты хоть представляешь, что вы идиоты, наделали?

Выражение лица Кинана осталось спокойным, хотя Эрик почти выпрыгивал из своей рубашки.

— Понятия не имею, но думаю, что ты мне расскажешь?

— Я говорю о Печати Тана. Знакомо звучит? Знаешь, что должно было ее разрушить? Секс. Его Печать должна была сломаться от секса, поэтому он всю жизнь соблюдал целибат.

Кинан побледнел.

— Подожди... что? Реган говорила, что он был девственником, но мы не знали почему... ох, блядь.

— Ага. Придурки. Ты говорил мне, что Реган собирается соблазнить Танатоса, но... — Эрик запнулся, когда увидел, как Кинан махнул куда-то ему за спину, и обреченно повернулся, чтобы увидеть стоящую в дверном проеме Лимос, в окружении Ривера и Ареса, глаза которого искрились фиолетовым огнем.

— Ты знал? Все это время ты знал почему Реган была в доме Тана, и не сказал мне? Твоя ложь могла вызвать чертов Апокалипсис! — Она приближалась, глядя на него с яростным презрением, которое поразило Эрика прямо в сердце. — После всего дерьма о том, как ты ненавидишь лжецов, ты сделал это со мной. Ты сделал это со мной!

Эрик не стал себя оправдывать и защищать. Даже неубедительное "Кто бы говорил", не слетело с его губ. И хотя это было правдой, но дело в том, что он был лицемером гигантских масштабов. Ни ложь, ни его недомолвки не имели значения. А его лицемерие.

— Ну? — потребовала она.

Он не успел ответить, да и не знал что сказать, потому что к ним заспешила Кара... пыталась по крайней мере, так как Хэл все время пытался схватить ее шнурки.

— Я только что проверяла Танатоса. И думаю, вы захотите это увидеть.

Арес вытянулся словно тетива.

— Яд перестал действовать?

— Нет, все в порядке. Но... вам в самом деле стоит пойти со мной.

Арес бросил на Эрика уничтожающий взгляд, обещающий, что разберется с ним попозже. Лимос сделала то же самое. Вот чёрт, он был в по уши в дерьме, и учитывая всё, что произошло, лучше уж встретиться лицом к лицу с гневом Ареса, чем Лимос. Он должен всё исправить. И немедленно.

Он направился за ними, но Кинан схватил его за руку.

— Маленький совет от одного женатого мужчины другому. Догони её. Она никогда не простит, если ты этого не сделаешь. Но, дай ей прежде несколько минут, чтобы остыть, — сказал Кинан, лукаво усмехнувшись. — Можешь мне поверить, я знаю, что говорю.

Мышцы Эрика сжимались от желания броситься за своей женщиной, объяснить необъяснимое и исправить все это дерьмо между ними. Он не будет чувствовать себя хорошо рядом с ней пока не выветрит все их грязное белье, и пока не увериться в том, что она больше никогда не попытается избавиться от него, ради его же блага.

Они должны разобраться с этим, и хотя понимал, что Кинан прав, Эрик не мог ждать. Он был солдатом, и его работой стало уничтожение врагов.

Прямо сейчас, его врагом стала собственная глупость.

Он снова двинулся вперед, и в этот раз был остановлен Ривером. Ангел вышел из дома, схватил его за затылок и в полусогнутом состоянии поволок к Кинану, словно Эрик был прогуливающим школьником.

— Сперва мы поговорим, — сказал Ривер, отпуская Эрика, чтобы они с Кинаном могли выслушать лекцию в стиле "вы были плохими мальчиками". — Когда Эгида решила прислать Реган к Танатосу.

— Несколько дней назад, — ответил Кинан. — А что? К стати, выглядишь ты дерьмово.

— Живу ради твоей оценки, — протянул Ривер. — А теперь, каковой была цель всего этого действия?

— Недавно мы нашли свиток, написанный Хранителем, который в свое время был провидцем. — Кинан несколько раз переступил с ноги на ногу. — Он... указал, чтобы спасти мир от Мора, эгидовка должна переспать со Всадником.

Ривер сощурил глаза.

— Где вы нашли этот свиток?

— В гробнице Эгиды, которую мне показала Лимос.

— Ох. — Ривер посмотрел на окружающее греческий остров, море и выражение его лица стало встревоженным, и Эрик мог поручиться, что парень немного дрожал. — Интересно, не так ли, пока меня держали вне пределов зоны призыва, Лимос привела тебя к свитку, который дал вам инструкции сделать что-то такое, что, как все думали, разрушит Печать Всадника.

— У нас не было причин не верить Лимос. Она сказала, что нашла гробницу, пока искала свой агимортус. Мы бы не стали ничего предпринимать, если бы не изучили предметы, которые нашли в гробнице.

Комок подозрений размером с демона Гаргантюа увяз в желудке Эрика. Лимос не упоминала эту гробницу, когда совсем недавно обещала сделать все, чтобы помочь Эгиде. Еще одна тайна? Очередная попытка начать Апокалипсис?

Нет. Он не мог так думать. Лимос о многом врала, и Эрик верил, что она сожалеет об этом. И если Лимос сделала что-то, чтобы ввести Эгиду в заблуждение, то не потому что хотела.

Поднявшийся ветер растрепал одеяние Ривера, и затянув кушак, ангел обратил свое внимание на Кинана с Эриком.

— Поскольку Печать Тана не сломалась, то нет никакого вреда, но ситуация оставляет много вопросов.

— Например, что же разрушит Печать Тана. — Разочарованно вздохнул Эрик. — Даже он сам думал, что это сделает секс.

Лицо Кинана приобрело странный зеленоватый оттенок.

— Ох... есть еще кое-что.

О-о, Господи. Надеюсь, что Кинан не собирается говорить то, о чем подумал Эрик, мужчина рыкнул:

— Что еще?

— Это Реган, — выпалил Кинан. — Она беременна.

Наступила полная тишина. И тогда Ривер отступил назад, глаза его запылали синим пламенем. Он испустил сердитый рев, а потом просто исчез.

Кипя от гнева и чувствуя себя последней идиоткой, Лимос последовала за Аресом и Карой в заднюю часть особняка. Как Эрик мог скрывать от нее нечто настолько важное? Это не похоже на что-то типа: "Нет, дорогая, в этом платье твой зад не выглядит слишком жирным". Он знал, что Эгида подослала кого-то, чтобы предать их всех, и не предупредил. Как долго он знал? Был ли он частью решения?

Может, во время свадебной церемонии, вместо признания о том скольких женщин целовал, ему стоило сказать: "О, привет, к стати, Реган здесь чтобы трахнуть твоего брата, и я знаю об этом".

Ага. Это офигенно. Сколько людей погибло в Гренландии из-за его предательства? И какие еще последствия грядут?

И сейчас, из-за Эгиды, Танатос полностью недвижим, пойманный в ловушку внутри своей головы в компании одной лишь своей ярости.

Он лежал там, где они его оставили, на большой кровати королевского размер в одной из гостевых комнат. Кто-то одел на него спортивные штаны и прикрыл грудь покрывалом.

На кровати возле Тана лежал адский пес, и судя по взгляду которым наградила гончую Кара, Лимос поняла, что он должен был быть на полу. Но честно, кто может указывать монстру-людоеду, весом в две тысячи фунтов, где ему спать.

— Если придется долго держать здесь Тана, то нам понадобится капельница, чтобы предотвратить обезвоживание, — сказала Лимос. В ее голосе настолько ясно слышался гнев, что адская гончая оскалила зубы, словно на угрозу.

— Мы также посменно будем составлять ему компанию. — Арес обернул руки вокруг талии Кары, и Лимос сглотнула, задаваясь вопросом вернут ли они с Эриком такую близость. — Что тебя беспокоит?

Кара указала на Танатоса.

— Смотрите сами.

Что-то было не так. Они все склонились поближе к своему брату, который выглядел так словно мирно спал. Разве что его глаза были открыты. Они уставились вверх, но неподвижны всепонимающие. Лимос напряглась, прекрасно понимая, что он переживает и как себя чувствует. По крайней мере, Тан был с семьей, и знал, что никто не навредит ему. Он будет в комфорте и безопасности.

Кара похлопала по ноге Тана.

— Смотрите.

Тан среагировал немедленно. Не его тело... только верхняя губа. И... святой ад... его зубы. Резцы удлинились в клыки, размером которых гордился бы тигр.

Арес отступил, почти сбив с ног Лимос.

— Что, блядь, это такое? — Он повернулся к Лимос. — Ты знала?

Она все никак не могла отвести взгляд, даже когда рот Тана вернулся в нормальное состояние.

— Понятия не имела. Его Печать цела? Ресеф... Мор... у него отрасли клыки, когда его сломалась.

Арес оттянул одеяло и раскрыл Печать Тана, которая, к счастью, была цела. Но это не объясняло снаряжение плотоядного животного. Был ли Тан так же смущен, как и они?

— Эти последние несколько дней стали чертовски интересными, — пробормотал Арес. — И под интересными, я имею в виду ебанутые.

— Ага, и я часть всего этого. — Лимос глубоко вдохнула, понимая, что должна это сделать и настроилась принять ярость Ареса. — Мне так жаль из-за того, что я наделала и всей лжи, которую наговорила. Я не жду, что ты простишь меня, и понимаю, если ненавидишь... — На этом она замялась, потому что хоть и могла понять, но не могла вынести.

Ей и не пришлось. Арес так сильно прижал ее к себе, что почти выбил дыхание из легких.

— Я не ненавижу тебя, — сказал он немного сдавленным голосом. — Ненавижу то, что ты сделала, ненавижу, что лгала так долго, но я имел в виду именно то, что говорил, когда сказал, что не смотря ни на что люблю тебя. Я был не прав, когда отвернулся от тебя и сказал, что ты так же плоха как Мор. Сможешь меня простить?

О-о, Боже. Он просил о прощении? Как глупо с ее стороны было сомневаться в нем. Ее растили с верой, что только одно слово и только одно действие отделяет тебя от ненависти и предательства, и ей никогда не приходило в голову, что любовь может быть по-настоящему безусловной.

Но потом, как бы зла ни была на своих братьев, она любила их. Как бы зла сейчас ни была на Эрика, он все еще владел ее сердцем. Почему она не поняла все это раньше? Вроде, пару тысяч лет назад?

— Тут нечего прощать, Арес, — прошептала она.

Он сжал ее крепче, а потом нежно отпустил. От облегчение ее ноги стали шаткими, но лишь до тех пор, пока она не взглянула на Танатоса. Ему со стольким придется справляться из-за ее лжи.

Лимос опустилась на матрас и взяла Танатоса за руку.

— Эй. Я знаю, что ты меня слышишь. Мы можем привести Кинана и он объяснит не счет Реган... — Она замолчала, когда губы Тана приоткрылись и показались зубы.

Хотя, в этот раз, в желтых радужках его глаз вспыхнули малиновые точки, а из тела вырвалась убийственная вспышка жара. Татуировки Тана начали извиваться, а коса на шее хлестнула по скорпиону.

Глубоко вдохнув, Лимос поднялась с кровати и попятилась, но ярость Тана продолжала пылать.

Казалось, им предстоит разобраться не только с его таинственными клыками, но и тем, что он оставался очень, очень злым Всадником, а это никогда не было хорошей новостью.

Переводчики: silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 36

Ривер стоял на вершине горы Мегиддо и ругался. Ругался пока облака не закружились над ним злым черным вихрем, а потом снова ругался.

Он не мог подняться на Небеса пока не отрастут крылья. Как будто он снова стал Непадшим, застрял между реальностями и практически остался без сил.

По крайней мере он мог взывать к своим Небесным собратьям... и надеяться, что они ответят. Его тело было наполнено вином из костного мозга — но недостаточно.

Он так сильно его жаждал, что всё тело сотрясала мелкая дрожь. Ему либо нужно было

принять очередную дозу, либо вывести остатки этой дряни из организма. Но прямо сейчас, его мозг находился в таком одурманенном состоянии, что был неспособен здраво обдумать идею об очистке.

Кожу головы защищало, и он обернулся как раз в тот момент, когда молния ударила об землю в нескольких ярдах от него. Когда вспышка пропала, на её месте стояла Харвэстэр, сжимая в руках сумку из мешковины. Её глаза сверкали, а губы были такими же красными, как вино, которое она заставляла его пить.

— Кто-то немного рассержен.

Слово "рассержен" даже частично не могло описать его состояния, Риверу понадобилась вся его сдержанность, чтобы не наброситься на неё.

— Что ты наделала?

Склонив голову на бок, Харвэстэр ему улыбнулась.

— Я так понимаю, ты только что узнал, почему я держала тебя в плену.

Загремел гром, и дождь обрушился на них большими, тяжелыми каплями. Она взмахнула рукой, и невидимый зонт закрыл их обоих от ливня.

— Мы ведь не могли позволить тебе запретить Эгиде посылать кого-либо для соблазнения Танатоса, не так ли?

Часть его ярости испарилась от внезапно возникшего подозрения. Она совсем не выглядела расстроенной из-за того, что Печать Танатоса не сломалась, и это подсказало ему, что она обо всём знала. Значит, лишить Танатоса невинности не было основной целью?

— Откуда ты знала, что его Печать не сломается?

— Не понимаю, о чём ты. Конечно же я надеялась, что она сломается.

Она лгала, но почему? Он посмотрел вверх, на пенившиеся облака, а потом опустил свой взгляд на злобную Падшую ангельшу. И тут на него нашло озарение.

— Ты знаешь, что составляет агимортус Танатоса, да?

— Понятия не имею.

— Ты лжешь.

Ривер бросился на неё, но без крыльев он был не так проворен, как Харвэстэр, и его рука схватила лишь воздух.

Она стояла в трёх ярдах от него, ухмыляясь.

— Я бы не стала врать. Я вне себя от ярости, что мог так обо мне подумать.

— Вне себя от ярости, ага, как же, — сказал он заскрипев зубами. — Почему ты знала об агимортусе Танатоса, а я — нет.

— Просто я — особенная. Ты — ангел, утративший память, который не раз марал свои белые крылышки. Ой, постой, у тебя же нет крыльев.

Она засунула руку в сумку, которую держала и сказала:

— Кое-что тебе принесла. Наслаждайся.

Она бросила ему бутылку, и он поймал её одной рукой, и лишь позже подумал, что следовало позволить разбиться ей об скалы.

Вино из костного мозга Низула. Бутыль обжигала его кожу, словно пускала корни в ладонь. На него опять начал падать дождь. Харвэстэр исчезла.

Вино... он с ужасом наблюдал, как его тело отделилось от разума, выдел, как рука открыла бутылку и поднесла к губам.

Я сильнее этого. Сильнее этого.

Слова въелись ему в голову, но не потому, что были правдивы. А потому, что он уже

говорил их раньше, и оказался неправ. Но когда? И при каких обстоятельствах? Туманное воспоминание было таким же реальным, как мираж, и разобраться в нём было почти невозможно. Но уже тот факт, что у него остались хоть какие-то клочки из прошлого, и неважно насколько нечёткие, сам по себе был чудом.

Возможно к Риверу перешла частица Эриковых, закалённых военной муштрой возможностей воспроизводить в памяти важные детали, когда Гетель разделила их души. Интересно.

Боль пронзила его ладонь тысячью мелких осколков. Он посмотрел вниз и увидел, что из-за того, как сильно сжимал в руке бутылку, та разлетелась на мелкие куски.

Часть его хотела опуститься на колени и слизать вино пока оно не впиталось в грязь. Кое-как, он устоял.

Он не позволит Харвэстэр снова выиграть.

Харвэстэр вернулась к себе домой. Вэйн ждал её с опущенной головой, не поднимая глаз.

Она была в хреновом настроении, когда нашла Ривера на горе Мегиддо, где он своими проклятиями гневил Небеса, разражаясь бурным ливнем сквернословия. Ливнем не только метафорическим.

Ей не хотелось так скоро с ним встречаться после того, как она его выбросила. Но приказ есть приказ. Только идиот станет игнорировать Люцифера.

"Подпитывай его пристрастие, — сказал ей Люцифер. — Заставь его утонуть в вине". Да уж, легче сказать, чем сделать. Хотя она держала Ривера на строгой диете из вина с костного мозга демонов Низул, он никогда не просил его, даже когда дрожь сотрясала его тело от ломки, и пылало от жара. Она стояла рядом, с бутылкой в руке, ожидая, что он станет умолять.

Ни разу он этого не сделал. Ей пришлось силой по капле вливать ему вино в рот. Распробовав его на вкус, он по собственной воле пил дальше, но этот мужчина обладал удивительной силой сопротивления.

Такой гордый, могущественный ангел.

Она восхищалась им и презирала его.

На её языке остался горький привкус, когда она подозвала к себе Вэйна. Он оказался рядом с ней в считанные секунды, и, преклонив колени, стал целовать её стопы. Когда он слегка задел зубами её кожу — это вывело Харвэстэр из себя. Единственное время, когда он позволял себе небрежность по отношению к ней — когда восходила полная луна в его родной Венгрии. И это значило, ей придется отпустить его на три дня, чтобы он смог дать выход своей энергии оборотня.

Чёрт побери. День становился всё лучше и лучше. Тысячелетние планы начинали приходиться в исполнение, но... в один момент всё могло рухнуть.

Устроить беременность эгидовки было рискованным предприятием.

И через девять месяцев этот риск либо окупит старания Харвэстэр, либо уничтожит её.

Всего девять месяцев, и тогда Апокалипсис будет остановлен...или разрушит весь мир.

Переводчики: navaprecious, silvermoon

Глава 37

Эрик уставился на пустое место, где только что стоял Ривер, гадая, придёт ли когда-нибудь мир опять в норму? Его лучшим предположением было — когда ад заледенеет. Да, та ещё шутка, поскольку, если планы Мора сработают, земля обернётся адом.

— Черт подери, — сказал Кинан, — какой бардак.

— Бардак? — ответил Эрик, поворачиваясь к нему лицом. — Приуменьшение века, не считаешь? Старейшинам Эгиды, мать их, крупно повезло, что они не сломали Печать Тана своей выходкой.

— По крайней мере, мы пытались хоть что-то сделать, чтобы предотвратить Апокалипсис, — рявкнул Кинан. — Все в ПС-Х сидят на своих чёртовых задницах. Пока они начнут действовать, будет слишком поздно.

Армия привыкла действовать сразу, так же, как и правительство, и выжидательная стратегия была не для них. Но, с другой стороны, Эгида тщательно взвешивала и обдумывала свои решения.

Но все это давно известные факты, и рассуждения о них и яйца выеденного не стоили. Кроме того, гнев Эрика был направлен не на Кинана. Он даже не на себя злился, что скрыл такую информацию о Реган от Лимос, хотя он фигурально дал себе за это хорошего пинка.

Дошло до того, что Эрику пришлось принимать решение, с которым, он даже не думал, что столкнется.

Кинан, который казалось прочел ситуацию, словно был на два шага впереди, всех, в точности знал о мыслях Эрика.

— Ты возвращаешься к нам, или нет?

— А ты будешь заставлять меня хранить секреты от моей семьи?

Последовало долгое молчание, а затем Кинан вздохнул.

— Мужик, я знаю кто ты и откуда. Я Хранитель с кучей демонической родни. Я женат на демонице. Моя преданность каждый день оказывается под вопросом.

— Но?

Синего цвета глаза Ки впились в Эрика.

— Но ты по горло увяз с людьми, которые обернутся против нас, если сломаются их Печати. Есть вещи, за которыми мы должны пристально наблюдать.

— Это я понял, и знаю, что Лимос тоже поймет. — Хоть его девочка и злилась сейчас, но она далеко не глупа, и поймет последствия ее обращения во зло. — Она не станет спрашивать ни о чем, что может скомпрометировать нас в случае разрушения ее Печати. Но остальное... как например вовлечение Всадника в беременность Хранительницы? Ага, ты просто оставишь это дерьмо при себе, потому что вот в чем дело — я ничего не стану от нее скрывать.

Больше никогда. Тайны и ложь почти уничтожили его с ней отношения, и ее отношения с братьями. Черт, они всё еще могли разрушиться. Лимос не вернулась, и Эрик начал беспокоиться вернется ли она вообще.

Кинан выругался.

— Знаешь, если бы ты был кем-то другим, мы бы сказали тебе проваливать.

— Знаю. Но даже без моей подготовки, навыков по убийству демонов, и способности

изучать демонические языки, я слишком важен, чтобы ПС-Х или Эгида позволили себе меня потерять.

Ни одна из организаций не захочет потерять своего человека в кругу Всадников. Проблема в том, что пока Мор владеет его душой, Эрику стоит быть осторожным с тем куда идет и с кем встречается. Засранец мог чувствовать его, а Эрик не рискнет тем, что Мор может появиться посреди штаб-квартиры Эгиды или другим подобным дерьмом.

— Ненавижу, когда ты прав. — Кинан взглянул на часы. — Послушай, я должен идти. Но ты нам нужен. Даже больше чем когда-либо. Подумай об этом.

Эрику и не нужно было об этом думать. Если бы не маленькая скверная проблема с Апокалипсисом, он даже не стал бы рассматривать возможность возвращения, но миру сейчас нужны были все, способные помочь, а Эрик не собирался отворачиваться от человечества.

— Ты такой мудака, — крикнул Эрик, когда Кинан направился по дорожке к Хэррогейту острова. — Ты знаешь мой ответ.

Кинан не стал поворачиваться, просто показал ему палец из-за спины.

— Знаю.

— Придурок, — пробормотал Эрик. Потерев виски, он собрался с силами для следующего противостояния.

Лимос. И Арес. Он не только должен объяснить почему скрывал от них такую тайну, но еще и рассказать, что они скоро станут дядей и тетей. Что-то подсказывало Эрику, что новость окажется не из приятных.

Направляясь к входной двери, он задался вопросом, сколько людей придет на его похороны.

— Эй, Эрик.

Напрягшись, Эрик быстро повернулся к владельцу глубокого голоса.

— Тав? Какого черта ты тут делаешь? — Блондинистый Семинус улыбнулся грустной улыбкой, и желудок Эрика скрутило, от осознания насколько точно его последняя мысль. — Ты пришел убить меня, дружище?

— Ага.

По позвоночнику Эрика пополз холодок.

— Зачем? Лимос разорвала свой контракт, так что убивать меня бессмысленно.

— Судя по всему, Темный Властелин очень взбесился из-за этого.

— Так и должно быть. Он проиграл. — И облажался по-крупному.

Пожав плечами, Тавин оглядел Эрика сверху до низу.

— Хорошо выглядишь. Свобода тебе идет.

— Спасибо. — Ладно, казалось немного странным вот так по дружески болтать с человеком, которого прислали тебя убить. — Итак.

Тавин тяжело вздохнул.

— Итак.

— Как мы это сделаем?

— Не знаю. — Тав выглядел искренне озадаченным, его светлые брови глубоко нахмурились над голубыми глазами. — Никогда не приходилось убивать того, кто мне нравится.

— Тогда, мы просто замечательная парочка, потому что я никогда не хотел, чтобы кто-то мне нравится пытался меня убить. — Эрик провел рукой по волосам. — Такой

отстой.

— Это конечно, неловкая ситуация.

Тавин достал из-под пиджака металлический диск, края которого выглядели настолько острыми, что могли без усилий снести голову оборотню. Эрик догадался, что именно это с ним и произойдет.

— Извини за это, Эрик.

— Я не смогу отговорить тебя, а?

— Если я провалюсь, со мной случится что-то очень плохое. — Голос Тавина стал монотонным, а значит он переключился с друга на связанного долгом солдата.

— А если преуспеешь, что-то плохое случится со мной.

Эрик сдвинулся с места, неприметно открыв кобуру у бедра, в которой находился пистолет. Большинству демонов обычные пули были ни по чём, но он знал, что Семинусы были к ним восприимчивы. Кроме того, ему нравилось старое выражение о том, что огнестрельное оружие добавляет поединку достоинства, а иначе это просто обычная дворовая драка.

Эрик готовился стать очень достойным. Хотя и не сторонился вульгарности.

Тавин наклонил голову, резко кивнув в знак уважения, и битва началась. (и понеслось). Он двигался как тень, словно размытое пятно с серебристым отблеском холодного металла. Закругленное лезвие просвистело совсем рядом и Эрик едва успел достать пистолет, чтобы защититься от диска, что чуть не снёс ему верхушку черепа. Как бы то ни было, нож прошел сквозь ствол Береты и выбил оружие из его рук.

Сукин. Сын.

Тавин бросился вперёд, и Эрик развернулся, чтобы отбить атаку демона, который обрушил на него поток ударов и мастерских выпадов мечей. Где он их взял, с задницы что ли вытащил? Его тело пронзили миллионы порезов, словно его поместили в огромный кухонный комбайн. Упав на землю и ловко перевернувшись, он достал из нагрудного чехла S-образный нож и нанёс удар по корпусу Тавина.

Демон вскрикнул и отскочил назад, но когда он всадил серебряный конец оружия в плечо Семинусу, Тав нанёс ему удар в живот девятидюймовым зазубренным клинком. Эрик услышал булькающий звук проливающейся крови, почувствовал сопротивление мышц и органов. Невероятная агония выбила воздух из его легких.

Каким-то образом ему удалось пнуть коленом Тавина между ног. Парень выругался и согнулся пополам. Эрик стонал и дышал с трудом, но сумел всадить демону в спину S-образный нож, нажал сильнее, вырывая кусок плоти на рёбрах. Демон заорал, его глаза налились кровью, он развернулся и погрузил свой клинок в грудь Эрика.

Голова закружилась и Эрик распластался на земле. Его начала поглощать черная мгла, и черт возьми, он умирал, да неужели? Эрик пережил месяц пыток в Шеуле, пережил Мора, Сатану, Танатоса и найвов.

А этот демон секса собирался его убить.

— Мудак, — выдохнул он.

Глаза Тавина из малиновых стали золотыми, а значит он только немного разозлился. Когда они вернут свой обычный голубой цвет, парень полностью успокоится, но Эрик сомневался, что это произойдет скоро.

— Мне действительно жаль, человек. — Тавин вонзил лезвие.

Прямо в сердце Эрика.

Боль. Эрик думал, что знал о всех существующих видах этого чувства.

Он ошибался.

Сердечная боль была зверем особенным, острым, обжигающим пламенем, не позволяющим даже корчиться от мучений.

Он лежал, прижатый тяжелым телом Тавина, жалея, что ему не выпала возможность заняться с Лимос любовью перед смертью. Жалея, что не извинился. Что не дал ей понять кристально чётко, что его не волновали её поступки в прошлом.

Боль в сердце Эрика не имела ничего общего с погружённым в него клинком. Его страдания были из-за Лимос.

Тавин выдернул нож из груди Эрика и неловко поднялся на ноги, зажимая рукой собственную рану, пока его противник истекал кровью на белом песке.

Или... подождите-ка. Крови не было. Подняв голову, Эрик пошевелил пальцами на руках и ногах. Он сел, осмотрел свое тело и, вот чёрт, его раны затягивались.

— Какого х...

Тавин развернулся и метнул нож, прямо в горло Эрику.

Боль была адской, но когда он вытащил клинок, то ощутил странное пощипывание, когда края раны начали срастаться.

— Ух ты, клёво.

Эрик похлопывал себя по телу и даже не смотрел на Тавина, который в этот момент обрушил на него град мелких калтропов, которые соприкасаясь с кожей, прилипали к ней, подобно дюжине колючек репейника.

Они вьедались в кожу и мышцы, пытаясь добраться до жизненно важных органов. Очень гадкое демоническое оружие. И когда Эрик попробовал вытащить один из плеча, его кожа задвигалась, и вытолкала наружу противные колючки.

— Бля... — ругнулся Тавин, останавливаясь напротив. — Что ж ты никак не сдохнешь?

— Понятия не имею, — ответил Эрик, поднимаясь на ноги, и мелкие костяные шпоры осыпались на землю.

Тавин опять на него бросился, на этот раз с кинжалом с изогнутым лезвием, стараясь добраться до шеи. Демон уже не шутил, а взялся за дело серьезно. Большинство существ — даже бессмертных — не могут пережить обезглавливание. Эрик пригнулся, развернулся и смог помешать Тавину достигнуть цели. Но парень был очень быстр, и когда он крутанулся, перед глазами Эрика мелькнуло серебряное лезвие.

Он бросился на землю, и, перевернувшись, подобрал один из шипов. Быстрым движением он метнул крохотное оружие, и попал демону в живот. Тавин зашипел от боли и выпустил из рук кинжал. Эрик среагировал молниеносно, подобрав его и вспомнив школьные дни, когда он занимался футболом, одним движением бросил демона на землю. опрокинув на лопатки.

Эрик прижал лезвие к горлу Тавина.

— Закончил?

— Убей меня, — прохрипел он, — или мне придётся продолжать.

Острие шипа в любом случае убьёт его, но это было бы чертовски медленно и болезненно. Перерезать горло Тавину было бы милосерднее. Но черт возьми, парень сильно

рисковал, помогая Эрику, принося ему воду и способствуя его побегу из Шеула. А потом была еще эта фигня с разумом.

Эрик посмотрел на демона, его кожа побледнела и стала скользкой от пота.

— Ты лечил мое тело, но также и исцелял мой разум, не так ли? Вот почему я не сошел с ума от посттравматического стрессового расстройства.

Глаза Тавина широко распахнулись. На мгновение Эрик решил, что он собирается это отрицать, но сильная дрожь сотрясала его тело, он задыхался.

— У меня... ограниченные... способности. Мать... была... Пруоси.

Пруоси. Разновидность демона, обладающих невероятными умственными способностями. Так Тав унаследовал физический талант демона-семинауса от своего отца, но и психический от матери. Эрик задавался вопросом, какими другими талантами был наделен демон.

И какую еще информацию он мог от них скрывать.

— Что ты знаешь о найвах, посланных за мной?

— Ничего, — простонал Тав, и струйка крови потекла из его уголка рта. — Но поищи... вне Шеула... преступника. Его остекленевшие от боли глаза встретились с глазами Эрика. — Найвы — шпионы. Никакой демон не будет... использовать их в качестве... убийц. Слишком непредсказуемы.

Да, новость была дерьмовой. Кто же за пределами Шеула хотел его смерти?

От тяжелых шагов завибрировала земля, появились Лимос и Арес с обнаженными мечами, направленными на Тавина.

— У меня все под контролем, — сказал Эрик. — Тавин пытался меня убить, но по какой-то причине я не умер.

Арес свистнул одному из своих слуг Рамрилов, который стоял неподалеку.

— Подготовь камеру пыток.

Господи. Всадники определенно не бездельничали. Он взглянул на Лимос, свирепо смотрящую на него, и ему стало интересно, представляет ли она Эрика в камеру пыток рядом с Тавином. Эрик бросил нож в песок и толкнул его ногой. Никого не будут пытать, и также никто не собирается убивать Тавина.

— Вы слышали, ту часть, где я сказал, что не умер? Я получил удар ножом в живот, горло и сердце. — Эрик потер пальцами кожу на шее. — Нет, так узнали бы.

— Будь я проклят, — Арес сунул меч в ножны. — Гетель заявила, что часть Ривера и Лимос могут остаться, когда она отрывала их души от тебя. Я бы сказал, в тебе остались кусочки бессмертия.

Тав все еще лежал на земле и кашлял кровью.

— ...Я свободен от обязательств, если..., — он шумно втянул в себя воздух. — ...ты бессмертен.

Эрик опустился на колени рядом с ним и положил руку на рану на животе демона.

— Ему нужен врач. — Медицинской подготовки Эрика было не достаточно в столь дерьмовой ситуации.

— Он пытался тебя убить, — отрезала Лимос. — Что ему нужно, так это обезглавливание.

— Он помог мне сбежать из Шеула, — тихо ответил Эрик. — И помог сохранить здравый рассудок.

Арес выругался.

— Отнесу его в ЦБП. Грёбные демоны с их грёбаными демонскими больницами...

Он поднял Тавина на руки, открыл портал и скрылся в нём, оставляя Лимос и Эрика пялиться друг на друга. Эрик точно знал, что она представляет демона закованным в цепи и проигрывает в голове различные варианты истязаний, включая раскалённые кочерги.

— Ты солгал, — начала она, запихивая меч в ножны. Эрик с облегчением выдохнул, он даже не помнил, как задержал дыхание.

— Да.

— Почему?

Он мог бы сказать ей, что это он защищал своих коллег и их связь с Эгидой, и хотя это было правдой, он собирался отбросить ложь и рассказать истинную причину того, почему не открыл ей всю правду.

— Поскольку Эгида верила, что сможет остановить Апокалипсис. Они сделали это во благо всего мира. Я не участвовал в принятии решения, но должен верить, что они сделали это по правильным причинам. — Эрик остановился, задумавшись как рассказать остальное. Он решил, что лучше методом удаления повязки: сделать это быстро. — Реган беременна.

Лимос резко вдохнула.

— Это... Тана?

— Угу. — Эрик с опаской наблюдал за Лимос, надеясь, что она не взорвется как Тан. Это было какое-то ужасное дерьмо, и опыт, который он не хотел никогда пережить снова. — В одном из свитков, к которым ты привела Кинана, сказано, что если Всадник и Хранитель зачнут ребенка, то малыш спасет мир.

— О, Боже. — Лимос зажмурила глаза.

— Ты знала?

— Нет. — Ее глаза налились кровью, когда она снова их открыла. — В смысле, я не знала о свитке. Но... я догадалась, что гробница подставная.

— Так я и думал, — пробормотал он. — Думаю, Мор заставил тебя?

— Да. — Она выглядела такой несчастной, что ему захотелось притянуть ее в свои объятия, но он не был уверен, что сможет на этом остановиться. Он хотел забыть все это и заняться чем-то более приятным, но им нужно поговорить. Они должны все выяснить раз и навсегда.

— Все это, потому что я хотела скрыть свою ложь. — Голос Лимос дрожал, — все из-за меня, Эрик. И этому не будет конца?

Он не мог больше терпеть. Ему пришлось прикоснуться к ней. Подойдя ближе, он нежно взял ее за плечи, но крепко.

— Все закончиться, Лимос. Но прямо сейчас скажи мне... ты еще что-нибудь скрываешь? Все, что угодно?

— Нет, — прошептала она. — Ты и мои братья теперь знаете все. Ну, они узнают, как только я расскажу им о гробнице. И о ребенке.

От облегчения мышцы Эрика чуть не превратились в лапшу. Они оставили в прошлом ложь и тайны, и, конечно, ее братья простят ее, так же, как и Руна...

Чувство стыда захлестнуло его, он почти согнулся от силы этого чувства. Он столько скрывал от Руны. Да, для ее же блага, но когда Лимос сделала тоже самое ради его блага, он был в ярости, потому что он мог сам сделать выбор.

Еще раз его лицемерие стало воздухом, которым он дышал, и на короткое время, тьма и ненависть к себе поглотили его.

— Эрик?

— Лимос, прости меня. — Его грудную клетку сдавливало, пока он не ощутил, что может взорваться. — Боже, каким же козлом я был. Все это время я ненавидел ложь, ненавидел людей, которые мне врали. Но при этом для меня было нормой делать тоже самое, прикрываясь защитой близких, считая их слишком слабыми, чтобы выдержать правду. — О, черт, в груди разливалась боль. — Мой отец привык говорить, что Руна слабая. Он говорил, что ей легко навредить. Легко довести до слез. Он звал ее малявкой.

Лимос положила руку на его плечо, но он увернулся, не в состоянии выносить утешение прямо сейчас. Особенно, когда он его не достоин.

— Я никогда не думал, что обращаюсь с ней так, будто она слабая, но скрывая правду от нее, именно это я и делал. — Он потер грудь, но это не принесло облегчения. — А потом обходил стороной и ненавидел людей, которые врали и скрывали тайны, но черт... я не ненавидел их. Я думаю, что все это время я ненавидел себя самого.

И когда Лимос коснулась его, он попытался стряхнуть ее, но она не сдвинулась с места. Она прижималась к нему, даже когда он попытался, пытаясь отстраниться от нее. Черт, он даже кричал на нее, чтобы она отпустила его, но она повисла на нем как ковбой на мустанге.

— Прекрати! — рявкнула она. — Эрик! — Лимос обняла его и уткнулась лицом в его шею, целуя и зарываясь носом. — Перестань! — Она ласково гладила его волосы, плечи и, в конце концов, он прижался спиной к дереву, позволяя ему и Лимос поддерживать его.

— Прости меня, — прохрипел он. — Мне так жаль, что я вел себя как задница с тобой. Ты не заслужила быть осужденной таким образом.

— Нет, — прошептала она ему в кожу. — Заслужила. Без тебя, вся эта ложь все еще давила бы на меня, и Мор мог бы победить.

Он нежно оттолкнул её от себя так, чтобы посмотреть на нее.

— Я не понимаю.

— Он хотел, чтобы я лгала, — сказала она. — Он знает, что это как наркотик для меня. Но... ты все изменил, Эрик. Я хочу рассказать тебе кое-что. Я ненавижу что-то скрывать от тебя. Ты даешь мне то, что ни ложь и ни саморазрушение не сможет никогда. Я получаю удовольствие от них, но с тобой, это чувство в миллион раз сильнее, и меня не мучает совесть. Я так тебя люблю. Пожалуйста, не ненавидеть человека, которого я люблю.

Глаза Эрика защипало. Он обнял ее так крепко, от чего Лимос охнула, затем он начал ее безумно целовать.

— Мы это сделали, — сказал он ей на ухо. — Мы покончили с ложью, секретами и идиотским поддельным разводом, так ведь?

Она отстранилась и усмехнулась.

— Мы сделали это. Тебе никогда не избавиться от меня, Эрик.

Он собирался сказать ей, тоже самое в ответ, когда в нескольких ярдах от них распахнулись ворота, и появился Арес.

— С твоим другом-убийцей все будет в порядке. — Он нахмурился. — Его следовало убить, но что поделаешь.

Лимос поднялась на цыпочки и поцеловала Эрика.

— Если он попытается убить тебя снова, я обещаю, что он не попадет в больницу.

— Разве вся ты не покровительственная и милая. — Она фыркнула, а он усмехнулся, целуя ее волосы и вдыхая аромат кокоса. — Эй, Тавин что-то упоминал о найвах, которые напали на нас. Он думает, что кто-то за пределами Шеула вызвал их.

Лимос нахмурилась.

— Это... не хорошо.

На какое-то время все замолчали, Арес поглаживал рукоять меча.

— Если этот новый игрок не демон, то силы, действующие в направлении Апокалипсиса растут. Мы должны тщательней присмотреться к тем, кто нас окружает.

Предатель. Арес имел ввиду, что в наших рядах появился предатель, и как бы сильно Эрик не хотел выступить против этой идеи, он не мог. Не тогда, когда сама Эгида была скомпрометирована одним из них пару лет назад.

И черт, ситуация с Реган только подтверждала слова Ареса.

— Арес, — начал Эрик, потому что должен был сказать. — Я только что обсудил это с Лимос, но мне нужно сказать и тебе. Я клянусь, что никогда снова не буду скрывать какую-либо информацию от тебя.

Прядь каштановых волос упала на лоб Ареса, когда он резко кивнул.

— Ловлю тебя на слове, человек.

Это был Арес, если он не был зол, то он вел себя чертовски разумно. В отличие от двух других братьев Лимос. Говоря о них...

— Как Танатос?

— Может поговорим об этом позже? — спросила Лимос. — Я хочу домой. У нас всех выдалась та еще ночь.

Арес застонал.

— Это моя реплика. В любом случае мне ещё надо сгонять за подарками к Рождеству.

Эрик сильнее сжал Лимос в объятьях.

— Кажется странным, что вы ребята, празднуете Рождество.

— Ресефу нравился любой повод, чтобы попраздновать и купить подарки, — сказала Лимос. — Нарушая традицию мы бы просто сделали еще более очевидным то, что его больше нет.

— Не упоминая того, что двое из нас в паре с людьми, — сказал Арес, — и вы, люди, пришли с огромным багажом. — Его губы изогнулись в ухмылке, и Эрик понял, что это была реакция Ареса на Кару, которая подошла к нему сзади, уперев руки в бёдра.

— Ты назвал меня багажом? — спросила она надменным тоном, но глаза ее сверкали озорством.

Быстрым, размытым движением, Арес повернулся, перекинул Кару через плечо и направился к дому.

— Если туфли подойдут.

Эрик наблюдал за парочкой пока они не скрылись в доме, захлопнув за собой дверь, а потом снова повернулся к Лимос.

— Что бы ты сказала, если бы я тащил тебя как мешок с картошкой?

Улыбка Лимос была настолько сладкой, что Эрик подумал, будто получит приступ диабета.

— Сделаешь так, и я убью тебя.

— Не сможешь. Я теперь бессмертный.

Лимос шмыгнула носом.

— Тогда я... не буду заниматься с тобой сексом.

Эрик рассмеялся.

— Видишь ли, я бы беспокоился об этом, если бы ты не хотела его так же сильно как и

я.

— Ты так сильно этого хочешь?

Он отступил от нее ровно настолько, чтобы пройтись взглядом по ее телу.

— О, да. Я хочу взять тебя разными воображаемыми способами и держать в сексуальном напряжении, чтобы за пределами постели, все о чем ты могла бы думать это о том, как вновь вернуться в нее.

Он посмотрел на пышные изгибы, представляя, как хорошо они будут амортизировать его толчки.

— И это планы только на сегодняшний вечер.

Она облизнула губы, и он был готов к бою, его член уже затвердел.

— Забудь, что я сказала об убийстве или отказе тебе... просто забери меня домой.

— Что на счет Ареса? — спросил Эрик. — Мы должны рассказать ему о гробнице и ребенке.

— Завтра, — ответила она. — Сегодня мы все прошли через ад.

Ухмыльнувшись, Эрик поднял ее на руки и перебросил через плечо.

— Открывай ворота. — Когда Лимос изогнулась в знак протеста, он шлепнул ее по тугой попке. — Открывай. Сейчас же.

По телу Лимос прошла дрожь и ворота открылись.

— Вот. И Эрик?

— Да?

— Шлепни меня еще раз.

Проходя через ворота, он именно это и сделал.

Переводчики: silvermoon, Yogik, navaprecious

Редактор: natali1875

Глава 38

В конце концов Лимос собиралась получить то, что всегда хотела. Да, технически она уже не девственница.

Но не удалось закончить начатое, это было сделано в гневе и в силу необходимости.

Теперь же она собиралась распрощаться с девственностью во всех смыслах.

Она вышла из ванной комнаты, ощущая, как ее желудок безумно сводило.

Сексуальный наряд, который ей подарили на брачную ночь... ну, лежал на полу в ванной, где она оставила его после того как примерила, пока Эрик принимал душ в ванной гостевой комнаты.

Конечно, он предложил принять душ вместе, но нет, в ее представлении прекрасная брачная ночь включала в себя ее эффектное появление в спальне перед ее новым мужем и его отвисшую челюсть от вида мало чего прикрывающего нижнего белья.

К сожалению, с эффектным выходом не получилось. И Лимос не одела наряд для брачной ночи. Когда она посмотрела на себя в зеркало, великолепное белье обтягивало ее формы, и сквозь прорези можно было увидеть ее кожу, но она поняла, что никогда не была обнаженной, всегда была завернута в ложь и тот адский пояс целомудрия. И теперь она снова себя прикрывала.

Лимос разделась, потому что собиралась предстать перед мужем новой женщиной,

полностью открытой для него, какой никогда не была и будет только с ним.

Эрик оторвался от зажигания свечи, у него чуть челюсть не отпала. Потрясающе. Вокруг его талии было обернуто полотенце, и он позволил ему упасть, и ее реакция на его обнажённое тело была незамедлительной.

Когда она упивалась видом его напряженных грудных мышц, кубиков пресса, и толстого, эрегированного члена, жар опалил ее кожу, и влажное желание расцвело между ног.

Эрик испытывал те же эмоции при виде Лимос.

Он не стал ждать. Сделав три шага, и оказавшись перед ней, он начал страстно целовать Лимос, заставив ее пульс пуститься вскачь. Его язык ласкал ее, толкаясь в откровенной имитации того, что они скоро собирались сделать.

Он скользнул ладонью вдоль её тела и обхватил за попку, теснее прижимая Лимос к своему телу. Тогда девушка почувствовала тёплую, вязкую жидкость, увлажнившую её живот, когда к нему прижался член Эрика.

Это всё было для неё в новинку, она потянулась вниз и провела пальцем по маленькому углублению на головке его ствола. Лимос немного увлеклась, изучая его, упиваясь звуками ускорившегося дыхания Эрика.

Медленно, благоговейно, Эрик опустил ее на кровать.

— Я мечтал о тебе, — выдохнул он возле ее уха, вытягивая свое большое тело поверх нее. — Когда я был в той клетке. Пока я спал, я мечтал об этом.

— Правда?

Эрик скользнул руками по ее талии и ребрам к груди.

— Ага.

— Я была хороша?

— Лучшая.

Лимос обьяла дрожь, крошечный трепет сомнения.

— Что если я ужасна в сексе...

Эрик заткнул ее поцелуем.

— Шшш, — пробормотал он ей в губы. — Позволь мне позаботиться о тебе. Я всегда буду о тебе заботиться.

— Кто бы сомневался, — вздохнула она, пока её муж прожигал пламенными поцелуями дорожку от её подбородка и вниз по шее. Там, где тела Лимос касались его губы, появлялась гусиная кожа.

Его руки разминали и гладили горячую плоть, пока он опускался всё ниже. Пальцы дразнили соски, каждым движением посылая электрические импульсы, что вспыхивали во всём теле. Головокружительные ощущения затягивали её в водоворот страсти, и он только усилился, когда Эрик приподнял одной рукой попку Лимос и подтянул её тело ближе к напрягшемуся члену.

— Сейчас, Эрик, — стонала она, — перестань меня дразнить.

— А я и не дразнюсь, милая, — произнёс он, опуская голову к её чувствительному соску, и обхвати его губами. Когда она закричала в истинном наслаждении, Эрик приподнял голову. — Я пытаюсь сделать так, чтобы твой первый раз стал тем, о чём ты мечтала.

Лимос выгнулась, пытаясь вобрать его плоть внутрь себя.

— Ты преуспел.

Его губы изогнулись в ленивой улыбке, когда он прижал её своим телом.

— Не так быстро.

— Но я умираю.

Лимос произнесла эти слова самым плаксивым тоном, на который только была способна, но она так жаждала познать близость, а её тело изнывало, требуя разрядки, которую могло подарить только соединение двух людей. Слишком много лет самоудовлетворения сделали её нетерпеливой.

— Скажу тебе вот что. — Он провел языком от ее груди до пупка, возвращаясь обратно потерся об нее. — Я помогу тебе снять напряжение. Ты не против?

— Если ты имеешь в виду то, о чем я думаю, то обеими руками за.

Он поднял лицо, его глаза были полуприкрыты, но в них светился голод.

— И в этом я хорош.

Прежде чем она успела подразнить его самоуверенность в себе, он быстро встал на колени у кровати, и притянул Лимос за бедра к себе так, что ее задница почти свисала с кровати. Большими пальцы он раскрыл ее складки, заставляя нервничать и чувствовать себя уязвимой. Инстинктивно она попыталась свести бедра, но Эрик рванулся вперед, блокируя ее движения своими широкими плечами.

— Не могу больше ждать, — прошептал он, и наклонился к ее лону.

Лимос застонала, когда его язык заскользил по её складкам к клитору, достигая вершины, Эрик замер в этом положении. Он взглянул на Лимос так, будто она — сокровище, как если бы каждая ее реакция для него была всем. Лимос могла поклясться, что он не сводил с неё глаз добрых шестьдесят секунд, прежде чем опустил голову и снова ее лизнул. И ещё раз.

Закрыв глаза, она вздрагивала, ее тело не привыкло к таким невероятным стимуляциям. Эрик сжал ее крепче, удерживая на месте. Его горячее дыхание и влажный язык, довели её практически до грани, и Эрик замедлился.

— Ты... обещал не дразнить, — задыхаясь проговорила она сминая в кулаках простынь.

Эрик прильнул к ней, покрывая нежными поцелуями ее лоно.

— Это не подразнивание. Это разминка. — Он скользнул в нее пальцем, и она приподнялась с матраца.

— О... о, Боже. — Лимос закричала, когда он добавил еще один палец и начал двигать ими в то время как его язык выписывал круги на ее клиторе. — Да, — выдохнула она. — Да... о, да там...

Она двигала бедрами, вращала ими, следуя за его языком так, чтобы чувствовать его именно там, где ей этого хотелось, но понимая ее желания, он дразнил ее, удерживая на краю удовольствия, и только она собралась кричать от разочарования, он сомкнул губы на опухшем узелке нервов, и начал посасывать. Его пальцы скользнули глубже и совершили вращательные движения, и Лимос накрыл оргазм подобно взорвавшейся бомбе.

Она растворилась в ослепительном взрыве, и Эрик продолжал ласкать ее, от его нежных касаний ее ощущения только усиливались. Тогда восхитительно-греховным движением он супер быстро провел своим языком вдоль ее скользкой плоти чуть выше того места, где его пальцы скользили в ней. Лимос снова кончила, еще сильнее, чем прежде.

Когда она спустилась на землю, Эрик поднялся, пристраиваясь головкой твердого члена к её входу. Лимос выгнулась, желая почувствовать его внутри себя, нуждаясь в нем внутри себя.

Но Эрик не спешил, он наклонился покрывая поцелуями ее тело, одновременно

перемещая их обоих по матрасу. Аккуратно он расположился над ней, меж её бёдер.

— Ты такая красивая. — Его слова были как шепот нежные, как и губы, когда он её целовал.

Углубив поцелуй, он медленно в нее толкнулся. Его член наполнил ее одним плавным, неторопливым движением, и когда он полностью вошел, то замер.

— Ты в порядке?

— Да, — пробормотала она. — О-о, да.

Эрик судорожно вдохнул, закрыл глаза и начал двигаться.

— Проклятье... ты так хороша.

Ее ощущения были такими же, но способность говорить ее покинула. Все, что она могла, это цепляться за него и восхищаться замечательным чувством от соединения с ним. Ощущать его вес было наслаждением, которое она хотела бы испытывать каждый день. Два раза в день. И более, если бы могла.

Лимос провела ладонями по его спине, исследуя неровную поверхность его бугристых мышц. Его руки рядом с ней были напряжены, большие вены резко выделялись на загорелой коже. Гортанный рык обладания рвался из его груди, а когда его ноздри раздулись, губы приоткрылись, и с них опять слетел стон, Лимос поняла, что Эрик был близок к краю.

С каждым новым толчком, пламя между её ног разгоралось всё жарче. Его бедра задвигались быстрее, подталкивая Лимос к высшей точке наслаждения. Эрик наклонился, чтобы поднять ее ноги себе на спину, и она почувствовала изменение глубины, когда яркая вспышка удовольствия ее пронзила.

Она наслаждалась силой его толчков, его мастерством, его знанием, как и где прикоснуться к ней, чтобы доставить ей больше удовольствия.

Его стон присоединился к ее, и она кончила, содрогаясь всем телом и поджимая пальцы на ногах. Ее лоно сжалось вокруг него, каждое сокращение мышц которого проходило по всей длине его твердого члена, открывая новые и новые грани ее оргазма.

— Лимос, — простонал Эрик её имя, когда его тело напряглось и дёрнулось. Сухожилия на его шее натянулись в абсолютном блаженстве, и девушка почувствовала извержение тёплых струй.

Вместе они неслись на волнах бушующего шторма, их напряженные тела нашли свой ритм, в равной степени принимая и отдавая, именно так, как Лимос всегда представляла себе ночь с мужчиной.

Когда буря утихла, Эрик рухнул на нее сверху, словно его кости превратились в резину. Они лежали вместе, тяжело дыша и обливаясь потом, и да, это стоило ожидания.

— Ну? — прохрипел Эрик. — Ты себе так всё представляла?

Лимос усмехнулась.

— Если ты спрашиваешь, хорошо ли мне было, то да. — Ее улыбка увяла. — Ты ведь мне веришь?

Эрик откатился в сторону, чтобы не расплющить ее, хотя по правде говоря, она не возражала против его веса.

— Дорогая, я никогда больше не буду в тебе сомневаться.

— Тогда, я хочу, чтобы ты знал — я рада что это был ты. — Лимос изогнулась и погладила его щеку. — Я знаю, что у меня не было выбора и пришлось ждать мой первый раз, но я рада, что все произошло именно так.

Словно мурлыкающий кот, Эрик потерся лицом об ее ладонь.

— Ну, теперь тебе многое предстоит наверстать.

— Ммм. Не могу дождаться. — Лимос скользнула рукой по его груди к животу. Ниже... ниже, и она приятно удивилась, обнаружив что он уже готов к продолжению.

Эрик застонал.

— Думаю я создал монстра.

— Думаю ты с этим справишься. — Она потерла его член, наслаждаясь тем, как он затвердел от ее прикосновения. — Я верю в твою способность удовлетворить все мои потребности.

— Неужели?

— Это так. — Перебросив ногу через него, она толкнулась вверх, чтобы оседлать, а он смотрел на нее с любопытством полу прикрыв веки. — Эрик?

— Да.

— Спасибо.

Его руки скользнули вверх по ее икрам к бедрам, оставляя покалывания после себя.

— За что?

— За то, что осуществил мои самые дикие мечты.

Эрик поднял одну бровь, а в глазах его появился озорной блеск.

— Самые дикие? Потому что, могу сказать тебе, мы даже не начинали становиться дикими.

Лимос вздрогнула от понимания.

— Тогда чего же мы ждем?

На удивление быстрым движением, Эрик схватил ее за талию, перевернул, опустив на спину, и прижался ртом к ее уху.

— Мы не станем ждать больше ни минуты. — Эрик прикусил мочку ее уха, и Лимос вдохнула ощутив легкую боль. — Ты готова?

— Готова, — выдохнула она. В конце концов, она ждала пять тысяч лет.

И это стоило каждой минуты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Переводчики: Yogik, silvermoon, navaprecious

Редактор: natali1875, navaprecious

Конец второй книги!!!

[1] "Грязная" бомба. — В зависимости от степени радиоактивного заражения местности заряды можно разделить на "грязные" и "чистые". "Чистыми" считаются термоядерные заряды, в которых корпус капсулы с термоядерным топливом изготавливается из нерадиоактивного материала — свинца, вольфрама. Запальный стержень "грязных" бомб обрамлен в оболочку из Урана-238 или какого-л. другого материала, дающего сильную наведенную радиоактивность, Таким образом, радиоактивное загрязнение местности многократно возрастает

[2] Иблис — имя джинна, который благодаря своему усердию достиг того, что был приближен Богом, и пребывал среди ангелов, но из-за своей гордости был низвергнут с небес.

[3] Эрта Але — вулкан, расположенный в удалённом районе Афар на северо-востоке Эфиопии. Название вулкана в переводе означает «курящаяся гора». Эрта Але — самый активный из вулканов Эфиопии.

[4] Феттуччине — один из популярных в Риме видов пасты. В состав блюда входит толстая лапша, аналогичная тальятелле, и различные соусы.

[5] 7 футов=2 метра 13 см

[6] 227 кг

[7] национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов, порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

[8] 6 дюймов = 15.24 сантиметра

[9] Прозак — Флуоксетин — антидепрессант. Улучшает настроение, снижает напряженность, тревожность и чувство страха, устраняет дисфорию.

[10] Синдром дефицита внимания и гиперактивности

[11] 20 футов = 6м

[12] Дин Винчестер — персонаж американского телесериала «Сверхъестественное», о приключениях братьев Сэма и Дина Винчестеров, которые путешествуют по Соединённым Штатам на чёрном автомобиле Chevrolet Impala 1967 года, расследуя паранормальные явления, многие из которых основаны на американских городских легендах и фольклоре, и сражаются с порождениями зла, такими как демоны и призраки.

[13] ВКЯТ — Всадница, которую я бы трахнул.

[14] Флика — лошадь из одноименного фильма, совместного производства Великобритании и США, вышедшего на экраны в 2006 году.

[15] Мистер Эд — Комедийный сериал 1958 года (США), главными героями которого были говорящая пегая лошадь и ее хозяин мистер Эд. Когда он покупал лошадь, она впервые сказала ему, что никогда не испытывала желание с кем-либо поговорить, пока не встретила его.

[16] Секретариат — лошадь из биографической драмы "Чемпион" которая в 1973 году смогла сделать то, что никому не удавалось на протяжении 25 лет — выиграть подряд три престижнейших скачки из серии «Тройная Корона».

[17] Копье Судьбы, — одна из важнейших религиозных реликвий христианства. Согласно Библии, именно это копьё римский сотник по имени Лонгин вонзил в подреберье Иисуса, распятого на кресте. По преданиям, оно обладает особой магической силой и даёт своему обладателю возможность повелевать судьбами целых народов.

[18] 213,36 см

[19] NASCAR — американская автоспортивная ассоциация, проводящая NASCAR CupSeries — главный чемпионат по автогонкам

[20] 100 ярдов — 91,4 м

[21] Penthouse — американский эротический развлекательный журнал для мужчин, один из самых известных в мире брендов. Кроме журнала в США выпускаются в других странах мира на разных языках отличается от «Плейбоя» более «жестким» сексуальным содержанием. У США признан порнографическим.

[22] Скрапбукинг — вид творчества представляет собой способ хранения личной и семейной истории в виде фотографий, газетных вырезок, рисунков, записей и других памятных мелочей, используя своеобразный способ сохранения и передачи отдельных историй с помощью особых визуальных и тактильных приёмов вместо обычного рассказа.

[23] Хула — национальный гавайский танец.

[24] Копер — надземное сооружение шахтного ствола, служит частью подъёмной установки, предназначено для размещения отводящих шкивов и направляющих для тросов клетей и скипов, разгрузочных кривых, посадочных устройств и другого оборудования.

[25] Джеб — один из основных видов ударов в боксе.

[26] Консенсус — способ принятия решений при отсутствии принципиальных возражений у большинства заинтересованных лиц, принятие решения на основе общего согласия без проведения голосования, если против него не выступает никто, либо при исключении мнения немногих несогласных участников.

[27] Великий голод 1315–1317 годов — массовый голод в Северной Европе в XIV веке.

[28] Контрфорс — поперечная стенка, вертикальный выступ или ребро, усиливающие основную несущую конструкцию.

[29] Ата́м, Ата́ме, Атахáм — магический ритуальный нож, применяемый в современных языческих ритуалах для аккумуляции и хранения магической энергии. Обоюдоострый кинжал с чёрной рукояткой. Древнейшие традиции связывают атаме со стихией Огня.

[30] Алько́в — углубление, ниша в стене. Преимущественно служит спальней, является местом расположения внутриквартирной лестницы, в парадном зале — место для бесед.

[31] Колония Роанок — "исчезнувшая колония" — английская колония на одноименном острове в округе Дэйр.